

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
(СЛОВО И ПРЕДЛОЖЕНИЕ)**

2-е издание, исправленное и дополненное

Допущено Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебно-
методического пособия для педагогических
вузов и факультетов иностранных языков

Иркутск
1997

Авторы:

- С.К.Воронова — Парадигматические отношения в лексике;
Б.П.Дюндик — Классификация номинативных единиц. Части речи и члены предложения; Парадигматические отношения в морфологии; Семантико-синтаксическая категория модальности;
Н.В.Ильина — Особенности номинации в английском языке; Коммуникативные типы предложения; Основные словари английского языка;
Л.М.Ковалева — Введение; Единицы языка и единицы речи; Парадигматические отношения и синтагматические связи в системе языка; Парадигматические отношения в синтаксисе; Слово в предложении;
А.В.Кравченко — Когнитивная теория времени и вида
М.В.Малинович — Синтагматический аспект грамматики и лексики в свете системной теории языка; Актуальное членение предложения и текста.

Ответственный редактор: докт. филол. наук проф. Л.М.Ковалева.

Рецензенты: докт. филол. наук проф. М.Я.Блох (МПУ),
докт. филол. наук проф. И.И.Туранский (НГЛУ).

Современный английский язык (слово и предложение): Учеб.-метод. пособие для студентов пед. вузов и ф-тов иностр. яз. — Иркутск, 1997. — 409 с.

«Современный английский язык (слово и предложение)» охватывает материал, предусмотренный государственными программами педагогических институтов (и факультетов) иностранных языков по лексикологии и теоретической грамматике.

Пособие предназначено для студентов III и IV курсов дневных и вечерних отделений, изучающих английский язык как специальность. Оно может быть использовано для преподавания будущим бакалаврам.

ISBN 5-88267-015-2

© Иркутский государственный лингвистический университет, 1997

ОТ АВТОРОВ

Предлагаемое пособие отличается от имеющихся учебников тем, что, во-первых, сначала все единицы рассматриваются в своих парадигматических рядах, а затем — в синтагматических связях, что создает представление о единых принципах устройства различных уровней языковой системы; во-вторых, особое внимание уделяется динамическому характеру языковой системы; в-третьих, предложение рассматривается с позиций семантического синтаксиса, что позволяет изучать слово и предложение в неразрывной связи соответственно их способу существования в языке. Таким образом, студенты получают необходимый минимум знаний по теоретической грамматике и лексикологии английского языка и подготовку для будущей специализации по интересам.

Использование этого пособия хорошо вписывается в принятую в ИГЛУ систему преподавания филологических дисциплин, в которой: а) курс «Современный английский язык (слово и предложение)» изучается на III-ем курсе, а теоретическая фонетика и история языка переносятся на более поздние этапы обучения; б) этот курс читается на русском языке, все остальные теоретические дисциплины, начиная с IV курса, ведутся на английском языке; в) на IV-V курсах студентам предлагается широкий набор спецкурсов, посвященных отдельным отраслям частного языкознания (словообразование, фразеология и т.д.), а также спецсеминаров, тесно связанных с научно-исследовательской работой конкретных преподавателей. Эти принципы могут быть также положены в основу двухуровневой системы высшего образования на факультетах иностранных языков.

Авторы благодарят за доброжелательную критику докторов филологических наук М.Я.Блоха, Н.А.Слюсареву, И.И.Туранского и кандидата филологических наук Л.Е.Кондаурову.

Тема I

ВВЕДЕНИЕ В КУРС «СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (СЛОВО И ПРЕДЛОЖЕНИЕ)»

Теория современного английского языка безусловно опирается на достижения современного общего языкознания и отражает как его достижения, так и его ошибки и заблуждения. «Эмпирическое исследование, — говорится в одной из лингвистических энциклопедий, — становится наукой только тогда, когда оно решается «сконструировать» свой объект; вместо того, чтобы допускать в некоторое поле исследования мешанину всех наблюдаемых явлений, оно вырабатывает для себя концепции, с помощью которых оно и будет изучать эмпирические данные» (Encyclopedic Dictionary, 118).

В основе предлагаемого курса современного английского языка лежит классическое представление о языке, восходящее к «Курсу общей лингвистики» швейцарского ученого Ф. де Соссюра, который выделил в глобальном явлении — речевой деятельности (фр. langage) ее две составляющие: язык (фр. langue) и речь (фр. parole). Язык и речь были противопоставлены как явление социальное и явление индивидуальное; как система знаков и правил их употребления и реализация этой системы; как потенциальное и актуальное; как обязательное и произвольное; как принадлежность всего народа и «собственность говорящего» и т.д. Противопоставлению языка и речи в современной американской традиции в общих чертах соответствует противопоставление компетенции (competence) как

знания языка употреблению (performance) языка в речевой деятельности.

Преимущество же концепции Ф. де Соссюра заключается в том, что у него изначально была не дихотомия, а трихотомия: речевая деятельность (langage), язык (langue) и речь (parole), что позволяло четче поставить вопрос об отношении разных членов трихотомии к говорящему: в то время как соссюрская система языка (langue) абстрагировалась от говорящего, остальные два члена трихотомии (речевая деятельность и речь) не могли без него обойтись, относясь по-разному к этому понятию. Если в речевой деятельности учитывался любой говорящий — носитель языка, представитель нации и народа, то в речи это был конкретный автор речи. Это, так сказать, противопоставление речи идеального говорящего — индивидуальному; речи любого англичанина — речи конкретной Мэри, миссис Смит и т.д.

В дальнейшем изложении теории современного английского языка мы будем исходить из соссюрских постулатов о языке и речи и о знаковой природе языка, а также из двух вытекающих из концепции знаковой системы языка следствий (хотя и не связанных напрямую с высказываниями Ф. де Соссюра), а именно:

1. языковой знак обладает свойством асимметричного дуализма;
2. языковая система в синхронии не статична, а динамична.

§ 1. Об отраслевой структуре теории современного английского языка

Отраслевая структура той или иной науки зависит, во-первых, от состава дисциплин, входящих в данную науку, а во-вторых, от числа подходов, которые используются в рамках отдельных дисциплин. В первом случае мы имеем дело с дисциплинарной структурой этой науки, а во втором — с ее методологической структурой. Отличие между ними состоит в том, что научная дисциплина имеет дело с особым предметом исследования, а методологический подход — с особой точкой зрения на определенный предмет исследования (Даниленко В.П., 1989).

В процессе исследования любого объекта, в том числе и языка, выделяются его новые, неизвестные ранее свойства, накапливается новый материал, принимаются более современные методы исследования. Это ведет к тому, что постоянно пересматриваются общие взгляды на язык, появляются новые школы и направления в науке. При этом постоянно уточняется и членение науки, выделяются новые отрасли знания, временно уходят в тень старые отрасли.

В середине XX века в языкознании, особенно в отечественном, преобладает следующее членение: 1) лексикология как наука о словарном составе языка; 2) грамматика как наука о грамматическом строе языка (то есть морфология и синтаксис); 3) фонетика как наука о звуковой стороне языка в речи. Это деление исходит из материала исследования, то есть из единиц языка, и ведет к расщеплению частных наук по мере того, как выделяются новые единицы языка. Так возникли словообразование, морфология, фразеология. Был собран богатейший материал, описаны многие явления языка. Лингвисты называли свои книги: Грамматика английского языка (Бархударов Л.С., Штелинг Д.А., 1973), Теоретическая грамматика английского языка (Блох М.Я., 1983), Теоретическая грамматика современного английского языка (Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г., 1981), Морфология английского языка (Смирницкий А.И., 1957), Лексикология современного английского языка (Арнольд И.В., 1973), Английская фразеология (Кунин А.В., 1970) и др. Приведенный список отражает принятое в 50-70-е годы членение науки, но не является всеобъемлющим.

Будучи очень сложным явлением, язык сегодня изучается в одном ряду с другими внеязыковыми объектами (физическими, биологическими, психологическими и культурологическими) в зависимости от подхода исследователя к изучаемому объекту. Поскольку мы считаем язык знаковой системой, мы будем его рассматривать в контексте тех исследований, которые в той или иной степени развивались под влиянием семиотики (общей теории знаков) или могут быть связаны с ней, так сказать, задним числом.

Семиотика (семиология) изучает функционирование знаков в человеческом обществе, включая знаки всех естественных языков (русский, английский и т.д.) и знаки искусственных языков (математики, химии, транспортной и морской сигнализации и т.д.). Один из

основателей этой науки Ч. Моррис ввел следующее членение семиотики: семантика — учение об отношении знаков к объектам действительности, синтактика — учение об отношениях между знаками, прагматика — учение об отношении знаков к их интерпретаторам, то есть к тем, кто пользуется знаковыми системами (Моррис, 1973, с. 63).

Со временем термины «синтактика (синтаксис)», «семантика» и «прагматика» заняли прочное место в языкознании и отразились в его структуре. Деление на семантику, синтаксис и прагматику пересекает принятое деление на лексикологию, грамматику и т.д., оно основано не на материале, не на единицах языка, а на отношениях между самими единицами, между единицами и действительностью, между единицами и говорящими. Оно дополняет вышеуказанное членение и открывает новые области исследования языкового материала.

Так, раньше понятие «синтаксис» традиционно относилось только к учению о предложении. Но если синтаксис — это отношение между знаками, то он изучает и отношения между словами и словосочетаниями. Например, одни части речи сочетаются с другими (наречие + глагол), другие не сочетаются (наречие + существительное). В предложении *If anybody sees a white nigger around* (Grau) локативное наречие *around* не может относиться к существительному *nigger*, оно может сочетаться только с глаголом. Так как оно не соотносится по смыслу с глаголом *sees*, то можно предположить наличие в семантике предложения скрытого глагола типа *walk* (*If anybody sees a white nigger walking around...*).

Термин «семантика» мы привыкли соотносить со значением слова, что соответствует его первоначальному значению. Этот термин был введен в 1888 году М. Бреалем для обозначения лингвистической дисциплины, изучающей значение и означивание (от греч. *semantikos* — имеющий значение, обозначающий). Тогда предметом семантики являлось изучение причин изменения значения слов и процессов, приводящих к такому изменению. Первые полвека своего существования семантика была по преимуществу наукой лексической, изучающей слово и его эквиваленты (словосочетание), то есть такие проблемы, как полисемию, антонимию, синонимию, омонимию. Семантическое определение слова мы находим в любом толковом словаре, например:

LAVENDER [læ'vɪndə] — a small shrub with pale flowers that have agreeable smell (Hornby).

Такие слова, как lavender, могут сопровождаться рисунком.

Однако в семиологии семантикой, как уже отмечалось, стали называть раздел науки, изучающей отношение языка к действительности, а поскольку знаками являются, наряду со словом, и словосочетания, и предложения, в середине XX века, наряду с лексической семантикой, стали выделять в особую область семантику синтаксиса, сентенциональную семантику.

Обращение к изучению значения предложения неизбежно привело к пониманию того, что явления, традиционно рассматривающиеся применительно к слову, то есть явления омонимии и многозначности, присущи и предложению. Одно и то же предложение может служить передаче разного содержания, то есть оно многозначно.

Так, *Visiting relatives can be annoying* значит:

a) *It is annoying to visit relatives;*

b) *It is annoying to be visited by relatives.*

Обратим внимание также на совпадение значений предложения то есть синтаксическую синонимию: *The apple was eaten by John = John ate the apple.*

Отсюда следует, что единицы разных уровней (слово и предложение) имеют сходные свойства (то есть являются в какой-то степени изоморфными друг другу), и поэтому возможен один и тот же семантический подход к разным единицам.

В конце 70-80-х годов появляются книги со словом «семантика» в заголовке, например: *Лексическая семантика: синонимические средства языка* (Апресян Ю.Д., 1973), *Семантика производного слова* (Кубрякова Е.С., 1981), *Semantics* (Lyons J., 1977), *Semantic Theory* (Kempson R.M., 1977), *Syntax and Semantics* (v.1-21, New York: Academic Press).

Таким образом, из лингвистической дисциплины, занимающейся проблемами изменения значений отдельных слов семантика постепенно становится наукой об универсальных свойствах языковых систем, об их способности служить для обозначения языковой действительности. При этом два последних десятилетия были посвящены в нашей науке преимущественно семантическим исследованиям.

После периода интенсивной разработки вопросов семантики наступает увлечение прагматикой (от греч. *pragma* — дело, действие), ибо стало ясно, что нельзя не учитывать условий, в которых происходит общение, и индивидуальности говорящих. Все это накладывает много смысловых оттенков на значение того, о чем говорят, то есть меняет смысл.

Классическим примером отношения знаков к говорящим являются дейктические слова: 1) *here* — *there*, 2) *now* — *then*, 3) *I* — *you* — *he*. Все они полностью зависят от контекста и говорящего, то есть имеют так называемое прагматическое значение (*here* значит «здесь, где находится говорящий», *now* — «в этот момент, когда говорит говорящий» и т.д.).

Рассмотрим также следующие предложения:

1. *Yesterday John was in London;*
2. *Yesterday John was still in London;*
3. *John was already in London yesterday.*

Все они обозначают одну и ту же ситуацию и с точки зрения семантики имеют одно и то же значение, а именно: «Джон вчера находился в Лондоне». Однако во втором и третьем предложениях выражается отношение говорящего к обозначенной в предложении ситуации. Таким образом, к значению предложения присоединяется новый прагматический элемент, в результате смысл всех трех предложений оказывается различным.

К области прагматики относится и изучение высказываний в тех многочисленных случаях, когда их смысл шире, чем собственное значение произнесенных предложений, как в следующем диалоге:

Aiter a few minutes he said: «Edgar and Miriam are coming to tea tomorrow».

She did not answer.

«You don't mind?»

Still she did not answer.

«Do you?» he asked.

«You know whether I mind or not...»

«What are you so horrid for?»

«Oh, say no more! You've asked her to tea, it's quite sufficient. She'll come» (Lawrence D.).

На 80-е годы, таким образом, приходится расцвет прагматики, а также теории речевого акта, так что появляются статьи и монографии с термином «прагматика» в заголовке, например *Pragmatics* (C.S.Levinson, 1983).

В нашу задачу не входит исчерпывающее освещение всех актуальных проблем современной семантики или прагматики, это в рамках данного курса совершенно нереально. Для нас важно понять, на разрешение каких вопросов направлены усилия современных исследователей английского языка и какие подходы к анализу языка дали плодотворные результаты.

Предлагаемый здесь курс современного английского языка есть некоторый синтез вышеуказанных подходов — с точки зрения материала и с семиологической точки зрения. Но он не будет делиться ни на лексикологию и грамматику, ни на синтаксис, семантику и прагматику. Слово и предложение будут рассмотрены как основные, взаимозависимые и взаимообусловленные единицы речевой деятельности (слово как организатор и составная часть предложения, а предложение как место реализации и рождения значения слова). Углубленное изучение теории английского языка продолжится в спецкурсах: фразеология, лексикология, лингвострановедение, семантика, семантический синтаксис, прагматика, теория речевого акта и др.

§ 2. Динамический характер языковой системы

Языкознание долгое время после Соссюра главное внимание уделяло изучению языка как системы в отрыве не только от конкретного говорящего, но и от говорящего вообще. Индивидуальной речью занималась в основном стилистика. Сейчас языкознание повернулось к изучению речевой деятельности в целом, и это привело к новому пониманию системы языка.

Если рассматривать язык в себе и для себя независимо от говорящего, не связывая его с какой-то определенной ситуацией, то можно теоретически считать такую систему законченной, завершенной, статичной, равной в данный момент самой себе, то есть неизменной. Такую языковую систему можно изучить до конца, а язык — выучить.

Если же учитывать, что язык лишь часть речевой деятельности, которая осуществляется огромным количеством разных людей и в широком смысле никогда не прекращается, то язык не может не изменяться в каждый момент своего существования. В таком случае язык — незавершенная система, которая «доделывается» на наших глазах. Но если это так, то изучение языка не имеет конца.

Таким образом, решение проблемы языкового изменения имеет как теоретическое, так и практическое значение, и мы, занимаясь теорией современного языка, должны рассмотреть этот вопрос в самом начале нашей работы.

Языковедение сегодня считает, что языковые изменения происходят постоянно, современное состояние языка насквозь динамично, в нем ни на секунду не затихают процессы изменения. Впервые на это обратил внимание В. Матезиус. Его исследования длительности английских гласных показали, что а) разные люди произносят одни и те же гласные с разной длительностью (это можно объяснить индивидуальными особенностями их органов речи); б) одни и те же гласные имеют разную длительность в разных словах (это можно объяснить взаимовлиянием звуков в потоке речи); и, наконец, в) одни и те же люди в одних и тех же словах произносят одни и те же гласные с разной длительностью. Для объяснения этого явления необходимо было допустить, что система языка не является жесткой и неизменяемой в один и тот же период времени. Она в принципе допускает колебания, изменения, то есть движение (Матезиус В., 1967). Этот феномен Матезиус назвал потенциальностью языковых явлений, однако по каким-то причинам этот термин не прижился. Сейчас принято говорить о динамическом характере языковой системы в синхронии.

Возникают вопросы:

- а) Относятся ли эти колебания только к фонетике или проявляются на всех уровнях языка?
- б) Относятся ли эти изменения к истории языка или к его современному состоянию?

На последний вопрос языковедение отвечает сегодня так: изменения происходят не в истории, а в синхронии. «Всякое изменение, — говорит Р. Якобсон, — первоначально относится к языковой синхро-

нии: и старая, и новая разновидности сосуществуют в одно и то же время в одном и том же речевом коллективе как более архаичная и более модная соответственно, причем одна из них принадлежит к более развернутому, а другая — к более эллиптическому стилю, к двум взаимозаменяемым кодам одного и того же кода» (Якобсон Р., 1963, с.302). Колебания относятся не только к фонетике, они пронизывают весь строй языка.

Классическим примером проявления динамики в синхронии служит наличие в языке продуктивных типов словообразования, по которым мгновенно в случае необходимости образуются новые слова. Рассмотрим с этой точки зрения один из многочисленных английских словарей новых слов, «Longman Guardian New Words» (LG), в котором собрана тысяча слов, впервые зарегистрированных в периодической печати или художественной литературе в 1986 году. Составители отмечают, во-первых, что не все эти слова доживут до 1990 года и, во-вторых, что не все они действительно никогда не употреблялись до 1986 года. Слова могли дебютировать давно, но затем в течение многих лет не употреблялись, а сейчас вдруг понадобились опять. Так, прилагательное *ultra-orthodox* встречалось в 1877 году при описании событий первого века, а 5 июня 1985 года оно появилось в газете «The Times» в современном значении:

ULTRA-ORTHODOX, *adj.*, extremely orthodox; of belonging to an extreme wing of an orthodox group, especially within the Jewish community (LG, 204).

В словаре приводятся новые слова, обозначающие реалии сегодняшней жизни английского общества, например:

KNOWLEDGE ENGINEER, *noun*, a computer expert who gathers and arranges information so that it can be used in an expert system (LG, 105).

WARNOGRAPHY, *noun*, films or other material depicting war or violence in a glorifying or chauvinistic manner capable of arousing feelings of aggression or xenophobia (LG, 210).

Суффикс *-er* образует от глаголов слова со значением имени лица (деятеля или того, кто характеризуется через значение глагольной основы), поэтому новые слова с суффиксами появляются постоянно.

Так, в 1986 году в газете «The Times» и других периодических изданиях появляется существительное *belonger*, которому словарь приписывает следующее значение: *a member of a large stable middle-class social group having basically conservative values, upholding the status quo, and interested in security and material comforts* (LG, 15). Это слово заимствовано из теории Арнольда Митчела, который исследуя рыночные отношения, разделил все население на девять групп в зависимости от их ценностей и стиля жизни (*values and lifestyles*). *Belongers* составляют самую большую и устойчивую группу населения, возглавляют эту иерархию *achievers*, замыкают *survivors* и *sustainers* (предоставляем читателю поразмышлять о возможном значении этих слов).

Традиционная лингвистика называет такие единицы окказиональными, структуралисты относят их к индивидуальной речи, считая их непостоянным, случайным элементом. Они, возможно, случайны в том смысле, что их каждый день не употребляют и они возникнут вновь тогда, когда понадобятся. Но они создаются не как попало, а по определенным моделям. И только носитель языка обладает интуицией, позволяющей правильно создать новое слово.

Итак, образование новых слов — это фактор повседневного изменения языка. Зададимся вопросом: а много ли таких слов в языке? Стоит ли их принимать во внимание?

Специальные подсчеты на ЭВМ, проведенные в 1953 году Йоссельсоном, зарегистрировали в русской художественной литературе от А.Пушкина до И.Эренбурга 500000 слов, в большом словаре русского языка 200000 слов. Где же еще 300000 слов, встретившиеся ЭВМ в русской литературе? Это не могут быть архаизмы, при наличии такого количества архаизмов мы бы уже не понимали друг друга. По той же причине это не могут быть профессионализмы, диалектизмы и т.д. Конечно, среди этих 300000 слов есть и те, и другие, и третьи, но основную массу составляют слова-однодневки, которые создаются каждый день и всем понятны. Нет никаких оснований полагать, что в английском языке положение иное. В словаре «The Oxford English Dictionary» (OED) более 450 тысяч слов, масса однодневок в него не попала. Овладеть словарем это не значит выучить все слова языка (это невозможно), это значит прежде всего научиться правильно понимать незнакомые

(в том числе новые) слова, образованные по продуктивным моделям словообразования.

Вторым фактором неустойчивости, подвижности в языке являются постоянные заимствования из других языков, причем в английском сложность заключается в том, что в язык Великобритании проникают слова из небританских вариантов английского языка.

Научно-техническая революция и связанные с ней процессы оказывают существенное влияние на языковую ситуацию в Великобритании, а также в англоязычных странах, где в прошлом в результате колониальной политики Англии образовались варианты английского языка с собственными литературными стандартами (американский, австралийский, канадский варианты английского языка и др.). Например, американское *hi* вместо английского *hello*, *yeah* вместо *yes*, *railroad* в значении *railway* и др. Есть разница в произношении *neither* ['ni:ðe], *ask* [æsk], *advertisement* ['ædv r'taizm nt].

Доминирующее положение США по отношению к другим англоязычным странам находит свое отражение в усиленном проникновении американизмов в словарный состав других вариантов английского языка. Какой же язык изучаете Вы? Английский. И если в Вашей речи одно слово будет из британского варианта, другое — из канадского, третье — из американского, она будет ненормальной. Значит, необходима активная работа со словарем, и все слова с пометой амер., канад. и т.п. должны быть взяты на заметку и не употребляться без надобности. В целях выработки английского произношения для прослушивания всегда следует выбирать тексты, зная точную национальную принадлежность диктора.

Динамический характер языковой системы проявляется и среди таких, казалось бы, устойчивых языковых явлений, как части речи. Переход частей речи, как то: субстантивация прилагательных и причастий, адъективизация причастий и проч. тоже есть проявление динамики в синхронии — одновременно существуют оба варианта. Так, в английском языке при помощи артикля любая часть речи может превратиться окказионально в существительное, например:

In the linguistic code, signifiers and signifieds are purely static (ED, 119). She had seen that look before, though *the where* and *the when* escaped her (D.Sayers). Adam had never been a «yes» man

(Hailey). You are *a has been*, and if you antagonize me you're through all the way (O'Hara, 362).

Можно утверждать, что многозначность частей речи есть такое же свойство языкового знака, как и лексическая многозначность, и поэтому можно говорить о лексико-грамматической многозначности языкового знака.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что проявление динамики в синхронии многообразно. Система языка не является жесткой, неизменной, неподвижной, всегда равной самой себе. Напротив, она вся в движении, и в этом трудность ее изучения.

В чем же экстралингвистические и внутрилингвистические причины динамики языковой системы? Какое свойство языка позволяет ему, во-первых, оставаться одним и тем же, чтобы люди понимали друг друга, и, во-вторых, постоянно меняться, чтобы быть в состоянии обозначить то бесконечное разнообразие мыслей, которое люди сообщают друг другу?

§ 3. Асимметричный дуализм языкового знака как внутрилингвистическая причина и условие языкового изменения

Э. Косериу в своей работе «Синхрония, диахрония и история» говорит, что изменчивость — качество языка, язык меняется потому, что он всегда «незакончен» и непрерывно творится в процессе речевой деятельности (Косериу Э., 1963). Язык — открытая система. Что это значит? В словаре развитого языка регистрируется около 200000 слов. Много это или мало? По сравнению с бесконечным разнообразием мира это очень-очень мало: по данным Большой советской энциклопедии (3-е изд.), в мире описано свыше 1000000 видов насекомых, и все они как-то называются, а в словарь их имена не включают. Но с точки зрения возможностей человеческой памяти вышеприведенное число слов в словаре очень велико. Вряд ли какой-нибудь человек на родном языке использует такое огромное количество слов. Но как же все-таки люди пользуются небольшим количеством слов для обозначения всего многообразия мира?

Дело в том, что слово постоянно приспосабливается к конкретной ситуации, мы можем говорить о предмете, даже не зная, как он называется, или просто забыв его название (отсюда такие слова как *штука, кругляшка, загогулина, финтифлюшка*; англ. а thing, something, a creature). Мы постоянно употребляем знак переносно, потому что действительность так необъятна и многообразна, а знаков так мало, что одни и те же знаки используются в разных значениях. Достаточно вспомнить, что англичане могут назвать человека а monster, a beast, an eagle, a beaver, a goose, a rabbit.

Постоянно изменяться и приспосабливаться к ситуации языку позволяет основное свойство языкового знака, а именно: в нем обозначаемое и обозначающее не связаны обязательной связью, то есть «языковой знак произволен» (Соссюр, 1977, с.100). По отношению к значению обозначающее представляется свободно выбранным, поэтому стенку можно назвать the wall по-английски, die Wand по-немецки, стена по-русски. Именно произвольностью знака многие лингвисты объясняли невозможность найти причины употребления некоторых собирательных существительных только во множественном числе (oats, beans), а некоторых — только в единственном числе (wheat, rice). Так, Палмер прямо писал, что различия подобного рода чисто грамматические и никак не связаны с семантикой этих слов (следовательно, произвольны).

Сам Ф. де Соссюр придавал этому свойству знака исключительное значение и писал: «Принцип произвольности знака никем не оспаривается, но часто гораздо легче открыть истину, нежели указать подходящее ей место. Этот принцип подчиняет себе всю лингвистику языка, следствия из него неисчислимы. Правда, не все они обнаруживаются с первого же взгляда с одинаковой очевидностью, но именно благодаря открытию этих последствий выясняется первостепенная важность названного принципа» (Соссюр, 1977, с.101; выделено нами — Л.К.).

Идея о произвольности знака была блестяще развита в классической статье С.Карцевского «Об асимметричном дуализме языкового знака».

Если бы знаки были неизменны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы просто собранием этикеток, номенклатурой. Каждая вещь, каждое явление требовали бы для своего

обозначения собственного знака, и наша память не справилась бы с таким огромным количеством знаков. Однако это не так. Одно и то же слово, один и тот же знак человек использует для обозначения разных предметов и явлений в разных ситуациях.

Учитывая это свойство знака, его, вероятно, следовало бы изобразить несколько иначе, чем у Соссюра. Соссюр изобразил знак в виде круга, половинки которого (обозначаемое и обозначающее) совпадают (симметричны). В таком случае и лексика языка представляется в виде набора этикеток к вещам: сколько вещей, столько и этикеток (рис. 1). Начиная изучать иностранный язык именно так и представляет словарь: слово — значение, слово — значение:

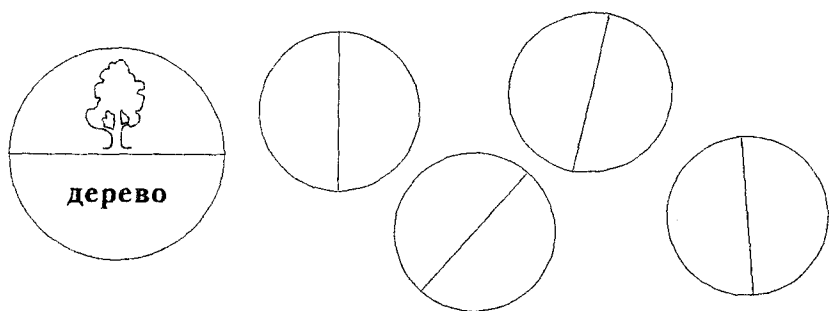

Рис. 1

По Карцевскому получается, что половинки знака сдвинуты (они асимметричны), и каждая половинка может быть связана с двумя противоположными половинками (дуализм знака) (рис. 2):

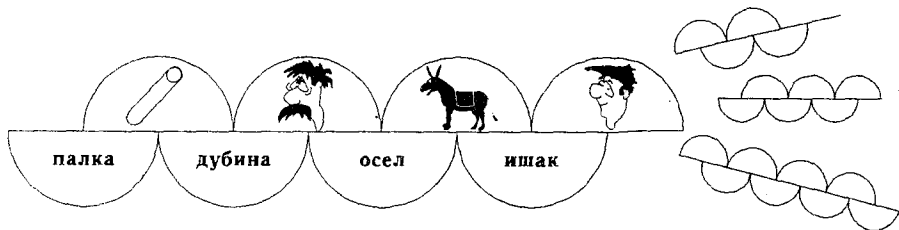

Рис. 2

Как обозначающим «дубина» можно обозначить глупого человека, так и обозначаемое «дубина» можно обозначить другим означающим, например: «жердь», «палка» и т.д. Понимание обеспечено тем, что акт общения всегда ситуативен. Сам С.Карцевский так объяснил этот феномен: «Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят «по наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит» из рамок, предназначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная, обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны, будучи парными, они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: адекватная позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации» (Карцевский С., 1965, с.89-90).

Взглянув еще раз на симметричную и асимметричную модель знака на рис.1 и 2, мы придем к интересному выводу: если мы в родном языке знаем 1000 слов, это очень много, так как мы знаем «цепочки», то есть слова и их возможные употребления, включая различные семантические сдвиги. В иностранном языке мы плохо владеем «цепочками», и поэтому знание 1000 иностранных слов нельзя сравнивать со знанием 1000 слов на родном языке.

Таким образом, *внутриязыковой причиной* языкового изменения следует считать асимметричный дуализм языкового знака. *Экстралингвистической причиной* языкового изменения является противоречие между социальным характером языка (он ведь принадлежит всем) и индивидуальным способом его использования (им ведь пользуется каждый говорящий самостоятельно).

§ 4. О мотивированности языкового знака

Следует сказать, что, признавая произвольность знака, лингвисты тем не менее обращали внимание на то, что знак может быть в той или иной степени мотивированным, то есть в ряде случаев в нем иногда можно заметить связь между обозначаемым и обозначающим.

когда структура обозначаемого отражается в структуре обозначающего. И хотя это противоречило положению о произвольности знака, такие факты постепенно накапливались и требовали осмысления.

В естественном языке сходство обозначающего и обозначаемого знака (иконичность) свойственно, например, звукоподражаниям. Примером иконического отражения действительности можно считать порядок упоминания событий в речи в соответствии с порядком их осуществления. Например, известное послание Цезаря сенату *Veni, vidi, vici* (англ. *Came, saw and conquered*) точно отражает порядок событий. Перестановка слов потребует большой перестройки всего предложения, так как глаголы, обозначающие действие, совершившееся до другого действия в прошлом, должны быть употреблены в перфектном времени, а это приведет к образованию сложноподчиненного предложения.

Мотивированность не предполагает прямого отражения мира языком. Многие языковые явления представляют собой результат интерпретации мира человеком. Так, А.Вежицкая, рассматривая противопоставления *rice* и *peas*, *flour* и *poodles*, семантическую причину различия между ними видит в том, что говорящий каким-то образом (возможно, не осознавая этого) учитывает размер составных частей упомянутых продуктов. То, что называется *peas* и *poodles*, состоит из более крупных частиц, чем то, что называется *rice* и *flour*, поэтому в первом случае эти частицы в совокупности обозначаются словом во множественном числе. Во втором случае единственное число свидетельствует, по мнению Вежицкой, о том, что продукт воспринимается как однородная, неделимая масса.

Но размер — не единственный важный фактор. Например, в английском языке *garlic* (чеснок) употребляется в единственном числе, а *radishes* и *olives* — во множественном и единственном числе. Редиска и маслина могут быть и меньше чеснока, но в языковом сознании они сравниваются по способу их употребления в пищу. Редиски и маслины едят по-отдельности, а чеснок — в составе других блюд, покрошенным, его отдельность не замечается языковым сознанием, поэтому слово *garlic* всегда употребляется в единственном числе подобно вещественному существительному.

В результате анализа единственного и множественного числа собирательных существительных А.Вежицкая приходит к выводу,

что синтаксис собирательных существительных в английском языке в определенной степени иконически отражает явления реальной действительности. Употребление множественного и единственного числа является семантически мотивированным в языковом сознании, а не произвольным.

В каком же отношении находятся друг к другу понятия произвольности и мотивированности знака? На специальном симпозиуме, посвященном иконичности в языке, который проходил в 1983 году в Стэнфорде (США)¹, выдвинута идея о том, что эти понятия находятся в отношении дополнительности и не противоречат друг другу. Это значит, что основания для объяснения некоторых языковых явлений можно найти в объективной действительности и в языке. Однако выбор признака, лежащего в основе номинации, вовсе не обязательно определяется его сутью, это может быть лишь бросающийся в глаза признак (этим и подтверждается произвольность знака).

То, что произвольность знака очень ограничена языком, заметил еще Ф. де Соссюр, который писал, что сдвиги не происходят как попало: «Если по отношению к выражаемому понятию означающее представляется свободно выбранным, то наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано. У этого коллектива мнения не спрашивают, и выбранное языком означающее не может быть заменено другим. Этот факт, кажущийся противоречивым, можно было бы, грубо говоря, назвать «вынужденным ходом». Языку как бы говорят: «Выбирай!», но тут же добавляют: «...вот этот знак, а не другой!». Не только отдельный человек не мог бы, если бы захотел, ни в чем изменить уже сделанный языком выбор, но и сам языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом, общество принимает язык таким, какой он есть» (Соссюр, 1977, с.104).

¹ См. материалы симпозиума: *Typological Studies in Language 6. Iconicity in Syntax*, ed. by J.Haiman, John Benjamins Publishing Company: Amsterdam/Philadelphia, 1985.

§ 5. Теория и практика языка и задачи курса «Современный английский язык (слово и предложение)»

Все вышесказанное имеет непосредственное отношение к практике изучения английского языка, так как нацеливает нас на наблюдение и анализ. Язык — открытая система, и поскольку он проявляется в речи огромной массы индивидов, то в каждый момент языкового общения реализуются все варианты, все возможности, весь язык в целом. Движение и выбор не прекращаются никогда. Около ста лет назад, в 1897 году Бодуэн де Куртене выразил эту мысль следующим образом: «Нет неподвижности в языке. Принимаемые, например, многими лингвистами одинаковые, неизменные корни, одинаковые, неизменные основы склонения, спряжения и т.д. во всех родственных языках — есть ученая выдумка, ученая фикция и вместе с тем тормоз для объективного исследования. В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» (Бодуэн де Куртене, 1963, с.349). Но из этого вытекает, что лингвист должен постоянно наблюдать за речевой деятельностью вокруг него, ибо язык творит речь и в то же время он сам творится в речи. «Язык одновременно и орудие и продукт речи» (Соссюр).

Наблюдая, будьте готовы к восприятию вариативности языковых явлений, выбирайте нужные варианты, объясняйте эти варианты себе и учащимся, умейте объяснить причину ошибки при неправильном употреблении варианта (неподготовленность, забывчивость, нетвердое знание материала, интерференция родного языка, языка США и Великобритании и т.д.).

А где же правильные варианты?

Грамматисты прошлого века предполагали, что письменный язык главенствует над устным и, более того, одна из форм письменного языка, а именно литературный язык, является более правильной и чистой формой языка. Грамматисты даже видели свою задачу в том, чтобы сохранить эту форму языка от «порчи». Эта

школьная, нормативная, но не лингвистическая точка зрения существует и поныне. Но чистота и правильность языка — не абсолютные понятия. Они имеют смысл только относительно некоторого стандарта. Поскольку вы изучаете литературный английский язык, вам не следует допускать в своей речи диалектизмов, жаргонных словечек и т.д. Но из этого ни в коем случае не вытекает, что англичанин, говорящий на диалекте, говорит на каком-то неправильном языке и лингвистика его изучать не будет. Лингвистика — наука описательная, а не нормативная (то есть не предписывающая). Поэтому изменения языка надо наблюдать, фиксировать, объяснять, а не отвергать из-за того, что они «ухудшают» язык. Лингвист с одинаковым интересом изучает и литературный язык, и диалекты, и социальные жаргоны — все в человеческом обществе имеет право на существование.

Таким образом, первое отличие теории языка от нормативной практической грамматики заключается в том, что практическая грамматика относится только к устоявшимся явлениям литературного языка, а теоретическая грамматика интересуется всеми явлениями — новыми и архаичными, центральными и периферийными, литературными и диалектными — во всей речевой деятельности в данном языке. Ее задача — открыть в живом настоящем слой прошедшего и будущего.

Второе различие между практической и теоретической грамматикой заключается в том, что первая *предписывает* и ничего не объясняет, а вторая только *описывает* и пытается объяснить. Поэтому первая меняется очень медленно, а вторая очень быстро. Но ведь если вы будете понимать, почему англичане говорят так, а не иначе, вы более сознательно освоите и практическую грамматику. А если вы научитесь наблюдать за языком, вы научитесь и сами учить язык.

Поэтому задачи, которые стоят перед студентами, можно сформулировать следующим образом:

1. Научиться постоянно наблюдать за языковыми явлениями. Рекомендуется выписывать в тетрадь для семинарских занятий удивившие вас факты языкового употребления, непонятные случаи, а также примеры, подтверждающие какие-то положения курса. На семинарах и экзаменах преподавателю

будет интересно услышать и обсудить с вами ваши собственные примеры. В вашей наблюдательности — залог практического овладения языком.

2. Усвоить систему понятий и терминов, которыми пользуются современные грамматисты и лексикологи. Это значит — расширить ваш лингвистический словарь за счет, в основном, англистических терминов.
3. Составить целостное представление о грамматической и лексической системе английского языка в соответствии с современным состоянием лингвистических знаний. Знать основные спорные вопросы современной англистики. Познакомиться с некоторыми трудами ведущих отечественных и зарубежных англистов.

ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ I

Задание 1. При чтении следующих предложений обратите внимание на переход частей речи в другие части речи. Переведите их.

1. It is the *me* that is looking for a wife, and my *me* is waiting for the *thee* for my match. 2. I know nothing — nothing at all! Neither the *why* nor the *wherefore*. I have been worried over the *why* of this case. 3. She had seen that look before, though the *where* and the *when* escaped her (D.S.Sayers). 4. She had always seemed to Charles the embodiment of the *practical*, the *efficient*, the *unemotional*.

Задание 2. Переведите следующие предложения. Обратите внимание на явления динамики в синхронии.

1. When the OPEC nations raised the price of gasoline, a new slogan appeared «Don't be fuelish!» 2. Whirlpool washing machines ad ... says you should get one at least «once in a wifetime» (Nilsen, Don L.F., Nilsen, A.P. Language play. An Introduction to Linguistics, New York, 1978). 3. ...the laconic words of senator Robert Kerr, outlining with shrewd verbal wit the law role of President John F.Kennedy: This is how Bills become law: delayed, frayed, re-made, okayed, J.F.K.'d, and

obeyed (Quirk R. *The Use of English, Great Britain, 1962*, p.45). 4. The ocean — «widow-making unchilding unfathering deeps» (H.E. Briggs, *Language. Man. Society. Reading in Communication, N.Y., 1949*).

Задание 3. Определите по контексту значение выделенных неологизмов. Проверьте себя по дефинициям в словаре Longman Guardian New Words.

1. Half the '*bag ladies*' and 37 per cent of homeless men are mentally ill (The Times, 3 March 1986). 2. Challenger and Chernobyl were not «accidents». Both were disasters waiting to happen... The *Ch/Ch Syndrome* affects more than post-war mega-technology; the very place of science and technology in our civilization is put into question (Guardian, 19 May 1986). 3. London Transport is to order hundreds of traffic-beating '*midi-buses*'. . . There will be two initial midi-routes in central London—one a new service from Parliament Square to Kensington (Daily Telegraph, 26 June 1986). 4. Now there's news that researchers at Leeds University are working on a *smellometer*, which would be capable of identifying an individual scent (North Herts Mirror on Sunday, 20 July 1986). 5. I detest '*smokeism*', the term I coined in the *Mirror* column for the righteous persecution of smokers. Nevertheless, it is eight years now since the weed passed my lips (Listener, 3 April 1986).

Entries in Longman Guardian New Words:

bag lady n. a female vagrant, typically one who carries all her belongings in shopping bags (AE — the late 1970).

Ch/Ch syndrome n. Chernobyl/Challenger Syndrome: a set of disasters involving high technology which have resulted from pressures put upon those in charge of that technology to progress faster than is expedient.

smokeism n. discrimination against smokers.

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

1. Объясните разницу между синтаксическим, семантическим и прагматическим подходом к исследованию языкового знака.
2. Какие факторы свидетельствуют о динамическом характере языковой системы в синхронии?
3. Каковы экстралингвистические и собственно лингвистические причины динамики в синхронии?
4. Асимметричный дуализм языкового знака как внутрилингвистическая причина и условие языковых изменений.
5. Приведите примеры мотивированности языковых знаков. Как можно соотнести мотивированность знака и его «произвольность»?

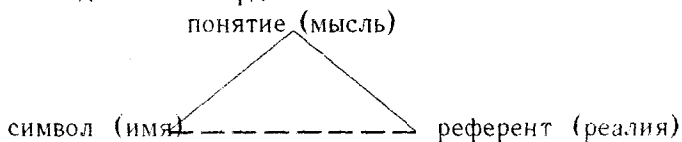
Тема II

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Номинативная функция языка. Акт номинации. Единицы номинации. Типы номинации

Постоянное развитие человеческого общества и познание человеком мира заставляет язык «создавать» наименования различных сторон жизни и деятельности человека отдельных элементов действительности. Именованье предметов и явлений действительности принято называть *номинацией*. Номинативная деятельность человека неразрывно связана с осмыслением и отражением познаваемой вещи или явления в мозгу говорящего, с формированием на этой основе понятия о них. В процессе номинации слово (означающее) связывается в сознании и в системе языка, с одной стороны, с предметом действительности, называемом в теории семантики денотатом или референтом, а с другой стороны — с понятием или представлением об этом предмете, который называют сигнификатом, означаемым.

Это положение наглядно иллюстрируется «семантическим треугольником» Огдена — Ричардса:

Здесь «символ» — это слово, предложение и т.п., а референт — объект или явление действительности. Сплошная линия показывает, что между понятием и единицей языка, а также между понятием и элементом действительности существует прямая связь, но между референтом и символом (между предметом и словом, между миром и языком) нет прямой связи, эта связь осуществляется через мысль о предмете и мире. Отсюда следует, что в акте номинации получают название лишь те реальные или фиктивные объекты, на которые направлена мыслительная деятельность человека: название дается «остановленной» мысли об объекте.

Таким образом, *акт номинации* — это «речемыслительный процесс, направленный либо на выбор существующего в языке готового обозначения для именуемого явления и мысли об этом явлении, либо на создание подходящего названия для него» (Кубрякова Е.С., 1986, с.42).

На акт номинации могут оказывать непосредственное воздействие прагматические факторы, отношение именуемого к обозначаемому: эмоциональное (*grandmother — granny*), оценочное (*a person — a beast*), социальная ориентация говорящего (*hi — how do you do*) и т.п. (ср. пометы в словарях типа *lit., poet., law, impl. (formal), not impl., inimpl. (informal), sl. (slang), derog. (derogatory), pomp. (pompous)*).

В структуре акта номинации различают замысел говорящего и языковые средства его реализации. В соответствии с замыслом говорящий проводит анализ ситуации, ее расчленение и детализацию, выделяет отдельные подробности и детали в ней и т.п. Все это сказывается на выборе единицы номинации. При ее создании учитываются:

- 1) источник номинации (в какой форме, готовой или создаваемой заново, берется имя, ср.: *a police cell — custody suite*);
- 2) внешняя форма и протяженность единицы номинации (номинация словом, словосочетанием или предложением, и какими именно, ср.: *a road, a long road, the road is long*);
- 3) внутренняя форма номинации (номинация мотивированным или же немотивированным знаком, ср.: *unfriendly — friend — морфологическая мотивация; splash — drink — фонетическая мотивация; mother tongue — семантическая мотивация*);

- 4) семантические типы номинации (номинация прямая или косвенная, первичная или вторичная, буквальная или переносная и т.п., ср.: a worker — a hand; a beast — an animal; a person that one doesn't like);
- 5) адекватность акта номинации (то есть внутренний контроль за его уместностью, точностью).

Чаще всего «кладовой», откуда черпаются готовые единицы номинации, считается лексикон. Человек оказывается перед выбором: он всегда может либо воспользоваться готовой единицей номинации, взяв ее из лексикона, либо создать эту единицу сам, используя для этого механизмы деривации на любом из существующих языковых уровнях, то есть прибегая к правилам деривации единиц, которые тоже хранятся в его памяти, возможно, в виде образца, по аналогии с которыми он создает новую единицу¹. Однако неясным остается вопрос о том, из чего строятся указанные единицы и в каком виде хранятся они в лексиконе (памяти) говорящего — в готовом или разложенном на части.

Мнения ученых по этому вопросу расходятся, да и данные соответствующих экспериментов зачастую противоречивы. Так, трудно сказать, что является минимальной операционной единицей — отдельное значение, отдельные морфемы, отдельные слова или некие готовые «полуфабрикаты» (словоформы, сочетания слов и т.п.). Трудно также сказать, в каких случаях номинативные единицы появляются в речи, будучи извлеченными из памяти целиком, и в каких синтезируются по неким правилам.

¹ Например, человек, говорящий «Дай чем писать» вместо «Дай ручку», обычно знает общеупотребительные названия предметов письма, но предпочитает по тем или иным причинам не обращаться к готовой языковой единице, а создавать ее заново (может быть, потому, что он не видит перед собой ничего, чем писать, или потому, что ему все равно, чем писать). Если нужна именно ручка, а не карандаш или фломастер, то ему придется употребить вариант «Дай ручку», то есть, чем более детальное описание ситуации предполагает говорящий, тем более расчлененными единицами номинации он пользуется.

Наряду со словами, *единицами номинации* являются словосочетания и предложения.

Поскольку предметов и явлений в мире так много, что для их обозначения не хватает отдельных слов, говорящие часто обозначают их словосочетаниями. Так, вместо того, чтобы создать одно слово для обозначения железной дороги, русские обозначают ее словосочетанием, хотя для обозначения шоссейной дороги имеется специальное слово *шоссе*. Таким образом, наряду со словами, единицами номинации считаются устойчивые сочетания слов, эквивалентные слову (*telephone bell, hand bag* и т.п.). Впоследствии к номинативным средствам языка стали относить и свободные сочетания, воспроизводимые в речи по продуктивным языковым моделям (*to count 20, to count apples, to count votes; to think in English, to think great thoughts, to think oneself a great poet, to think oneself clever, to think business* и т.п.), и те устойчивые обороты, которые поступают в речь «в готовом виде» (*to break the ice, to count the cost, to think twice, to make friends, to talk shop, to make money*).

Единицей номинации является также и предложение, которое означает целое событие в самом широком смысле слова:

John is reading a book. This is my house.

Предложение — это номинация особого рода, его денотатом является не предмет, а целая ситуация. Поэтому общая теория номинации должна изучать и слово, и предложение.

Каким образом осуществляется номинация события при помощи предложения?

Предположим, мы хотим сообщить по-русски о том событии, которое изображено Репиным на картине, где мы видим Ивана IV с сыном. Обозначить всю ситуацию одним словом по-русски нельзя (*Сыноубийство* — это слишком обобщенно). Мы должны расчленить информацию на отдельные фрагменты, выбрать для каждого подходящий языковой знак, а затем скомбинировать их так, чтобы в сообщении были переданы реальные взаимоотношения между участниками события. Предположим, мы выбрали имена собственные — *Иван Грозный* и *царевич Иван*, позволяющие безошибочно идентифицировать участников ситуации. Для наименования действия Ивана выберем глагол *убивать* (при синонимах *заколоть, зарезать* и др.). Глагол *убивать* открывает возможность

сочетаемости с именем действующего лица и именем объекта действия (того лица, по отношению к которому производится действие). Теперь следует правильно расставить имена участников ситуации, ибо здесь существуют две возможности: *Иван Грозный убил царевича Ивана* и *царевич Иван убил Ивана Грозного*. Это зависит от того, как говорящий понимает ситуацию.

Таким образом, в предложении сообщается информация, во-первых, об участниках ситуации, во-вторых, об отношениях между ними. Здесь это субъектно-объектные отношения. Именно совокупность сведений об участниках события и отношениях между ними образует означаемое высказывания, представляющее общую номинацию события. Грубо говоря, информация о том, «кто — кого» и составляет номинативную основу любого предложения.

Но чтобы включить эту информацию в коммуникацию, необходимо обозначить отношение сообщаемого к действительности, то есть как минимум сообщить: а) было это или не было, а может, это лишь предположение говорящего, и б) если это имело место, то когда. В предложении *Иван Грозный убил царевича Ивана* говорящий не сомневается, что это событие действительно имело место, причем в прошлом. Таким образом, к номинативной основе добавляется модальность, или модус. К модальному конституенту предложения относятся такие категории, как отрицание, время, наклонение, вид и др.

Итак, номинация при помощи предложения намного сложнее, чем номинация словом. Кардинальное отличие предложения от слова и словосочетания подчеркивается разграничением в предложении двух сторон: номинативной, то есть назывной, и модусной, то есть предикативной.

Таким образом, слово, словосочетание и предложение объединяются по своей функции именованья в один ряд — единицы номинации. Из этого следует, что они имеют какие-то общие признаки и к ним можно подходить с одной точки зрения. Их можно сравнивать, потому что они подчиняются единым законам номинации.

Изначальные процессы номинации (то есть создание совершенно нового слова без использования уже известных элементов) — крайне редкое явление в современном языке. Номинативный инвентарь языка пополняется в основном за счет заимствований или

использования в акте номинации фонетического облика уже существующей единицы в качестве имени для нового обозначаемого. Результаты этой номинации воспринимаются как производные по морфологическому составу или по смыслу. В первом случае речь идет о словообразовании, во втором — об изменении значения слова (метафоре, метонимии и др.). Номинация может быть первичной и вторичной. Первичная номинация — это первообразное наименование, для которого характерно «простое» отношение, отражающее элементы действительности (ср.: cold — having a low temperature; wind — strongly moving air; etc.). Вторичная номинация — это использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения (cold — (of people or their actions) showing a lack of (friendly) feelings, unkind; wind — words without meaning or producers of them).

Каждая языковая форма имеет первичное значение, для выражения которого она, так сказать, и существует в языке. Наряду с первичным, у каждой формы есть вторичное значение. И наоборот, каждое значение имеет свою первичную форму, которая существует прежде всего для выражения этого значения, а кроме того, оно имеет и вторичные формы выражения. Е. Курилович, развивавший эту теорию, приводит в качестве примера слово *лицо*, которое имеет первичное значение 'передняя часть головы человека', а вторичное значение реализуется в сочетаниях типа *лицо города, страны*. Первичное значение приходит в голову сразу, когда мы слышим данное слово, независимо от контекста. С другой стороны, можно сказать, что значение 'передняя часть головы человека' имеет специальную, первичную форму выражения в русском языке — слово *лицо*, вторичной формой выражения этого значения являются слова *морда, физиономия* и т.д. (Курилович Е., 1962).

Этот закон относится ко всем единицам номинации. Очевидно, что первичной формой для наименования предмета является существительное: bread, apples и т.д. (Give me some bread; They brought apples.). Вторичной формой может быть предложение Give me what I like; They brought what they needed. Рус.: *Дайте чем подписать! Принеси что там есть!* Напротив, первичной формой для обозначения события является предложение John answered the letter; John is running. Вторичной формой для обозначения события

является словосочетание John's answering the letter; (I saw) John shipping. Событие может обозначаться и словом: love, answer, announcement. И не следует говорить, что эти слова обозначают предметы, только потому, что это существительные. Понятие «опредмеченное действие», употребляемое некоторыми авторами, также ничего не объясняет. Логичнее считать, что это существительные во вторичной функции — они обозначают действия, процессы, состояния (события в широком смысле), первичным же для существительных является обозначение предметов. Предложения же, наоборот, первично обозначают события, а вторично — предметы.

§ 2. Слово как единица номинации

1. Морфологическая структура английского слова.

Аналитическая форма слова. Морфемный и словообразовательный анализ

Слово — обобщенный представитель всех словоформ, в которых оно может выступать. Так, глагол find — представитель всех возможных словоформ: finds, finding, found, is finding, has found, having found.

Слово, как известно, состоит из морфем. Морфема — это «одна из основных единиц языка, часто определяемая как минимальный знак, то есть такая единица, в которой за определенной фонетической формой (означающим) закреплено определенное содержание (означаемое) и которая не членится на более простые единицы того же рода» (ЛЭС, 1990, с.312). Морфемы, в отличие от слов, являются структурно зависимыми, связанными формами, хотя слово может состоять из одной морфемы (например: bed, cat, small и т.д.).

При описании морфем исходят из их значения (семантическая классификация) и состава (структурная классификация). По своему значению морфемы делятся на корневые (root morphemes) и аффиксальные (affixes, affixational morphemes).

Корневая морфема — это минимальная (предельная), центральная часть слова, остающаяся неизменной в процессах морфологической деривации, носитель его вещественного, лексического значения.

В словах *actor*, *fasten*, *frankly* корневые морфемы *act*, *fast*, *frank* являются лексически значимыми элементами, базовыми образованиями для производных слов.

Аффиксальная морфема определяется как «морфема, выделяющаяся в составе словоформы, видоизменяющая значение остальной части слова, называемой по отношению к аффиксу базой, и в зависимости от положения в начале ... или конце слова называемая префиксом и суффиксом» (Ахманова О.С., 1969, с.61). Следовательно, суффикс — это послекорневая аффиксальная морфема, а префикс — докорневая (то есть предшествующая корню) аффиксальная морфема, имеющая в английском языке только словообразовательный характер (ср.: *re + write → rewrite*, *home + less → homeless*). Аффиксальные морфемы, кроме того, делятся на собственно аффиксы (или деривационные морфемы) и флексии. Флексия (*inflectional morpheme*) — это «морфема, стоящая на конце слова и служащая для выражения морфосинтаксических отношений» (Ахманова О.С., 1969, с.284). Единственной функцией флексий, которые образуют различные по значению лексико-семантические группы, является словоизменятельная функция (*book — books*, *write — (he) writes*, *walk — walked*).

Отдельную группу морфем, занимающую промежуточное положение между деривационными аффиксами и производящими основами, образуют так называемые полуаффиксы, как, например, *man* в слове *gentleman* или *some* в слове *troublesome*. Такие элементы способны выполнять функции аффиксов, то есть образовывать производные слова, и в то же время выступать в качестве полнозначных единиц. Так, например, упомянутый выше словарь новых слов отмечает, что неожиданный расцвет переживает сейчас суффикс *-gate*: после уотергейтского скандала в США в 1973 году почти каждый политический скандал обозначается по аналогии со словом *Watergate* при участии суффикса *-gate*. Например, в 1986 году были отмечены два слова:

WESTLANDGATE, noun, the political scandal in Britain in January 1986 caused by events surrounding the sale of the Westland helicopter company (LG, 211).

YUPPIEGATE, noun, the scandal involving five young employees of New York investment banks accused in 1986 of stealing secret information and of insider dealing (LG, 218).

И хотя вряд ли можно согласиться с мнением авторов словаря о существовании в английском языке суффикса *-gate*, новообразования с ним являются ярким примером динамики в синхронии, они позволяют увидеть, как полнозначное слово делает шаг на пути к превращению в суффикс.

Особенностью английского языка является существование в нем так называемых *аналитических форм слова* типа *is finding, has found, has been found*. В структурном плане эти формы слова *find* похожи на словосочетания, ибо состоят из двух (или более) раздельнооформленных единиц. Однако функционально аналитические и флективные формы слова сближаются, потому что они могут заменять друг друга в предложении. Ср.: *John visited / is visiting / has visited Mary*. При этом с другими членами предложения соотносится вся аналитическая форма слова, а не ее члены порознь: так, *Mary* является дополнением к *is visiting, has visited*, а не к отдельным частям этой формы. Аналитические формы — сочетания главного и вспомогательного глаголов — отличаются от настоящих словосочетаний, во-первых, тем, что в обычном словосочетании объединяются равноправные лексические компоненты (*my house, a book on the table, men and women*), а в аналитических формах вспомогательные глаголы настолько ослабили свое лексическое значение, что превратились в служебные компоненты, функционально сходные с морфемой. Они передают не только видо-временное значение вместе с главным глаголом, но и грамматические значения лица и числа. Во-вторых, (вследствие этого) значение словосочетания рождается из суммы значений его компонентов, а в аналитической форме значение, скажем, перфекта не складывается из значения глагола *to have* и значения главного глагола. Общее грамматическое значение таких форм складывается из сочетания всех их компонентов вместе, но каждый компонент, взятый в отдельности, не несет информации об общем значении формы. Так, *is* и *visiting* — по отдельности не информируют о значении продолженного времени. Важно также отметить, что вспомогательный глагол в этих формах имеет тенденцию к сокращению: *I'll do it, I've done it* и т.д. В настоящем словосочетании такого обычно не бывает. Все это позволяет ученым выделять в английском языке особую аналитическую форму слова (в русском языке примером такой формы является будущее время несовершенного вида: *буду слушать*).

Морфемный и словообразовательный анализ имеют разные цели. Морфемный анализ направлен на вычленение всех значимых компонентов слова — морфем, независимо от их роли в образовании данного слова: un-reason-able-ness, anti-dis-establish-ment-ar-ian-ism.

Этот анализ показывает, как сделано слово, из чего оно (как *результат* всего исторического процесса его развития) сейчас состоит. Словообразовательный анализ показывает *процесс* создания слова, при исследовании словообразовательной структуры мы ищем ответ на вопрос «что от чего образовано?», причем нас обычно интересует не деривационная история всего слова (это уже исторический аспект), а тот последний словообразовательный акт, в результате которого и появилась данная единица, а именно: образовано ли слово unfriendliness от friendliness или от unfriendly, то есть правильно ли деление un + friendliness или unfriendly + ness? Таким образом, словообразовательный анализ направлен на вычленение непосредственно составляющих производного слова.

Структурная (морфемная) характеристика производного слова редко совпадает с его словообразовательной структурой, они анализируются по-разному. Морфемная структура может вовсе не отражать производного характера слова, например, русские *бег, синь* происходят от более длинных слов — глагола *бегать* и прилагательного *синий*, что никак не отражается в их морфемной структуре. Ср. английское to beg от beggar, to chain-smoke от chain-smoker.

Собственно морфология (флективная морфология) изучает свойства и отношения *разных форм одного и того же слова* (nation — nations; visit — visits, is visiting, was visited, has visited и т.д.). Словообразование изучает свойства и отношения *разных слов* (nation, national, nationality, nationalism, nationalistic; visit, visitor, visitant, visitation). Это «морфология наименования».

2. Словообразование

Создание в процессе речевой деятельности мотивированных единиц номинации со статусом слова называют словообразованием (Кубрякова Е.С., 1986, с.40). Более подробно словообразование можно определить как образование слов, называемых производными или сложными, обычно на базе однокоренных слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосло-

жения, конверсии и других формальных средств. Образование новых слов с помощью формальных средств нередко именуется также деривацией, производные же и сложные слова как результаты процесса деривации обозначаются тогда общим термином «дериваты».

Основными понятиями теории словообразования являются понятия мотивации и словообразовательной производности. В акте словообразования одни единицы выступают в качестве источника мотивации, а другие — результативные — рассматриваются как обусловленные, мотивированные (ср.: He designs computer(s) → computer-designer; inter (between, among) + national → international).

Понятие словообразовательной производности основано на формальной и семантической выводимости свойств производного из свойств исходных, или производящих, единиц. В производном слове, таким образом, существует отсылочная и формантная части. Основа отсылает к источнику мотивации, а формантная часть служит выражению нового значения у деривата по сравнению с мотивировавшим его словом (ср.: delightful — full of delight; helpful — giving help). Новое слово образуется по определенной модели. Под моделью производного слова понимается единая для словообразовательного ряда схема организации (как в содержательном, так и в структурном плане). Например, worker, writer, teacher образованы по структурной схеме «глагольная основа + суффикс -er», по семантической схеме «исполнитель действия, обозначенного глагольной основой».

К основным типам английского словообразования относятся аффиксация (префиксация и суффиксация), конверсия, словосложение, сокращение (усечение, инициальное сокращение, телескопия), обратное словообразование, постпозитивация, звукоподражание, чередование звуков, перенос ударения в слове. Но не все способы и не всегда используются одинаково активно. Нередко производное слово является результатом действия нескольких словообразовательных процессов, например, сложения и аффиксации (ill-fated ← ill-fate+ed ← ill+fate).

а) Аффиксация

Одним из наиболее продуктивных способов словообразования является *аффиксация* или прогрессивная деривация — морфологи-

закрывающийся в присоединении аффиксов к корням и основам. В соответствии с подразделением аффиксов на суффиксы и префиксы в аффиксации различается суффиксация и префиксация.

Суффиксация как способ слово- и формообразования представляет собой присоединение суффиксов к корням и основам, а префиксация — присоединение приставок к корням и основам. В лингвистической литературе существует много критериев описания и классификации суффиксов и префиксов. И те, и другие обычно классифицируются по разным основаниям:

- 1) по происхождению: исконно английские (-ly, -ful, -er, -ness, for-, mis-, out-, over-, semi-) и заимствованные (-tion, -ly, -ize, -able, co-, dis-, ex-, extra-);
- 2) по продуктивности: высокопродуктивные (-ize, -er, -ism, -ist, anti-, co-, cross-, non-, pre-, re-), продуктивные (-ery, -ation, -ic, bi-, dis-, inter-, para-), малопродуктивные (-ee, -nik, homo-, post-, semi-, poly-), непродуктивные (-ard, -fold, -kin, -ling, be-, en-, epi-, vice-);
- 3) по семантике: агентивные (-er, -ess, -ant), собирательного значения (-dom), отрицания (un-, non-, in-), временной последовательности и предшествования (fore-, pre-, post-) и др.;
- 4) по стилистической принадлежности: нейтральные (-er, -able, out-, re-, under-) и стилистически окрашенные (-eer, -ard, epi-, hemi-);
- 5) по части речи, к которой принадлежит производное слово: именные, глагольные и т.п. Однако, если характерной чертой суффиксов является способность создавать слова, принадлежащие к одной части речи (например, суффикс -ize образует глаголы, -able — прилагательные, -er — существительные), то префиксы, как правило, образуют слова, принадлежащие к разным частям речи (например, префикс de- служит для образования глаголов, существительных и прилагательных, выражая при этом значение, противоположное значению исходного слова: disadvantage, n; disagree, v; disconnected, adj). Следовательно, классификация префиксов в зависимости от образуемых ими частей речи, хотя и представляется возможной, не совсем удобна.

И отличие от префиксов, суффиксы классифицируются также еще и в зависимости 1) от части речи, к которой принадлежит исходное слово: отлагольный (*farmer*), отыменный (*doubtless*), отадекативный (*happiness*) и т.п., и 2) от расположения в слове: терминальные, занимающие конечное положение в слове (-tion, -ness, -er, -ly) и нетерминальные, способные присоединять другие суффиксы (*doubtfully*).

б) Конверсия

Конверсия — единственный способ словообразования, при котором новое слово производится без всякого материального изменения основной формы исходного слова и без применения каких-либо линейных словообразовательных средств. Например: *to answer, v* — *an answer, n*; *to cover, v* — *a cover, n*; *cash, n* — *to cash, v*; *daily, adj* — *a daily, n*; *bitter, adj* — *bitter, n*; *empty, adj* — *empty, v*; *yellow, adj* — *to yellow, v*.

Конверсию называют корневым или бессуффиксальным способом словообразования, изменением синтаксической функции слова, а также деривацией при помощи нулевой морфемы.

Современный английский язык чрезвычайно богат словами, находящимися в отношениях конверсионной производности. Однако диахронический анализ этих слов показывает, что некоторые из пар возникли в результате распада флективной системы и исчезновения флексий. В итоге два слова, относящиеся к разным частям речи, например, существительное и глагол, совпали в произношении и написании: *love, n* (др.а. *lufu*) — *love, v* (др.а. *lufian*) или *work, n* (др.а. *wēōrk*) — *work, v* (др.а. *wyrkan*) и др. В синхронии же эти пары рассматриваются как конверсивы, так как в них отсутствуют очевидные отличия от пар, действительно образованных по конверсии.

Причиной широкого распространения конверсии в современном английском языке считается почти полное отсутствие морфологических (относящихся к внутреннему строению слова) показателей частей речи, то есть тот факт, что корень, основа и грамматическая форма слова могут совпадать по форме (звучанию и написанию), и только внешние показатели, например, артикль, помогают определить значение и функцию слова в предложении. Возьмем предложе-

ние *Ship sails today*.¹ Это предложение может иметь значения: 'Корабль отплывает сегодня' или 'Отправляйте (грузите) паруса сегодня'. Однако при введении в это предложение уточнительных частей речи, например, артиклей, смысл его становится вполне определенным и однозначным: *The ship sails today* (повествовательное предложение) и *Ship the sails today* (повелительное предложение).

Если в аффиксальном словопроизводстве можно легко выделить в паре *teach — teacher* производное *teacher*, то при конверсионных отношениях фактическое направление производности не всегда можно установить. Одним из подходов к определению направления производности является учет определенных признаков. Вот некоторые из них:

- 1) производящие слова обладают, как правило, большим числом значений и являются более употребительными, чем производные;
- 2) производящее слово или его форма могут использоваться в дефиниции производного, но не наоборот. Например: *fall*, *n* — *the act of falling*; направление производности $V \rightarrow N$; ср. пару *room*, *n* — *to room*, *v*, где направление производности $N \rightarrow V$, так как в дефиниции производного глагола используется производящее слово: *room*, *v* — *to have a room or rooms*; этот критерий является наиболее значимым;
- 3) нестандартный глагол не может быть производным. Немаловажную роль при установлении направления производности играют частотность употребления, различия в сфере применения слова и стилистическая окраска.

В конверсионных отношениях могут находиться слова любой части речи. Рассмотрим наиболее употребительные из них:

1) «существительное \rightarrow глагол» ($N \rightarrow V$) — наиболее продуктивная конверсионная модель. По мнению Г.Маршана, ее высокая продуктивность объясняется тем, что в английском языке, в отличие от латинского, французского, немецкого или испанского, нет

¹ Пример заимствован у Ч.Фриза.

Другого продуктивного способа образования глаголов от существительных (Marchand H., 1969, 364). Суффиксы для образования глаголов от существительных *-ate*, *-ize*, *-ify* присоединяются в основном к латинским основам и образуют научно-технические термины. Поэтому и появился новый способ образования глаголов: *light*, *n* — *to light*, *v*; *surprise*, *n* — *to surprise*, *v*. Примерами глагольных неологизмов, образованных от существительных 80-х годов, могут служить *to feeder*, *v* — поставлять с помощью дополнительной транспортной системы, соединенной с основным транспортным центром; *to gender*, *v* — соотносить по стереотипу с тем или иным полом; *to office*, *v* — (амер.) работать в офисе; *to rear-end*, *v* — врезаться в хвост (автомобиля); *to source*, *v* — получать (материалы) от определенного производителя, страны или другого источника;

2) «глагол → существительное» ($V \rightarrow N$) по продуктивности уступает лишь модели $N \rightarrow V$. Примеры: *to study*, *v* — *study*, *n*; *to bend*, *v* — *bend*, *n*; *to spend*, *v* — *spend*, *n*; *to blow*, *v* — *blow*, *n*; *to brush*, *v* — *brush*, *n*.

Особую группу отглагольных существительных составляют лексические единицы типа *breakdown* (от глаголов с постпозитивами: *to put on*, *v* — *put on*, *n*; *to turn off*, *v* — *turn-off*, *n*; *to check out*, *v* — *check-out*, *n*; *to pick up*, *v* — *pick-up*, *n*);

3) «прилагательное → существительное» ($Adj \rightarrow N$). Этот процесс называется также субстантивацией прилагательных, то есть образованием существительных от прилагательных. Некоторые ученые (Н.Н.Амосова, И.П.Иванова, Л.П.Винокурова, П.М.Карашук) считают его самостоятельным средством безаффиксального словообразования, не относящимся к конверсии. Существует два вида субстантивации — полная и частичная. При полной субстантивации в языке появляются формы, обладающие всеми признаками существительного. Ср.: *a relative*, *relative's*, *relatives*. При частичной субстантивации существительные употребляются с определенным артиклем, имеют форму только единственного числа, не употребляются в притяжательном падеже, например: *the Chinese* (собирает.), *the deaf*, *the underprivileged*, *the wealthy*;

4) «существительное → прилагательное» ($N \rightarrow Adj$). В последние десятилетия возникли следующие прилагательные: *boutique*, *adj* —

затрагивающий небольшую специализацию в бизнесе, направленную на качество; *executive*, *adj* — самого высокого качества и исключительности; *front-line*, *adj* — на грани острого конфликта; *genderist*, *adj* — вызывающий несправедливую дискриминацию между мужчиной и женщиной; *street*, *adj* — относящийся к культуре молодых рабочих.

Не все модели конверсии одинаково активны и продуктивны. Степень их активности и продуктивности различна в разные периоды развития английского языка. По наблюдениям лингвистов, в настоящее время наиболее продуктивными являются модель $N \rightarrow V$, образующая отыменные глаголы, и модель $V \rightarrow N$, образующая отглагольные существительные.

Между исходными и производными словами существуют определенные семантические отношения, которые, однако, не всегда легко формулируются. Рассмотрим лишь некоторые наиболее типичные и распространенные. Например, образованные по модели $N \rightarrow V$, отыменные глаголы подразделяются на следующие семантические группы:

- 1) глаголы со значением «действовать, вести себя подобно лицу, животному, названному, обозначенному исходным существительным», семантическая модель: *to be (act) as N: to nurse, to witness, to tutor, to pilot*;
- 2) глаголы со значением «превращать, обращать во что-либо, делать что-либо, обозначенное исходным существительным», модель: *to make/change ... (into N): to cash, to pile, to group*;
- 3) глаголы со значением «дать нечто, обозначенное исходным существительным», модель: *to give N, to provide with N: to mask, to patch, to coat, to butter*;
- 4) глаголы со значением «совершить действие с помощью орудия или предмета, названного исходным существительным», модель: *to ... with N: to finger — to touch with the fingers; to knife, to comb, to hammer, и т.п.*

По модели $V \rightarrow N$ существительные образуются в основном от глаголов движения и означают:

- 1) действие, событие, факт: *gundown — the act of shooting or killing with a gun; fall, laugh, taste, love*;

- 2) исполнителя действия (лицо или нелицо): help — smth or smb that helps; cheat — a person who cheats;
- 3) объект или результат действия: find — smth good or valuable that is found; catch, answer, hand-out;
- 4) орудие действия: lift, cover, brush;
- 5) место действия: pass — a way by which one can pass, drive, walk.

и) Словосложение

Словосложение — один из способов словообразования, состоящий в морфологическом соединении двух или более корней (базисов) (ЛЭС, 1990, с.469). Полученное в результате этого процесса слово представляет собой единое целое, и его значение не равно сумме значений составляющих его основ: dead line \neq dead + line; first born \neq first + born.

В области словосложения особенно очевидны связи словообразования и синтаксиса, ибо исходной базой многих производных являются синтаксические единицы, или словосочетания. «По-видимому, синтаксис вторгается гораздо более, чем это предполагалось до сих пор, в принципы построения новых сложных и составных наименований. По мнению ряда лингвистов, процессы словосложения представляют собой своеобразное свертывание словосочетания в единое слово, то есть *универбализацию словосочетания*» (Общее языкознание, 1972, с.354). Особенно это заметно в немецком языке, поскольку в нем исходные слова теряют свою самостоятельность, становясь частью сложного слова. Ср.: Konferenz am runden Tisch и Rundtischkonferenz. Английская орфография делает этот процесс менее заметным, так как часто сохраняется rigidельнооформленность составляющих. Ср.: a round-table conference. Аналитический строй английского языка, широкое использование порядка слов как средства выражения лексико-грамматических отношений объясняет существование большого количества сложных слов, в особенности таких, которые образованы без соединительных элементов и флексий, например: daylight, daydream.

Модель сложного слова, как правило, регулярно связана с моделью словосочетания. Однако в сложном слове все служебные элементы словосочетания исчезают, порядок компонентов строго фиксирован: school-grammar это не grammar-school, bird-cage это не

sage-bird и т.д. Сложное слово и пишется часто слитно или через дефис и имеет особое ударение.

Поскольку сложные слова в английском языке состоят из полнозначных (свободных) форм и их трудно отграничить от словосочетаний, проблема определения сложного слова сводится к вопросу о границах слова в языке. Исследователи предлагают следующие критерии выделения слов в языке: фонологический, морфологический, синтаксический, графический, причем ни один из них не является достаточным для установления границ слова, и необходим учет двух или трех критериев вместе.

Главными критериями выделения сложного слова признается наличие нескольких основ и их цельнооформленность. Чтобы понять идею цельнооформленности, необходимо подробно рассмотреть ее признаки: внутренние (фонетические, морфологические, орфографические) и внешние (синтаксические).

Внутренние признаки цельнооформленности:

1) *фонетический признак* — наличие объединяющего ударения в сложном слове в отличие от равных ударений в членах словосочетания. Каждое из слов rap и sake, girl и friend, pipe и line имеет свое ударение, но когда основы этих слов соединяются для образования новых сложных слов — pancake, girlfriend, pipe-line, то эти слова приобретают новую акцентуационную модель — с объединяющим ударением на первом компоненте.

Сложные слова имеют следующие основные акцентуационные модели:

- а) сильное или объединяющее ударение на первом компоненте: 'playhouse, 'knife-edge, 'forth-right;
- б) двойное ударение: сильное ударение на первом компоненте, а более слабое, второстепенное — на втором: 'bus, stop, 'lending, library, или наоборот: ,right'side, ,right'minded, ,right'wind, ,town'hall.

Эти две модели во многих случаях и отличают сложные слова от словосочетаний (ср.: ,right'side и 'right'side). Однако в определенном контексте ударение может «сдвигаться» с одного компонента на другой: The room is ,down'stairs, но A 'down,stairs 'room. Или His work is ,first'class, но His 'first,class 'work (Quirk R., et al., 1972, 1039).

Таким образом, трудность определения сильного и слабого ударения на слух, обязательность присутствия словаря (где дается информация о характере ударения в слове), учет ситуации и контекста дают основания считать, что фонетический признак не может быть достаточным критерием для словообразовательного анализа и должен использоваться вместе с другими;

2) *орфографический признак* (написание слитно и через дефис) служит указанием на неделимость сложного слова в противоположность словосочетанию и может быть использован как дополнительный при определении цельнооформленности слова. Однако разницей в написании ряда лексических единиц, когда одни и те же слова в разных словарях и разными авторами пишутся слитно, через дефис или раздельно, не позволяет считать орфографический признак абсолютным. Ср.: boiler-house и boiler house; spaceplane и space plane;

3) *морфологический признак* устанавливает морфологическое единство сложного слова в отличие от словосочетания. Он состоит в том, что в сложных словах объединяются морфологически неоформленные основы. В словосочетании a dark horse каждый из его составляющих подвержен грамматическим изменениям: I would like to buy a darker horse than that one. В сложном слове a dark horse возможно лишь окончание множественного числа, которое прибавляется ко всему целому (первый компонент неизменяемый), между компонентами (даже если они традиционно представлены раздельнографически) слова не вставляются.

Внешние признаки цельнооформленности:

1) *характер сочетаемости компонентов сложного слова в отличие от сочетаемости слов в словосочетаниях.* Если выделенная единица не входит в набор допускаемых словосочетаний языка, она — сложное слово. Так, в английском языке существительное не может определять глагол, поэтому последовательность bottle-feed является сложным словом;

2) *порядок следования компонентов сложного слова и порядок слов в словосочетании.* Порядок следования компонентов в языковой единице, не соответствующий традиционно закреплённому порядку следования слов в словосочетании, доказывает наличие

сложного слова. Ср.: market-making и make market; job search и search for a job; animal-free и free from animal (from product derived from animals). В сложных словах этого типа главным структурным и семантическим центром является второй компонент, он определяет лексико-грамматические и семантические черты первого компонента;

3) *характер синтаксических связей*. Компоненты сложных слов не могут вступать в самостоятельные синтаксические связи. Так, old в словосочетании old lady может модифицироваться с помощью very (very old lady), а компонент old в сложном слове old lady — не может.

Итак, все сказанное выше доказывает, что в большинстве случаев сочетание нескольких критериев (фонетического, графического, морфологического и синтаксического) позволяет говорить о цельнооформленности и дает основание классифицировать лексическую единицу как сложное слово.

Классификация сложных слов.

Сложные слова могут быть классифицированы по различным принципам.

С точки зрения *способов, с помощью которых соединяются компоненты*, можно выделить следующие типы сложных слов:

- а) слова, образованные простым соположением компонентов в определенном порядке, причем порядок основ в них может быть и противоположен тому порядку, в котором мотивирующие слова могут сочетаться по синтаксическим правилам английского языка (boatlift, audience-friendly, pageturner), и соответствовать порядку слов в свободных сочетаниях, построенных по правилам синтаксиса (airgate, airbag);
- б) сложные слова, компоненты которых соединены связующим элементом — связующими гласными -o-, -i- или связующей согласной -s-: alpinodrome, brides-mate, tragicomic; количество таких слов незначительно.

С точки зрения *семантической независимости* выделяются два типа общепризнанных в лингвистической литературе отношений между непосредственными составляющими сложных слов: отношения сочинения и подчинения. Соответственно этому сложные слова

делятся на два класса: *сочинительные* (копулятивные, или аддитивные) и *подчинительные* (детерминативные) сложные слова. В сочинительных сложных словах оба элемента одинаково важны в семантическом плане, например: radio-recorder, n; fifty-fifty, adj; clove and mirrors, n. Основы составляющих принадлежат к одному классу и нередко — к одной семантической группе. Сочинительных сложных слов сравнительно немного. В подчинительных сложных словах компоненты не равнозначны ни в структурном, ни в семантическом отношении. Главный компонент, которым, как правило, является вторая часть, обладает большей значимостью, является семантически и грамматически доминирующим, предопределяет значение части речи всего сложного слова. Ср.: a clock tower — a tower with a clock; a tower clock — a clock on a tower. Подчинительные сложные слова составляют основную часть сложных слов английского языка.

В зависимости от *типа основы* сложные слова делятся на собственно сложные и сложнопроизводные. Сложнопроизводные слова (blue-eyed, broad-minded) отличаются от собственно сложных слов словообразовательной основой, а также природой второго элемента. Двумя частями сложного слова blue-eyed являются суффикс -ed со значением «having» и основа, образованная от свободного сочетания blue eyes, члены которого теряют грамматическую самостоятельность и сокращаются до одного компонента слова — его словообразовательной основы. Графически деривацию можно представить так: (blue eye) + -ed → blue-eyed. С другой стороны, подобные слова можно рассматривать как псевдосложные или как особую группу производных, так как они формируются на базе свободного словосочетания, к которому присоединяется суффикс. Ср.: собственно сложные слова looking-glass ((V + ing) + N); owner-driver ((V + er) + (V + er)).

Классификация сложных слов *по значению* связана с вопросом, может ли значение сложного слова рассматриваться как сумма значений составляющих его компонентов. В зависимости от этого выделяются следующие группы сложных слов:

- а) сложные слова, значение которых может быть выведено из составляющих значений. Первый компонент этих слов, как

правило, обозначает действие или состояние лица или характеризуемого им предмета: *kneebreechers*, *life belt*, *stone-breaker*, но ср.: *a living room* — гостиная, а не «комната, которая живет», а *a sleeping pill* — таблетка снотворного, а не «спящая таблетка»;

- б) сложные слова, где один из компонентов меняет свое значение: *a smoking jacket* — пиджак не обязательно и не только для курения; *Indian ink* — чернила, но не индийские, а черные из естественных веществ; *a bath-chair* — стул на колесиках для инвалидов, а не для ванны. Следовательно, значение целого не является суммой значений его составляющих;
- в) сложные слова, где определить значение целого на основании значений компонентов вообще невозможно: *a wallflower* — человек, которого никто не приглашает танцевать; *a Russian roulette* — опасная игра, при которой стреляют наугад, имея лишь одну пулю; *a toy-boy* — молодой человек, находящийся на содержании у любовницы, старше его по возрасту.

Такие слова называются идиоматическими или немотивированными сложными словами, а в целом деление сложных слов на три группы основывается на степени семантической связности их компонентов и, следовательно, на степени их мотивированности.

Сложными бывают существительные (*pin-head*, *needlework*, *housemaid*), прилагательные (*fireproof*, *fairy-tale*, *one-way*, *second-class*), наречия (*downright*, *downstairs*, *hereunder*, *open-handedly*), глаголы (*to window-shop*). Кроме того, в современном английском языке широко встречаются образования, являющиеся по своей структуре повествовательными, вопросительными и повелительными предложениями, но употребляемые как сложные слова: *bring-your-own-bottle parties*, а *some-girls-just-don't-know-when-to-go-home look*. В них происходит стяжение компонентов словосочетания или предложения, в результате чего они превращаются в единицы номинации, сохраняя при этом в своей структуре многочисленные черты синтаксических отношений: артикли, предлоги, наречия. Сложные слова-фразы очень продуктивны и употребительны в современном английском языке, но не все они регистрируются словарями и в большинстве своем являются окказиональными образованиями,

созданными в стилистических целях.¹ Однако иногда такие образования становятся привычными и рассматриваются как лексикализованные синтаксические структуры или даже сложные слова синтаксического типа, например: *middle-of-the-road*, *good-for-nothing*, *son-in-law*, *a cock-and-bull story* (небылица).

г) Сокращение

Сокращение — это процесс уменьшения числа фонем и/или морфем у имеющих в языке слов или словосочетаний без изменения их лексико-грамматического значения. Сокращенные лексические единицы (сокращения) бывают трех структурных типов:

- 1) усеченные слова (усечения) (*clippings*) типа *phone telephone*;
- 2) буквенные (инициальные) аббревиатуры (*alphabetic (initial) abbreviations & acronyms*) типа *the USA, TV*;
- 3) телескопные слова (телескопизмы) (*blends, blendings, fusions or portmanteau words*) типа *transistor ← transfer + resistor*.

К факторам, способствующим появлению сокращенных лексических единиц, как правило, относят: тенденцию к языковой экономии, стремление английского языка к моносиллабизму (лингвистические факторы); научно-технический и социальный прогресс, рост потока информации и необходимость передать ее с наименьшими затратами времени и места (экстралингвистические факторы).

Сокращения функционируют в основном во всех языковых стилях, однако преимущественно они возникают либо в разговорной речи, либо в газетных текстах, особенно в заголовках статей. Инициальные аббревиатуры и телескопные слова используются для создания наименований новых учреждений, общественно-политических организаций, для обозначений химических веществ, ле-

¹ В русском языке тоже можно встретить такой тип номинации. Известный рок-певец Б.Гребеншиков говорит о себе: «Ну, вот если бы я сейчас был в костюме, то вел бы себя как Человек-в-костюме». Интервьюер В.Чернов объединил последние слова в одно целое, написав их через дефис: Человек-в-костюме («Огонек», 1990, № 3, с.29), подчеркнув этим самым нераздельность элементов словосочетания, так как они обозначают единое понятие.

карств, новых материалов. Иногда, преимущественно в американском варианте английского языка, подобным образом создаются личные имена и географические названия.

Усеченные слова связаны со своими полносложными прототипами и отличаются от них стилистической и нередко эмоциональной окраской, часто являясь стилистически сниженными и фамильярными. На современном этапе развития английского языка наблюдается неуклонный рост числа усеченных слов.

В зависимости от того, какая часть слова подвергается сокращению, усеченные слова делятся на четыре группы:

1. слова с усеченным концом. Это наиболее распространенный тип усечений, ср.: *approx* — *approximately*, *ref* — *referee*, *sec* — *secondary*, *secretary*; имена собственные: *Alex* — *Alexander*, *Des* — *Desmond*. Основную массу усечений данного типа составляют имена существительные, имена прилагательные и глаголы встречаются реже. Ср.: *furn* — *furnished*, *mod* — *moderate*, *modern*, *var* — *variable*, *various*;
2. слова с усеченной начальной частью слова. Эта группа менее многочисленна по сравнению с предыдущей, ср.: *plane* — *airplane*, *phone* — *telephone*, *hood* — *neighborhood*; имена собственные: *Tony* — *Anthony*, *Bella* — *Isabella*;
3. слова, усеченные с двух концов. При этом сохраняется только средняя часть слова, ср.: *merch*, *adj* — *commercial*, *flu* — *influenza*, *frig* — *refrigerator*; имена собственные: *Liza* — *Elizabeth*, *Mandy* — *Amanda*;
4. слова с усеченной серединой: *maths* — *mathematics*, *comms* — *communications*, *mart* — *market*.

Последние два типа встречаются редко.

В языке, как правило, сохраняются обе формы слова — полная (нейтральная) и усеченная (стилистически окрашенная), имеющие общее значение: *doctor* — *doc*. Иногда же семантическая связь между полной и сокращенной формами слова может быть частично или полностью утрачена: *fan* — *fanatic* (*fan* — *a very keen follower or supporter, as of a sport, performing art, or famous person*; *fanatic* — *a person who shows very great and often unreasoning keenness for something, esp. some religious or political belief*), *miss* — *mistress*.

В некоторых случаях одна из форм слова исчезает, будучи вытеснена другой, например: *char* — *charman*, *brandy* — *brandi-wine*.

Буквенные аббревиатуры — это слова, образованные путем сложения начальных букв слов. Аббревиатуры оказываются на самой периферии словообразования, на рубеже между мотивированными и немотивированными знаками языка. Вместе с тем, их рассмотрение помогает понять некоторые важные признаки мотивированных знаков, например, достаточность намека на слово названием его части или даже только его заглавной буквы. Ср.: *H-bomb* — водородная бомба, *X-rays* — рентгеновские лучи.

В особенно большом количестве аббревиатуры стали появляться в начале XX века, но, и в настоящее время данный способ образования новых слов остается весьма продуктивным. В основном это научно-технические термины и названия общественных, государственных и политических организаций.

Большинство аббревиатур — имена существительные, хотя иногда встречаются и другие части речи, в частности, прилагательные и глаголы, образованные по конверсии от существительных. Существуют аббревиатуры, употребляемые только в письменной речи: *ex.* — *example, exchange*; *n.* — *neuter, noun, number*; *t.* — *teaspoon, temperature*; *Fri., F.* — *Friday*; *wk.* — *week, work*. Эти аббревиатуры являются только условными знаками или символами слов, а не словами и читаются как их полносложные эквиваленты.

Буквенные аббревиатуры, в отличие от усечений, обычно не имеют эмоционально-экспрессивной окраски и в этом плане не отличаются от исходных словосочетаний. По способу чтения они подразделяются на две группы — *алфавитизмы* и *акронимы* (Quirk R., et al., 1972).

Первая группа включает буквенные аббревиатуры, читаемые по алфавитным названиям букв, из которых составлены либо слова (*R.C.* — *Red Cross, Reserve Corps*; *NM* — *night message*; *PHS* — *Public Health Service*), либо элементы сложного слова (*RR* — *Railroad*; *SHF* — *superhigh frequency*; *TNT* — *trinitrotoluol*). Существуют и такие лексические единицы, у которых первый компонент представлен начальной буквой слова или компонентом сложного слова, а вторая — полным словом: *A-level* — *advanced level*, *super G* — *super giant slalome*.

Вторая группа состоит из буквенных аббревиатур, читаемых как слова, — акронимов. Примерами акронимов могут служить хорошо известные и широко употребляемые: UNESCO — the United Nations Educational, Scientific & Cultural Organization; radar ['reɪdər], ['reɪdɑ:] — radio detecting & ranging; SALT [sɒlt] — Strategic Arms Limitation Talks; WASP {wɒsp} (US) — White Anglo-Saxon Protestant; VAT — Value Added Tax.

В английском языке акронимы стали настолько популярны, что новые организации, подыскивая себе название, подбирают прежде всего короткое слово, привлекающее внимание и по своей семантике имеющее отношение к деятельности данной организации, и только затем, исходя из букв этого слова, создают название организации. Например, ASH было выбрано для обозначения движения по борьбе с курением и за здоровье людей — Action on Smoking and Health. Страшное название СПИДа AIDS — acquired immune deficiency syndrome своим названием оставляет надежду больным на тех, кто им поможет от нее избавиться. Много акронимов создается в области политической английской лексики, причем иногда с целью достижения юмористического эффекта: CREEP — Committee to Reelect the President; WIN — Whip Inflation Now — Победим Инфляцию Немедленно — лозунг, выдвинутый при правительстве Дж. Форда (1974-1976); NOW, N.O.W. — National Organization for Women.

Телескопные слова. Под телескопией понимается способ словообразования, при котором в новом слове по крайней мере один из составляющих его элементов является сокращением, «осколком» полного элемента. Значение нового слова включает в себя полностью или частично значения входящих в него компонентов, например: motel — **motor** hotel; Interpol — **international** police; smog — **smoke** + **fog**. В литературе этот способ образования новых лексических единиц известен также под названиями «слияние», «стяжение», «контаминация», «вставочное словообразование», «гибридизация». Телескопию либо рассматривают как самостоятельный словообразовательный тип, либо отождествляют со словосложением или с аббревиацией, либо считают, что этот способ занимает промежуточное положение между словосложением и аббревиацией. Но почти все сходятся на том, что это сравнительно молодой способ словообразования. По мнению лингвистов, основная масса

телескопных слов появилась лишь в XX веке и продуктивность этого способа постоянно возрастает. Телескопные слова создавались сначала в большинстве случаев ради шутки, и только в XX веке они стали являться серьезным и значительным дополнением к словарному составу английского языка.

Отличие телескопии от словосложения заключается в том, что при словосложении компоненты представляют собой целые основы, а при телескопии, по меньшей мере, один из компонентов представлен не целой, а усеченной формой, ее фрагментом. В отличие от аббревиатур телескопизмы, как правило, не имеют соответствий в свободных словосочетаниях, а образуются вследствие установления ассоциативных связей между синтаксически обособленными словами. Например: *travelogue* (беседа или фильм, описывающие путешествие в определенную страну, путешествия человека) возник из ассоциации перечислений в каталоге множества достопримечательностей, которые человек видит, путешествуя.

В структурном плане выявлены четыре основные модели, по которым в последние десятилетия образуются телескопизмы:

1. слияние «осколка» (усеченной основы) с «осколком», например: *dramedy* — телевизионная драма-комедия ← **drama** + **comedy**; *memberlect* — вспоминать о чем-либо, о ком-либо ← **remember** + **recollect**;
2. слияние полной основы с «осколком», например: *videolog* ← **video** + **catalogue**; *pocketphone* ← **pocket** + **telephone**; *jazzercise* ← **jazz** + **exercise**;
3. слияние «осколка» с полной основой, например: *teleplay* — пьеса, написанная для передачи по телевидению, телеспектакль ← **television** + **play**; *motocamp* — лагерь для автотуристов ← **motor-car** + **camp**;
4. слияние двух основ с элементом наложения на стыке этих основ либо произношения, либо написания, либо того и другого, например: *faction* ← **fact** + **fiction**; *Singlish* ← **Singapore English**; *businesspeak* — коммерческий торговый жаргон ← **business** + **speak**.

Как правило, телескопизмы двухэлементны, однако встречаются и трехэлементные образования, например: *Ameslan* — язык глухонемых в США — **American sign language**.

Большинство телескопных образований является существительными, прилагательные и глаголы встречаются редко, например: *fantabulous*, *adj* ← *fantastic* + *fabulous*; *to baby* *par*, *v* ← *to kidnap* а *baby*.

Телескопизмы в большинстве случаев представляют собой единичные образования, отдельные элементы которых не повторяются в других словах с тем же значением. Однако среди них все же иногда встречаются слова, объединенные общими компонентами. Ср.: *brunch* ← *breakfast* + *lunch* — совмещенный первый и второй завтраки, и *dunch* ← *dinner* + *lunch* — обед в часы ленча, или *telebook*, *telecomms*, *teledish*, *telenovela*, *teleoperated*.

д) Постпозитивация

Постпозитивация — это способ внутриглагольного словообразования, который заключается в видоизменении глагольных основ при помощи весьма сложной и развитой системы постпозитивов.

В образованиях типа *to get up* послеглагольный связный элемент — постпозитив — выполняет словообразовательную функцию, он морфологически и синтаксически не самостоятелен, не выражает какого-либо признака действия и семантически сливается с глаголом в одно целое. Исследования неологизмов 60-70-х годов показали, что наиболее продуктивны постпозитивы *up*, *out*, *off*, *down*, *in*, наименее — постпозитивы *on*, *over*, *back*, *around*, *away*. Лишь единичные образования зафиксированы с *through*, *about*, *round*. Ни одной новой единицы не зарегистрировано с постпозитивами *by*, *forth* (Английские неологизмы, 1983, с.113-114).

Ю.А.Жлуктенко выделяет четыре типа глаголов данной структуры:

1. глаголы с постпозитивами, сохраняющими свое первичное конкретно-пространственное значение, например: *to come across* — встретить или открыть что-либо, особенно случайно; *to take for* — считать кого-то за что-то;
2. глаголы с постпозитивами, имеющими более абстрактное, переносное значение, например: *ice out* — (жарг.) игнориро-

вать, не замечать; kiss off — (разг.) прогнать, уволить;

3. глаголы с постпозитивами, имеющими значение усиления, интенсификации действия, либо сообщающими действию перфектный характер, например: back up — поддержать; dream up — выдумать, придумать;
4. глаголы с постпозитивами, слившимися в семантически цельные единицы, общее значение которых не равно сумме значений компонентов, например: kick off — (жарг.) умереть; pipe down — сбавлять тон (Там же, 1983, с.113-118).

е) Реверсия

Реверсия, или обратное словообразование — это способ образования новых слов, при котором происходит отсечение словообразовательного (или принимаемого за таковой) элемента исходного слова (Quirk R. et al., 1972, 977), например: editor → to edit; sculptor → to sculpt; reminiscence → to reminisce; baby-sitter → to baby-sit; chain-smoker — заядлый курильщик → to chain-smoke — непрерывно курить, прикуривать одну сигарету от другой; television → to televise — передавать телевизионную программу, показывать по телевизору; mass-production → to mass-produce.

Следует, однако, иметь в виду, что реверсия не поддается анализу в синхронии, и без знания истории возникновения слова типа editor будут рассматриваться как возникшие от глагольной основы путем добавления агентивного суффикса -or и editor, а не глагол to edit будет считаться производным словом по аналогии с actor, monitor и т.п.

ж) Другие способы словообразования

К малопродуктивным способам современного английского словообразования относятся звукоподражание и повтор (полное или частичное повторение корня или основы), например: tick-tack (о часах), ha-ha (о смехе), tip-top (отличный, высшего качества).

К непродуктивным в настоящее время способам иногда относят чередование звуков, например: food, n — feed, v; life, n — live, v; sing, v — song, n, и чередование ударения, например: 'conduct, n — con'duct, v; 'present, n — pre'sent, v; 'object, n — ob'ject, v.

§ 3. Предложение и словосочетание как единицы номинации

Выше было установлено, что предложение является первичной номинацией события, причем оно состоит из номинативного (пропозитивного) и предикативного (модусного) конstituентов. В пропозиции обозначается «состояние дел», то есть участники ситуации и отношения между ними, в модусе устанавливается отношение обозначенной ситуации к действительности. И хотя в реальном предложении эти две его стороны существуют вместе, в лингвистике в целях исследования их рассматривают отдельно. К содержательной стороне пропозиции относят термин «семантическая структура», который является аналогом термина «значение» по отношению к слову. Значение предложения можно передать по-разному и проще всего (но вовсе не лучше всего) при помощи другого предложения, которое в таком случае должно быть в кавычках, например: *Мать накормила сына* может иметь семантическую структуру «Мать сделала так, чтобы сын поел» (более подробно о понятии «семантическая структура» и о способах ее представления мы будем говорить в разделе, специально посвященном предложению).

Если предложение, подобно слову, имеет форму и содержание и является единицей номинации, то возникает вопрос, есть ли в синтаксисе понятия, аналогичные понятиям словоизменения и словообразования. Да, такие понятия есть.

Каким же образом можно представить себе образование одного предложения от другого? Рассмотрим следующие два случая образования новых предложений:

1. a) John visited Mary → Mary was visited by John;
b) John invited Mary → Mary was invited by John;
c) John saw Mary → Mary was seen by John.
2. a) John ran → The captain ran John;
b) The horse walked → The captain walked the horse;
c) The prisoners marched → The captain marched the prisoners.

В обоих случаях от предложений одного типа (с одной семантической структурой и общей формальной моделью) по одному и тому же

принципу образуются предложения опять-таки с общей семантикой и единой формальной моделью. При этом необходимо провести ряд операций, которые в первом случае сведутся а) к расстановке (аранжировке) имен, б) к употреблению предлога *by*, в) к созданию аналитической пассивной формы глагола. Таким образом, из активного предложения получается пассивное. Во втором случае от непереходных предложений, обозначающих действие субъекта, создаются каузативные предложения. При этом, кроме аранжировочных процедур, здесь играет роль появление новых лексических элементов. Поэтому в первом случае можно говорить об эквивалентных отношениях между синтаксическими структурами и считать их вариантами одной структуры. Во втором случае производная структура отличается от исходной не только по своему грамматическому статусу, но и по значению, это другое предложение. Такое преобразование одной структуры в другую называют синтаксической деривацией.

В первом случае напрашивается аналогия со словоизменением, во втором — со словообразованием. При этом следует иметь в виду, что если с точки зрения слова *-ed* в *visited*, *invited* и т.п. является суффиксом, а *was* — вспомогательным глаголом в аналитической форме слова, то с точки зрения синтаксиса они играют особую роль в образовании всего предложения и являются не просто частями слова, а частями предложения. Поэтому в синтаксисе они не просто суффиксы и вспомогательные глаголы, в синтаксисе они называются формальными операторами производной конструкции. С этой точки зрения такие части речи, как союзы, предлоги выполняют в предложении ту же роль, которую в словоизменении и в словообразовании выполняют аффиксы (например, из двух простых предложений с помощью *если... то* образуется одно сложное условное предложение *Если пойдет дождь, то я останусь дома*).

ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ II

Задание 1. Найдите в правой колонке эквиваленты русских слов, представленных в левой колонке. Объясните, по каким моделям они образованы и от каких основ:

1. вести растительный образ жизни	a) Oxbridgian
2. студент или выпускник Оксфорда или Кембриджа	b) pedestrianize
3. боготворить	c) vegetablize
4. освободить для пешеходов улицу от транспорта	d) iconize
5. занятие/чтение, продолжающееся всю ночь	e) downer
6. процесс превращения в преступника	i) gleamer
7. косметика, придающая блеск	g) blusher
8. человек, часто меняющий место работы	h) all-nighter
9. успокоительная таблетка	i) nosher
10. возвращение к родовому строю	j) hopper
11. румяна	k) criminalization
12. любитель перекусить на ходу	l) retribalization.

Задание 2. Объясните разницу между парами производных слов, образованных от одинаковых основ:

Abstractly, abstractedly; accent, accentuate; act, n, action; adaptor, adaptor; advance, adj, advanced; affection, affectation; ceremonial, ceremonious; cheap, adj, cheaply; classic, classical; deliverance, delivery; desirable, desirous; distinct, distinctive, distinguished; tasteful, tasty, tasteless; produce, product, n, production; impersonate, personate, personify; sensible, sensitive, sensibility.

Задание 3. Образуйте глаголы от следующих основ. Укажите модели, по которым они образованы:

Hospital, domestic, strength, saint, regular, sympathy, peace, thick, captive, active, false, solid.

Задание 4. Преобразуйте следующие слова в существительные женского рода:

Author, tiger, master, duke, traitor, adventurer, hero, heir, lion, actor, sculptor, widower.

Задание 5. Преобразуйте следующие слова в слова, обозначающие абстрактные существительные:

High, young, true, broad, dead, hot, fly, grow.

Задание 6. Образуйте новые слова с помощью отрицательных приставок от следующих слов:

Convenient, normal, conclusive, frequent, comfort, trust, soluble, fortunate, agree, believe, graceful, please.

Задание 7. Образуйте прилагательные от следующих слов:

Wind, year, earth, day, snow, sun, mud, silver.

Задание 8. На основании анализа корней следующих слов выберите соответствующую дефиницию из (a) или (b):

1. anachronistic	2. fortitude
a) out of date	a) courage
b) deadly	b) wealth
3. retrospect	4. rectitude
a) correct	a) straightforwardness
b) looking back	b) squareness
5. intervene	6. errant
a) to listen to	a) wandering
b) to come between	b) mistaken
7. hydraulics	8. agrarian
a) science of oil	a) relating to land
b) science of water	b) consenting to everything
9. perfidious	10. benevolent
a) complete	a) desirous of doing good
b) untrustworthy	b) hoping to succeed.

Задание 9. Переведите предложения. Сравните морфемную и словообразовательную структуру выделенных слов. Объясните, как они образованы:

1. Once again there was an *interchange* of straight, questioning glances. 2. I shall *interview* her all right. 3. They won't even be *questioned* before election — just charged. 4. Then of course, it was quite easy for him, in his role of medical *attendant*, to poison off Alfred Crackenthorpe and also to send the tablets to Harold in London, having *safeguarded* himself by telling Harold that he wouldn't need any more tablets. 5. He was trying to make a *getaway*, but I was too sharp for him.

Задание 10. Установите значение первого компонента выделенных сложных слов (обозначает ли он время, цель, причину, место и т.д.). Приведите словосочетания, которые соответствуют данным сложным словам:

1. He went through a *passageway*, leaned against the barrera. 2. «I left the *briefcase* in the *dressingroom*,» he said. 3. His *door-bell* did not ring. His *telephone bell* did not ring. 4. He did not go *backstage*, but went directly to the hotel. 5. Miss Henry's *birthday's* Thursday. 6. The District Attorney came into the *reception-hall* with both hands out. 7. Madvig dropped the fragments of pretzel on the table and took a *check-book* from his pocket. 8. «Anybody home?» «Yes, sir, they are still at the *dinner-table*». 9. They had stopped packing two *travelling-bags* to look at him.

Задание 11. Объясните, как образованы выделенные слова. Определите типы сокращений. Переведите предложения:

1. Cedric gave her a quick puzzled glance. «You're worried, sis. What's up?» 2. «When was it you *phoned* him?» I asked. 3. A *containerport* at Port Newark is at a standstill as a result of strike. 4. The *docs* had a name for it... 5. It was almost 4 a.m. 6. I'm just the poor harassed local *G.P.* 7. He runs a sort of art colony for writers... He sounds *legit*. 8. He calls himself doctor, but doesn't practice medicine. Could be a *Ph.D.*

Задание 12. В левой колонке даны телескопизмы, найдите в правой колонке их значения и определите, какие слова были использованы для их создания:

1. keytainer	a) evacuation by sea
2. shamateur	b) a bishop who is also a squire
3. medicare	c) a small case for carrying keys
4. guestimate
in	d) distress while awake like that experienced
nightmare
5. botel	e) (in sport) a player who is classed as an
amateur, while often making money like a
professional

6. traveller	f) a questionnaire designed to elicit views on matters of opinion
7. squireshop	g) hotel for boat-travellers or hotel on a boat
8. daymare	h) the name for the U.S. government's scheme for the public financing of medical costs
9. automania	i) the combined qualities of beauty & utility
10. beautility	j) a moving pavement
11. opinionaire	k) mania caused by automobiles
12. seavacuation	l) an estimate based on conjecture.

Задание 13. Определите семантические и формальные различия производящей и производной структуры:

1. The door swung open. — John swung open the door. / John swung the door open.
2. John opened the door. — Did John open the door?

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

1. Что такое номинация?
2. В чем суть акта номинации?
3. Каковы единицы номинации? Являются ли предложения и словосочетания единицами номинации?
4. В чем суть теории первичных и вторичных форм и значений Е.Куриловича? Как она соотносится с понятием номинации?
5. В чем сходство и различие между морфемным и словообразовательным анализами?
6. Какова роль различных типов морфем в номинации?
7. В чем суть словообразовательных процессов суффиксации и префиксации? Сходство и различие.
8. В чем суть процесса конверсии? Какие еще названия существуют для обозначения этого процесса и чем они обусловлены?
9. Каковы наиболее продуктивные модели конверсии?

10. В чем отличие словосложения от аффиксации и конверсии?
11. Каковы критерии отграничения сложного слова от словосочетания?
12. Какие процессы объединены в понятие сокращения; в чем суть этих процессов?
13. Существуют ли операции, подобные словообразованию и словоизменению, в синтаксисе? В чем их суть?

КЛАССИФИКАЦИЯ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ. ЧАСТИ РЕЧИ И ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1. Проблема частей речи в современном английском языке

Классификация номинативных единиц — слов, словосочетаний и предложений — всегда была в центре лингвистики. Традиционно слова делились на части речи (лат. *partes orationes*; англ. *parts of speech*; нем. *Redeteile*), хотя сегодня этот термин противоречит современному значению термина «речь». По сути дела, части речи — это классы *языковых единиц*, а не единиц речи. Тем не менее, этот термин настолько привычен, что им пользуется большинство языковедов мира. Когда говорят о частях речи, обычно имеют в виду грамматическую классификацию лексических единиц языка, то есть выделение в лексике языка определенных классов слов, которые отличаются от других классов (или групп) по какому-то грамматическому признаку или признакам (Ilyish B.A., 1965, 29).

При изучении данной проблемы всегда возникает вопрос о том, почему число частей речи разнится от автора к автору, почему отсутствует единая классификация частей речи, например, в современном английском языке, русском или немецком? Такое положение объясняется, очевидно, тем, что классификацию частей речи не удается построить на основе одного какого-то признака, потому что

словарный состав языка — это естественная система, создававшаяся в течение многих тысячелетий стихийно, не по единому замыслу и плану. Стремление лингвиста «разложить все по полочкам», разделить без остатка все языковые единицы на какие-то классы, объединенные не очень ясными, но представляющимися существенными признаками, постоянно наталкивается на сопротивление живого языкового материала.

При всей справедливости критики, обнаруживающей нелогичность классификации по частям речи, принципы основания классификации разработаны в лингвистике достаточно подробно. Наиболее распространенным оказывается следующее определение: части речи — это лексико-грамматические разряды слов, которые группируются на основе всех признаков, свойственных слову, а именно: семантических, морфологических (или формальных) и синтаксических, когда учитывается способность слова выполнять ту или иную функцию в составе предложения.

Самые древние классификации частей речи опирались на *семантический*, а вернее сказать, на логический критерий, ибо в них классы слов (части речи) соответствовали членению мира: в реальном мире есть предметы и их признаки, действия и их признаки. Соответственно выделяются имена существительные и прилагательные, глаголы и наречия. Количество частей речи постепенно росло: от трех у Аристотеля (имя, глагол, частица) до восьми в трудах представителей александрийской школы Дионисия Фракийского и Аполлония Дискола (имя, глагол, причастие, артикль, местоимение, предлог, наречие, союз). Современные классификации частей речи в европейских языках в принципе восходят к этим классификациям.

Слабым местом этой классификации является то, что распределение слов по частям речи производится по разным основаниям и критериям. Более или менее бесспорно по семантическому признаку выделяются имена существительные, прилагательные, глаголы и наречия. Но даже для существительных признаков «предметность» не является семантическим. Ведь *beauty, love, sickness, friendliness* не обозначают предметы, им лишь приписывается грамматическое (то есть выводимое на основании их формальных, а не лексических признаков) значение «предметности». Напротив, числительное выделяется как числительное не потому, что ему свойственно особое

грамматическое значение «численности», о котором мы узнаем благодаря его грамматическим признакам, а потому, что оно обозначает отвлеченное число или называет порядок предметов по счету.

Предлоги и союзы выделяются по их синтаксической функции. Учет синтаксического признака особенно важен для слов-омонимов, принадлежащих к разным частям речи, которые не имеют морфологических признаков.

Единственное, что объединяет эти различные основания, по которым выделяются классы слов или части речи, это то, что все они из области значения. Следовательно, эта классификация имеет право на существование.

Другим возражением против классификации слов по чисто семантическому признаку может быть и то, что при этом может получиться лексическая классификация, в которой в один класс войдут разные части речи. Например, слова, обозначающие действия и процессы: *to go, to write, love, announcement, revolution* и т.д. Ведь мы отделяем класс слов типа *to go, to write, to speak* от класса слов типа *announcement, revolution* по их формальным признакам — первые спрягаются, вторые имеют единственное и множественное число.

Поэтому естественными были попытки некоторых ученых разработать чисто формальную классификацию, построенную на учете грамматической структуры слова и его форм. В этом плане выделяются два больших класса слов: изменяемые (*declinable*) и неизменяемые (*indeclinable*). К изменяемым относятся все единицы, способные иметь окончания, к неизменяемым — те из них, которые не могут иметь окончания. Внутри изменяемых выделяются три подкласса. К первому — *noun words* — отнесены имена существительные, именные числительные, именные местоимения, то есть те местоимения, которые могут выступать в функции предметного члена; например, личные и неопределенные. Ко второму подклассу — *adjective words* — собственно прилагательные, прилагательные местоимения (например, притяжательные), прилагательные числительные (порядковые) и причастия. Третий подкласс включает в себя глаголы — как личные, так и неличные формы (инфинитив, герундий, причастие). К неизменяемым частям речи относятся наречия, союзы, предлоги, междометия. Эта классификация была

предложена Г.Суитом. Абсолютизируя признак формы, Г.Суит положил его в основу распределения слов на два основных класса. Однако дальнейшая субкатегоризация, то есть членение какого-то отдельного класса словарных единиц на подклассы более низкого порядка, проводится им по другому признаку — по функции слова в предложении. И в этом отношении классификация Г.Суита двойственна: с одной стороны, она строго морфологична, а с другой — она является синтаксической.

Функциональный подход при классификации частей речи опирается на раскрытие синтаксических свойств словарных единиц на уровне предложения. Так, слова с полным лексическим значением выполняют, как правило, роль подлежащего, сказуемого, именной части составного сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства. Идеальная синтаксическая классификация сближается с классификацией членов предложения и становится ненужной. Тем более, что практически любая часть речи может выполнять функцию подлежащего. Ср. следующие предложения: *But is a conjunction. The is an article.* Являются ли *but, the* именами существительными только потому, что они выполняют функцию подлежащего в приведенных выше примерах? Если ограничиться только синтаксическим подходом, то окажется, что все сказуемые — глаголы, все подлежащие — имена, а все определения — прилагательные. При этом все служебные слова (междометия, союзы, предлоги, частицы) останутся вне классификации, поскольку у них нет постоянно закрепленного места в предложении.

Таким образом, слова оказались единицами, слишком сложными для того, чтобы их можно было классифицировать по одному единственному признаку. В огромном количестве слов существуют разряды, комплексно обладающие какими-то признаками, и разряды, не обладающие никакими, общими с другими разрядами, признаками. Кроме того, существует масса спорных, пограничных, противоречивых группировок слов, которые выпадают из существующих классификаций.

В XX веке развитие теории частей речи шло в двух основных направлениях. В отечественной лингвистике, в частности в русистике, которая оказала большое влияние на классификации частей речи у исследователей английского языка, имеет место отказ от

логически строгой классификации, в которой деление слов на ряды осуществлялось бы по единому признаку. Признается, так сказать, неравноправие словарных единиц. Так, академик В.В.Виноградов в 40-х годах выделил четыре структурно-семантических категории слов:

- 1) слова-названия, к которым примыкают слова-заместители названий;
- 2) связочные, служебные слова, лишенные номинативной функции;
- 3) модальные слова типа *разве, авось, дескать*;
- 4) междометия.

При этом только слова-названия считаются частями речи. В таком случае в русском языке выделяются семь частей речи: имя существительное, имя прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, слова категории состояния. Служебные слова считаются частицами и включают в себя собственно частицы, предлоги, союзы, связки (Виноградов В.В., 1947).

В этой классификации учитываются как лексические, так и грамматические признаки, поэтому части речи и считаются лексико-грамматическими разрядами. На этом определении базируется и классификация частей речи в отечественной англистике.

Ниже будут рассмотрены наиболее известные классификации частей речи в английском языке.

§ 2. Знаменательные и служебные части речи

Большинство отечественных англистов делят части речи на знаменательные и служебные в соответствии с традицией русского языкознания. К знаменательным относятся единицы, имеющие полное лексическое значение (*full nominative meaning*), то есть те, которые называют предметы и понятия (*desk, table, spoon, love, friendship*), действия (*bring, kill*), признаки предметов (*big, clever, difficult*), признаки действия (*quickly, sharply*) и т.п. Обладая полным лексическим значением, знаменательные части речи занимают те или иные синтаксические позиции в предложении и таким образом

функционируют в качестве определенных членов предложения (подлежащего, сказуемого, определения, дополнения, обстоятельства).

Среди знаменательных частей речи сегодня выделяются: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, модальные слова (Иванова И.П. и др., 1981). По грамматическому значению знаменательные части речи разделяются на:

1. части речи, называющие предметы, явления или их признаки (существительное, прилагательное, числительное, глагол, слова категории состояния, наречия);
2. части речи, указывающие на предметы, их качества или количество, не называя их (местоимения);
3. части речи, выражающие отношение говорящего к содержанию высказывания, его чувства и волеизъявление (модальные слова, междометия) (Жигadlo В.Н. и др., 1956, с.17).

Особенность знаменательных частей речи состоит в том, что они характеризуются определенной формой словоизменения. Внутриразрядная субкатегоризация, например, у имен существительных выявляет такие подразряды, как «имена нарицательные» и «имена собственные». Наричательные имена представляют собой обобщающее название любого предмета, обозначаемого им: pen, dog, table, river, horse и т.д. Имена собственные являются названием, кличкой отдельных индивидуальных существ. Они закреплены за отдельной особью и идентифицируют ее: John, Mary, the Baikal, the Angara. Возможна дальнейшая субкатегоризация имен нарицательных на подкласс исчисляемых (countables) и неисчисляемых (uncountables). К исчисляемым в свою очередь относятся существительные, обозначающие отдельные предметы (cat — cats, ox — oxen, child — children, man — men); подкласс неисчисляемых имен неоднороден: в него могут входить существительные, обозначающие названия веществ, материалов, не являющихся дискретными (air, sand, water, cheese), а также имена абстрактные, называющие обобщенные понятия (greatness, anger, validity).

Рассмотрим грамматические свойства некоторых знаменательных частей речи.

1. Имя существительное

Имя существительное в современном английском языке характеризуется следующими признаками:

1) Категориальное значение предметности. Это значит, что все существительные (обозначающие собственно предметы и непредметы) функционируют в языке сходным образом. Так, названия состояний, свойств (*activity, freedom, movement*) синтаксически равны существительным, обозначающим предметы (*table, fork*).

2) Наличие определенных словообразующих морфем, типичных для всего класса существительных. Из них наиболее характерны следующие: *-er, -ist, -ess* (*lecturer, teacher, naturalist, actress*); *-ness, -ion, -ation, -ty, -ism, -ment, -ance* (*strangeness, rotation, security, movement*).

3) Наличие грамматической категории числа. Грамматическая категория числа у существительных передает грамматическое значение единичности (*singularity*) и множественности (*plurality*), под последней понимается количество предметов свыше одного. Это значение регулярно выражается с помощью противопоставления форм, не имеющих выражения (а точнее — выраженных нулевой формой), и форм с *-s/-es*, которые реализуются как ряд производительных вариантов: [s] — после глухих согласных, [z] — после звонких согласных и гласных, [ɪz] — после шипящих и свистящих согласных.

Среди существительных с непродуктивным способом образования множественного числа выделяются существительные, заимствованные из других языков (*radius — radii, nucleus — nuclei, stratum — strata*). К пережиточным типам образования множественного числа относятся также изменения корневого гласного: *man — men, tooth — teeth, foot — feet, woman — women*. Хотя значение множественности у существительных маркируется в основном морфологическим способом, возможны, однако, случаи, когда оно выявляется синтаксически — через согласование с глаголом. Ср.: *The sheep is/are grazing*.

4) Разнообразные синтаксические функции. Существительное бывает подлежащим (*The child is playing*), дополнением (*Wendy found the money*), именной частью составного сказуемого (*Sally became a lady*), определением (*David has bought a leather coat*).

Особенность английских существительных состоит в том, что они могут выступать в функции препозитивного определения в неизменяемой или изменяемой форме. Ср.: a leather coat, a stone wall, John's house, my brother's friend.

2. Имя прилагательное

Имя прилагательное как часть речи характеризуется следующими признаками:

1) грамматическое значение свойства предмета или его признака, обладающего определенной условной устойчивостью: a nice boy, a long road, a clever child. Форма прилагательного сама по себе не содержит указаний на то, что этот признак развивается во времени;

2) определенный набор словообразовательных морфем: -al, -ial, (national, residential), -ful (beautiful), -less (needless, shameless), -y (dusty) и др.;

3) для имени прилагательного характерна только одна форма словоизменения — степени сравнения. В литературе сегодня широко обсуждается вопрос о числе степеней сравнения прилагательных. Существует мнение, что прилагательное имеет три степени сравнения: положительную (она совпадает с основной формой прилагательного: quick, big), сравнительную (односложные прилагательные принимают окончание -er: quicker, bigger, а многосложные образуют сочетания с more: more difficult) и превосходную (односложные прилагательные принимают окончание -est: the quickest, the biggest, а многосложные образуют превосходную степень сравнения с помощью сочетания с most: the most difficult, the most important). С другой стороны, наличие положительной степени сравнения у прилагательных отрицается, поскольку она совпадает с основой прилагательного и морфологически никак не отмечена. (Заметим, что не все прилагательные способны передавать степень интенсивности того или иного свойства. Эта способность отсутствует, например, у относительных прилагательных в их прямом значении. Так, нельзя сказать *This house is more wooden than that one.);

4) основная функция прилагательного — быть определением как препозитивным, так и постпозитивным. Более характерным при этом является препозитивное функционирование: a clever boy, a strict tutor, no secretary general. Другой важной функцией прилага-

тельных является функция предикативного члена, то есть именной части сказуемого (a predicative): The weather is fine and warm.

3. Глагол

Глагол — это часть речи, которая выражает грамматическое значение действия, протекающего во времени. Грамматическое значение действия понимается широко: это не только деятельность в собственном смысле этого слова, но и состояние, и указание на то, что предмет существует: He *sits listening* to the music; He *wrote* a letter; A table *is* a piece of furniture.

Словозменительная система глагола богаче и разнообразнее, чем у других частей речи. Она включает как синтетический способ (присоединение формантов к основе), так и аналитические формы времени, вида, наклонения, залога, лица, числа.

Словообразовательная структура глагола довольно бедна: аффиксация представлена очень небольшим количеством суффиксов — -ate (articulate), -en (shorten), -(i)ly (dignify), -ize (fraternize). Распространены сложные глаголы (broadcast, whitewash, tiptoe), образованные путем конверсии, а также глаголы, образованные путем реверсии, то есть путем сокращения конечной части существительного (televise от television).

В предложении глагол всегда выполняет функцию сказуемого. Крайне редко глагол выступает в функции определения. Ср.: a would be teacher, a would be student.

Категории глагола будут рассмотрены в §3, тема IV.

4. Служебные части речи: предлоги, союзы, частицы

Знаменательным частям речи противопоставляются *служебные*. Служебные части речи представляют собой явление довольно сложное и противоречивое. С одной стороны, это вполне самостоятельные слова, занимающие в предложении определенные позиции, а с другой — это слова с неполным (incomplete) лексическим значением, которые существуют как бы для других слов, выполняя преимущественно грамматические функции (например, предлог выполняет функцию указания на различные отношения между знаменательными словами, сочетаниями и предложениями).

Служебные части речи формируются так называемыми строевыми элементами (Л.В.Щерба), в состав которых входят, в первую очередь, союзы и предлоги. Их собственная индивидуальная семантика настолько обобщена, что трудно поддается толкованию в словаре: дефиниция здесь, как правило, заменяется указанием на принадлежность к определенному классу с объяснением функций.

Так, *предлог* рассматривается как служебное слово, которое не способно синтаксически функционировать самостоятельно и, соответственно, быть членом предложения. Он служит для выражения подчинительной связи между знаменательными словами.

Союзы — это связующие служебные слова, которые, соединяя отдельные слова, словосочетания, части сложного предложения или самостоятельные предложения, указывают на отношения либо равноправия, либо зависимости. В зависимости от передаваемых союзами отношений, их делят на подчинительные (*that, while, which, because, as, for* и др.) и сочинительные (*and, nor, neither ... nor, or, either ... or* и др.). Именно так они определяются в словарях Ср.:

BUT — conj (coordinating). Tom was not there but his brother was.

AND — conj (connecting words, clauses, sentences): a table and four chairs (Hornby).

Частицы рассматриваются как морфологически неизменяемые слова, выражающие субъективное отношение говорящего к высказыванию в целом или какой-то его части. Ср.: I have *only* met him twice; Poirot felt *almost* certain that it was false; I *quite* agree; The queen *nearly* died; и т.п.

5. Местоимение и система частей речи

Некоторые исследователи рассматривают местоимение среди знаменательных частей речи, другие утверждают, что местоимение вообще не является частью речи, а образует некий закрытый класс слов, который занимает промежуточное положение между знаменательными и служебными частями речи. Такой подход объясняется тем, что местоимение не имеет отличных от других частей речи синтаксических функций, а часто и свойственных только ему грамматических категорий. Поэтому местоимения относят к существительным, прилагательным, наречиям, выделяя внутри этих разря-

дов местоименные прилагательные (proadjectives) other, some, any, every, all, each и др., местоименные наречия (proadverbs) then, there, thence, whence и т.п., местоименные существительные (noun-pronouns) this, that, everyone, something, I, you, he, she, it, we, they. Более того, местоимения не обладают устойчивым лексическим значением. Обозначая предметы, субстанции, качества, они не называют их, а только указывают на уже ранее названные предметы (качества, количества) в самых общих чертах, определяемых контекстом или речевой ситуацией. Так, местоимение he в разных ситуациях обозначает совершенно разных людей: My brother lives in Moscow. He is an engineer; This student is a good one. He is fond of chemistry и т.д., то есть соотносительность местоимений с обозначаемым им явлением относительна.

Общее грамматическое значение местоимений не противопоставляется значению предметности, качества, признака, на основании которого выделяются другие части речи, а является совершенно иным способом отражения действительности. Местоимения, таким образом, представляют собой совершенно особый вид языковых единиц.

Признавая справедливость высказанных сомнений по поводу статуса местоимений как части речи, будем рассматривать их как самостоятельную, но весьма специфическую часть речи, особенности которой обусловлены следующими моментами.

Синтаксически местоимения функционируют так же, как существительные и прилагательные, но у местоимения — три падежа: номинативный (субъектный), объектный и притяжательный. Как и у существительного, у местоимения имеется категория числа, но она очень своеобразна: например, личное местоимение we ни в коем случае не означает «несколько я», оно указывает на группу лиц, среди которых находится и говорящий: we — это «я и ты», «я и он» и т.д.

Как слова с очень абстрактным значением местоимения легко переходят в разряд служебных, выполняя ту же функцию, что и артикль по отношению к существительному. Ср.: the man — that man, the boy — this boy. А вводя придаточные предложения, они сближаются с союзами, как, например, местоимение whom в He wanted Ann to die, whom he had himself once come near to loving (Snow).

Другим сложным вопросом, связанным с местоимением, является вопрос о границах этого класса слов. Выявляются две противоположные тенденции: к сужению и к расширению его границ.

Те исследователи, которые рассматривают морфологический признак в качестве определяющего, относят к местоимениям только склоняемые слова (личные местоимения: I — me — my, he — him — his, she — her — her и т.д. и вопросительное who — whom — whose). Противоположная точка зрения высказывается теми исследователями, которые главным считают семантический признак, игнорируя другие признаки (морфологический, синтаксический).

И все же наиболее сложной проблемой является проблема *классификации местоимений*, поскольку в этот разряд включаются очень разнородные по лексическому значению, по синтаксическим функциям и грамматическим категориям группы слов.

Так, если в основу классификации положить признак близости местоимений к знаменательным частям речи, то можно выделить местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-наречия и местоимения-числительные. Если же строить классификацию местоимений по их способности употребляться анафорически, то есть замещать ранее используемое в тексте слово, словосочетание, предложение, то все местоимения распадаются на два неравных класса: местоимения, которые замещают предшествующий элемент текста, или антецедент (в данной функции используются местоимения he, she, it, this, that, who, which, one, each и др.), и те, которые никогда не используются в этой функции (I, you и др.). Положив в основу синтаксический признак, можно выделить местоимения субстантивные и адъективные. Однако при таком подходе некоторые местоимения можно отнести и к субстантивным, и к адъективным (например: this, that, each, other, some, any, all и др.).

Именно поэтому в лингвистической литературе преобладает семантическая классификация местоимений. Они делятся на личные (I, she, he, it и др.), притяжательные (my, his, her и др.), возвратные (myself, himself), вопросительные (who, whose, which, what), неопределенные (some, any, somebody и др.), обобщающие (all, every, each, both и др.), отрицательные (no, nobody, nothing), неопределенно-личное one и обобщенно-личное one, выделительные (other, another), взаимные (each other, one another), относительные

(who, whose, which, that). У этой классификации имеется, по крайней мере, два недостатка. Во-первых, она очень дробная, а во-вторых, в разные разряды попадают местоимения, обладающие рядом общих грамматических и семантических характеристик. Например, способностью передавать категорию лица обладают личные, притяжательные, возвратные и другие местоимения. Поэтому признаку во всех перечисленных выше разрядах местоимений выделяют «активных коммуникантов» (I, we, my, our, myself, ourselves), «пассивных коммуникантов» (те, кому адресуется речь — you, your, yourself) и «некоммуникантов» вообще (he, she, it, they, his, her, its, their, himself, herself, itself, themselves).

Точно так же неопределенные, отрицательные, обобщающие и выделительные местоимения можно объединить в один класс на основании общего значения квантификативности, свойственного им.

Учитывая общие семантические и грамматические особенности местоимений, их можно было бы распределить по следующим четырем основным классам: личные, указательные, вопросительные, квантификативные, как это делают авторы учебного пособия по теоретической грамматике английского языка ЛГУ.

К *личным местоимениям* относятся все те, которые обладают категорией лица, выражаемой лексическими средствами а не парадигматическими формами одного слова. Внутри этого класса выделяется еще три подкласса: 1) предметно-личные (I, he, she, it); 2) притяжательно-личные (my, her, his); 3) возвратно-личные, или усилительные (myself, himself, herself).

Указательные местоимения — this (these), that (those), such, the same — характеризуются значением непосредственного указания на предмет, событие, ситуацию. По своим синтаксическим и морфологическим характеристикам указательные местоимения очень разнородны: некоторые из них могут быть определением в присубстантивной функции (this — these, that — those, such, same), они же могут употребляться и без определяемого имени.

Вопросительные местоимения — who, whose, what, which — выполняют функцию вопросительных слов, участвуя в образовании вопросительных предложений. Местоимения who, whose, which могут использоваться в функции союзных слов. За исключением

местоимения *who*, имеющего категорию падежа (*who*, *whom*), вопросительные местоимения являются неизменяемыми словами.

Квантификативные местоимения — это местоимения, связанные с некоторым количеством однородных предметов. Выделяются два подкласса квантификативных местоимений: 1) предметно-квантификативные (*one* и все сложные местоимения *s-body*, *-one*, *-thing* типа *someone*, *something*), и 2) квантификативные детерминативы. Сюда входят местоимения *some*, *any*, *each*, *every*, *both*, *all*, *no* (*none*), *either*, *neither*, *other*, *another*, *several*.

Эти местоимения в присубстантивной позиции являются определением имени и выполняют функцию детерминативов существительного. Квантификативные детерминативы отличаются от других детерминативов существительного: все они, за исключением *every*, могут употребляться в качестве ведущего члена атрибутивной группы с определением, выраженным предложно-именной группой, *of*-phrase: *all of them*, *none of them*, *several of them* и т.д.

В заключение отметим, что местоимение, как ни одна другая категория знаменательных слов, способна выполнять целый ряд служебных функций, главные из которых следующие:

- 1) детерминативы при существительном;
- 2) слова-заместители, обеспечивающие структурное оформление предложения;
- 3) указатели на лицо и число глагола;
- 4) союзные слова;
- 5) оформители возвратных конструкций.

6. Артикль и система частей речи

Особенностью английского существительного является то, что оно сопровождается, как правило, артиклем. Система артикля включает определенный *the* (*the language*), неопределенный *a*, *an* (*a language*) артикли и значимое отсутствие артикля (*language*).

Определенный артикль исторически восходит к указательному местоимению *that*, неопределенный — к числительному *an* (в древнеанглийском оно имело и местоименное значение «какой-то, некий»). В последние годы говорят о нулевом артикле, который стал восприниматься в общем ряду с определенным и неопределенным как равноправный член системы благодаря тому, что в ходе развития

английского языка отсутствие артикля также приобрело определенную коммуникативную значимость.

Артикль представляет трудности для исследователей языка вообще и английского в частности. Спорные вопросы можно сформулировать следующим образом: 1) Сколько артиклей в современном английском языке? 2) Является ли артикль отдельным словом и каково его отношение к существительному? 3) Если артикль — это отдельное слово, необходимо ответить на вопрос: к какой части речи оно относится? 4) Каково значение артикля?

Мнения ученых по вопросу о количестве артиклей значительно расходятся. Традиционно в английском языке выделяются два артикля: определенный и неопределенный. Однако в последние годы широкое распространение получила идея существования трех артиклей: определенного, неопределенного и нулевого. Признание нулевого артикля возможно лишь в том случае, если артикль рассматривается не как отдельное слово, а как морфема или аналог морфемы, то есть, если артикль принадлежит к аналитической морфологии, а сочетание «артикль + существительное» предстает как некая грамматическая категория существительного. Если же рассматривать артикль как слово, то оно не может быть отнесено к классу нулевых слов. Поэтому идея «нулевого слова», хотя и служебного, представляется неприемлемой (Б.А.Ильиш). Таким образом, если не признавать морфемный характер артикля, то не следует, очевидно, признавать наличие и «нулевого артикля» в его системе. Более правомерно, вероятно, говорить о двух артиклях в современном английском языке (определенном и неопределенном) и об отсутствии артикля, которое тоже имеет свое коммуникативное значение, ибо противопоставляется случаям его употребления.

По второму вопросу выявляется две точки зрения. Согласно первой из них, артикль — это отдельное, самостоятельное слово служебного характера, которое употребляется перед именами существительными, а также другими субстантивными словами и целыми словосочетаниями, уточняя их смысл в речи (Е.И.Волкова). Формальным признаком артикля как отдельного слова является возможность дистантного положения по отношению к существительному. Ср.: a country — a young country, a very young country, a very young best developed country.

С другой точки зрения, артикль — это средство аналитической морфологии, аналог морфемы. При таком подходе артикль, подобно вспомогательным глаголам, образующим аналитические формы грамматических категорий времени, наклонения и залога в системе глагола, рассматривают как элемент, создающий некую грамматическую категорию существительного (например, категорию детерминации) (Blokh M. Y., 1983, 74).

В отечественной англистике наиболее распространенным является мнение о том, что артикль — это самостоятельное служебное слово, которое не образует аналитической формы какой-то особой категории существительного.

По третьему из выделенных нами вопросов также нет единства мнений. Признавая за артиклем статус слова, не все лингвисты, тем не менее, считают его частью речи. В тех же случаях, когда артикль включается в систему частей речи, он рассматривается в пределах какой-нибудь другой части речи, например, местоимения (H. Sweet). В отечественной англистике наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой артикль выделяется в особую служебную часть речи, так как он лишен собственного индивидуального лексического значения, но обладает особой, присущей только ему семантической, морфологической и синтаксической функцией.

Что касается значения артикля, то оно в большей степени обусловлено его функцией. Как и всякая часть речи, артикль характеризуется определенными морфологическими, синтаксическими и семантическими признаками. Морфологический признак артикля определяется его служебным характером: он является формальным показателем существительного как части речи. Синтаксическая роль артикля заключается в том, что он является маркером левой границы группы существительного, занимая всегда левую крайнюю позицию в группе существительного. Ср.: a new seven member UN delegation.

Основная семантическая функция артикля состоит в том, что он идентифицирует предмет, обозначенный существительным, или относит его к классу однородных предметов, то есть соотносит то или иное понятие с действительностью, представленной в предложении или в тексте. Это значит, что артикль сообщает дополнительную

информацию о том, является ли предмет, обозначенный существительным, известным говорящему и адресату речи.

Рассмотрим значение каждого артикля несколько подробнее.

Основным значением определенного артикля является значение идентификации, то есть отождествление предмета, обозначенного существительным, с уже известным адресату предметом. Об идентифицирующем значении определенного артикля можно, очевидно, говорить в следующих случаях:

- а) при обозначении единственных в своем роде предметов — the sun, the moon, the earth: White in the moon, the long road lies;
- б) при повторной номинации предмета, уже введенного в повествование: A nice young lady came into the room. The lady used to sing;
- в) если он обусловлен самой ситуацией общения: Not a word was spoken in the parlour;
- г) если имя имеет при себе ограничительное определение, которое может выделить предмет из ряда ему подобных: We are not prepared to discuss the question who will come to the next session.

Об идентифицирующем значении определенного артикля можно также говорить и в тех случаях, когда существительное обозначает весь класс данных предметов: The dog is a domestic animal, где наблюдается идентификация не отдельного предмета, а всего класса предметов. Это значение определенного артикля называют еще обобщающим.

Для неопределенного артикля характерно несколько значений. Первое из них — классифицирующее. Неопределенный артикль может указывать на один конкретный предмет, но этот предмет не выделяется из класса ему подобных и не отождествляется с уже известным слушающему предметом, а представлен как один из ему подобных. Ср.: An elephant is very dangerous when wounded. Неопределенный артикль может иметь и обобщающее значение, которое является, по-видимому, вариантом основного классифицирующего значения, поскольку оно реализуется в предложениях, где существительное с неопределенным артиклем представляет класс предметов, который противопоставляется другому классу предметов. Ср.: A swan is more beautiful than a goose.

§ 3. Члены предложения в современном английском языке

Части речи существуют вне предложения, в нем они получают лишь дополнительную характеристику. Члены же предложения существуют всегда в определенной грамматической форме. Так, английское местоимение в функции дополнения всегда употребляется только в объектном падеже. Поэтому строительной единицей синтаксиса является не просто слово, а слово в определенной грамматической форме, то есть словоформа (a word form). Однако при выделении члена предложения обращается внимание не только на грамматическую форму слова, но и на его синтаксическую позицию. Поэтому иногда исследователи говорят не просто о словоформах в предложениях, но о синтаксических формах слова. Все это следует иметь в виду, когда говорится для краткости, что то или иное слово выполняет функцию того или иного члена предложения.

Традиционно в предложении всегда выделяются подлежащее и сказуемое. Это деление восходит к античности, где оно имеет логические основания: подлежащее обозначает предмет, о котором говорится в предложении, сказуемое обозначает то, что говорится о подлежащем. В таком случае предложение делится без остатка на группу подлежащего и группу сказуемого. Лингвистически такие определения кажутся несостоятельными уже потому, что в ряде языков, например, в русском, существуют типы предложений, которые вообще не содержат главных членов (подлежащего и сказуемого). Однако это вовсе не означает, что в них ни о чем не говорится. Ср.: *В доме ни души. Воды по колено. Ему не до уроков. Ей за тридцать* (примеры Г.А.Золотовой). Тем не менее это деление просуществовало до XX века и лежит в основе представления о главных членах предложения.

Лингвистическим понятие членов предложения становится тогда, когда в учение о строении предложения проникают идеи дополнительности (комплементарности) и зависимости членов предложения между собой. Это значит, что одни члены предложения рассматриваются как дополняющие смысл других, которые без них недостаточно полны: дополнения дополняют содержание сказуемо-

го, определения определяют признаки подлежащего и дополнения. Это значит, что члены предложения зависят друг от друга: дополнение и обстоятельство — от сказуемого, определение — от подлежащего и дополнения.

Итак, в общетеоретическом плане деление словоформ на члены предложения исходит из следующих посылок:

1. В предложении все элементы находятся в определенных отношениях друг к другу и к предложению в целом.

2. Это отношение можно описать в терминах функций: каждый элемент играет определенную роль в предложении и выполняет определенную функцию. Поэтому в предложении *John sees him* подлежащее — *John*, дополнение — *him*, а не наоборот.

3. Эта функция определяется природой элемента не непосредственно: разные по природе элементы могут выполнять одну и ту же функцию. Так, функцию подлежащего может выполнять существительное (*Mary is beautiful*), местоимение (*He is a student*), инфинитив (*To know means to study*), герундий (*Reading is useful*). И наоборот, одинаковые по природе элементы (части речи) способны выполнять разные функции, например, подлежащего и дополнения (*John sees Mary; Mary sees John*).

4. Для каждого языка можно выделить его собственный инвентарь членов предложения.

В истории языкознания было предложено три теории иерархии членов предложения (и соответственно частей речи). Согласно первой из них (О.Есперсен), подлежащее в предложении и существительное среди частей речи являются абсолютно господствующими членами. Эта точка зрения находит подтверждение в логике понятий, имя обозначает субстанцию, а глагол и прилагательное — ее признаки. Вторая, наиболее распространенная точка зрения, предполагает равноправие двух главных членов предложения — подлежащего и сказуемого. Она подкрепляется логикой суждения: двум основным членам суждения — субъекту и предикату — в структуре предложения соответствуют два главных взаимно дополняющих члена. Третья концепция, более современная, отводит господствующую роль в предложении сказуемому (глаголу), потому что, во-первых, он является носителем предикативных категорий (время, модальность и пр.) и, во-вторых, он выступает организующим узлом

предложения, через который связываются другие члены предложения — подлежащее, дополнение (оба они «дополняют» содержание глагола). При таком подходе проблема главных членов предложения снимается вообще. С этой точки зрения предложение — не что иное, как сказуемое с рядом дополнений к нему. Эта мысль связана с учением о валентности (Тема VI).

Существующая классификация второстепенных членов предложения имеет в известной степени условный характер. Все второстепенные члены можно разделить на две группы: первая — это второстепенные члены, которые расширяют, дополняют значение главных членов. Сюда относятся дополнение и обстоятельство, которые расширяют значение сказуемого, и определение, расширяющее значение подлежащего. Другая группа второстепенных членов (она выделяется лингвистами сравнительно недавно) включает в себя единицы предложения, которые выполняют связующую, уточняющую и т.п. функции. Сюда входят расширители, коннекторы, спецификаторы, интенсификаторы.

Следует отметить, что определение члена предложения представляет для исследователя значительные трудности. И чтобы правильно установить, к какому члену предложения относится та или иная единица языка, используемая говорящим, нужно прежде всего знать его морфологические признаки. Однако лексическое значение слова вовсе не безразлично для синтаксической структуры предложения, как это пытались в свое время доказать сторонники сугубо формального подхода к анализу языковой структуры. Лексическая семантика слова подключается к этому процессу. Напр.: *Enraged cow injures farmer with axe* (заголовок газетной заметки). Только лексическое значение слов *cow* и *farmer* помогает правильно понять предложение.

1. Подлежащее

Выше отмечалось, что логическое определение подлежащего не подходит для языков типа русского потому, что в них возможны предложения без подлежащего. Кроме того, подлежащее может не соотноситься с главным действующим лицом. Ср. предложения: *His father gave the beggar a dime* и *The beggar was given a dime by his father* (Fries Ch., 1961, с. 174). В первом предложении подлежащее *his*

father, во втором — the beggar, хотя описывается одна и та же ситуация: Десять центов дал нищему его отец, то есть his father — главное действующее лицо. Во втором предложении в позиции подлежащего стоит слово, которое в первом обозначает объект действия — the beggar. Позиция подлежащего может занимать место, обозначаемое местоимением — London is in Europe, время — Easter comes in March this year, адресата действия — Tom was given a book.

Практически во всех флективных языках подлежащим считается имя существительное в именительном падеже или его субститут. Для английского языка этот критерий годится только в том случае, если подлежащее (и дополнение) выражено личным местоимением, падеж позволяет нам безошибочно определить подлежащее. Ср.: I saw him; He saw me; She saw Mary. Формальным критерием подлежащего для языков типа английского является порядок слов: в повествовательном предложении за ним закреплено место перед сказуемым. Ср.: Mary loves her son.

2. Сказуемое

Сказуемое — второй независимый член предложения, которым выражается предикация (отнесение содержания высказывания к действительности, ее основным элементом является модальность) (Смирницкий А.И., 1957, с.102). Для английского языка это словоформа, позиционно следующая за подлежащим, то есть занимающая вторую позицию в предложении: The car *turned* round the corner on two wheels; The students *have* their meals at canteens. Сказуемое может выражаться отдельным словом (простое глагольное сказуемое: She showed me a photograph of her son.), синтаксическим единством (именное составное сказуемое: His wife sighed and remained silent или именное глагольное сказуемое: I had to work for my living) и фразеологическим оборотом (фразеологическое сказуемое: You were making fun of mother just now).

В научной литературе иногда вместо термина «сказуемое» употребляется термин «предикат» (это значение слова «предикат» даже отмечено в «Словаре лингвистических терминов» О.С.Ахмановой). Однако смешивать их не следует. Сказуемое — понятие, относящееся только к области синтаксиса. Необходимым формальным признаком сказуемого является наличие глагола в личной форме. Термин «предикат» относится к содержательной области.

3. Дополнение

Дополнение потому так и называется, что, сочетаясь со сказуемым, дополняет, расширяет или каким-то образом модифицирует его значение, а вернее, восполняет значение глагола, выражающего сказуемое. По морфологическим признакам выделяют предложные и беспредложные дополнения. Отношение между предметом и действием может уточняться при помощи предлогов, которыми дополнение присоединяется к сказуемому. В рамках беспредложного дополнения выделяют прямое и косвенное дополнения. Однако следует отметить, что классификация дополнений на прямые и косвенные распространяется только на дополнения, выраженные существительным или местоимением (в отдельных случаях субстантивированным прилагательным). Под прямым дополнением понимается дополнение, которое управляется сказуемым-глаголом непосредственно, а косвенное обозначает, как правило, лицо, ради которого совершается действие, обозначенное сказуемым-глаголом. Ср.: He sent me a letter, где me — косвенное дополнение, а letter — прямое. К разряду беспредложных дополнений относится и так называемое «внутреннее дополнение» (*cognate object*), которое выделяется среди других дополнений своей этимологической или семантической связью с принимающим его глаголом. Ср.: He *cried* a shrill cry; He *smiled* a nice smile.

Особый интерес представляют конструкции типа *I hate the boys quarrelling*; *I saw him cross the street*; *I have never known such things happen*, в которых по-разному трактуются выделенные словосочетания. В этих словосочетаниях элементы по своим отношениям напоминают подлежащее и сказуемое, но отличаются от них по форме: аналог подлежащего может быть местоимением в объектном падеже (*him*), или притяжательным местоимением (*his*), или существительным; аналог сказуемого обычно выражен неличной формой глагола — инфинитивом, герундием, причастием. В отечественной лингвистике такие структуры называют вторично-предикативными (Первичная предикация выражается настоящим подлежащим и сказуемым, она организует главную структурную ось предложения. Вторичная предикативность продуцирует что-то в предложении дополнительно к первичной предикативности, не выступая при этом в форме сказуемого (Воронцова Г.Н., 1950, № 6, с.47)).

В теории членов предложения спорным был вопрос о том, что является дополнением в этих предложениях. Если по традиции считать дополнительным имя, которое стоит после сказуемого (the boys, him, such things), то возникает вопрос о статусе следующей словоформы: the boys *quarrelling*, him *cross the street* и т.д. Их традиционно называли квалифицирующими дополнениями (Бархударов Л.С., 1966, с.104-110; Бархударов Л.С., Штелинг Д.А., 1973), причем считали, что обе словоформы (the boys и *quarrelling*, him и *cross the river*) являются дополнениями при сказуемом, потому что, во-первых, выбор неличной формы глагола (инфинитива, герундия или причастия) в этом словосочетании целиком и полностью определяется глаголом-сказуемым. Во-вторых, порядок следования имени и неличной формы глагола иногда может быть изменен. Ср.: They saw *appearing from behind her* Aldo Scampo (Welty). Особенно это проявляется в вопросительных предложениях: Whom did he see *run*? В-третьих, при трансформации активной конструкции в пассивную третий элемент этой конструкции (неличная форма) остается при глаголе, а сложное словосочетание превращается в простое типа «глагол в форме страдательного залога + плюс квалифицирующее дополнение»: He was seen to *cross the street*. Все это, как мы видим, формальные критерии.

К О.Есперсену восходит другое решение вопроса о дополнении в конструкциях этого типа с опорой на семантические критерии. Все словосочетание после сказуемого (the boys *quarrelling*, him *cross the street*, such things *happen*) рассматривается как единое целое, как сложное дополнение (complex object), потому что исключение третьего члена совершенно меняет значение всего предложения (I hate the boys *quarrelling* совсем не то же, что I hate the boys) или ведет к значительной потере информации (Ср.: I saw him *cross the street* и I saw him). Таким образом, вторичная предикативность организует сложный член предложения как внутренне законченную единицу. Поэтому, по-видимому, некоторые исследователи полагают, что в подобных случаях вторичная предикативная связь представляет собой некий трансформ первичной связи и возникает как результат номинализации обычного независимого предложения.

Иногда в состав сложного дополнения может входить объектный предикативный член, который, имея тесные связи с глаголом-

сказуемым, характеризует объект с точки зрения его качества или состояния, которое выражается причастием I или II, прилагательным или словом категории состояния. Объектный предикативный член употребляется, как правило, при глаголах результативного действия (make, call, burst и т.п.), при глаголах желания, восприятия (see, watch, find, wish) и при ряде других глаголов. Ср.: They painted the door white; I've made you unhappy; She swept the floor clean; They elected him chairman и т.п.

Из двух форм причастия, способных выступать в функции объектного предикативного члена, причастие II встречается чаще, чем причастие I, так как причастию II более свойственно выражение состояния: I want this work done (Жигадло В.Н. и др., 1956, с.282).

4. Обстоятельство

Другим второстепенным членом, расширяющим значение глагола-сказуемого, является обстоятельство. Оно передает качественные, количественные и обстоятельственные характеристики обозначенного глаголом действия. Как правило, обстоятельство — это наречие или какие-либо другие адвербиальные эквиваленты. Выделяют три основных типа обстоятельств: качественные (He thanked me formally, sitting on the floor), количественные (I eat but little) и обстоятельства, привносящие дополнительную информацию о месте, времени, направлении, причине и пр. совершаемого действия, выраженного глаголом-сказуемым (I have often seen it before; Two young Americans sat at the next table; If necessary it might be done at once).

5. Определение

Определение — присубстантивный второстепенный член предложения, обозначающий признак, качество или свойство предмета или лица. В роли определения может выступать имя прилагательное, располагаясь как в пре-, так и в постпозиции к определяемому (a new book, a bold head, Secretary General), местоимение (my house, his car, her husband), имя существительное в общем падеже (a silver spoon, a brick house) или в притяжательном (Mary's doll, MP's daughters), числительное (two pages, 45 years abroad).

6. Расширители и другие второстепенные члены предложения

Расширители, интенсификаторы, коннекторы, спецификаторы составляют вторую группу второстепенных членов предложения.

Расширители (*extensions*) — словоформы, сочетающиеся с прилагательными, наречиями, а также со словами категории состояния. Например: *Her voice sounded too shrill and too loud.*

Коннекторы (*connectors*) — это слова, как правило, предлоги и союзы, соединяющие отдельные слова или части сложных предложений, например: *I did not go to eat somewhere because I felt too tired.*

Спецификаторы (*specifiers*) усиливают значение слов, выделяя их из потока речевой цепи, например: *Even John didn't come; Only ten workers reported sick yesterday.*

Интенсификаторы (*intencifiers*) усиливают или ослабляют значение отдельного слова в предложении. К ним относятся: *really, surely, of course, frankly, greatly, badly, bitterly, deeply* и др., например: *He is a really dangerous man; Definitely buy one now; He didn't ignore any request completely, but he did ignore it to some extent, etc.*

Некоторые исследователи, помимо вышеуказанных членов предложения, выделяют еще *вводные слова* или *образования*. К ним относятся синтаксические единицы, включаемые в предложение способом, отличным от обычных традиционно выделяемых средств грамматической связи, и имеющие характер попутного замечания со стороны говорящего к содержанию высказывания. Они имеют, как правило, модальный оттенок. Это модальные вводные элементы, разъяснения различного рода и т.д. (*He would have bought them out, of course*).

§ 4. Перенос классификации по частям речи и членам предложения на классификации предложений и словосочетаний

Классификации частей речи и членов предложения отразились на классификации компонентов сложного предложения и сложного словосочетания. Во-первых, лингвистам легче было объяснять новое явление через уже знакомое, а во-вторых, и это главное, линг-

висты давно заметили параллелизм в строении сложноподчиненного и простого предложений. Отношения между частями сложного предложения построены по той же модели, что и отношения между членами простого предложения. Поэтому классификация придаточных предложений может строиться на аналогии между придаточным и частью речи, выполняющей ту же функцию внутри простого предложения (Ilysh В.А., 1965, с.281). Соответственно выделяются придаточные субстантивные, адъективные и адвербиальные. Позднее придаточные предложения стали классифицироваться на основе их функции в составе сложного предложения и некоторых формальных признаков: 1) придаточные предложения подлежащие, предикативные и дополнительные; 2) придаточные предложения определительные; 3) придаточные предложения обстоятельственные. Заметим, однако, что никем никогда не выделялись придаточные сказуемые, что свидетельствует об особой роли сказуемого в предложении.

Предложения первой группы вводятся при помощи изъяснительных союзов (*that, whether, if*), союзных слов (*who, whom, which*), а также бессоюзным способом. Предложения второй группы включаются в структуру сложного исключительно с помощью союзных слов (*which, that, who* и др.). Подчинение предложений третьей группы осуществляется преимущественно за счет использования обстоятельственных союзов.

Такой параллелизм слова и предложения (хотя бы придаточного), вероятно, имеет под собой глубокие теоретические основания, о которых мы будем говорить в разделе, посвященном семантике предложения.

Перенос классификации по частям речи наблюдается и в классификации словосочетаний. Так, с точки зрения синтаксических связей, существующих внутри словосочетаний, выделяются определительные (*a silver spoon, a sharp needle*), объектные (*picking flowers*), обстоятельственные (*leaped with the lightning's speed*) словосочетания. Характер сочетания определяется тем, какую функцию выполняет подчиненный элемент словосочетания по отношению к ведущему элементу.

С точки зрения морфологической характеристики ведущего элемента словосочетания, выделяют именные и глагольные словосочетания.

§ 5. Синтактико-дистрибутивная классификация словарного состава Ч.Фриза

Современные лингвисты критикуют систему частей речи за отсутствие единого критерия в основе их выделения: ведь они определяются как «классы слов языка, выделяемые на основании общности их синтаксических, морфологических и семантических свойств» (ЛЭС, 1990, с.578). Предпочтение же отдается то одному, то другому критерию (у разных частей речи), но зависимость от синтаксической функции наиболее очевидна: меняется синтаксическая функция слова, и оно переходит в другую часть речи. Поэтому некоторые лингвисты даже высказывают мнение, что «части речи — морфологизированные члены предложения» (Мещанинов И.И., см.: ЛЭС, 1990, с.579). При этом понятия члена предложения и части речи перекрещиваются. Поэтому в современной лингвистике постоянно появляются работы, авторы которых пытаются заменить две классификации — частей речи и членов предложения — одной. Наибольшее распространение получила синтактико-дистрибутивная классификация словарного состава американского лингвиста Ч.Фриза, которую мы и рассмотрим подробнее.

Классификация Ч.Фриза исходит из позиций слов в предложении, следовательно, имеет синтаксическую природу, но не в том смысле, что она характеризует слова через их отношение друг к другу.

Ч.Фриз исходит из идеи о том, что всякое слово, употребленное в речи, характеризуется своими, только ему присущими признаками, которые понимаются говорящим, даже если он не знает значения слов, например, даже в лишенных смысла предложениях можно без труда установить принадлежность слов к определенным грамматическим разрядам. Так, в *Woggles ugged diggles, Uggs woggled diggs, Woggs diggled uggles* «слова» *woggles, uggs, woggs* обозначают предметы (*thing words*), поскольку они занимают первую позицию в предложении, а наличие форманта *-s* свидетельствует о том, что число их больше, чем один. В прошлом эти предметы совершили какие-то действия над *diggles, diggs, uggles*, а именно: действия *ugged, woggled, diggled* (на что указывает позиция последних в предложении (вторая) и наличие в их структуре форманта *-ed*:

ugged, woggled, diggled). По Фризу, в формировании значения предложения особую роль играет позиция слова. Если мы знаем, что в предложениях, приведенных выше, слова оказываются именем действия или предмета, над которым совершается действие, то все другие слова, которые способны занять эту же позицию, будут соответственно теми же. Это значит, что слова могут быть отнесены к одному классу только в том случае, если в структуре английского предложения они выполняют одну функцию.

Для того, чтобы выяснить, какие позиционные классы слов существуют в английском языке, следует выяснить, какие позиции являются основными. Для этой цели Ч.Фриз выбрал ограниченное число предложений, которые он назвал «тестовыми рамками» (test frames), и выделил в них основные позиции, характерные для слов английского языка. Это были следующие предложения:

1. The concert was good (always).
2. The clerk remembered the tax (suddenly).
3. The team went there.

Ч.Фриз записал на магнитофон 50 часов телефонных разговоров. С помощью теста на подстановку (substitution) выделил слова четырех классов.

К словам первого класса относятся все слова, способные занимать позицию слова concert в The concert was good (always), tax в The clerk remembered the tax, не разрушая грамматического (или структурного) значения предложения, то есть значение «кто-то что-то сделал» сохраняется во всех предложениях. Это такие слова, как coffee, husband, container и др.

Ко второму классу были отнесены слова, которые занимали позицию remembered в The clerk remembered the tax. Это wanted, discussed, ran, met, seemed и т.п.

Третий позиционный класс — это позиция слова good в The concert was good, то есть позиция именной части сказуемого: good, large, long, new, empty, foreign и т.п.

В четвертый класс вошли слова, которые следовали за тремя уже описанными выше. В первом предложении это: always, there, here, then; во втором — clearly, especially, soon; в третьем — there, back, out и т.д.

Однако оставался остаток из 154 слов, который не входил ни в один из этих классов, то есть эти слова не могли оказаться в позиции 1, 2, 3, 4, не разрушив грамматического значения предложения. Фриз назвал этот остаток классом функциональных слов (function words). Для него вводятся буквенные обозначения (А, В, С, ..., О).

В группу А входят все определители, детерминативы, то есть все те слова, которые могут занимать позицию артикля в первой тестовой рамке. Группа В включает в себя все те слова, которые могут стоять в позиции *may* в рамке *The concert (may) be good*. Сюда входят все модальные и вспомогательные глаголы. Группа С включает только одно слово *not*. Всего же было выделено 15 групп слов, между которыми имеются существенные различия и, в первую очередь, различия между словами четырех позиционных классов и формальными словами. Четыре позиционных класса содержат тысячи единиц, а слова пятнадцати групп — только 154 единицы. Не учитывается в данной классификации и тот факт, что некоторые слова могут выступать в нескольких функциях, а главное — переход частей речи друг в друга — очень широкое явление, когда одно и то же слово может попасть в разные классы, что и случилось у Ч.Фриза. Интересная по своей идее классификация не достигла цели: классы и группы слов взаимно перекрываются, одно и то же слово оказывается в нескольких разрядах. Однако материал Ч.Фриза содержит очень ценные данные о дистрибуции разных разрядов слов (Fries Ch., 1961).

§ 6. Отношение современных лингвистов к частям речи и членам предложения

С одной стороны, сегодня ясно, что и части речи, и члены предложения существуют объективно, и все попытки переименовать эти классификации, заменить их другими, избегать употребления самих терминов «части речи» и «члены предложения» оказываются неоправданными: за новыми названиями скрываются старые понятия. С другой стороны, не менее ясно, что существует масса переходных явлений, выходящих за рамки существующих классифи-

каций, и тут есть два пути: 1) попытаться все-таки определить место таких явлений в языке или 2) пренебречь ими, если они не играют особой роли в теме данного исследования. Достаточно представительны оба направления. С одной стороны, появляются исследования частей речи и их классификации (см.: Зернов Б.Е., 1986), с другой стороны, существует тенденция проводить анализ предложения в других, чисто формальных терминах.

В американской трансформационной грамматике вслед за Н.Хомским в 50-60-х годах развивался анализ предложения, в котором вообще не было названий членов предложения, а употреблялись термины *noun phrase*, *verb phrase*, и привычным стало представление модели предложения как NP + VP или еще проще, как NV, где за N и V скрываются или «имя существительное» и «глагол», или «подлежащее» и «сказуемое». Одну и ту же интерпретацию получают такие предложения как *He reads nights* и *He reads books*; и *John opened the door with his sister* и *John opened the door with his key*. Оценивая системы классов слов, выделяемых американскими дескриптивистами, Функе говорит, что классы слов N, A, V — это не что иное, как существительное, прилагательное, глагол, то есть за кажущейся новизной скрывается наша старая терминология¹.

Не желая пользоваться термином «части речи», но осознавая их объективное существование в языке, грамматисты прибегают к различным классификациям, за которыми можно заметить те же самые «пресловутые части речи». Так, в одной из самых распространенных сегодня грамматик английского языка (Quirk R., et al, 1972, 44-46) весь словарный состав английского языка делится на две большие группы: открытый (*open class items*) и закрытый (*closed class items*) классы слов. Нетрудно видеть при этом, что открытый класс формируется подклассами, списочный состав которых может расширяться за счет вновь образуемых лексических единиц (новые слова, как известно, появляются только в таких группах, которые

¹ Funke O. Доклад на VII лингвистическом конгрессе в *Proceedings of the Seventh International Congress of Linguistics*. P.2 — London, 1956. — pp.253-273.

обозначают понятия: существительные, глаголы, прилагательные и наречия). Закрытый класс формируется из таких единиц, число которых не может увеличиваться за счет создаваемых слов. Например, не может увеличиться число артиклей, предлогов, союзов, местоимений. Именно они и образуют закрытый класс единиц в современном английском языке. (Теоретически возможно появление новых единиц и здесь, однако для этого необходимо, очевидно, очень длительный период развития языка.)

В заключение следует отметить, что разные исследователи пользуются разными системами представления модели предложения, причем часто происходит смешение уровней, которое не допускалось лингвистикой в начале века. Так, академическая «Русская грамматика» 1980 года совершенно отказывается при описании структуры предложения от символов, обозначающих члены предложения. Все модели предложений опираются на морфологические характеристики слова: $N_1 - VF - N_4$, где N_1 — существительное в именительном падеже, VF — личная форма глагола, N_4 — существительное в винительном падеже. Это модель предложения типа *Маша ела кашу*.

В известной работе Т.Б. Алисовой «Очерки синтаксиса современного итальянского языка» (1971) модели строятся по членам предложения, но учитываются части речи: N — существительное, N_1 — подлежащее, N_2 — прямое дополнение и т.д., $N_{ан}$ — одушевленное предметное понятие, V — личная форма глагола (а не сказуемое). Поэтому модель N_1V следует читать как «подлежащее + глагол в личной форме».

В зарубежных грамматиках продолжает преобладать условное представление предложения как состоящего из двух основных частей: $S = NP + VP$, где NP (noun phrase) функционирует как субъект предложения, а VP (verb phrase) — как его предикат (Roberts P., 1964).

ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ III

Задание 1. Прокомментируйте следующие термины и дайте их английские эквиваленты:

часть речи, грамматически релевантные классы слов, знаменательные части речи, служебные части речи, открытый класс.

Задание 2. Прочитайте и переведите предложения, приведенные ниже. Обратите внимание на выделенные в них слова. Определите, к какой части речи они относятся:

1. He paused a little *before* replying slowly (Christie). 2. Ten years *after* his famous experiment was performed (Wilson). 3. His *work* began at eight and he went on working till midnight. He went to bed *only when* he finished it up. *Too* tired to work, too dulled to talk and simply *vaguely* satisfied that he had *just* managed to complete the minimum (Wilson). 4. I'm sorry to bother you, but there is no one else I can turn *to* (Archer). 5. I think I shall be *sorry* to go to school (Maugham). 6. *Perhaps* — and this is a big *perhaps* — these two notions of part-meaning can be identified with each other (Fodor).

Задание 3. Прочитайте предложение, приведенное ниже. Охарактеризуйте каждое слово как часть речи:

He was staggered to see a youngish man pick up a small fish.

Задание 4. Расклассифицируйте приведенные ниже словоформы по частям речи. Обоснуйте вашу точку зрения:

sheepish, tended, book, greedy, but, a butt, diggles, oh, sheepishly.

Задание 5. Прочитайте следующие предложения. Найдите заместители (субституты), их antecedенты (antecedents):

Roy was very modest about his first novel. It was short, neatly written, and, as is everything he has produced since then, in perfect taste. He sent it with a pleasant letter to all the leading writers of that day, and in this he told each one how greatly he admired his works, how much he had learned from his study of them and how ardently he aspired to follow albeit at a humble distance, the trail his correspondent has blazed... He wrote his second novel. It was successful, but not so successful as to arouse the umbrageous susceptibilities of his competitors (Maugham).

Задание 6. Переведите следующие предложения. Объясните функции артиклей:

1. Someone came into the room and told a boy that the police were outside, while the boy was talking to a pretty girl. 2. While a boy was talking to a pretty girl, someone came into the room and told the boy that the police were outside. 3. Someone came into the room and told the boy that the police were outside, while a boy was talking to a pretty girl. 4. While the boy was talking to a pretty girl, someone came into the room and told a boy that the police were outside (Kempson).

Задание 7. Прокомментируйте значение следующих сочетаний и дайте их английские эквиваленты:

главный член предложения, формальное подлежащее, простое сказуемое.

Задание 8. Из книги по домашнему чтению выберите примеры (не менее 5), демонстрирующие различные типы сказуемого. Проследите, какова роль глагола в личной форме в формировании типа сказуемого.

Задание 9. Прочитайте отрывок. Назовите подлежащее и сказуемое в каждом предложении. Назовите, какой частью речи выражено подлежащее, а также укажите тип сказуемого (простое, именное, составное).

When daylight came the storm was still blowing but the snow had stopped. It had melted as it fell on the wet ground and it was raining again. There was another attack just after daylight but it did not come until the sun was going down. The bombardment started to the South below the long wooded ridge where the Austrian guns were concentrated. We expected a bombardment but it did not come (Hemingway).

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

1. Раскройте значение термина «лексико-грамматический разряд слов».
2. В чем отличие значений местоимений от значений существительных и прилагательных?

3. Назовите основные трудности, с которыми сталкиваются исследователи при изучении артикля.
4. Каковы точки соприкосновения классификации частей речи и членов предложения?
5. Каковы точки соприкосновения между классификациями частей речи и членов предложения, с одной стороны, и классификациями словосочетаний и придаточных предложений, с другой?

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ В СВЕТЕ СИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

§ 1. Единицы языка и единицы речи

Развитие идей Ф. де Соссюра привело к тому, что были выделены единицы языка и единицы речи. Начало этому процессу положило открытие понятия фонемы, которое считается поворотным пунктом в развитии языкознания именно потому, что повлекло за собой выделение единиц языка и речи на всех уровнях: на морфологическом, лексическом, синтаксическом.

Выделение фонемы связывается с именем Н.С.Трубецкого, который в «Основах фонологии» попытался дать ответ на следующие вопросы: как при помощи звуков выражается смысл, как человек отличает одно слово от другого, что превращает ряд звуков в слово, декодируемое человеком, почему слушающий понимает слово, даже если оно произнесено говорящим неправильно, и т.д.

Структуралисты первыми доказали, что различия в звуках существуют только на уровне речи и не затрагивают язык. Возьмем, например, русский звук [с], который является переднеязычным, глухим, фрикативным и твердым. Все четыре признака совместимы в одном звуке. Однако в слове *сам* оказывается столько разных [с], сколько людей, его произносящих. Более того, в разных словах,

например, *сам*, *сумка*, *семь*, звук [с] разный. В слове *сам* он не огубленный, твердый, в слове *сумка* [с] — огубленный, твердый, в слове *семь* звук [с] — мягкий. Замена звука [с], входящего в слово *сам*, звуком [с] из слова *сумка*, то есть замена неогубленного твердого [с] огубленным твердым [с̣] ничего в смысле слова не меняет, поскольку, огубленность/неогубленность являются признаками нерелевантными, однородными. Однако, если в слово *сам* подставить мягкое [с] из слова *семь*, то его смысл изменится: вместо *сам* появится *сям*. Таким образом, если «огубленность» и «неогубленность» [с] являются фонологическими несущественными признаками, то «мягкость» и «твердость», являясь неоднородными признаками [с], оказываются смыслоразличительными, релевантными признаками. Ср.: *сям* — *сам*; *сек* — *сок*; *сир* — *сыр*. В таком случае фонему можно определить как *совокупность фонологически существенных признаков, при помощи которых различаются оболочки слов*.

Любой произносимый звук речи содержит, помимо фонологически существенных, много других признаков. Вообще невозможно произнести звук, состоящий только из фонологически существенных признаков (хотя бы потому, что в произношении всегда будут отражаться индивидуальные особенности говорящего). Поэтому фонему следует рассматривать как единицу абстрактную, принадлежащую системе языка, а конкретные звуки речи — как реализации этих абстрактных фонем.

Таким образом, если звуковой поток речи — это непрерывная последовательность переходящих друг в друга звучаний и звуков, то единицы языка — фонемы — образуют небольшую упорядоченную систему звуков, внося порядок в звуковой поток. Эти два подхода к изучению звука — с точки зрения речи и с точки зрения языка — настолько различны, что по мнению Н.С.Трубецкого, требуют двух разных наук — фонетики и фонологии. Учение о звуках речи — фонетика, а учение о звуках языка, то есть фонемах — фонология.

В американской лингвистике, которая не пользуется противопоставлением языка речи, но четко осознает противопоставление системы и ее реализации (*competence* и *performance*), фонема определяется как класс звуков или аллофонов. Это значит, опять-

таки, что фонема абстрактна и реализуется в своих вариантах (или аллофонах), то есть конкретных звуках.

Позднее идея выделения единиц языка и единиц речи переносится на другие уровни: морфологический, лексический, синтаксический. Так, с точки зрения языка, единицей морфологического уровня является морфема: морфема множественного числа существительных, морфема падежа, морфема прошедшего времени, морфема длительного вида, морфема перфектности и т.д. Доказать существование в системе языка указанных морфем можно через противопоставление двух разных форм одного и того же слова: cat — cats, dog — dogs, boy — boy's, John — John's, play — played, kiss — kissed, speak — are speaking, cries — is crying, spoke — had spoken. Эти пары различаются по признакам: единственное число / множественное число, общий падеж / притяжательный падеж, настоящее время / прошедшее время, длительный / недлительный, перфект / неперфект и т.д. Значит, данные признаки для английского языка являются существенными, релевантными. Но множественное число образуется и другими способами: изменение корневой гласной — foot — feet, man — men, goose — geese; изменение окончания — -en, -ren: ox — oxen, child — children. Наконец, множественное число существительного может вообще не иметь какой-либо формы выражения. Ср.: sheep — sheep, deer — deer и т.д. Это значит, что морфема множественного числа в современном английском языке — это некая абстракция, существующая в системе языка, не имеющая своей единственной формы, однако реализуемая в речи через систему вариантов, или алломорфов. Соответственно, морфема множественного числа предстает как некий инвариант по отношению к своим вариантам и реализуется в нескольких произносительных вариантах как единица речи: [s], [z], [iz], отсутствие каких-либо форм. Морфема прошедшего времени также реализуется в нескольких вариантах -ed (в зависимости от окружения имеется три алломорфа: [d] play — played, [t] pick — picked, [ɪd] visit — visited; чередование корневой гласной: give — gave, spring — sprang; отсутствие каких-либо форм изменения: cut — cut, put — put).

Итак, морфема — это абстрактная единица системы, которая реализуется в конкретных вариантах — алломорфах и которую американские лингвисты определяют как класс алломорфов.

Единицы языка, как видим, получили наименование инвариантов, а их манифестации в речи — вариантов. К единицам языка (инвариантам) стали присоединять суффикс -ема (отсюда эмические единицы): фонема, морфема, лексема, синтаксема, пропозиема. А к единицам речи — приставку алло- (разновидность или вариант, данная конкретная манифестация инварианта или «эмы»): аллофон, алломорф, аллолекс и т.д. Так, в русском языке слово *книга* является лексемой по отношению к ряду: *книги, книгу, книгой, книгами* и т.д., которые выступают в качестве ее речевых проявлений, или аллолексов.

Существование эмических единиц и аллоединиц позволило создать так называемую «алло-эмическую теорию», в соответствии с которой языковые единицы описываются в терминах эмических единиц, а речевые — в терминах аллоединиц.

Разделив все известные единицы на единицы языка и единицы речи, языкознание стало системной наукой, ибо любая наука основана на противопоставлении системных единиц единицам конкретным. В географии изучаются, так сказать, горы, острова и долины вообще, с их обязательными системными признаками, и каждая конкретная гора, конкретный остров, конкретная долина как вариант системной единицы. В биологии изучается животное как представитель вида (тигр вообще), но это возможно только через изучение конкретных особей тигров. Везде в центре науки находится соотношение общего и частного, абстрактного и конкретного, системы и ее реализации. Именно поэтому открытие фонемы, как отмечалось выше, считают поворотным пунктом в развитии языкознания.

§ 2. Парадигматические отношения и синтагматические связи в системе языка

Противопоставив язык как систему речи индивидуальному акту говорения и понимания, Ф. де Соссюр обратил внимание на тот факт, что единицы языка и речи организованы по-разному. В языковой системе все единицы находятся в парадигматических

отношениях¹, то есть противопоставлены друг другу по каким-то признакам. Например, инфинитив *to work* противопоставляется причастиям *working*, *worked* и герундию *working*, а также личной форме глагола *work*. Глагол *work* (v) — существительному *work* (n). Личные формы этого глагола противопоставляются друг другу по временным признакам (*work* — *worked* — *shall/will work* и т.д.), по лицу (*I work*, *he works*), по признакам залога, наклонения и т.д. По значению глагол *work* противопоставляется как своим синонимам (*toil*, *moil*, *labor*, *plod*), так и антонимам (*fail*, *inact* и др.). Во всех этих случаях между единицами системы существуют парадигматические отношения, а ряды единиц образуют парадигматические ряды, или парадигмы. Парадигму, по-видимому, можно определить как набор однородных форм, противопоставленных друг другу по семантическим и формальным признакам. Существуют не только морфологические, но и лексические, а также синтаксические и другие виды парадигм.

В речи, естественно, никто парадигмами не говорит. Слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно. Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи, вступая, таким образом, в линейные, или синтагматические отношения друг с другом. Последовательность слов в речи является примером синтагматических отношений на уровне слов. Данный вид отношений определяет значение слова, используемого говорящим. Ср., например, значение глагола *to get*:

He got a letter. He got tired. He got to London. He could not get the piano through the door.

Следует обратить внимание на правильное употребление пар терминов «противопоставление-контраст» и «отношения-связи». О противопоставлении говорится в парадигматическом ряду, единицы которого находятся в определенных отношениях, например, во временных отношениях: *he works* — *he worked*; в синонимических

¹ Ф. де Соссюр пользовался термином «ассоциативные отношения», но в лингвистике распространен термин «парадигматические».

отношениях: work — job — occupation — trade. В линейном ряду все единицы связаны синтагматически, контрастируют между собой (отличаются друг от друга) и находятся в тесной связи, влияя друг на друга (так, слово drop, употребляясь в сочетаниях с разными существительными, приобретает новое значение «немного». Ср.: a drop of water, но a drop of love, a drop of attention). Парадигматические отношения и синтагматические связи существуют между всеми единицами языка, в том числе и между предложениями.

§ 3. Парадигматические отношения в морфологии

1. Оппозиционный анализ грамматических форм

В любой системе единицы находятся в определенных отношениях. В лингвистике эти отношения описываются в терминах оппозиций. Теорию фонологических оппозиций разработал Н.С.Трубецкой, который понимал под оппозицией различие двух или более единиц языка, приводящее к различию в смысле, то есть являющееся фонологически релевантным: *стол : столы*.

Такие оппозиции являются смысловозначительными, а каждый член оппозиции — смысловозначительной единицей.

По отношению между членами оппозиции выделяются следующие виды оппозиций:

1. *Привативные* (А : не А). У одного члена оппозиции есть признак А (марка), он маркирован (его называют поэтому сильным), а у другого этот признак отсутствует, он не маркирован (слабый). Например, в оппозиции cat : cats первый элемент cat не маркированный, слабый, а второй — маркированный, сильный (у него есть марка -s).

2. *Градуальные*. Члены оппозиции отличаются друг от друга разной степенью одного и того же признака. Например, гласные а — о : у противопоставляются по степени открытости.

3. *Эквивалентные*. Члены оппозиции логически равноправны (А : В), например, [д] противопоставлено [т] как звонкий — глухому (Трубецкой Н.С., 1960).

Понятие фонологической оппозиции было сразу же перенесено на другие уровни языка. Следующие вопросы были предметом многочисленных дискуссий: а) бинарна ли оппозиция, то есть всегда ли она состоит из двух членов (множественное — немножественное, длительный — недлительный); б) какой член оппозиции следует считать маркированным?

По первому вопросу мнения разделились. Одни лингвисты считают, что любое противопоставление можно свести к бинарному, другие допускают оппозицию между тремя, четырьмя и более противочленами. Вопрос о маркированном члене оппозиции большинство лингвистов вслед за Н.С.Трубецким решают следующим образом. Известно, что в определенных условиях противопоставление признаков нейтрализуется. В исходе русских слов, например, нейтрализуется противопоставление глухих и звонких согласных. Одинаково глухо произносятся [д] и [т] в словах *код* (шифровальный) и *кот* (животное), [г] и [к] в словах *луг* (заливной) и *лук* (растение) и т.д. Исчезающий при этом признак (здесь: звонкость) и принято считать маркером. Поэтому русские согласные *д, г* противопоставляются *т, к* как звонкие — незвонким.

Заметим, кстати, что нейтрализации подвержены и единицы других уровней. Рассмотрим следующий пример: *We start for Moscow (tomorrow)*, где глагол *start* представлен формой настоящего неопределенного, хотя его значение в данном контексте — будущее. Это значит, что оппозиция «настоящее — будущее» нейтрализована: слабый член (настоящее) вобрал в себя значение будущего (сильного члена). Еще примеры нейтрализации оппозиций на морфологическом уровне: *dozens, no five dozen; foot : feet, no bay seven foot deep*.

Нейтрализации подвергается и оппозиция «длительный — недлительный» в придаточных предложениях с союзом *when, while*. Ср.: *While we rode we talked*. Оппозиция «изъявительное — сослагательное» нейтрализуется в придаточных с союзом *as if*. Ср.: *He looked as if he was ill*. Однако не всякое противопоставление является оппозицией. Например, отношения между глаголом и наречием не есть оппозиция, так как у них нет основания для сравнения. Не выявляются оппозиции и в речевой цепи, так как в линейном ряду единицы контрастируют.

Когда началось перенесение понятия оппозиции на морфологический уровень языка, все известные категории были представлены как бинарные оппозиции (типа: множественное число *cats* — единственное число *cat*). Однако такое представление не увеличило наших знаний о системе языка. Положение изменилось, когда Р.Якобсон предложил новую концепцию привативной оппозиции в грамматике. Он доказал: 1) что это не формальная, а семантическая оппозиция и 2) что члены этой оппозиции неравноправны. Оппозиция имеет вид $+A : \pm A$. Это значит, что немаркированный член ($\pm A$) не отрицает наличие признака *A*, но и не сигнализирует об его отсутствии. Общее значение немаркированного члена по сравнению с маркированным ограничивается отсутствием сигнализации *A*. Если же в контексте он указывает на отсутствие *A*, то это просто одно из употреблений данной категории (даже если оно и очень частое).

Р.Якобсон рассмотрел эту оппозицию на материале нескольких категорий русского языка, в том числе категории рода. Повторим его рассуждения. Как известно, многие существительные в русском языке противопоставляются по роду: *математик* — *математичка*, *теленки* — *телка*, *американец* — *американка*. Какой же член в этом противопоставлении является маркированным ($+A$) — женский род или мужской род?

Маркированным членом является тот, который всегда сохраняет свое значение. В любом контексте слова *математичка*, *телка*¹, *американка* имеют значение женского рода. Тогда $+A$ — «женский род». Форма же мужского рода оказывается неоднозначной, она не сигнализирует ни присутствия, ни отсутствия признака женского рода (*Хочу быть математиком*; *В углу возился теленок*; *У нас в гостях американцы*). По этому признаку $+A$ противостоит признак $\pm A$. Но под воздействием контекста у существительных мужского рода могут появиться и другие признаки. Обозначим эти появляющиеся признаки строчной «а» и рассмотрим те отношения, которые складываются между женским и мужским родом существительных. В этом случае признаки $\pm A$ и $+A$ будут общими

¹ Именно пару «*телка* — *теленки*» рассматривал Р.Якобсон (Jakobson R., 1936).

значениями оппозиции, а «а» — частными. Схематически оппозицию можно представить так:

Она математичка +А (ж.р.): ±А

Хочу быть математиком.

-а

Он математик.

+а

Она математик.

Уже в этом представлении четко видна асимметрия форм рода в русском языке: семантика немаркированной формы оказывается намного шире семантики маркированной, причем первая включает в себя вторую. Существительные мужского рода широко употребляются в значении форм женского рода, особенно во множественном числе (часто говорят о студентах, учителях и т.п., имея в виду студенток, учительниц и т.п.). Между этими формами существуют разнообразные отношения. Р.Якобсон указал на два из них:

1) +А : ±А. Между главными членами оппозиции, между общими значениями: *Она математичка* (+А) : *Хочу быть математиком* (±А). Здесь имеет место сигнализация А (ж.р.) в первом члене и несигнализация, отсутствие сигнализации А (ж.р.) во втором члене — существительном мужского рода. И первый, и второй знак (*математичка*, *математик*) могут относиться к одному и тому же референту, но в первом случае определенный знак (ж.р.) специально фиксируется, а во втором он не упоминают.

2) ±А : -а. Между общим значением немаркированного члена и его основным частным значением (*Хочу быть математиком* (±А) : *Он математик* (-а)). Здесь имеет место отсутствие сигнализации признака (±А) в первом члене и сигнализация не-А (-а) во втором члене. Значит, один и тот же член (*математик*, м.р.) может обладать двумя разными значениями: в одном случае признак А остается нефиксированным, а в другом он четко отсутствует.

Р.Якобсон отметил два вида отношений между членами привативной оппозиции и назвал их движущей силой грамматических изменений. Можно отметить и другие отношения, например: 3) +А : -а. *Она математичка* : *Он математик* (это антонимические отношения); 4) +А : +а. *Она математичка* : *Она математик* (это синонимические отношения); 5) -а : +а. *Он математик* : *Она*

математик (это отношения омонимии). Следовательно, внутри привативной оппозиции встречаются и синонимические, и омонимические, и антонимические отношения. Этот крошечный кусочек языковой системы устроен очень сложно, а главное, его немаркированный член включает в свою семантическую сферу семантику маркированного члена. Так понятие привативной оппозиции позволило по-новому взглянуть на давно известные грамматические категории и получить о них новую информацию.

Значительный вклад в развитие теории оппозиции внесли отечественные исследователи: Л.С.Бархударов, И.Б.Хлебникова, Е.И.Шендельс и др.

Рассмотрим оппозицию единственного — множественного числа существительных в английском языке. Основное грамматическое значение данного противопоставления заключается в различии числа референтов, обозначаемых существительным. Это противопоставление, как известно, имеет специальное формальное выражение. Зададимся вопросом: какой из членов оппозиции «единственное число : множественное число» является семантически маркированным и почему? По Р.Якобсону, маркированным оказывается множественное число, ибо существительное во множественном числе всегда обозначает количество предметов, превышающее единицу, в то время как семантика единственного числа оказывается гораздо шире: имя в единственном числе может обозначать множество предметов: *The tiger is a wild animal.*

Поэтому А припишем значение «множественное число». Тогда оппозиция примет вид:

+А (мн.ч.)

John saw the men out of
the window

±А

Man is mortal.

-а

John saw the man out of
the window.

+а

I read the papers, and talked
to the man in the street and
looked at the people's faces
(Galsworthy).

Выделяются те же противопоставления:

1) Противопоставление общих значений членов оппозиции, то есть $+A : \pm A$, например: John saw some badgers : The badger, for example, builds the most complicated burrow (нора). В первом предложении форма множественного числа имеет четкое значение «больше, чем один», во втором The badger и the burrow обозначают класс предметов, и поэтому признак «более, чем один» не отрицается, хотя и не сигнализируется.

2) Противопоставление общего значения немаркированного члена и его основного частного значения, то есть $\pm A : -a$, например: The badger, for example, builds the most complicated burrow ($\pm A$) : John saw the badger out of the window (-a). Здесь в первом случае признак множественного числа не сигнализируется (хотя и не отрицается), а во втором члене он отрицается. Значит, одна и та же форма единственного числа может обладать двумя разными значениями.

Дальнейшие наблюдения над формой единственного числа покажут нам, что она обладает очень широкой семантической сферой и употребляется для обозначения более, чем одного предмета. Скажем, в словаре дается определение слова the breast — this part of the body in women, from which babies get milk (Hornby). В тексте встречаем в этом значении это существительное во множественном числе: She held her arms across her breasts (Doctorow). Но в тексте же можно встретить и форму единственного числа, явно обозначающую множественное число: With the troops went their families. They lived on the tops of the trains with guns and bedding and baskets with their food. There were camp followers and babies at the breast (Doctorow). Это +a. Формы множественного и единственного числа в этих двух предложениях синонимичны. Оказывается, форма единственного числа употребляется для обозначения множественного числа не так уж редко. Это происходит, когда контекст помогает правильному пониманию предложения, например: The painters in Paris were doing portraits with two eyes on one side of head (Doctorow, 226). Это явление характерно и для русской формы единственного числа существительных, например: Андрей Денисов вез работникам сухари, пшеница, когда и рыбки; Начали ходить к нему люди, — он их исповедовал и причащал листочком либо ягодкой; Молитвами старца и зверь шел в руки, и рыбину иной раз такую вытаскивали — диво! (А. Толстой, Петр Первый).

Таким образом, в грамматических формах нет однозначных отношений «одна форма : одно значение», все они многозначны, и отношения между формами очень сложны. Свойство произвольности знака позволяет существительным мужского рода употребляться в русском языке в значении женского рода, а существительным в единственном числе — обозначать множество предметов.

В названные оппозиции не вписываются некоторые моменты. Например, если слова, обозначающие человека по специальности и роду занятий, легко допускают употребление мужского рода вместо женского (*студент* вместо *студентка*, *поэт* вместо *поэтесса*), то этого нельзя сказать о словах, обозначающих человека по национальности (англичанин — англичанка, немец — немка). Некоторые слова в своем первичном значении употребляются только в единственном числе, например: *fish, cheese, tea, sand* (Singularia Tantum), или только во множественном числе, например: *oats, peas, breeches, scissors* (Pluralia Tantum). Имеются также существительные в единственном числе, после которых глаголы могут употребляться как в единственном, так и во множественном числе, например: *My family are tea drinkers. The group were assigned different tasks.*

В практических грамматиках подобные явления входят в разряд исключений, а в лучшем случае объясняются как результат взаимодействия лексического значения слов с грамматическим значением формы. В общетеоретическом смысле можно связать эти отклонения с тенденцией к мотивированности знака, противостоящей его произвольности. Например, употребление некоторых имен существительных во множественном числе исторически мотивировано тем, что обозначаемые ими предметы состоят из двух четко выделяемых половин: *scissors, trousers, spectacles, specks, pincers.*

Употребление многих вещественных существительных только в единственном числе связано с тем, что составляющие их частицы слишком малы и не воспринимаются в обычном языковом сознании по-отдельности (*snow, flour, steel, sugar, clay*).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что термин «единственное число» может обозначать три разных группы факторов:

- 1) единственное число по значению и по форме;
- 2) единственное число по значению, но множественное по форме;

3) единственное число по форме, но множественное по значению.

Общим для всех рассмотренных случаев является более широкая семантическая сфера немаркированного члена оппозиции, который в определенном контексте может заменить или, как говорят, субституировать маркированный член оппозиции.

По мнению Р.Якобсона, немаркированная форма функционирует в языковом мышлении как представитель корреляционной пары. Поэтому в некоторой степени как первичные ощущаются формы несовершенного вида глагола по сравнению с совершенным, невозвратные по сравнению с возвратными, единственное число по сравнению с множественным, настоящее время по сравнению с прошедшим, инфинитив по сравнению со всеми другими формами глагола.

В.Барнет объяснял такое строение оппозиции исторически следующим образом: сначала существует член с широким значением, например, в древних языках было одно время, которое мы сейчас называем «настоящее», затем появляется форма с более узким значением — маркированная по признаку «прошедшее время», еще позднее — форма со значением «будущее время». Немаркированная же форма настоящего времени до сих пор может употребляться вместо прошедшего и настоящего: *Иду я вчера по улице...; Завтра я иду на именины*. Наиболее четко теория оппозиции в морфологии разработана в трудах Р.Якобсона, А.В.Исаченко, А.В.Бондаренко, Е.И.Шендельс, И.Б.Хлебниковой, Л.С.Бархударова, в синтаксисе этими проблемами занимались Т.Б.Алисова, Т.П.Ломтев, М.Я.Блох, Л.М.Ковалева, Н.Н.Матвеева.

2. Грамматическая категория как система однородных грамматических форм языка

Семантическим оппозициям грамматических значений соответствуют определенные ряды грамматических форм (суффиксов, окончаний), например, в русском языке оппозициям грамматических значений падежа имен мужского рода на твердый согласный соответствует ряд окончаний: стол, стол-а, стол, стол-у, стол-ом, о стол-е. Такой ряд называется парадигматическим, значение этих парадигматических форм считается категориальным, а само единство материальных форм (парадигмы) и значений (оппозиции) образует

эту грамматическую категорию. Иначе, *грамматическая категория является системой выражения обобщенного грамматического значения, осуществляемого через парадигматическое соотношение форм* (Блох М.Я., 1986, с.82).

Таким образом, мы имеем дело с новыми понятиями: грамматическая форма и грамматическое значение. Только их единство дает грамматическую категорию. Что же такое грамматическое значение, в чем его отличие от лексического?

Грамматическое значение — это обобщенное значение группы слов, абстрагированное от конкретного, индивидуального значения отдельных слов, в эту группу входящих. Так, у *tables, boys, chairs, houses*, каждое из которых имеет свое, только ему присущее значение (*table* — мебель с гладкой доской, с ножками, используется для принятия пищи и т.д.), имеется одно значение, их объединяющее. Это значение множественности.

Грамматическая форма — это оппозиция противопоставляемых форм (например, единственное/множественное число существительных: *table — tables*). Возможность формального противопоставления единственного числа имени множественному дает возможность говорить о существовании в языке общей категории числа, то есть общая категория есть там, где имеется как минимум две индивидуальные категории.

Грамматическая категория как единица системы представляет собой некоторую модель, объективно отражающую факторы речи. *Для выделения грамматической категории необходимо:*

- 1) чтобы она соотносилась с определенной единицей данного уровня, вне которой она не может существовать;
- 2) чтобы она имела план содержания (грамматическое значение) и план выражения (набор противопоставленных форм, то есть парадигму);
- 3) чтобы она проявлялась независимо от лексического значения отдельных лексических единиц и независимо от контекста. Она должна быть предсказуема и универсальна (Гухман М.М., 1968, с.133). Это значит, что всякое появившееся в речи слово уже обладает определенными категориями: если это существительное, то оно имеет категории числа и падежа, если глагол — категории времени, залога, наклонения и т.д.

Рассмотрим теоретические вопросы грамматической категории на примере категории падежа в английском языке.

3. Категория падежа существительного

Существует ли в английском языке падеж, и если да, то является он морфологической или синтаксической категорией? Это самый сложный вопрос, потому что исторически в языкознании термин «падеж» связывался с окончанием существительного и, следовательно, падеж был словоизменительной (морфологической) категорией.

С другой стороны, лингвисты пытались определить значение каждого падежа, и это отразилось в названиях падежей, указывающих, по крайней мере, на одну из главных функций каждого падежа (Именительный падеж ассоциировался с понятием наименования, Дательный — с понятием отдавания, Творительный — с понятием инструмента и т.д.).

Однако до сих пор не удается дать удовлетворительное семантическое определение ни каждому отдельному падежу, ни падежу вообще. Это обусловлено тем, что, во-первых, один и тот же падеж при разных глаголах может иметь разные значения. Ср.: *John saw Mary* (John — субъект восприятия), *John killed the bear* (John — действующее лицо), *John was killed by the bear* (John — объект действия). Вывести общее значение падежа здесь тем более затруднительно. Во-вторых, в одном падеже могут сливаться разные значения: *Tom was killed in electric chair* — это инструментальное или локативное значение?

Противоречие заключается в том, что значение падежа определяется только в предложении, то есть в синтаксической структуре, вне которой он не существует. Но выражается это противопоставление во флективных языках (латыни, греческом, славянских) морфологически, то есть при помощи словоизменения. А так как именно эти языки были раньше в центре лингвистического анализа, то двойственный подход преследовал падеж с самого начала. Считалось, что падеж — это словоизменительная, следовательно, *морфологическая* категория, передающая отношения имени в предложении, то есть имеющая *синтаксическую* функцию. И когда с этой точки зрения стали подходить к английскому существительному, не имеющему падежных окончаний, то возникла неясность. Если это

морфологическая категория, то нужно найти окончания или равные им формы словоизменения. Если это синтаксическая категория, то окончания сами по себе не важны, нужно найти синтаксические формы выражения падежей в английском языке. Эти объективные противоречия и являются причиной существования многочисленных теорий падежа в английской грамматике, которые сосредоточены в основном вокруг двух проблем: 1) категория падежа английского имени и местоимения в целом; 2) категория притяжательного падежа.

Кроме того, существует теория аналитических или предложных падежей, согласно которой отношения имени в предложении передаются при помощи сочетаний существительных с предлогом (а так оно и есть), например: *to the man* — Дат.п., *by the man* — Твор.п., *in the man* — Местный падеж. Это так называемые предложные падежи, здесь и значение, и форма — синтаксические, и падеж в таком случае следует считать синтаксической категорией, принадлежащей предложению.

Близка к ней теория позиционных падежей, которая также выделяет падежи на основе синтаксического функционирования имени существительного. Эта система включает четыре падежа: Именительный — падеж подлежащего, Родительный — падеж определения, Винительный — падеж прямого объекта и Дательный — падеж косвенного объекта. Эта система первоначально не нашла поддержки среди широкого круга лингвистов, так как дублировала систему членов предложения и не имела в своем основании ни четких признаков формы, ни четких признаков содержания. Но последние десятилетия она нашла отражение в так называемой падежной грамматике (*case grammar*) Ч.Филмора, который представил предложение как глагол с набором падежей, например: *orep* имеет при себе следующие падежи: Объектив, Агентив и Инструменталь. Речь по сути дела идет о синтактико-семантических ролях в предложении, и название «падеж» вроде бы ни к чему, хотя все остальное логично. В отечественной лингвистике термин «падеж» в этом значении не употребляется.

Некоторые американские лингвисты подходили к системе падежей с точки зрения формы: в одном ряду рассматривали падеж имени существительного и местоимения, а именно: если существи-

тельное может занимать позицию местоимения, употребленного в Объектном падеже, то оно оказывается тоже употребленным в Объектном падеже (если в *John saw her* местоимение употреблено в Объектном падеже, то и в *John saw a girl* существительное *a girl* — в Объектном падеже). Если существительное употребляется в функции определения, как притяжательное местоимение (*John's book* — *his book*), то оно тоже в Притяжательном падеже. Разграничение падежей здесь основывается на аналогии между местоимением и существительным, которое может субституироваться местоимением.

В отечественной англистике широко принят морфологический подход, который позволяет выделить только два падежа — Общий (*Common case*) и Притяжательный (*Possessive case*). Они имеют следующую форму:

	Ед.ч.	Мн.ч.
Общий падеж	<i>the boy</i>	<i>the boys</i>
Притяжательный падеж	<i>The boy's</i>	<i>the boys'</i>

Теоретически здесь трудности в определении значения Общего падежа. Маркированным по признаку «притяжательность» (+A) мы можем считать Притяжательный падеж, а Общий — немаркированным, то есть не сигнализирующим признак «притяжательность», но и не отрицающим его ($\pm A$). Но разве этим исчерпывается значение Общего падежа? Нет, конечно. Сформулировать значение Общего падежа никак не удастся.

Вторая проблема заключается в том, что употребление посессива ограничено лексически, в этой форме употребляются одушевленные существительные (*the boy's voice*), иногда существительные, обозначающие часть конкретного предмета (*the car's roof*), а также существительные, обозначающие периоды времени, расстояния, цены: *a week's notice*, *at a mile's distance*, *a shilling's worth of sugar*. В языкознании же принято считать, что категориальные формы образуются без исключений, то есть просклонять можно любое существительное по всем падежам. Однако, справедливости ради следует отметить, что это правило иногда нарушается. Например, не все русские глаголы спрягаются по всем лицам, не все деепричастия употребляются (форма *пиша* и *поя* — чисто теоретические).

Поэтому здесь можно найти объяснение: формы Притяжательного падежа нет у существительных, которые обозначают нечто, не способное обозначать отношения притяжательности или принадлежности, например, у существительных абстрактных: *his action's result.

Третья особенность: формальная парадигма посессива ущербна, он практически не употребляется во множественном числе в устной речи, так как апостроф не отражается в произношении: the boy's room — the boys' room.

Четвертая особенность заключается в том, что 's употребляется не только с именем, но и со словосочетанием (Tom and John's room) и даже без существительного (somebody else's room). Теоретически существование таких форм может иметь два объяснения: синтаксическое и морфологическое. С синтаксической точки зрения можно считать, что посессив подвергается процессу синтаксизации, и окончание, которое относится к целому словосочетанию, видимо, превращается в синтаксический показатель, и его синтаксичность сохраняется и тогда, когда оно оформляет одно слово: the boy's book. Если же продолжать считать 's морфологическим показателем, то надо допустить, что в морфологию проникают единицы, большие, чем слово. Последняя точка зрения тоже допустима. Ведь даже в таком синтетическом языке, как русский, нередко окончание оформляет целое сочетание: *Спросите у Иван Ивановича, у Александр Петровича; на Москва-реке* и т.д. Это происходит потому, что морфология — служанка синтаксиса, и она оформляет не просто слова, а словоформу, то есть слово в определенной функции. Если при этом два или три слова имеют одно единое значение и одну функцию на всех, суффикс относится ко всему сочетанию. Но тогда получается, что содержательно падеж принадлежит синтаксису. Это так и есть, с этого мы и начали наши рассуждения. Вот эти четыре обстоятельства мешают ряду ученых (Г.Н.Воронцова, Б.А.Ильиш, А.М.Мухин, И.П.Иванова, Г.Г.Почепцов, В.В.Бурлакова) признать существование Притяжательного падежа в английском языке. Они называют форму с 's посессивом и считают, что посессив функционирует только в узких рамках атрибутивного сочетания и реализует категорию более узкую, чем падеж, которую можно назвать категорией именной характеристики или индивидуальной

атрибутивности (И.П.Иванова и др., 1981). Тогда Общий падеж будет выражать синтаксическую функцию обобщенной атрибутивности. Это верно для противопоставления *the car's roof : the car roof* и никак не касается Общего падежа в других функциях. В таком случае это синтаксическая форма выражения атрибутивности, а не морфологическая категория падежа. Поэтому отечественные лингвисты не усматривают в противопоставлении *the boy's : the boy* системы морфологической оппозиции падежей. Они считают, что морфологическая категория падежа распалась, утратив свои свойства.

Мы подробно рассмотрели только одну из многочисленных категорий английской грамматики и могли заметить, с какими теоретическими сложностями связано выделение грамматических категорий. Сегодня эти сложности связаны с тем, что лингвисты все яснее осознают тот факт, что многие категории проявляются только в предложении и, следовательно, имеют синтаксическое содержание (ср. категории рода, числа и падежа существительных: первые две существуют и без предложения, третья вне предложения не реализуется). Лингвистическая же традиция называет их морфологическими по форме. Это ведет к спорам, к непониманию. Сейчас эпоха переходная: то, что привыкли считать морфологией, перекачивается в синтаксис. По словам крупнейшего английского лингвиста Дж.Лайонза, многие категории нуждаются в новой формулировке на базе современной лингвистики, которая первичным считает синтаксис, а словоизменение рассматривается лишь как один из способов уточнения синтаксических отношений в предложении (Дж. Лайонз, 1978, с.290-291).

4. Категория времени английского глагола

Существование категории времени в системе английского глагола не вызывает серьезных возражений со стороны исследователей. Однако спорными продолжают оставаться до сих пор такие вопросы, как система времен английского глагола, место в ней будущего времени, модальные оттенки временных форм, соотношение категорий времени и вида, если категория вида признается как самостоятельная категория, и др. Последний вопрос является особенно сложным, поскольку категории времени и вида очень тесно взаимосвя-

заны друг с другом. Именно поэтому некоторые ученые считают целесообразным рассматривать их как единую систему видо-временных форм (И.П.Иванова).

Исходя из того, что категория времени существует в языке для того, чтобы показать, когда происходит (происходило, будет происходить) действие, а категория вида — для того, чтобы показать, каким образом оно протекает во времени, будем рассматривать категорию времени и категорию вида отдельно. Тем более, что в основе названных категорий лежат разные морфологические оппозиции и, следовательно, они образуют различные парадигматические ряды.

Слова *tense* (лат. *tempus*) и *time* очень удобно различают грамматическое время (*tense*) и реальное время как форму существования объективного мира (*time*). Однако грамматическое время не может в полной мере отражать реальное время, так как значение времени свершения действия, передаваемое формами глагола, является очень обобщенным. Так, форма *comes* обычно используется для обозначения действия, происходящего в настоящее время. Однако в определенном контексте она может обозначать и будущее, хотя ясно, что это вторичное значение формы настоящего времени. Ср.: *If he comes, I'll see him*. Правильному пониманию предложения может способствовать лексический указатель, входящий в структуру предложения. Например, предложение *John comes from Chicago on Saturday* может быть понято как «Джон приедет из Чикаго в субботу» только в том случае, если оно произнесено в любой день недели до субботы.

В лингвистической литературе те временные формы глагола, которые обозначают время действия по отношению к моменту речи, называются абсолютными или прямыми. Те же временные формы, которые обозначают время действия по отношению к какому-либо иному моменту, принятому за основу временных отношений, называются относительными или релятивными временами.

Ориентированность временной формы на момент речи дает возможность рассматривать грамматическое время как грамматическую категорию, посредством форм которой так или иначе определяется временное отношение между процессом, обозначенным данной формой, и моментом речи (Смирницкий А.И., 1959,

с.308). Момент речи понимается при этом как условная точка отсчета, выступающая в качестве «нуля» на линии времени. В художественном тексте она выбирается автором произвольно, а в реальной речи говорящих такой точкой отсчета является сам момент речи. (Следует признать, что понятие «момента речи» оказывается довольно неопределенным: он может иметь самую различную протяженность — от мгновения до бесконечности. Ср.: Moore passes the ball to Charlton (Quirk R., et al.); He loves going to the theatre (ibid.); The earth turns round the sun (Hornby)).

В этом случае возможно, казалось бы, совершенно естественно деление всех событий на происходящие в настоящем, прошедшем или будущем. Соответственно, все события, которые имеют место в течение отрезка времени, совпадающего с моментом речи, относятся к плану настоящего. События, действия которых предшествуют моменту речи (то есть настоящему), не включая его, относятся к плану прошедшего. А те события, которые следуют за моментом речи и тоже не включают его, относятся к плану будущего.

При таком подходе категория времени в современном английском языке конституируется прежде всего формами настоящего и прошедшего (ср.: play : played; plays : played), которые являются синтетическими, и формой будущего времени, которая всегда является аналитической (shall/will play), то есть основу глагольной категории времени составляет трехчленная оппозиция: настоящее — прошедшее — будущее. Ср.: play : played : shall/will play, где сильным, маркированным членом является и прошедшее, отмеченное морфемой прошедшего времени, реализованной в нашем примере алломорфом -ed, и будущее, маркированность которого достигается благодаря наличию shall/will.

Однако такая система времени принимается далеко не всеми учеными. Некоторые считают, что в современном английском языке нет вообще объективного будущего, поскольку формы, образованные с помощью вспомогательного глаголов shall для первого лица и will для всех остальных, всегда модальны. Такой точки зрения придерживался, например, О. Есперсен. Эта точка зрения разделяется и некоторыми современными исследователями. Так, в грамматике Р.Кверка вообще отрицается существование будущего в системе времен английского языка. По мнению авторов этой грамматики,

можно говорить только о прошедшем и настоящем. Будущего в системе времен нет, однако существует ряд способов обозначения действий, осуществляемых в будущем (future time), посредством модальных и полумодальных глаголов и формы настоящего длительного или неопределенного времени (Quirk R., et al., 1972, 87):

1. **SHALL + INF** для 1-го лица характерно для британского английского; **WILL** (или 'LL) для всех лиц, включая и 1-ое лицо, — для американского варианта;
2. **BE GOING TO + INF.** Эта конструкция передает значение будущего с оттенком намерения. Ее общее значение «реализация настоящего в будущем» конституируется двумя значениями:
 - а) будущее, связанное намерением с настоящим, ср.: When are you going to get married? (используется главным образом с личностным субъектом);
 - б) будущее как следствие настоящего, ср.: She's going to have a baby;
3. формы настоящего длительного передают значения планируемого будущего: The orchestra is playing Mozart;
4. в придаточных условия и времени настоящее неопределенное передает значение будущего. Ср.: What will you say if I marry my boss? The guest will be drunk before they leave.

Представляется, что такое утверждение не соответствует действительности. С одной стороны, модальные значения действительно могут входить в семантику данной формы, поскольку исторически shall связано с долженствованием (ср. нем. sollen), а will — с желанием (ср. нем. wollen), особенно при употреблении с необычным для них лицом: will — с первым лицом, а shall — со вторым и третьим лицом. Ср., например: He shall do it — «Он должен сделать это» и I will do it — «Я желаю сделать это», где сочетания do с shall и will трактуются не в качестве просто аналитической формы, выражающей будущее, а только как будущее, осложненное модальным значением. Однако в огромном количестве примеров формы будущего времени в английском языке выражают чистое немодальное будущее. На это указывает и существование в языке краткой формы — 'll, преимущественное употребление которой в прямой речи, а также употребление will в первом лице свидетельствуют о

тенденции к устранению формальных различий между *shall* и *will* в выражении будущего времени.

Признание будущего во временной системе английского глагола само по себе еще не дает ответа на вопрос, какая же оппозиция лежит в основе категории времени. В оппозицию «настоящее : прошедшее : будущее» входят формы, представляющие как абсолютные (настоящее и прошедшее), так и относительные (будущее) времена, где выявляются два сильных члена (прошедшее и будущее). Поэтому и была предпринята попытка свести трехчленную оппозицию к бинарной (Н.Ф.Иртеньева), она опиралась на идею о существовании двух временных планов в системе английского глагола. Соответственно, глагольная категория времени представляется как состоящая из двух подсистем: системы настоящих времен и системы прошедших времен. Первая охватывает *Present Indefinite*, *Present Continuous*, *Present Perfect*, *Present Perfect Continuous*. В план настоящего включается и будущее, связанное с ним: *Future Indefinite*, *Future Continuous*, *Future Perfect*, *Future Perfect Continuous*, то есть будущее оказывается как бы подчиненным настоящему. План прошедшего включает в себя *Past Indefinite*, *Past Continuous*, *Past Perfect*, *Past Perfect Continuous*. Сюда же включается *Future-in-the-Past* во всех четырех частных системах.

Таким образом, в английском языке имеются как бы две системы будущих времен, подчиненные основному делению времени на прошедшее и настоящее.

Эта идея получила новое развитие в работах М.Я.Блоха, который считает, что система времен в современном английском языке представлена двумя коррелирующими подсистемами. В зависимости от их способности выражать отношение времени действия к моменту речи они обозначаются как категория первичного (*primary*), или абсолютного времени, и категория проспекции (*prospect*), или относительного времени.

Категория первичного времени конституируется бинарной привативной оппозицией «настоящее : прошедшее». Действие, выраженное личной формой глагола, помещается в прошлое или непростое по отношению к моменту речи. Формальным маркером данной оппозиции для правильных глаголов является *-(e)d*, а для неправильных — изменение корневой гласной.

Категория проспекции конституируется членами бинарной оппозиции «будущее : небудущее», где сильным членом оппозиции оказывается будущее, маркированное прерывистой морфемой *shall/will...Ø*. Семантической основой данной категории является направленность сильной морфемы в будущее: она показывает, что событие, обозначенное формами *shall/will...Ø*, совершается (или не совершается) за тем действием, которое представлено формами первичного времени (настоящим или прошедшим). И как следствие, выражение будущего манифестируется в двух оппозициях — «настоящее : будущее» (*speak : will speak*), где сильным членом является будущее, и «прошедшее : будущее в прошедшем» (*spoke : should/would speak*). Здесь маркированным оказывается будущее в прошедшем.

Таким образом, если категория первичного времени выражает абсолютное время по отношению к моменту речи, то категория проспекции представляет относительное время.

5. Категория вида английского глагола

Глагольная категория вида передает характер протекания действия, выраженного глаголом в личной форме, во времени. (*Aspect refers to the manner in which the verb action is regarded or experienced (Quirk R. et al., 1972, с.90)*). В основе анализируемой категории в отличие от русского языка лежат следующие два ряда противопоставлений:

- 1) «длительный : недлительный» (в работах зарубежных авторов употребляются два термина: *continuous : non-continuous* или *progressive : non-progressive*, которые, на наш взгляд, абсолютно взаимозаменяемы), ср.: *is examining : examines, has been examining : has examined*;
- 2) «перфектный : неперфектный» (*perfect : non-perfect*), ср.: *has examined : examines, had examined : examined* и т.д.

В оппозиции «длительный : недлительный» сильным, маркированным членом является «длительный» как представляющий действие в развитии (формально он отмечен наличием прерывистой грамматической морфемы *be ... Ving*), а слабым, немаркированным — индефинитная форма (*non-continuous*), имеющая самое широкое значение и способная употребляться там, где употребляются длительные формы — основы глагольной категории развития (*the*

aspective category of development). Рассмотрим следующие два предложения: *John sings well* и *John is singing well*. Действие, выраженное глаголом *sing*, и в первом, и во втором предложении относится к плану настоящего, то есть с точки зрения времени между этими предложениями нет различия. Однако они различаются в видовом отношении: значение глагола *sing* в *John sings well* характеризует Джона как певца, имеющего, очевидно, хороший голос. В предложении *John is singing well* глагол *sing* связан с исполнением: Джон хорошо поет в данном, конкретном случае.

В семантику длительности могут включаться и другие значения, содущствующие ей. Например, значение ограниченной продолженности, ср.: *The professor types his own letters* (его обычная деятельность) и *The professor is typing his own letters* (форма *is typing* указывает на то, что эта деятельность ограничена во времени); значение незавершенности действия, обозначенного длительной формой, ср.: *I read the book that evening* (чтение книги закончилось в тот вечер) и *I was reading the book that evening* (в предложении нет указания на то, что чтение книги было завершено в тот вечер). Кроме того, длительная форма может включать в свою семантику значение одновременности другому действию, эмоциональную окрашенность и др.

Одна из особенностей длительного заключается в том, что он выражает процессуальность действия, его развертываемость во времени безотносительно к его началу или концу, ср. предложение *The guests were playing cards round the dining room table*, из которого следует, что гости играли в карты до того, как говорящий наблюдал их игру, и продолжали играть после этого момента. Другая особенность длительного состоит в том, что он не употребляется с глаголами, не обозначающими физические действия типа *see, think, smell, taste, suppose, want, understand, own, forgive, deserve, fit, cost* и т.п. Ср.: *I understand that she is coming*, но не **I am understanding that she is coming*. И если глагол данного типа встречается в длительной форме, то это часто свидетельствует о том, что он употреблен в своем вторичном значении, ср.: *I am seeing (visiting) the doctor today* (значение «нанести визит»).

Прошедшее длительного разряда обычно употребляется не само по себе, а когда есть или упоминание другого действия в прошедшем,

выраженное прошедшим основного разряда (When I returned she was sweeping the floor (Bennet)), или лексическое указание, представленное такими фразами как the whole day, all day long и т.п. (They were working in the garden all day long).

Противопоставление «перфект : неперфект» (perfect : non-perfect) является основой категории ретроспективной координации (the category of retrospective coordination, Blokh M.Y., 1983). Маркированным, сильным членом оппозиции выступает перфектная форма, образуемая с помощью глагольной морфемы have ... Ven.

Перфект — спорная грамматическая форма. Проблема его отнесения к категории вида или категории времени, а также его основного грамматического значения до сих пор не нашла однозначного решения.

Традиционно перфект рассматривался как сугубо временная форма (Г.Суит, Г.Поутсма, С.Анионз). Однако в середине нашего столетия отечественные лингвисты стали выделять его как видовую форму: Г.Н.Воронцова называла его ретроспективным видом (то есть формой, связывающей прошедшее и настоящее), а Б.А.Ильиш сформулировал его основное грамматическое значение как значение результативности.

Рассматривая перфектную форму как своеобразную видовую форму, соединяющую в себе не только время свершения действия (предшествования), но и его результат (законченность, завершенность действия), то есть его связь с моментом речи, остановимся только на одном вопросе: Past Indefinite и Present Perfect — оба переводятся как прошедшее, но какая между ними разница? Перфект настоящего передает завершенность действия в сфере настоящего. Он соотнесен с моментом речи, так как указывает на период времени, уходящий в прошлое. Ср. следующие предложения: His sister was an invalid all her life и His sister has been an invalid all her life. Простое прошедшее в первом предложении указывает, что его сестра умерла (she is now dead). Перфектная форма, используемая во втором предложении, обозначает, что сестра жива и в момент речи она продолжает оставаться инвалидом. Перфект настоящего употребляется преимущественно в прямой речи и в простом предложении. Это значит, что он очень зависит от оценки действия говорящим. Поэтому в том случае, когда говорящий хочет подчер-

кнуть, что прошедшие действия своим результатом оказывают влияние на настоящий момент, что результат этого действия важен для него и сегодня, он употребляет перфект настоящего. Так объясняет его употребление проф. А.К.Корсаков. Человек спорит и говорит: I have earned the right to speak — это значит «Я заработал право говорить и поэтому я говорю». Рассмотрим такой пример: «I know», she whispered, «I have always known», который может быть интерпретирован следующим образом: «Я всегда это знала и сейчас поэтому знаю». На значение результативности здесь накладывается значение оценки события говорящим.

Причем интересно, что если эти формы употребляются подряд, то они не обозначают последовательности разных действий. Ср. следующий пример: I've tried these modern inoculations a bit myself, I've killed people with them and I've cured people with them but I gave them up (Snow). Если бы здесь подряд стояли формы Past Indefinite, то передавалось бы значение простой последовательности: «Я сам испробовал эти современные прививки. Сначала я ими убивал людей, потом лечил». На самом деле настоящее перфектное обозначает независимые, самостоятельные действия, результат которых все еще важен для говорящего, и предложение понимается иначе: «Я сам испробовал эти современные прививки, я убивал ими людей и вылечивал ими людей и я отказался от них».

Прошедшее перфектное отличается от настоящего перфектного как раз тем, что обозначенное им действие происходит на фоне другого действия, по отношению к которому оно является прошедшим (the meaning of past-in-the-past). Ср.: John had lived in Paris for ten years (when I met him). Можно полагать, что на первый план здесь выдвигается не видовое значение (результативность, завершенность действия), а временное, причем относительно временное: это время, прошедшее по отношению к другому прошедшему.

Перфектное длительное обозначает процесс в его развитии, который заполняет определенный промежуток времени, начавшийся до определенного момента и продолжающийся в этот момент (в прошлом или настоящем). Длительность привносит значение незавершенности в семантику глагола. По мнению Р.Кверка и др., действие, обозначенное данной формой, приобретает определенную эмоциональную окрашенность. Ср. следующие предложения: Who's

eaten my dinner? и Who's been eating my dinner? Из первого предложения следует, что съеден весь обед, его не осталось, из второго — съедено не все, кое-что осталось. Кроме того, говорящий выказывает свое неодобрение свершенному действию (Quirk R., et al., 1972, 97).

6. Когнитивная теория времени и вида (дополнительный материал для размышления)

Всякий раз, когда речь заходит о представлении временных отношений в языке, возникает ряд взаимосвязанных вопросов, ответы на которые в общем и целом определяют концептуальную парадигму рассмотрения данной проблемы. К числу таких вопросов относятся следующие: 1) соотношение так называемого физического (объективного) времени и времени грамматического (субъективного), 2) языковая функция грамматического времени, 3) соотношение грамматического времени и грамматического вида.

Проблема, связанная с первым вопросом, заключается в том, что, как отмечал Г.Вайнрих, «различные временные системы многих языков не очень хорошо укладываются в давно утвердившуюся схему прошлое — настоящее — будущее: эту магическую триаду, которая является началом и концом почти каждого философского рассмотрения времени». Поэтому уже античные лингвисты «изобрели», по выражению Вайнриха, вид, и лингвистическая формула времени приняла форму $tense = time + aspect$. Это, в свою очередь, породило новую проблему, а именно, проблему определения вида как грамматической категории.

В связи с тем, что во многих языках имеет место формальное совмещение показателей времени и вида (а также наклонения), а в понимании и толковании как категории времени, так и категории вида нет единства взглядов, существующие теории видо-временных систем характеризуются невероятной сложностью, и сама проблема является наиболее дискутируемой областью лингвистики. Преодолеть сложившуюся ситуацию помогает когнитивная теория времени и вида, учитывающая механизмы познавательной деятельности человека и особенности ее отражения в языке.

Физическое (объективное) и грамматическое (субъективное) время

«Физическое» и «объективное» как атрибуты понятия времени обычно употребляются синонимически, т.е. «физическое» = «объективное». В частности, можно сослаться на определение физического времени у Б.Рассела, которое он противопоставлял времени ментальному: «ментальное время [есть] время, которое возникает из отношений субъекта и объекта, ... физическое время [есть] время, которое возникает из отношений объекта и объекта» (Russel, 1915, с.212). Такой подход переключается с трактовкой времени в феноменологической философии Э.Гуссерля, указывавшего, что объективное время принадлежит связям предметностей опыта, а потому является трансцендентным понятием и должно быть исключено из анализа сознания времени. Две стороны понятия времени подчеркивал Г.Рейхенбах, связывавший свойства самого времени со сферой психического опыта человека.

Противопоставление «объективного» времени грамматическому времени предполагает тождественность понятий «грамматическое» и «субъективное», но в таком случае, коль скоро грамматическое время специфическим образом отражает время объективное, мы приходим к признанию определенной зависимости между отношениями субъект—объект, с одной стороны, и объект—объект, с другой. Что следует из этого допущения? Во-первых, что анализ сознания времени (психологического, субъективного) не может исключать объективного времени, а поскольку понятие объективного времени трансцендентно, т.е. выходит за границы возможного опыта, возникает логический парадокс, разрешение которого не представляется возможным. Во-вторых, при анализе субъективного времени мы имеем дело с ощущениями и памятью, т.е. отношениями «прошлое—настоящее—будущее», а в случае объективного времени — с одновременностью и следованием, т.е. отношениями «раньше—позже», которые Г.Рейхенбах определял как фундаментальные понятия, составляющие ядро физического порядка времени. По мнению Рассела, в мире, лишенном опыта, нет прошлого, настоящего или будущего, но может быть раньше и позже. Однако «раньше» и «позже» суть логические конструкторы, выводимые из эмпирического опыта — а основу этого опыта составляют все те же ощущения и

память, и мы опять оказываемся в порочном круге, ибо «если мы исследуем сознание, мы найдем там не прошедшее, настоящее, будущее, но единство, охватывающее сложность. *Всякая вещь существует в сознании, и всякая вещь в сознании существует, и существует в совокупности*» (Whorf, 1958, с.143).

Согласно словарному определению, время есть одна из форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи — последовательная смена ее явлений и состояний. Когда говорят об объективном времени, то имеют в виду именно это философское (материалистическое) понимание времени, хотя в западноевропейской философской традиции (в частности, в трудах Э.Канта) время понимается как форма человеческого созерцания. Материалистическое понимание времени исходит из бесспорности существования физического его аспекта, включающего в себя проблемы соотношения времени и материи, реально существующих независимо от сознания человека. «Лингвистический аспект подчинен физическому и философскому аспектам в том смысле, что с помощью языка описывается содержание последних» (Дешериева, 1975, с.111). Данная методологическая посылка характеризует общий подход к проблеме времени в современном языкознании, хотя в ней изначально заложено существенное логическое противоречие. Выявление физического времени как категории естественнонаучной картины мира относится к значительно более позднему этапу развития человеческих представлений о мире, поэтому лингвистический аспект времени не может быть подчинен физическому в принципе — ведь формирование языковой картины мира, и по сей день отражающей архаическое сознание человека, предшествовало формированию научной картины мира.

Пространственная природа временных понятий прослеживается в первичной временной дихотомии «прошедшее / настоящее» (англ. *past/present*), образующей основу лингвистического времени. Указание на необходимость учета фигуры наблюдателя при анализе лингвистической сущности понятия «настоящее» эксплицировано в самих английских терминах «*present*», «*presence*», этимология которых прослеживается от лат. *sentire* — «воспринимать чувствами», *sensus* — «чувство, восприятие» с приставкой *pre-*, т.е. «перед чувством», «то, что чувственно воспринимаемо». Это значение

английское слово *present* сохраняет в таких его употреблениях, как *All are present* 'Все присутствуют'.

На семантическую проблему, связанную с латинским прилагательным *praesens*, указывали многие лингвисты. «Совершенно очевидно, что *praesens* не соотносится с *praesum*. Чтобы компенсировать отсутствие причастия от *esse*... латинский язык создал составные формы с *-sens*, такие, как *absens* от *absum*. Тогда, казалось бы, рядом с *adsum* следует ожидать **adsens*. Однако в смысле, который должен был бы соответствовать **adsens*, мы находим только *praesens*. Почему?» (Бенвенист, 1974, с.150). Отвечая на этот вопрос, говорит Э.Бенвенист, нужно начать с восстановления точного значения *praesens*, которое не вполне согласуется с его употреблением в языке классического периода. Сравнивая различные латинские тексты, он приходит к выводу, что «*praesens* употребляется по отношению к тому, что находится „на глазах, что можно видеть, что непосредственно дано“ („наличествует“), и может поэтому, не создавая плеоназма, сочетаться с *adesse*... как в следующих фразах: *praesens adsum* (Pl. Cic.); ...*belua ad id solum quod adest quodque praesens est accomodat* „то, что присутствует и находится у него перед глазами“ (Cic., Off., I, 4)» (Там же. — с.151).

Видимо, лишь большая сила традиции помешала Э.Бенвенисту сделать очевидный вывод о происхождении формы *praesens*. Пространственное толкование значения слова *present* логически объединяет обозначаемую этим термином понятийную категорию с понятийной категорией «прошедшее» (*past*) в базовое для большинства языков мира противопоставление, прототипической моделью для которого служат пространственные отношения между движущимся субъектом и последовательным рядом сменяющих друг друга наблюдаемых фрагментов действительности. Таким образом, в общих чертах настоящее может быть охарактеризовано как фрагмент действительности, *являющийся* объектом чувственного восприятия, а прошедшее — как фрагмент действительности, *являвшийся* объектом чувственного восприятия.

Какова же природа существующих в языке временных понятий? Если мы зададимся целью проследить истоки той или иной языковой модели временных отношений, мы неизбежно придем к общей для

всех случаев отправной точке — концептуальному единству понятий пространства и времени. Не случайно в современной физике время рассматривается как всего лишь координата в четырехмерном континууме, ибо, согласно современной теории пространства, между событиями различных движущихся систем не может быть никакой одновременности, потому что в материальном мире нет никакого времени; ему не присуща никакая временность. Как подчеркивал А. Венцль, «единственным реальным событием являются переживаемые (одно за другим) восприятия субъекта, переходящего континуум „вдоль мировой линии своего тела“». Но для физикалистского мира, для объекта восприятия не подходит больше никакая временность, в нем ничего не происходит, он просто есть». Другими словами, время вне человека не существует.

Но что же, в таком случае, представляет собой лингвистическое время, то время, которое принято противопоставлять времени объективному, и которое конституируется различными языковыми единицами так называемой «временной семантики»? Даже если не принимать в расчет тот факт, что естественнонаучное понимание времени ставит под сомнение самое существование «объективного» времени как самостоятельного атрибута материального мира, все равно остается почва для противопоставления по крайней мере двух сторон идеи времени, связанных с его пониманием как некоего «континуума жизни» и как системы абстрактных отношений, проявляющихся в языковых средствах представления этого континуума. Материальной почвой для такого противопоставления служит наличие в некоторых языках разных слов для обозначения «времени жизни» и лингвистического (грамматического) времени, например, *time* и *tense* в английском, *Zeit* и *Tempus* в немецком.

Ответ на вопрос нужно искать на эпистемологическом уровне различия между временем как базовым когнитивным концептом и временем как абстракцией, позволяющей рассматривать и описывать материальный мир как систему отношений в отвлечении от конкретных предметно-пространственных манифестаций объектов, составляющих эту систему. На уровне чувственных переживаний, предшествующих внутреннему сознанию времени, время «является» человеку в одном виде: это настоящее, то «теперь», которое переживается как непосредственная данность (говоря словами Т.Элиота, «все время

есть время настоящее»); будущее, настоящее, прошедшее суть абстракции от этого естественного понятия времени.

Любая абстракция строится на определенной совокупности конкретных фактов, составляющих эмпирический опыт человека и образующих основу всякого знания вообще. Построение языковой системы времени человеком основано на рефлексии, объектами которой выступают объекты текущего и предшествующего восприятия — именно поэтому языковое время во многих языках мира формировалось как система бинарных противопоставлений («настоящее/прошедшее»), отражающая *сферу человеческого опыта*. Другими словами, время как понятийная категория есть способ категоризации опыта, данного в ощущениях, оно антропогенно по своей природе, существует в сознании человека и не является отражением трансцендентной сущности под названием «объективное время».

Грамматические категории времени и вида

Время

Термин «грамматическое время» (*tense*) традиционно относится к личным формам глагола. В английском языке в активном залоге таких форм двенадцать, поэтому в грамматиках обычно говорится о двенадцати временных формах. В то же время, в любом из существующих языков собственно временных форм не может быть больше трех, поэтому термин *tense* в его современном употреблении расплывчат и неточен, поскольку личные формы есть не что иное, как конгломерат нескольких грамматических категорий, включающих время (*tense*), вид (*aspect*) и наклонение (*mood*).

Чтобы понять, как грамматическое время отражает временные различия, необходимо учитывать истоки понятия времени как психологического феномена. Выше уже приводилось значение термина *present*, которое недвусмысленно указывает на связь понятия «настоящее» с чувственным восприятием. Соответственно, первичным значением термина *past* является *'that which is gone by, no longer current'*. Мы знаем, что нечто прошло, если мы не можем его больше наблюдать, т.е. термин *past* относится к той области нашего опыта, которая не связана с текущим восприятием, а сохраняется в памяти. Деление нашего опыта о мире на две сферы

(«то, что доступно текущему наблюдению» и «то, что более не наблюдаемо») — это тот феноменологический фундамент, на котором основано понятие времени, и именно поэтому во многих языках мира (включая русский и английский) морфологическая категория времени представлена бинарной оппозицией *past/non-past* или *past/present*. В реальном мире (а это все то, что доступно восприятию) нет будущего времени, понятие «будущего» связано с нашими прогнозами относительно возможного хода и развития событий; другими словами, будущее время (*future time*) — это область прогнозируемого, предсказуемого опыта, и этим оно существенно отличается от настоящего и прошедшего. Понятие «будущего» во многих языках возникло значительно позже других временных понятий, в то время, когда грамматическая система языка уже была сформирована, поэтому для его выражения были приспособлены уже существовавшие языковые средства, такие, как аналитическая конструкция *will + Infinitive* в английском или основа настоящего времени глагола в русском (*поеду = по- + еду*). Следует отметить, что во многих примитивных языках нет форм будущего времени, и есть языки, в которых вообще отсутствует грамматическая категория глагольного времени.

Обычно сущность категории времени определяется как локализация действия (состояния) на временной оси, однако при интерпретации понятия временной локализованности возникают определенные трудности. По определению, линейная система координат, в которой осуществляется такая локализация, имеет своей точкой отсчета *hic et nunc* («здесь-и-теперь») говорящего (так называемое абсолютное время), либо какую-то другую точку (относительное время), т.е. фактически речь идет о двух дейктических системах координат. Каково соотношение между ними? Как они сопрягаются, и что влияет на выбор той или иной точки отсчета?

В соответствии с общепринятой традицией, настоящее трактуется как член темпоральной трихотомии «*PAST/PRESENT/FUTURE*», образующей геометрическую «ось времени»:

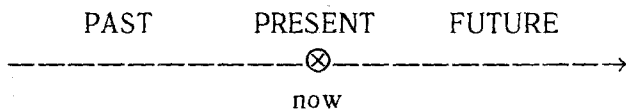

Рис.1. Геометрическая ось времени

Настоящее рассматривается как точка отсчета временной оси, а сама эта точка отождествляется с прагматическим фактором, получившим название «момент речи», который является референтом слова *now*. Соответственно, референтом грамматического времени PAST является время «до момента речи» ('before *now*'), а референтом грамматического времени FUTURE — время «после момента речи» ('after *now*'). Референт слова *now* обычно отождествляют с моментом его озвучивания, в связи с чем утверждается, что каждое последующее произнесение *now* обозначает другое время. Действительно, каждое последующее произнесение слова *now* происходит (объективный факт) в другое время, но из этого не следует, что *now* обозначает (языковая функция) другое время.

Утверждение, что каждое последующее произнесение *now* обозначает другое время, исходит из того, что всякое высказывание характеризуется определенной протяженностью во времени. Но это значит, что произнесение *каждого* последующего слова в высказывании происходит в другое время, ср.: *Now the light was lifting as the sun went down (Steinbeck)*. В данном высказывании все слова, следующие за словом *now*, озвучиваются в моменты времени, отличные от времени озвучивания *now*, поэтому если значение *now* связано только с моментом его произнесения, оно не может характеризовать пропозицию, выраженную в высказывании, и вопрос о языковой функции слова *now* попросту повисает в воздухе.

Если озвучивание каждого последующего слова в высказывании происходит в определенный момент времени, тогда озвучивание всего высказывания происходит в *n* моментов, которые составляют определенный *период* времени. Другими словами, время речевого действия соотносится не с точкой, а с ограниченным процессом; таким образом, «момент речи» отнюдь не моментален, поэтому термин не имеет четкого смыслового наполнения — не случайно на его неудобство неоднократно указывалось в литературе. Соответственно, модель временных отношений, в которой настоящее представляется точкой (см. Рис. 1), не позволяет дать последовательного объяснения особенностям функционирования форм настоящего времени, так как зачастую в разных языках эти формы употребляются для обозначения событий, которые логически относятся к сферам

прошлого или будущего. Ср.: *As Socrates says, nothing can harm a good man.* В этой связи часто говорят о немаркированном характере формы настоящего времени как члена грамматической категории.

Неясность существует и в отношении дополнительной точки отсчета, привлекаемой для интерпретации так называемых «относительных» времен — таких, как формы перфекта и прогрессива в английском. В свое время Г. Рейхенбах предложил модель временных отношений, инкорпорирующую обе точки отсчета (собственно момент речи, или *hic et nunc*, и вторую точку отсчета, или точку соотнесения [*point of reference*]). Хотя эта модель получила широкое распространение, она все же страдает существенным недостатком. Интуитивно понимая недостаточность момента речи как аргумента грамматической функции времени и указывая на необходимость привлечения дополнительного фактора, Рейхенбах не смог раскрыть прагматическую сущность этого фактора, поэтому «точка соотнесения» остается, по сути, «вещью в себе».

Анализ значений слов *здесь* и *сейчас*, проведенный в связи с проблемой точки соотнесения (Кравченко, 1992), показал, что центром координации, или точкой отсчета, различных видов указания (не только временного, но и указания на место и на лицо) является человек как субъект познания окружающей действительности, или субъект восприятия. Этот прагматический фактор играет важнейшую роль в формировании языковой картины мира, а потому должен учитываться в любом серьезном исследовании языка, особенно при анализе временных отношений.

Итак, точкой отсчета временного указания является фигура наблюдателя. Из этого положения вытекают весьма важные для временной теории следствия. Первое из них заключается в том, что в основе познания «настоящее» лежит соотнесение того или иного действия не с моментом речи, а с моментом наблюдения, и уже в силу одного этого факта настоящее следует рассматривать не как абсолютную исходную точку определения временного плана, который в этом случае обычно характеризуется как «абсолютное время», но как относительный центр координации осуществляемого временного указания, обладающий шифтерным характером (рейхенбаховская «точка соотнесения»). Именно поэтому наречие

now может указывать не только на настоящее, но и на прошедшее время (с точки зрения говорящего). Ср.: John is in bed now; John was in bed now. В обоих примерах формы глагольного времени ориентируют действие относительно говорящего-наблюдателя, при этом если в первом предложении наречие *now* указывает на время также относительно говорящего, то во втором примере *now* ориентировано на Джона, вводя точку зрения Джона как наблюдателя.

Вторым важным следствием является то, что, при невыраженности в глагольной форме указания на наблюдаемость действия, темпоральная локализация обозначенного глаголом действия, строго говоря, невозможна. Ср.: *John came home; John will come home*. Референциальные сферы PAST и FUTURE (см. Рис.2) представляют собой открытые (потенциально бесконечные) пространства, поэтому количество возможных референтов для соответствующих грамматических форм практически не ограничено. Речь в данном случае следует вести не о темпоральной локализации, а о темпоральной ориентации, так как референт грамматической формы не является, строго говоря, фиксированным (локализованным). Референтная сфера PRESENT также представляет собой пространство, а отнюдь не точку, причем пространство это по своей природе аналогично размытым множествам, поскольку не имеет четко фиксированных границ. Его конкретные размеры определяются тем, какую сферу опыта говорящий/наблюдатель включает в свое личное пространство. Личное пространство как психологический феномен есть отражение базовой когнитивной структуры, лежащей в основе порождения всех других структур человеческого знания о мире, в том числе структуры временных отношений. Личным пространством обладает каждый человек, оно является той сферой подручного опыта, которой противопоставляются все остальные знания и представления о мире.

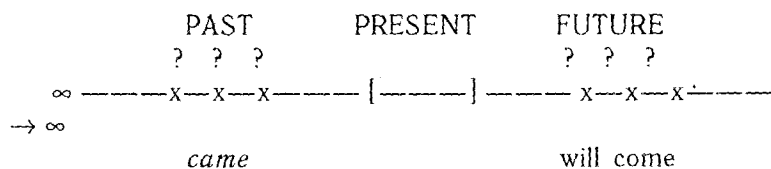

Рис.2. Ориентация событий на временной оси

Итак, чувственное восприятие оказывается неразрывно связанным с понятием времени вообще, поэтому можно говорить о когнитивном компоненте в значении грамматической категории времени. Этот компонент есть *соотношение между описываемым событием и наблюдателем*. В повседневном речевом общении наблюдатель обычно совпадает с говорящим, но такое совпадение не обязательно. Когнитивное различие между говорящим и наблюдателем отражается в грамматической категории вида.

Вид

Двенадцать английских «времен» образуют четыре группы: 1) Present, Past, Future Simple (Indefinite), 2) Present, Past, Future Progressive (Continuous), 3) Present, Past, Future Perfect, 4) Present, Past, Future Perfect Progressive (Continuous). Очевидно, то, что в английских грамматиках традиционно называют «временем» (tense), является чем-то большим, и личные формы глагола включают в себя не одну грамматическую категорию. Чтобы убедиться, действительно ли это так, нужно быть до конца последовательным в предпринимаемом анализе. Это значит, что сначала необходимо определить характер морфологической оппозиции, которая выражала бы специфическое грамматическое значение, отличное от временного значения.

Оппозиции личных и неличных форм глагола

Если исходить из того, что в английском языке три глагольных времени, то возникает вопрос: что же это за четыре группы форм (Simple/Indefinite, Progressive, Perfect и Perfect Progressive), и какое значение они имеют? Здесь возможны два подхода — формальный и семантический.

При формальном подходе четыре группы личных форм глагола можно рассматривать как оппозицию SIMPLE : COMPLEX, где простые формы (the Simple Tenses) противопоставлены сложным (the Complex Tenses). Сложные формы включают Progressive, Perfect и Perfect Progressive, каждая из которых состоит из вспомогательного глагола и причастия смыслового глагола, тогда как простые формы образуются из основы инфинитива, к которой добавляется суффикс -(e)s в 3 л. ед.ч. для настоящего времени и

суффикс -ed для прошедшего времени стандартных глаголов (форма будущего времени стоит особняком по причине, о которой говорилось выше). Следовательно, оппозиция SIMPLE : COMPLEX личных форм параллельна оппозиции INFINITIVE : PARTICIPLE для неличных форм, а это значит, что для того, чтобы понять семантическое различие между простыми и сложными формами, нужно выявить такое различие между инфинитивом, с одной стороны, и причастием, с другой, т.е. необходим семантический подход.

Формы, известные как Simple Tenses, имеют и другое название — Indefinite Tenses. При логически последовательном анализе сложные формы должны быть обозначены термином Definite Tenses (иначе термин Indefinite не несет смысловой нагрузки), но тогда возникает вопрос: что же в действительности подразумевается под терминами Indefinite и Definite? Ясно, что они не могут отсылать к временным различиям как таковым, поскольку временная отнесенность действия выражается эксплицитным способом с помощью терминов Present, Past и Future. Отметим, что оппозиция INDEFINITE : DEFINITE параллельна оппозиции SIMPLE : COMPLEX, т.е. ее можно сопоставить с оппозицией неличных форм INFINITIVE : PARTICIPLE. Таким образом, и формальный, и семантический подходы к анализу личных форм английского глагола указывают на необходимость определения грамматического статуса оппозиции неличных форм.

Неличные формы глагола и понятие грамматического вида

Английский термин *aspect* является переводом соответствующего русского термина *вид*, который этимологически соотносится с латинским *videre* 'видеть'. Как было показано на материале русского языка (Кравченко, 1995), когнитивное содержание глагольного вида связано с контрастом между двумя основными концептами событий (действий, процессов и т.п.): глагольные референты категоризируются либо как события, идентифицированные на основе наблюдения, либо как события, идентифицированные на основе существующего знания. Другими словами, мы говорим или о том, что мы видим (слышим, ощущаем и т.д.), или о том, что мы знаем.

В первом случае источник информации о глагольном референте является определенным (*definite*), потому что наблюдатель может быть идентифицирован; во втором случае такая идентификация невозможна (действительно, когда мы говорим *The earth is round*, мы говорим о том, что нам известно, но вот откуда это известно, сказать довольно трудно), поэтому здесь источник информации неопределенный (*indefinite*). Это противопоставление (*indefinite : definite*) в английском языке отражено в морфологической оппозиции неличных форм глагола.

Грамматическое значение инфинитива заключено в обозначении действия (события и т.п.) как обобщенного понятия. Обозначенное инфинитивом действие, как правило, не является частью наблюдаемой и описываемой в предложении реальной ситуации, оно не ограничено пространственно-временными рамками этой ситуации, а существует в бесконечном пространстве человеческого сознания. Это отражено в значении термина *Infinitive* — от прил. *infinite* «не имеющее границ, то, что нельзя измерить».

Грамматическое значение причастия заключено в обозначении действия как наблюдаемой и реально существующей части конкретной ситуации со свойственными ей пространственно-временными характеристиками. Термин *participle* происходит от лат. *participio* «принимать участие в чем-л.», т.е. референт причастия рассматривается как составной элемент наблюдаемой и описываемой ситуации. Это когнитивное различие между инфинитивом и причастием проявляется в том, что когда нас просят привести пример какого-нибудь глагола, мы всегда выбираем форму инфинитива, и никогда — форму причастия, потому что в последнем случае у слушающего неизбежно возникал бы ряд вопросов о том, *кто, когда и где*, тогда как в случае с инфинитивом таких вопросов не возникает. Однако в английском языке (впрочем, как и в других языках) причастие имеет две формы, которые называются *Present Participle* и *Past Participle*. В чем состоит грамматическое различие между ними?

Как уже говорилось, *present* имеет значение 'that which is before the senses', а *past* можно проинтерпретировать как 'that which is beyond the senses'. Таким образом, референт глагольной формы *Present Participle* предстает как нечто напрямую наблюдаемое в непосредственной (описываемой) ситуации, тогда как референт

глагольной формы Past Participle предстает как нечто, находящееся за пределами непосредственной (наблюдаемой и описываемой) ситуации. В последнем случае в наблюдаемой и описываемой ситуации имеются очевидные признаки того, что рассматриваемое действие имело место, но само действие не является частью ситуации. Когда мы говорим: *The chair is broken*, мы приписываем определенный признак («broken») предмету chair, потому что мы знаем из опыта, что структурная целостность этого предмета может быть изменена в результате действия breaking; употребляя форму Past Participle глагола break, мы указываем на происхождение признака, характеризующего предмет.

Когнитивное содержание неличных форм английского глагола связано с различием между неопределенным и определенным источниками информации об описываемом событии: инфинитив обозначает действие или событие, никак не указывая на то, что оно кем-либо наблюдается, а причастие (как Present, так и Past Participle) обозначает действие или событие, указывая при этом на то, что оно кем-то наблюдается. Данное различие «неопределенный источник информации/определенный источник информации» (indefinite/definite) образует грамматическую категорию глагольного вида.

Формальная классификация английских личных форм («simple» vs. «complex») отражает их видовые различия. Простые формы (Simple Tenses) в действительности есть временные формы неопределенного вида (Indefinite Aspect-Tenses), они обычно употребляются тогда, когда мы говорим о чем-то, что нам известно, а не о том, что мы наблюдаем. Так, факт, который утверждается в предложении *All rivers run to the sea*, известен говорящему не потому, что он имел возможность исследовать устья всех существующих на Земле рек (одному человеку это просто невозможно сделать), а потому, что он усвоил это в школе. Другими словами, говоря: *All rivers run to the sea*, мы пользуемся готовым знанием, полученным не нами и до нас, и для нас неважно, кто и когда установил этот факт. Можно сказать, что этот факт является частью нашего общего фонда знаний, и вместе с другими подобными фактами он образует структуру наших представлений о мире, в котором мы живем.

Сложные формы (Complex Tenses) есть временные формы определенного вида (Definite Aspect-Tenses), они обычно употре-

бляются тогда, когда мы говорим о том, что мы наблюдаем, а не о том, что нам известно. Однако объектом наблюдения могут выступать разные сущности. С одной стороны, можно наблюдать действие, непосредственно протекающее на наших глазах. Это, как мы помним, составляет основу грамматического значения формы *Present Participle* — и, следовательно, отражено в значении личных форм *Progressive*. Эти формы употребляются тогда, когда мы говорим о действиях, событиях, состояниях, которые непосредственно наблюдаемы, были наблюдаемы или будут наблюдаемы.

С другой стороны, можно наблюдать лишь следы того, что некоторое действие имело место, тогда как само действие осталось как бы за пределами восприятия. Это составляет основу грамматического значения формы *Past Participle* и отражено в значении личных форм *Perfect*. Глагол в форме *Perfect* описывает ситуацию, в которой присутствуют лишь наблюдаемые и/или осознаваемые (говорящим или другим лицом) признаки того, что действие имело место; само же действие в описываемой ситуации не наблюдается («отсутствует»). Осознание того, что в описываемой предложением ситуации присутствуют признаки имевшего место действия или события, основано на сравнении двух ситуаций: наблюдаемое и описываемое положение вещей сравнивается с положением вещей в предшествующий или последующий момент наблюдения. Ср.: *Mummy, Daddy has come!* (= «некоторое время назад папы здесь не было, а теперь он здесь [я его вижу]»). *When I got up, dad had already left* (= «некоторое время назад он был дома, а теперь его не было [я его не видел]»). *By the time you get up, we'll have left already* (= «сейчас мы здесь [ты нас видишь], но когда ты проснешься, нас не будет [ты нас не увидишь]»).

Таким образом, временные формы определенного вида делятся на два типа: в одном случае мы имеем дело с разовым наблюдением (*Progressive*), в другом случае — с кратным наблюдением (*Perfect*), когда число моментов наблюдения больше двух. Эти формы можно классифицировать, как *Immediate Definite Aspect-Tenses* (т.е. *Present*, *Past* и *Future Progressive*) и *Contrastive Definite Aspect-Tenses* (т.е. *Present*, *Past* и *Future Perfect*).

Когнитивная теория вида позволяет объяснить такое явление, как тенденция к «вклиниванию» в перфектные формы глагола

наречий времени типа *often, already, always, ever, never, just*. Специфика значения этих наречий заключается в том, что все они имплицитно подразумевают сравнение двух или более наблюдаемых ситуаций, т.е. по своей семантике они близки к семантике перфекта, поэтому они естественным образом тяготеют к образованию единого структурного комплекса с перфектной формой глагола: *He has (had) already finished his breakfast; Have (Had) you ever seen it before?* и т.п.

Существует еще одна разновидность форм определенного вида — *Perfect Progressive*, которая совмещает в себе значение форм *Perfect* и форм *Progressive*. С одной стороны, форма *Perfect Progressive* указывает на то, что сравниваются две или более ситуации: ситуация, наблюдаемая сейчас, и ситуация (или ситуации), наблюдавшаяся в какое-то время до этого (это сравнение образует категориальное значение форм *Perfect*). С другой стороны, форма *Perfect Progressive* указывает на то, что действие или состояние, о котором идет речь, непосредственно присутствовало в ситуации в момент первого наблюдения и в любой из последующих моментов (категориальное значение форм *Progressive*) вплоть до последнего момента наблюдения, при этом в последний момент действие часто может быть по-прежнему наблюдаемо. Ср.: *They have (had) been talking for an hour; It's been raining a lot all this week*. Формы *Perfect Progressive* можно классифицировать как *Combined Definite Aspect-Tenses*.

В заключение нужно отметить, что когнитивный подход к анализу грамматических категорий времени и вида заставляет по-новому осмыслить целый ряд особенностей, связанных с функционированием личных и неличных форм глагола в устном и письменном дискурсе — речь идет о таких явлениях, как согласование видовременных форм, употребление сложного дополнения с герундием и инфинитивом, синтаксические функции неличных форм в предложении и т.п. Но это уже задача составителей практических руководств по грамматике английского языка.

7. Категория наклонения английского глагола

Всякое предложение так или иначе связано с действительностью. Его содержание может отражать факты реальной действительности как непреложные истины: *The earth turns round the sun*, может

отрицать существование каких-то явлений, фактов: *The window was still open, the curtains had not been drawn*, или персонажей: *It is not Tom*.

¹ Содержание высказывания может противоречить действительности, если в нем сообщается о действии желаемом, гипотетичном: *I am sure that if she had known your address she would have written to you*. Оно может также выражать непосредственное волеизъявление говорящего, обращенное к собеседнику: «*Don't be alarmed*», he said. Отнесенность содержания высказывания к действительности называется модальностью в широком плане (Виноградов В.В., 1975, с.55), то есть модальность — категория семантическая, так как во всяком предложении содержание всегда соотносено с действительностью.

Различают два вида модальности: объективную и субъективную. Об объективной модальности говорят в том случае, когда в предложении что-то утверждается или отрицается. Ср.: *He broke into the marble block at the left side of the Madonna's head, worked to the left of the block (Stone)*. Причем утверждаться могут факты, не соответствующие реальной действительности, и даже заведомая ложь, но они представлены как реальные. Ср.: *Dora married Ch.Dickens*. В этих предложениях отношение высказывания к действительности в меньшей мере связано с отношением говорящего к высказыванию.

В предложениях, выражающих действия желаемые, гипотетические, проблематичные, либо противоречащие действительности, отношение высказывания к действительности является по сути дела отношением говорящего к высказыванию. Здесь мы имеем дело с субъективной модальностью, то есть модальностью, определяемой мнением говорящего. Ср.: *I wish I were (was) young, The road can be blocked; The road may be blocked; Perhaps, the road is blocked; It is recommended that the road be blocked*.

Модальность выражается различными языковыми средствами:

- 1) морфологически, то есть формами глагола, причем личная форма может представлять действие как реальное: *John always comes late*; как побуждение к действию: *John, don't come late*; как гипотетическое: *I wish John came late*;
- 2) лексически, то есть с помощью модальных глаголов и модальных слов: *You may borrow my car if you like (Christie); They won't be*

coming back; Unfortunately, no, obviously, he doesn't want us to help him;

3) модальными и вводными словами и выражениями: Perhaps he will come tomorrow; They are ready, I believe.

Выражение отношения содержания высказываемого к действительности морфологическими средствами называется наклонением (Mood), то есть наклонение — грамматическая категория глагола, являющаяся одним из средств реализации модальности. Это одна из наиболее сложных грамматических категорий английского глагола, которая не получила в литературе однозначного освещения. Общеизвестными оказываются два момента: а) категория наклонения в английском языке действительно существует, и б) в современном английском языке есть, по крайней мере, два наклонения, одним из которых является изъявительное. По вопросу же количества наклонений наблюдается значительное расхождение во мнениях. Некоторые авторы усматривают особое наклонение в каждой группе модальных значений, выраженных с помощью простых или сложных форм глагола. Так, Г.Суит выделяет наклонение, выражающее нереальность, называя его Thought-Mood, и подразделяет его на несколько подтипов в зависимости от способа выражения синтетическими или аналитическими формами. Подтип, выражаемый с помощью глаголов *should* и *would*, называется кондиционализмом (Conditional Mood), а сочетание с *may*, *might* он называет Permissive Mood. Понятно, что при таком подходе число наклонений достаточно велико.

Наибольшее распространение имеют, по-видимому, системы трех или четырех наклонений, но два из этих трех или четырех одинаково трактуются различными авторами в отношении их форм, значений и наименований. Большинство исследователей, признающих три наклонения в английском языке, обозначают их терминами Indicative, Imperative и Subjunctive (изъявительное, повелительное и сослагательное). Однако они очень часто по-разному распределяют некоторые формы между двумя последними наклонениями: повелительным и сослагательным. Не имея возможности обсуждать все существующие по данному вопросу точки зрения (см. об этом подробнее: Иванова И.П. и др., 1981, с.69-74), кратко рассмотрим изъявительное, повелительное и косвенные наклонения. Под

косвенными понимаются все те глагольные формы (синтетические и аналитические), которые представляют действие как нереальное, желаемое, гипотетическое, часто противоречащее действительности.

Изъявительное наклонение (The Indicative Mood) представляет содержание высказывания как реальное с точки зрения говорящего в настоящем, прошедшем и будущем. При этом реальность высказывания может иметь относительный характер в том смысле, что на самом деле содержание высказывания не соответствует действительности, однако говорящим оно представляется как реальный факт. Ср.: He had been a weak fool to collapse and a sentimental fool to dream in the park (Green).

Особенность изъявительного наклонения состоит в том, что оно реализуется во всех существующих видо-временных формах глагола, которые оказываются нетипичными для других наклонений: имеют формы будущего, настоящего, прошедшего, формы числа, лица, вида и др., то есть морфологически изъявительное наклонение — наиболее развитая система, охватывающая все категориальные формы глагола.

Повелительное наклонение (The Imperative Mood). При рассмотрении так называемого повелительного наклонения нам придется ответить на два, по крайней мере, вопроса: 1) Является ли глагольная форма, совпадающая по форме с инфинитивом (без частицы to), формой наклонения? и 2) Сколько форм повелительного наклонения имеется у английского глагола?

Поскольку повелительное наклонение выражает непосредственное волеизъявление, обращенное к собеседнику, а не действие или процесс, не имеет при себе подлежащего, не имеет вопросительной формы, употребляется только в одном типе предложения (повелительном), некоторые ученые (например, Л.С. Бархударов) полагают, что глагольная форма, совпадающая по форме с инфинитивом и настоящим временем основного разряда, кроме третьего лица единственного числа, ср.: Stop talking; Read it; Speak louder и др., не является формой наклонения. Однако повелительное наклонение, выражая просьбы, команды, представляет будущее действие не как реально существующее, а лишь как желаемое, и, следовательно, его можно рассматривать как отражающее определенные семантичес-

кие отношения между событием, обозначенным данным глаголом, и действительностью. Поэтому такая глагольная форма должна рассматриваться как одно из средств выражения модальности и, соответственно, как форма наклонения. Таким образом, повелительное наклонение противопоставлено изъявительному по своей семантике.

Другая проблема связана с числом форм повелительного наклонения. Для побуждения к действию первого и третьего лица в английском языке употребляется сочетание *Let N/pr + Inf*, ср.: *Let us go home, Let him do it* и т.д. Некоторые ученые (например, Г.Н.Воронцова) рассматривают его как аналитическую форму повелительного наклонения. Таким образом, повелительное наклонение в современном английском языке выражается, по их мнению, двумя формами: простой (*Go home; Speak louder*) и аналитической, образуемой с помощью *let*, местоимения в объектном падеже (или существительного в общем падеже) и инфинитива. Кстати, заметим, что эта форма не раз привлекала внимание исследователей. Ее рассматривали как форму сослагательного наклонения: *Modal Spec-tive Mood* (М.Я.Блох); как конструкцию промежуточного характера, где *let* все еще сохраняет свое лексическое значение и не является вспомогательным; как свободную синтетическую конструкцию с объектно-предикативным членом, где *let* является каузативным глаголом (Л.С.Бархударов, Д.А.Штелинг).

Почему нельзя согласиться с тем, что сочетание *Let N/pr + Inf* является аналитической формой повелительного наклонения? Дело в том, что *семантически* конструкция *Speak louder* и *Let us speak louder* не являются тождественными. *Speak louder* передает прямое побуждение со стороны говорящего. Слушающий должен выполнять эту команду в силу определенных *прагматических* факторов (говорящий, очевидно, имеет право требовать от слушающего что-то сделать). *Let us speak louder* не содержит прямого побуждения со стороны говорящего. Слушающий может и не выполнить эту команду. Более того, использование *Let us speak louder* предполагает возможное активное участие говорящего в этом процессе. Об аналитизме данной конструкции можно было бы говорить, если бы *let* являлся вспомогательным глаголом. Ср.: *I am reading an interesting book, I have read an interesting book*, где носителем лексического значения выступает вторая часть аналитической конструкции

reading, read, а вся форма в совокупности частей обладает единым грамматическим значением вида и времени. Однако *let* сохраняет свое лексическое значение, что находит подтверждение в использовании вспомогательного *do* при образовании отрицательных синтаксических конструкций (*Don't let us speak louder*).

Таким образом, можно говорить только об одной форме повелительного наклонения — простой, а конструкция с *let* — это свободное синтаксическое образование.

Проблема косвенных наклонений — одна из самых сложных в грамматике английского языка. Эта сложность обусловлена несколькими факторами. Важнейшие из них следующие. Во-первых, наряду со старыми синтетическими формами (*be, were*) функционируют более поздние аналитические формы, передающие то же значение (*should, would + I/ni*). Ср.: *It is recommended that the election start on Monday. If it were in my power, I wouldn't hesitate to interfere.*

Во-вторых, одна и та же форма может передавать разные значения, ср. значение формы *knew* в следующих примерах: *I knew about it long ago; I wish I knew about it; If I knew about it long ago I should not ask you.*

В-третьих, употребление форм косвенных наклонений может определяться структурой тех предложений, в которых они используются. Так, в придаточных предложениях после *wish* употребляются, как правило, формы прошедшего множественного основного разряда. Ср.: *I wish I were a student again.*

В-четвертых, для выражения действий, не существующих в реальной действительности (гипотетических, желаемых, возможных, невозможных), используются формы, совпадающие с формами изъявительного наклонения. И, наконец, среди англичан нет единой точки зрения по вопросу о том, какие наклонения следует рассматривать как косвенные. Существующие точки зрения можно представить следующим образом:

1. К косвенным относятся: а) сослагательное I (Subjunctive I), ср.: *Though all the world be false, still will I be true* (Trollope); б) сослагательное II (Subjunctive II), когда подразумеваются действия, противоречащие действительности, ср.: *I wished he were less remote* (Du Maurier); в) условное (Conditional Mood), ср.: *If I had*

consulted my own interests, I should never have come here (Galsworthy); г) предположительное (Suppositional), выражающее маловероятное предположение, ср.: Should you meet him, tell him to come. — Случится вам встретить его, велите ему придти (Смирницкий А.И., 1959, с.30).

2. Существует только одно косвенное наклонение — сослагательное (Subjunctive), без его подразделения на I и II (Б.А.Ильиш, И.П.Иванова). Здесь, как видим, нет места условному и предположительному наклонениям.

И все же при таком разнообразии мнений выявляется нечто такое, что объединяет всех грамматистов при изучении косвенных наклонений в зависимости от того, признают ли они существование условного или предположительного в системе косвенных наклонений: все они приходят к мысли о том, что косвенные наклонения представляют действия нереальные, желаемые, гипотетические.

Способность представлять действие как желаемое, гипотетическое реализуется сегодня в языке двумя путями: а) грамматическими формами и б) синтаксическими конструкциями, то есть функционально. Категориальное значение желательности, гипотетически осуществляемых действий реализуется в четырех основных формах. Две из них синтетические (Subjunctive I и Subjunctive II). Ср.: Be it as you wish; She demands the old man be left alone (синтетическая форма were употребляется в придаточных условных и сравнительных, ср.: I'm as indifferent to him as if he were a stranger (Maugham), в придаточных дополнительных после wish, ср.: I wish I were a student again). Две другие — аналитические:

1) should/would + InI (индефинитный или перфектный);

2) модальный глагол + InI (индефинитный или перфектный).

Наличие аналитических форм с простым инфинитивом указывает на действие, относящееся к любому моменту времени, кроме предшествующего моменту речи. Перфектные формы служат для выражения действия, предшествующего моменту речи. Модальные значения неопределенных форм в том, что они указывают на предполагаемое и, возможно, осуществимое действие. Модальное значение перфектных форм другое: они обозначают действие предполагаемое, но нереальное.

Однако сразу же возникает вопрос, чем является форма modal verb + Iní: 1) аналитической формой одного из косвенных наклонений, как утверждает Г.Сунт, или 2) свободным словосочетанием, в котором модальный глагол сохраняет свое лексическое значение (в отличие от указанной формы, форма should/would + Iní является аналитической, поскольку should/would являются вспомогательными глаголами и не сохраняют своего модального значения).

Наблюдения над живым английским языком показывают, что форма was все же чаще употребляется с косвенными наклонениями, постепенно вытесняя were и таким образом ликвидируя последние различия между косвенным наклонением и изъявительным в прошедшем основного разряда. Ср.: I wish I was dead; If I was as open-hearted as you are it would make all the difficulty.

Для разграничения двух наклонений следует обращаться к синтаксической конструкции, в которой форма употреблена.

Семантика нереальности, желательности, гипотетичности может передаваться определенным типом конструкций. Наиболее употребительными из них являются:

- 1) сочетание may + Iní, которое выражает, как правило, желание, намерение, надежду, ср.: May it be as you wish; May our friendship live long;
- 2) сочетание should + Iní в придаточных предложениях выражает предложение, рекомендацию, побуждения различного рода, ср.: Orders were given that the searching group should start out at once.

Для современного английского языка проблема косвенных наклонений (Subjunctive) не является существенной, считают Р.Кверк и его соавторы. Они прямо пишут: «The Subjunctive is not an important category in contemporary English» (Quirk R., et al., 1972, с.76), поскольку она вытесняется довольно легко другими синтаксическими конструкциями. Его употребление сводится к трем основным случаям:

1. *Принудительное косвенное наклонение* (The Mandative Subjunctive). Его употребление ограничено придаточными предложениями, вводимыми that. Глагол выражен формой, совпадающей с формой Iní. Употребляется с любым глаголом в придаточном пред-

ложении указанного типа. Главное предложение выражает рекомендации, удивление, требование, просьбу (We demand, require, move, insist, suggest, ask) и др. Употребление этого вида наклонения характерно для официального стиля и особенно для американского варианта английского языка. В менее официальном контексте предпочтение отдается конструкции should + Inf. Ср.: We ask that individual citizen watch closely any developments in the matter; It is necessary that every member inform himself of these rules.

2. *Клишированное косвенное наклонение* (The Formulaic Subjunctive) употребляется в устойчивых сочетаниях, которые должны заучиваться как единое целое. Ср.: Come what may, we'll go ahead; So be it then; Heaven forbid that...

3. *The were Subjunctive* (форма were) представляет действия, гипотетические по своей семантике. Используется в придаточных условия, уступки и после глаголов типа wish. Представлено только одной формой were, которая вытесняется формой was в менее официальном стиле. Ср.: He spoke to me as if I were (was) deaf; I wish I were (was) dead.

§ 4. Парадигматические отношения в синтаксисе

Морфологией любого языка легко овладеть потому, что языковые формы объединяются в ряды парадигм, в которых эти формы противопоставлены по значению. Начав изучать иностранный язык, мы быстро овладеваем склонением существительных и местоимений, спряжением глаголов и т.д., потому что мы уже нацелены нашим языковым чутьем на существование каких-то регулярных рядов в языке. Существуют ли аналогичные ряды в синтаксисе, можно ли, так сказать, «просклонять» или «проспрягать» предложение? При положительном ответе на этот вопрос можно надеяться, что синтаксис станет понятнее и обозримее.

Основу для исследования этого вопроса заложил в 50-е годы американский ученый З.Хэррис. Его главная заслуга заключается в том, что он попытался связать разрозненные доселе предложения в определенные ряды. З.Хэррис поставил задачу определить «формальные отношения между предложениями, позволяющие рассмат-

ривать структуру одного предложения в качестве трансформации структуры другого предложения» (Хэррис З., 1962, с.528). При этом он опирался на основные положения разработанного им трансформационного метода представления синтаксической структуры предложения. З.Хэррис исходил из того, что система языка состоит из двух частей: во-первых, в нем есть ограниченное число ядерных предложений и, во-вторых, в нем есть неограниченное число их трансформов, которые являются производными от ядерных и которые порождаются при помощи ограниченного числа трансформационных правил.

Употребляя европейские термины, можно трансформ приравнять к варианту. Тогда пассивное предложение можно рассматривать как вариант (трансформ) активного, а, скажем, вопросительное предложение — как вариант (трансформ) утвердительного. Подобные идеи высказывались в какой-то степени и раньше, ибо всякая классификация предложений уже была попыткой определить их отношение друг к другу. Но в трансформационном анализе очень четко подчеркнута следующая идея: «Очевидно, многие предложения, являющиеся трансформами друг друга, имеют почти одно и то же значение, различаясь только внешним грамматическим статусом (различными грамматическими отношениями к окружающим элементам в предложении)» (Хэррис З., 1962, с.635).

У предложения *John looks at Mary* можно, например, обнаружить следующие трансформы:

1. *Does John look at Mary?*
2. *John does not look at Mary.*
3. *Mary is looked at by John.*
4. *John will look at Mary.*
5. *Mary will be looked at by John.*
6. *John's looking at Mary.*
7. *John looking at Mary.*
8. *When John was looking at Mary...*

Очевидно, этот ряд можно продолжить. Что является общим, инвариантным для всех этих предложений? Во-первых, во всех предложениях этого ряда между единицами *John* и *Mary* существу-

ют одни и те же отношения: Джон смотрит на Мэри, а не наоборот. Во-вторых, в основе всего ряда этих предложений лежит материальное, морфемное единство.

Рассматривая отношения между предложениями в этом ряду, видим, что все эти предложения можно свести к начальному предложению, которое называли исходным, ядерным, минимальным и т.д. Можно даже говорить о корне или основе предложения (Ю.Д.Апресян, М.Я.Блох). Однако в таких случаях нельзя говорить об окончаниях и суффиксах предложения (они принадлежат слову). С точки зрения предложения эти окончания называются другими терминами, их называют операторами, кванторами и т.д.

Наиболее широкое распространение получил термин «ядерное предложение» (*kernel sentence, nuclear sentence*), под которым понимается некоторое предложенческое ядро, представляющее конфигурацию предиката с субстанциями, наличие которых вытекает из валентности предиката. Это ядро может иметь разное оформление в семантически близких предложениях (Адамец П., Грабе В., 1968).

Впоследствии получилось так, что практически под ядерным предложением стало пониматься простое нераспространенное утвердительное предложение в настоящем времени, в активном залоге типа *John looks at Mary*.

Во-вторых, среди предложений вышеприведенного ряда существует какой-то порядок. Они противопоставляются друг другу по разным признакам: по времени, залогу, вопросительности / утвердительности, по двум признакам сразу. Многие из этих противопоставлений являются частью большого ряда.

Например, по видо-временным признакам в английском языке противопоставляются:

John looks at Mary.

John looked at Mary.

John will look at Mary.

John has looked at Mary.

John had looked at Mary.

John will have looked at Mary, etc.

В американской лингвистике такие ряды называются трансформационными, в европейской же лингвистике идея трансформации слилась с теорией парадигмы, и в течение последних десятилетий лингвисты пытались выделить парадигмы в синтаксисе. В отечественной лингвистике широкое распространение получила теория Н.Ю.Шведовой о том, что парадигму предложения составляют его изменения по времени и наклонению (*я читаю, я читал, я буду читать; я читаю, я читал бы, читай я...*). Эта идея проводилась в академической грамматике русского языка (1970) и оказала большое влияние на становление теории синтаксической парадигматики во всей стране. В англистике теории синтаксической парадигмы посвящены многие работы М.Я.Блоха, который дает следующее определение синтаксической парадигмы в «Теоретических основах грамматики»: «Полная первичная парадигма любого предложения должна включать все формы его изменения, то есть представить его во всех возможных формах существующих частных рядов или микропарадигм — по числу категориальных признаков, различаемых в системе. Ср., например, изменение ядерного предложения по вариациям выражения общего вопроса: *This is true. — Is this true? This is true? This is true, isn't it? This is true, is it? True — isn't this? This true — is it not?*» (Блох М.Я., 1986, с.129). Таким образом, в любом языковом материале — морфологическом, синтаксическом, лексическом — существует система семантических оппозиций и формальные парадигмы.

§ 5. Парадигматические отношения в лексике

1. Значение лексических единиц

а) Различные подходы к определению значения слова

В нашем практическом использовании языка мы все хорошо понимаем, что такое значение слова. Благодаря нашему знанию значений слов мы правильно употребляем их в речи, можем объяснить значение слова путем его толкования или с помощью синонимов, мы находим эквивалентные по значению единицы или устанавливаем степень соответствия коррелятивных лексических

единиц в разных языках. Трудности возникают при попытках дать научное определение значения слова, поскольку слово как единица наименования, единица обозначения, содержательная сторона (или значение) которой определяется ее использованием в знаковой ситуации, характеризуется многоплановостью и сложностью связей.

Многообразие связей слова в знаковой ситуации, неоднотипность слов в их предметно-понятийной соотнесенности, сложность самих отношений слова как знака к обозначаемому предмету, явлению, свойству, диалектическая противоречивость объективного и субъективного в языковых единицах — все это приводит к отсутствию единого, универсального определения значения и лежит в истоках многочисленных семантических концепций и теорий, авторы которых пытаются раскрыть с тех или иных позиций сущность значения слова.

Теорией, имеющей наиболее давние традиции, является референтная теория значения, суть которой сводится к попыткам определить природу значения через изучение связей между словом и тем объектом, на который это слово указывает. В простейшем своем виде референтная теория отождествляет значение слова со своим референтом. Под последним в лингвистике понимается объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок (ЛЭС, 1990, с.410). В более сложной версии значение слова приравнивается к отношению между словом и референтом. Однако в каждом случае принимается безоговорочно, что все слова соотносятся с чем-то в реальной действительности. Такой подход к определению значения вызывает ряд серьезных возражений. Конечно, мы можем согласиться, что выражение *Margaret Thatcher* относится к лицу, занимавшему пост премьер-министра Великобритании в 80-е годы XX века, но к чему, например, относятся слова *however* или *concerning*? Не совсем понятно даже, к чему относится конкретное существительное, такое как *table*. Очевидно, оно не относится к какому-то конкретному столу. Не относится оно и к классу столов. Значение слова *table* не есть то, к чему относится слово, а то, что оно обозначает. Так, слово *table* содержит некоторое число признаков, которые характеризуют нечто как принадлежащее к классу столов.

Таким образом, референтная теория значения, правильно акцентируя соотношенность слова с предметом, явлением, вещью в самом широком смысле, не раскрывает сложности природы значения.

Понятийная, или концептуальная, теория значения, известная со времен Аристотеля и развиваемая многими известными философами, психологами и лингвистами, например, Дж. Локком, Г. Стерном, Г. Кронассером, а среди отечественных ученых наиболее последовательно А.И. Смирницким, определяет значение как «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конституированное из отображений отдельных элементов действительности — mermaid, goblin, witch и т.п.), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» (Смирницкий А.И., 1956, с.152).

Субъективность отображения элементов действительности носителями языка, личностный характер при несомненном наличии общего представления о предметах, явлениях и свойствах окружающего нас мира и существование многих как социально значимых, так и индивидуальных ассоциаций, возникающих и существующих на фоне основного знания об именуемых классах предметов, явлений, свойств, делают и психологическую трактовку значения слова достаточно уязвимой.

Дать сугубо лингвистическое определение значения слова пытаются так называемая функциональная концепция, основатель которой Л. Витгенштейн писал, что для большого класса случаев, хотя и не для всех, «значение слова есть его употребление в языке» (Витгенштейн Л., 1985, с.97).

Основанием для подобной трактовки значения слова является то обстоятельство, что слова используются говорящими бесчисленными разнообразными способами, по-разному связанными друг с другом, и определить значение слова можно зачастую только исходя из контекста, или окружения слов. Сравните: *deep river*, *deep lake*, *deep ocean*, где слово *deep* указывает на расстояние от поверхности до дна или до какой-нибудь точки по направлению

вниз, причем величина этого расстояния варьируется в зависимости от того, о глубине чего идет речь, и определяется нашим представлением об усредненной глубине рек, озер, океанов и т.д. В контекстах же *deep wound*, *deep sleep*, *deep feelings* и др. слово *deep* несет уже совсем иной смысл. Данные примеры ярко демонстрируют зависимость значения слова от контекста, однако эта зависимость не должна восприниматься как тождество значения и употребления, ибо слова имеют значения и вне контекста, о чем свидетельствует возможность указания значения слова путем определения еще до того, как слово употреблено. Без соотнесения слова с тем, что оно обозначает, мы не можем узнать его значение, сколько бы примеров употребления данного слова нам ни давали.

В бихевиористской, или поведенческой, трактовке значения, которая наиболее четко была сформулирована Л.Блумфилдом, принимается во внимание, в первую очередь, ситуативная обусловленность значения слова. «Значение лингвистической формы,— пишет Л.Блумфилд,— есть ситуация, в которой говорящий ее произносит, и реакция, которую она вызывает у слушающего» (Блумфилд Л., 1968, с.149). Данная теория включает язык в общую сферу человеческого поведения, в структуре которого тесно переплетаются языковые и неязыковые стимулы и реакции, причем языковые стимулы, т.е. слова, выступают в роли заместителей неязыковых стимулов, возникающих в той или иной ситуации. Такой подход не позволяет дать более или менее удовлетворительное определение значения. Очень трудно, если не сказать невозможно, идентифицировать постоянные поведенческие реакции, коррелирующие со словами, даже в самых простых ситуациях. Предположим, «А» говорит «В»: «Shut the door». «В» в ответ вполне мог бы сделать вид, что он ничего не слышит, или сказать: «Shut it yourself», или, наконец, просто-напросто показать язык (он мог бы даже и закрыть дверь!). Многообразие языковых форм, возникающих на базе одной и той же ситуации и выступающих в роли вербальных стимулов, направленных говорящим на слушающего, и многообразие ответных реакций делают концепцию Л.Блумфилда весьма и весьма уязвимой.

Все перечисленные теории значения открывают важные истины — что язык используется для того, чтобы сказать что-то о реальном мире; что язык и мышление тесно связаны между собой; что язык —

это один из видов деятельности. Однако ни одна из этих теорий не была принята как общая теория языкового значения не только по причине указанных выше недостатков, но, главным образом, потому, что в их рамках не были проведены достаточно плодотворные исследования. Больших результатов достигли, пожалуй, лингвисты, для которых непосредственным объектом семантических исследований являлся смысл слов.

б) Типы значений

Смысловая сторона слова не является чем-то монолитным и однородным, а представляет собой сложную систему взаимообусловленных и взаимосвязанных значений и употреблений. Последние различаются как по степени устойчивости и самостоятельности, так и по сфере своего употребления; как по характеру выражаемых ими понятий, так и по форме реализации этих последних в лексико-семантической системе языка.

Предпринималось много попыток выделить разные типы значений, но хотя это, несомненно, дело нужное и полезное, оказалось трудно создать подходящую классификацию с исчерпывающим набором непересекающихся категорий.

Наиболее яркую оппозицию здесь составляют *лексические* и *грамматические* значения, образующие тесное и целостное единство в основной лексической единице — слове. Под лексическим значением понимается содержание, свойственное только данному слову и *отличающее* его от других слов языка (например, ask, write, bear и т.д.). Грамматическое значение — это общее значение, *объединяющее* разные слова в одинаковых формах, а для отдельного слова — это переменная, дополняющая лексическое значение и осложняющая его (например, в словах boys, chairs, trees, cats выявляется общее грамматическое значение множественности).

Лексическое значение слова — сложная структура, определяемая общими свойствами слова как знака: его семантикой, синтактикой, прагматикой. В собственно семантическом смысле в структуре лексического значения слова выделяется два аспекта: сигнификативный и денотативный. Термин «сигнификат» приблизительно соответствует «содержанию понятия» в традиционной логике, т.е. это понятийное содержание языкового знака. С гносеологической

точки зрения сигнификат представляет собой отражение в человеческом сознании свойств денотата. Особенно интересные примеры сигнификативного значения можно обнаружить в афоризмах, половицах, поговорках, передающих общие идеи. Например: *A good laugh is sunshine in the house* (Thackeray). Денотат языковой единицы — это множество объектов действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т.д.), которые могут именоваться данной единицей (в силу ее языкового значения). Такое употребление термина «денотат» соответствует тому, что в традиционной логике называется «объемом понятия». Денотативное значение реализуется тогда, когда слово служит для идентификации определенных объектов действительности, например: «Do you remember what the young lady did with the telegram?» (Christie). Здесь наблюдается прямая связь значений слов с действительностью.

Прагматическое значение слова включает экспрессивно-эмоциональную оценку и разнообразные коннотации, обусловленные отношением говорящего к обозначаемому знаком объекту. Сравните следующие пары слов: *slay — kill, clique — group, mummy — mother*, в которых первый член отличается от второго наличием определенного прагматического значения (стилистического, оценочного, эмоционального).

Системное, или дифференциальное значение, формируемое на основе отношения слова к другим словам, определяется собственно синтагматически — его связями с другими значениями языковых единиц в словосочетании и предложении, и парадигматически — его позицией внутри соответствующей группы слов, с которой данное слово семантически связано (в первую очередь, синонимических рядов). Например, сравнение таких близких по значению глаголов, как *to buy, to earn, to acquire, to secure*, позволяет выявить их дифференциальные значения: *to buy* = «get» + «in return for money»; *to earn* = «to get» + «by skill or ability, by one's own efforts»; *to secure* = «to get» + «succeed» + «sth for which there is a great demand» (Hornby). Мы видим, что компонент «get» является для всех этих глаголов общим (это то, что их объединяет в один ряд), а остальные компоненты, входящие в их значения, — дифференциальные (это то, чем они различаются).

Вышеприведенной типологии созвучна в некоторой степени типология, возникшая как результат когнитивного подхода к языку. Деление значений в ней осуществляется по тому, какие структуры сознания лежат в их основе — *когнитивные*, отражающие объективное знание человеком окружающего его мира, или же *прагматические*, несущие информацию о субъективной оценке человеком окружающих его явлений, его личностных переживаниях. В рамках когнитивного подхода к значению слова лексическое значение может сочетать в себе и когнитивный, и прагматический компоненты либо ограничиваться одним из них. Значительное число слов прагматически нейтральны, и в их значениях представлен лишь когнитивный компонент содержания (например: water, take, green, etc.). В других словах сочетаются оба вышеназванных компонента, причем один из них может оказаться доминирующим: (например, в словах upstart 'выскачка', monster 'урод' и т.п. доминирует прагматический компонент; а слова типа coward 'трус', informer 'осведомитель' содержат когнитивный компонент, но называемый ими тип людей вызывает определенные эмоции и оценки).

Внутренняя структура когнитивного компонента лексического значения многих слов также сложна и представляет собой определенным образом организованный набор семантических признаков. Семантические признаки, входящие в ядро лексического значения, образуют его *интенционал*, периферийные семантические признаки, наличие которых с большей или меньшей степенью вероятности детерминируется интенциональными признаками, т.е. основными признаками денотата, формируют *импликационал* лексического значения (Никитин М.В., 1988). Например, интенционалом когнитивного компонента прямого лексического значения слова winter является совокупность следующих семантических признаков: season between autumn and spring (November or December to February or March in the northern hemisphere), а в его импликационал входят такие признаки как 'холодное время года', 'выпадает снег', 'замерзают реки', 'люди носят теплую одежду' и т.д.

Содержательные компоненты и само строение лексического значения универсальны и определяются природой, назначением языковых единиц. Существуют слова, лексическое значение которых исчерпывается одним признаком (например: pure 'чистый',

clever 'умный', sit 'сидеть', smile 'улыбаться' и т.д.). Это, в первую очередь, признаковые слова, принадлежащие к сигнификатной лексике (именуемые также предикатными). Структура лексического значения денотатной лексики, или предметных, идентифицирующих слов, представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых признаков. Этим словам свойственна тесная связь с денотатом, многопризнаковость, гетерогенность семантических компонентов и ряд других характеристик.

в) Компонентный анализ как лингвистический метод исследования лексического значения слова

Итак, значение слова может быть далее разложено на более простые семантические компоненты. Следует сказать, что компонентный анализ является важным методом лингвистического исследования, которому в последние десятилетия уделяется достаточно большое внимание. Развитие компонентного анализа тесно связано с учением об оппозициях. Стоит вспомнить хотя бы определение фонемы: это совокупность фонологически существенных признаков, при помощи которых различаются оболочки слов. Датский ученый Л.Ельмслев, исходя из сосюрровского представления языкового знака как произвольного отношения между значением и фонетической формой, считал, что, раз фонетическая форма может быть разложена на более простые элементы (фонемы и, наконец, различительные признаки), а структура языка в сущности симметрична, то точно так же должна существовать возможность разложения содержательной стороны знака — его значения — на элементарные компоненты.

В настоящее время многие лингвистические исследования, связанные с семантикой, имеют дело с компонентным анализом (работы Д.Болинджера, Ю.Найды, Ю.Н.Караулова, О.Н.Селиверстовой и др.). Для иллюстрации данного метода можно воспользоваться простым примером, приводимым многими лингвистами, с рядом таких слов как man, woman, boy, girl, bull, cow. Значения этих слов могут входить в разные бинарные оппозиции друг с другом:

I. man : woman = boy : girl = bull : cow

II. man : boy = woman : girl

III. man : bull = woman : cow

В каждом ряду оппозиций значения противопоставляемых друг другу слов обязательно имеют общие семантические признаки, служащие основанием для противопоставления, и в то же время в них выявляются определенные различительные признаки, а именно, в I ряду — это признак пола («мужской», «женский»), во II ряду — возраст («взрослый», «невзрослый») и в III ряду — вид живых существ («человек», «животное»). Таким образом, значение слова *man*, к примеру, может быть представлено как совокупность нескольких релевантных признаков: «human», «adult» и «male», значение слова *cow* — как совокупность признаков «animal» (или «non-human»), «adult» и «female» и т.д.

Как мы видим из приведенного выше примера, основная идея разложения лексического значения на его составные — объяснение значений слов в терминах более простых элементов значения (семантических признаков, или компонентов) — в сущности не так сложна. Лексикограф, который дает значение слова *stallion* как 'male horse', как раз это и делает. Едва ли это может быть спорным. Однако пока среди лингвистов нет согласия относительно того, как и насколько глубоко следует производить это разложение лексического значения на составляющие. Трудности возникают и при попытке точно определить эти более простые компоненты значения. Какова их природа? Как мы устанавливаем их наличие? Как они связаны друг с другом? Является ли их число ограниченным? Являются ли они универсальными или специфичны для каждого языка? Какая часть из всего словарного состава языка может быть подвергнута такому разложению? На все эти и многие другие вопросы необходимо найти ответ.

Вероятно, первая серьезная попытка системного компонентного анализа значения была предпринята философом Лейбницем. Он пытался представить сложные значения в терминах более простых элементов значения до тех пор, пока не получит некоторый набор элементарных далее неразложимых семантических признаков. Они, по его мнению, должны были составить своего рода «азбуку человеческого мышления».

Эта первая работа Лейбница не имела последователей, и лишь в начале нашего века возобновился интерес к данной проблеме. Одним из первых, кто подхватил эту идею, был датский лингвист

Л.Ельмслев. Он надеялся в конечном итоге получить некоторый набор элементарных компонентов значения, в терминах которых можно было бы представить значения всех лексических единиц языка, при этом анализ значений слов представлял бы собой нечто похожее на приведение к общему знаменателю. В отличие от Лейбница, Ельмслев считал, что инвентарь компонентов значения будет специфичным для каждого языка.

В Америке теория компонентного анализа разрабатывалась некоторыми антропологами, интерес которых был сосредоточен главным образом на терминах родства. Позднее более тщательно разработанная теория компонентного анализа была предложена Катцем и Фодором. Совсем недавно Вежбицкая, опираясь непосредственно на Лейбница, предложила принципиально новый вариант компонентного анализа, где используется всего 13 элементарных значений.

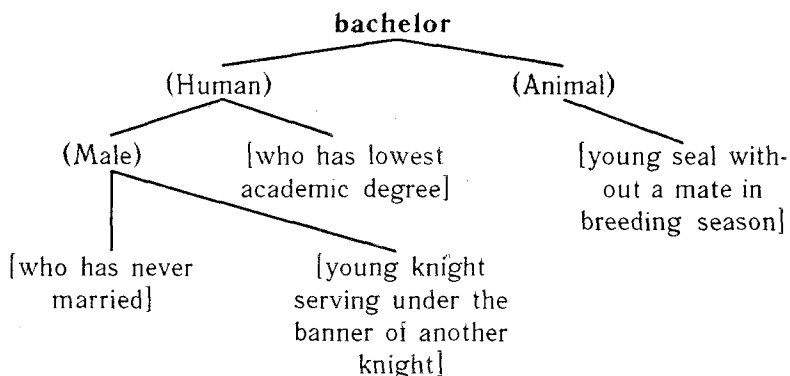
Приведем 2 примера компонентного анализа.

В следующей таблице представлен пример компонентного анализа значений слов, обозначающих различные предметы мебели для сидения:

	with a back	raised above ground	for one person	to sit on	with arms	of solid material
chair	+	+	+	+	—	+
armchair	+	+	+	+	+	+
stool	—	+	+	+	—	+
sofa	+	+	—	+	+	+
pouffe	—	+	+	+	—	—

Знак «плюс» обозначает наличие признака, «минус» — его отсутствие. Очевидно, признаки, присущие всем единицам ряда, не могут служить для их различения между собой, однако они окажутся релевантными при анализе более широкого ряда единиц. Например, признак «to sit on» отличает члены этого ряда от других предметов мебели, таких как столы, кровати и т.д. Данный анализ не является иерархическим, здесь признаки являются равноправными, хотя они предназначены для полного анализа значения, без остатка.

Американские лингвисты Катц и Фодор предлагали разработать словарь, в котором значение каждой лексической единицы определялось бы единообразно, и существовал набор правил для комбинирования отдельных значений слов в соответствии с синтаксической структурой. Следующая модель была предложена в качестве словарной статьи (здесь слегка видоизменена):

Элементы в круглых скобках обозначают «семантические маркеры». Это признаки, которые имеют системное значение в языке; они используются при определении значений других слов и поэтому включаются в семантические отношения между словами. Например, можно установить близость двух значений по количеству общих семантических маркеров в них. Элементы в квадратных скобках являются «семантическими различителями» (semantic distinguishers). Они включают в себя все идиосинкретические компоненты значения слов — остаток, который остается за вычетом общих признаков (семантических маркеров). Такой анализ разработан с целью получения специфической информации о значении слова.

Семантические признаки могут быть разной степени абстракции и обобщенности. Так, в семантике слов выделяются *категориальные* семантические признаки («предметность», «процессуальность», «качество» и др.), *субкатегориальные* («движение», «говорение», «животное», «человек» и т.д.), *классифицирующие* («домашнее животное», «птица» и т.д.) и *дифференцирующие* (определяющие индивидуальную семантику слова).

Для определения общих и отличительных черт семантики исследуемых слов часто используется так называемый дефиниционный анализ. Ставится задача через словарь раскрыть системные связи слов, так как словарные определения по сути дела являются самым объективным и доступным доказательством при изучении лексического значения. В наши дни компонентный анализ словарных дефиниций как особый методический прием описания лексической семантики возведен в ранг специального метода лингвистического исследования. Словарная дефиниция при этом рассматривается как разложение смысла слова на его составляющие, а в качестве компонентов значения выступают слова, представляющие определение в словаре того или иного слова.

Например, возьмем дефиницию глагола *promise* из Большого Оксфордского словаря: *to promise — to undertake or engage, by word or writing addressed to another person, to do or refrain from (some specified act), or to give or bestow (some specified thing): usually to the benefit or advantage of the person concerned; to give verbal assurance of.*

Анализ данной словарной дефиниции позволяет выявить в содержании глагола *promise* следующие компоненты: «речевое действие» («*by word or writing*», «*verbal*»), «воздействие на адресата» («*addressed to another person*»), «взятие на себя обязательства говорящим», или «автокаузация» («*to undertake or engage*»), «содержание обязательства» («*to do or refrain from (some specified act), or to give or bestow (some specified thing)*»), «благоприятность, выгодность обещаемого события для адресата» («*usually to the benefit or advantage of the person concerned*»), «цель действия» («*give assurance*»). Все эти компоненты в совокупности и составляют прямое номинативное значение рассматриваемого глагола.

Следует отметить, что методика компонентного анализа хорошо работает лишь на замкнутых и количественно ограниченных группах лексики, что в значительной степени ограничивает ее применение. Среди других недостатков данного метода наиболее серьезными являются такие, как субъективность трактовки компонентного состава значения слова, возможность выделения неограниченного количества сем и ряд других. В результате применения компонентного анализа членение семантического континуума лексической

системы, описанное в разных исследованиях, зачастую не совпадает и зависит от установок и цели исследования, а сам метаязык семантического описания оказывается громоздким. Отчасти эти недостатки не есть следствие неадекватности метода, они вытекают из сложности самого объекта исследования.

2. Полисемия и омонимия

а) Семантическая неоднозначность и ее типы

Ранее уже говорилось о способности языковых форм быть связанными с целым рядом означаемых и выражать соответственно несколько значений. Эта способность является неиссякаемым источником семантической неоднозначности в лексике, число примеров которой в английском, равно как и в других языках, неограниченно. Семантическая неоднозначность в лексике, вызванная потребностью в наименовании для такой сложной и постоянно изменяющейся системы, какой является окружающая нас действительность, обеспечивает, с одной стороны, экономность и обзорность языкового кода, а с другой стороны, его гибкость и способность обслуживать все коммуникативные потребности в обозначении многообразия познанного человеком мира.

Главные типы семантической неоднозначности — полисемия и омонимия. *Полисемия*, или *многозначность*, слова — это наличие у слова нескольких взаимосвязанных значений, характеризуемых общностью одного или более семантических компонентов. *Омонимия* отличается от полисемии отсутствием взаимосвязанных значений, соотносящихся с одной и той же языковой формой. Это принципиальное различие детерминировано различиями в процессах становления данных видов семантической неоднозначности, в связи с чем представляется необходимым рассмотрение процессуального аспекта как полисемии, так и омонимии.

б) Причины, природа и результаты семантических изменений в слове

В процессуальном аспекте полисемия есть результат семантических изменений, когда одно значение возникает на базе другого по определенным моделям семантической деривации и связано с последним отношением производности. Рассматривая данный ас-

пект лексического значения, следует остановиться на трех основных моментах:

- 1) Почему у слова появляются новые значения?
- 2) Каким образом это происходит, что лежит в основе процесса переноса?
- 3) Каковы результаты семантических изменений в слове?

Причины семантического развития слова традиционно подразделяются на исторические (или экстралингвистические) и лингвистические.

К историческим причинам относятся всевозможные изменения в общественной жизни нации, ее культуре, знании, технике, искусстве и т.д. Появляются новые объекты, понятия, которые должны быть как-то поименованы. Иногда для этой цели создаются новые слова или же используются слова, заимствованные из других языков. Однако очень часто для наименования вновь появившегося объекта или понятия используется то или иное слово, уже существующее в данном языке. Например, когда в Англии появились первые текстильные фабрики, для их наименования было использовано слово *mill*, ранее означавшее мельницу. Подобным образом, с появлением в Англии железных дорог слово *carriage* (первоначально имевшее значение 'экипаж', 'коляска') приобрело новое значение 'железнодорожный вагон'. А английское существительное *cosmos* до недавнего времени имело значение 'вселенная как упорядоченная система' и противопоставлялось слову *chaos*. Современное употребление слова *cosmos* изменилось под влиянием русского языка как результат достижений нашей страны в исследовании космического пространства. В приложении к Большому Оксфордскому словарю уже отмечено новое значение «космический» у слова *cosmic* (вдобавок к первоначальному значению 'огромный, всеобъемлющий').

Следует также отметить те случаи, когда сам объект в процессе исторического развития изменяется, или же изменяются, углубляются знания человека о данном объекте, а называющее его слово сохраняется в своем первоначальном виде, хотя закрепленное за ним ранее значение, соответственно, видоизменяется. Примерами такого семантического изменения могут служить слова *ship*, *atom*

и др. Слово *ship* первоначально обозначало судно, корабль с парусами, затем пароход, теплоход; слово *atom* произошло от греческого *atomos*, что значило «неделимый», однако последующие научные открытия полностью изменили наше представление о данном объекте, и сейчас закрепленное за ним слово *atom* обозначает совершенно другое научное понятие.

Весьма важную роль в изменении семантики слова играют социальные факторы, прежде всего использование слов определенными социальными группами. Каждая социальная среда характеризуется своеобразием своих обозначений, вследствие чего слово приобретает иное содержание в речи разных социальных, культурных, профессиональных групп и соответственно становится многозначным. Таковы слова *ging* 'кольцо', 'кольцо для спуска' (альпинизм), 'кольцо корзины' (баскетбол), 'цирковая арена', 'ринг', 'площадка' (для борьбы), 'годовое кольцо древесины', мор. 'рым' и др.; *pipe* 'труба', 'курительная трубка', 'свирель', 'дудка', 'волынка', геол. 'удлиненное рудное тело', мор. 'боцманская дудка' и т.д.

Заслуживают внимание и психологические причины семантических изменений. Это прежде всего существование различного рода запретов, или табу, продиктованных чувством страха и религиозными верованиями (люди из суеверия избегают называть своими именами дьявола, злых духов, бога и т.д.), чувством деликатности, когда речь идет о неприятных темах, например, болезни, смерти и т.д., стремлением соблюдать приличия при разговоре о явлениях, относящихся к сексуальной сфере жизни, определенным частям и функциям человеческого организма, а также различного рода изменения в эмоциональной оценке предметов и явлений. В силу названных причин говорящие начинают использовать для выражения необходимых значений эвфемизмы, т.е. слова-заменители, которые с течением времени приобретают эти значения в качестве своих постоянных семантических характеристик. Таковы истоки новых значений многозначного английского существительного *hostess*, употребляемого не только для обозначения хозяйки дома, хозяйки гостиницы и т.д., но и для именованя платной партнерши в дансинге, ночном клубе; набор значений слова *head* пополнился еще одним значением — 'наркоман', а слова *model* и *mystery* приобрели в последние годы значение 'женщина легкого поведения'.

К лингвистическим причинам семантических изменений в слове обычно относят эллипсис, дифференциацию синонимов, постоянный контекст и лингвистическую аналогию.

Эллипсис имеет место тогда, когда в часто употребляемом словосочетании один из компонентов опускается, а второй компонент принимает на себя значение всего словосочетания. Например, существительное *sale* в современном английском языке употребляется вместо словосочетания *cut-price sale* в значении 'распродажа по сниженным ценам', глагол *to propose* — вместо *to propose marriage* в значении 'делать предложение (выйти замуж)', *daily* — вместо *daily newspaper* в значении 'ежедневная газета' и т.п.

Дифференциация синонимов — это постепенное изменение в семантике слова, происходящее в процессе его исторического развития под влиянием других слов, имеющих первоначально то же самое значение. Подобная конкуренция в языке чаще всего наблюдается между каким-либо заимствованным и исконно английским словом. Например, существительное *land* в древнеанглийском включало в свою семантическую структуру значения 'твердая часть поверхности земли, суша' и 'территория, на которой проживает тот или иной народ'. После того, как в среднеанглийский период из французского языка было заимствовано слово *country*, синонимическое слову *land*, семантическая структура последнего изменилась, из нее выпало значение 'территория, на которой проживает тот или иной народ', закрепившееся за заимствованным словом.

Аналогична и история развития слова *beeg*, которое в древнеанглийском обозначало любое животное, но в результате заимствования из французского языка в среднеанглийский период слова *beast*, принявшего на себя это общее значение, стало обозначать конкретный вид животного — олень. Несколько позднее из латинского языка было заимствовано слово *animal*, вытеснившее слово *beast* в общем значении 'животное', но последнее сохранилось в английском языке в более узком значении 'млекопитающее животное', 'зверь'.

Иногда в результате дифференциации синонимов один из них сохраняет прежнее значение лишь в строго фиксированных контекстах, иначе говоря, в устойчивых словосочетаниях. Так, например, произошло со словами *cast* и *token* в английском языке. Слово *cast*

было заимствовано из скандинавского и первоначально означало 'бросать', 'швырять', как и исконно английское слово *throw*. Борьба за существование между этими двумя синонимами закончилась тем, что *cast* в настоящее время сохранилось в своем прежнем значении лишь в таких словосочетаниях как *to cast a glance* 'бросать взгляд', *to cast anchor* 'бросать якорь', *to cast a net* 'закидывать сеть' и некоторых других. Существительное *token* тоже изначально имело широкое значение 'знак', в котором оно употреблялось в любых контекстах, но в результате конкуренции с заимствованным словом *sign* употребление исконно английского *token* в данном значении свелось лишь к нескольким устойчивым словосочетаниям, таким как *in token of respect*, *love token*, *a token of affection*. Таким образом, постоянный контекст можно также рассматривать как один из лингвистических факторов семантических изменений в слове.

Некоторые ученые среди лингвистических причин выделяют еще закон аналогии, суть которого сводится к тому, что в случае появления у одного из членов синонимического ряда какого-либо нового значения другие члены данного ряда также начинают употребляться в этом значении. Например, когда у глагола *catch* появилось значение «to understand», то в этом же значении стали употребляться и его синонимы *grasp*, *get* и некоторые другие.

Необходимо отметить, что действие внутрилингвистических причин не столь очевидно, как влияние экстралингвистических факторов, обуславливающих появление многозначности, и вследствие этого гораздо меньше изучено.

Природа семантических изменений. Как было показано выше, причины семантических изменений могут быть самыми разными. В свою очередь, и сами семантические изменения по своей природе могут различаться, так как в их основе могут лежать различные закономерности. Иначе говоря, использование имени какого-либо объекта для обозначения другого объекта осуществляется не хаотично, в основе вторичного использования имен и развития у них вторичных значений лежат законы ассоциативных связей. Ими определяются виды семантических изменений слова в ходе его исторического развития, типы отношений между значениями в диахронии и как конечный результат типы самих значений в семантической структуре многозначного слова.

И в самом деле, анализ значений полисемантических слов показывает, что, как правило, между двумя референтами, обозначенными одним и тем же словом, обязательно существует какая-то связь. Традиционно выделяются два основных типа такой связи: 1) симилитивная (сходство референтов по какому-либо признаку), 2) импликационная (когда оба референта тем или иным образом связаны между собой в реальной действительности). Например, основанием для переноса имени *carriage* с одного объекта действительности на другой послужил тот факт, что и повозка, которую обычно тащила лошадь, и вагон, который уже приводился в движение с помощью паровоза, являлись средством передвижения и ассоциировались с путешествием. Использование слова *hand* для обозначения стрелки часов объясняется определенным функциональным сходством данного объекта с кистью руки человека (это указательная функция). Таким образом, мы видим, что перенос имени и в том, и в другом случае имеет вполне достаточное логическое основание.

Перенос имени, основанный на сходстве референтов, определяется как лингвистическая метафора. Сходные признаки, служащие основанием для метафорического переноса, могут быть самыми разнообразными: форма предмета (*a head of a person — a head of cabbage*), функция (*key to a door — the key to a mystery*), позиция (*a child's foot — foot of page*), поведение (*a monkey, an ass, a fox — a человек*) и т.д. Иногда сходство референтов может быть сразу по двум или более признакам, как, например, *the leg of the table*, где метафора мотивирована, во-первых, сходством позиции (нижняя часть стола и нижняя конечность человеческого тела), во-вторых, сходством функции (и ноги человека, и ножки стола служат опорами), а иногда еще и некоторым сходством формы.

Следует заметить, что при метафорическом переносе ассоциативная связь может возникать не только между двумя физическими объектами, но также между конкретным предметом и абстрактным понятием, например: *a branch of a tree — a branch of science, a metal bar — racial bar*.

Достаточно часто метафорический перенос бывает основан на аналогии между протяженностью во времени и пространстве: *long distance — long speech, short path — short time*. Можно также наблюдать перенос пространственных отношений на психологи-

ческие и ментальные понятия: to grasp an idea, to throw light upon, и т.д..

В сфере адъективной лексики как наиболее регулярные отмечаются переносы наименований различных физических признаков (температуры, размера, вкуса, света и т.д.) для наименования интеллектуальных характеристик, оценки эмоционального состояния и других рациональных признаков. Например: dark — 1) темный, неосвещенный; 2) темный, необразованный; 3) тайный, секретный, непонятный; 4) мрачный, угрюмый; light — 1) легкий, легковесный; 2) легкий, нетрудный; 3) легкомысленный, несерьезный и т.д.

Среди глаголов весьма часты метафорические переносы наименований физических действий для обозначения интеллектуальной деятельности (ср., например: to smash a cup — to smash a theory; to dig the ground — to dig information out of books; to hold a child's hand — to hold a man to be a fool; etc.).

Особую подгруппу метафор составляют имена собственные, перешедшие в имена нарицательные, которые уже называют не конкретного человека, а представителя определенного класса, наделенного какими-либо чертами характера, присущими тому человеку, которому первоначально принадлежало это имя. Например, Don Juan — это имя героя литературного произведения, но так называют любого мужчину с привлекательной внешностью, ведущего распутный образ жизни; когда имя библейского персонажа Solomon употребляется по отношению к какому-то другому лицу, то оно имеет значение 'мудрец'; имя Cicero приобрело переносное значение 'красноречивый человек' и т.п.

Приведенные выше модели не исчерпывают, однако, всего богатства метафорических переносов, лежащих в основе производных значений многозначных слов. Метафора, по выражению В.Н.Телия, вездесуща. Она выполняет роль призмы, способной обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы.

Поскольку метафора основана на психологических ассоциациях, она обнаруживает большую национально-языковую специфику. Американский ученый Л.Блумфилд, демонстрируя как общность, так и своеобразие метафорических переносов современного английского языка по сравнению с другими, писал: «Very many linguistic

forms are used for more than one typical situation. In English, we speak of the head of an army, of a procession, of a household, or of a river and a head of cabbage, of the mouth of a bottle, cannon, or river, of the eye of a needle and of hooks and eyes on a dress; of the teeth of a saw; of the tongue of a shoe or of a wagon; of the neck of a bottle and a neck of the woods; of the arms, legs and back of a chair; of the foot of a mountain; of hearts of celery. A man may be a fox, an ass, or a dirty dog; a woman — a peach, lemon, cat or goose; people are sharp and keen or dull, or else bright or foggy, as to their wits; warm or cold in temperament; crooked or straight in conduct; a person may be up in the air, at sea, off the handle, off his base, or even beside himself, without actually moving from the spot».¹ В истоках данного своеобразия лежит элемент субъективности, органично присущий метафоре и обусловленный широким диапазоном свойств сопоставляемых сущностей, возможностями выбора любых из них в качестве общих. В принципе, содержание метафорического переноса может составить любой, даже самый, казалось бы, несущественный признак. Например, собака ассоциируется с верностью, преданностью, хорошим чутьем, скверными условиями существования, агрессивностью, сварливостью, злобностью и т.д.; отсюда *dogged* — упрямый, упорный, настойчивый; *doggyish* — 1) жестокий, грубый; 2) раздражительный, огрызающийся; *in the dog-house* — опозоренный, в немилости; *dog-sleep* — чуткий сон; *dog-tired* — усталый как собака; *dog-days* — самые жаркие летние дни; и т.д.

Второй тип ассоциативной связи, который мы определили как импликационный, служит основанием для переноса, называемого лингвистической метонимией. Конкретные виды связей, служащие основанием импликации, весьма разнообразны: материал — изделие, причина — следствие, исходное — производное, действие — цель, процесс — результат, часть — целое, признак — вещь, смежность (соположенность) в пространстве, следование во времени и т.п.

¹ — Bloomfield L. *Meaning* // Гинзбург Р.С., Князева Г.Ю., Санкин А.А., Хидекель С.С. Сборник текстов по проблемам английской лексикологии. Ч.1. — М., 1972. — С.37.

Рассмотрим некоторые примеры метонимического переноса.

The foot of a bed — это место, где находятся ноги человека, когда он лежит на кровати; the arms of an arm-chair — это место, куда человек кладет руки, сидя в кресле (соположенность в пространстве). Factory hands — это фабричные рабочие; слово head может употребляться в значении 'человек', например, to count heads — сосчитать число присутствующих (отношение части и целого).

Интересна история семантического развития прилагательного sad в английском языке. Первоначально оно имело значение 'сытый', затем у него появилась отрицательная коннотация пресыщенности пищей — 'переевший', что, в свою очередь, ассоциировалось с определенным физическим дискомфортом, а следующий семантический сдвиг был основан на логической ассоциации между физическим дискомфортом и душевным недовольством, поскольку эти два состояния часто сопровождают друг друга. В современном английском языке слово sad обозначает чисто эмоциональное состояние 'печальный', 'унылый', 'грустный', а первоначальные значения 'сытый' и 'переевший' давно исчезли из его семантической структуры.

Очень продуктивной моделью метонимического переноса является модель «материал — изделие из него», например: glass (стекло) — a glass (стакан), iron (железо) — an iron (утюг), copper (медь) — a copper (медная монета) и т.д.

В большой степени подвержены переносу имена собственные. Например, многие международные физические и технические единицы измерения названы в честь великих ученых их именами (ср. ampere, ohm, volt, watt, etc.). Часто предметы называются именами тех людей, которые их изобрели, например, Diesel — имя немецкого инженера-механика, который изобрел мотор, называемый теперь дизелем; Spenser — имя английского графа, который на некоторое время ввел в моду короткий шерстяной жакет, с тех пор называемый спенсером; Sandwich — тоже имя английского графа, придумавшего легкую закуску, ныне всем хорошо известную под названием «сэндвич».

Еще одна группа имен собственных, склонных к метонимическому переносу, — это названия мест и географические названия. Например, название лондонской улицы Downing Street часто

используется в средствах массовой информации для обозначения британского правительства, так как на этой улице находится резиденция премьер-министра. Весьма многочисленны примеры перехода географических названий в общие имена, обозначающие товары или изделия, производимые в данном месте или впервые появившиеся там, например: astrakhan (fur) — каракуль, china (ware) — фарфор, damask (steel) — булат, holland (linen) — холст, полотно, тогоссо (leather) — сафьян. Сюда же относятся всемирно известные названия вин и сыров: champagne, burgundy, madeira, roquefort, etc.

Таким образом, мы видим, что семантические изменения в слове не произвольны. Они происходят в соответствии с логическими и психологическими законами мышления, иначе бы мы не могли понять эти новые значения. Можно сказать, что в словарном аспекте вторичные переносные обозначения обладают лишь потенциальной семантикой, т.е. не фиксируют определенное содержание, а лишь нечетко очерчивают некую семантическую область с вероятностной структурой. В речи совершается отбор из этой области, и переносное значение семантизируется по определенным правилам из взаимодействия прямого значения с контекстуально-ситуативными условиями речи.

Результаты семантических изменений. Когда речь идет о результатах семантических изменений в слове, то, прежде всего, имеется в виду та разница между исходными и производными значениями, которая обнаруживается при их сравнении. Изменения могут касаться как денотативного, так и коннотативного компонента значения. При изменении денотативного компонента производное значение может стать уже или шире по сравнению с исходным, и результат таких семантических изменений определяется, соответственно, как сужение (или специализация) и расширение (или генерализация) значения. Надо сказать, что данные термины достаточно условны, поскольку на самом деле сужается и расширяется не значение, а объем обозначаемого словом понятия (т.е. количество референтов, обозначаемых этим словом, соответственно, уменьшается или увеличивается). Причем при расширении объема понятия его содержание становится беднее (слово сообщает меньше информации о референте), и наоборот, при сужении объема

понятия его содержание становится богаче (слово сообщает больше информации о соответствующем референте). Проиллюстрируем это примерами.

В среднеанглийский период слово *girl* имело значение 'маленький ребенок любого пола', затем оно стало обозначать только маленького ребенка женского пола (сужение значения). В процессе последующего семантического развития данное слово постепенно стало обозначать молодую незамужнюю девушку, затем любую молодую женщину или девушку, а в современном разговорном английском языке оно, фактически, стало синонимом слова *woman* (e.g. *The old girl must be at least seventy*).

Сужение значения явилось результатом семантического развития таких английских слов как *fowl* (в древнеанглийском — 'птица', в современном языке — 'домашняя птица'), *hound* (в древнеанглийском — 'собака', в современном языке — 'гончая собака'), *meat* (в древнеанглийском — 'пища', сейчас — 'мясо') и т.д.

Однако гораздо чаще мы наблюдаем развитие значения слова от конкретного к абстрактному, т.е. расширение значения. Например, слово *camp* первоначально являлось исключительно военным термином и имело значение 'место, где временно расположились войска', теперь это 'временная стоянка, жилище' (в очень широком смысле); слово *pipe*, первоначально имевшее значение 'дудочка' (духовой музыкальный инструмент), теперь обозначает любое продолговатое тело цилиндрической формы, полое внутри — 'труба'; слово *ready* в древнеанглийском имело узкое значение 'готовый к прогулке, езде верхом', а в настоящее время это просто 'готовый' (к чему угодно).

Итак, сужение и расширение значения можно установить на основании сравнения логических понятий, выражаемых исходным и производным значениями одного и того же слова.

Посмотрим теперь, что происходит в результате изменения коннотативного компонента значения. Здесь имеются в виду, с одной стороны, случаи, когда нейтральное слово, не включающее в свою семантическую структуру каких-либо оценочных или эмоциональных сем, в процессе своего исторического развития приобретает положительные или отрицательные коннотации, а с другой стороны, случаи, когда какое-либо слово, включающее в свою

структуру положительные или отрицательные оценочные семы, меняет знак «+» на «—» и наоборот. Например: 1) существительное lady в древнеанглийском значило 'хозяйка дома', 'замужняя женщина', теперь — 'дама', 'госпожа'; прилагательное nice имело значение 'глупый', в современном английском — 'хороший', 'милый', 'славный'; 2) существительное knave первоначально имело значение 'мальчик', а сейчас — 'плут', 'мошенник'; прилагательное silly, имевшее значение 'счастливым', в современном английском языке значит 'глупый'.

Приобретение словом положительных коннотаций (как у lady и nice) обычно определяется как «улучшение» значения (английские термины «elevation», «amelioration»), а приобретение словом отрицательных коннотаций (как у knave и silly) — как «ухудшение» значения (английские термины «degeneration», «rejection»). Следует сказать, что данные термины не вполне точно передают суть соответствующих семантических изменений в слове, но с некоторыми оговорками большинство лингвистов их все-таки принимает. На самом деле значения не могут становиться «лучше» или «хуже», изменению здесь подвергается социальная или эмоциональная оценка референта, обозначенного соответствующим словом. Как правило, изменение коннотативного значения сопровождается определенными изменениями и в денотативном значении данного слова. Например, у слова gentleman первоначальное значение было 'человек знатного происхождения', а современное значение — 'благородный, хорошо воспитанный человек'; или сравните первоначальные значения 'слуга на ферме', 'крепостной' у слова villain с его современными значениями 'злодей', 'негодяй'.

Часто в качестве примеров, иллюстрирующих «улучшение» значения, приводятся такие слова как marshal, minister, lord, queen и т.п. Однако при строгом рассмотрении в данных словах трудно обнаружить какие-либо оценочные коннотации. Сравните их исходные и производные значения, приведенные ниже:

marshal: 'слуга, ухаживающий за лошадьми' → 'маршал';

minister: 'слуга' → 'министр';

lord: 'хозяин дома, глава семьи' → 'лорд';

queen: 'женщина' → 'королева'.

Тот факт, что все они первоначально обозначали простых бедных людей, а затем стали обозначать людей, занимающих высокое положение в обществе, является экстралингвистическим (здесь не выражается положительное отношение говорящего к референту), следовательно, приведенные примеры вряд ли можно трактовать как «улучшение» значения.

Завершая рассмотрение причин, природы и результатов семантических изменений, важно отметить, что последние выполняют в языке двоякую функцию. С одной стороны, они выступают в качестве фактора, обеспечивающего преемственность и постоянство лексического состава языка. С другой стороны, они являются эффективным средством создания вторичных значений и приводят в конечном итоге к возникновению многозначности лексических единиц.

в) Семантическая структура многозначного слова (внутрисловные парадигматические отношения)

Многозначность, или полисемия (т.е. наличие у слова двух или более значений), характерна для большинства слов во многих языках. Однако в английском языке она распространена гораздо шире, чем, скажем, в русском языке, что объясняется отчасти аналитическим характером английского языка и наличием в нем большого количества односложных слов, относящихся к наиболее употребительной лексике.

Совокупность и иерархия всех значений многозначного слова представляет собой его семантическую структуру, или парадигму. Например, у слова *coat* можно выделить четыре основных значения: 1) *long outer garment with sleeves buttoned in the front*; 2) *jacket*; 3) *any covering that can be compared to a garment (e.g. an animal's hair or wool)*; 4) *layer of paint or other substance put on a surface at one time (coat of paint)*.

Следует сказать, что вместо термина «значение» лингвисты часто предпочитают пользоваться термином «лексико-семантический вариант» (ЛСВ) слова, который восходит к работам А.И. Смирницкого. Под ЛСВ понимаются такие варианты слова, различия между которыми «не отражаются на их звуковой оболочке, но в очень большом числе случаев находят свое выражение либо в различии

синтаксического построения, либо в разной сочетаемости с другими словами — во фразеологических особенностях, либо в том и другом месте» (Смирницкий А.И., 1954, с.36-37). ЛСВ обычно приравнивается к отдельному значению полисемантического слова.

Разграничение отдельных значений (ЛСВ) слова, однако, представляет собой достаточно сложную проблему из-за диффузности, неопределенности и зыбкости границ между ними. Как же вообще формально провести эти внутрисловные границы? Наиболее объективным способом их определения является изучение типовых средств и условий для реализации того или иного значения, называемых потенциальным типовым контекстом (Медникова Э.М., 1974, с.46). Коль скоро семантические варианты разграничены, не сливаются друг с другом, различия между ними должны выявляться при их реализации в речи в виде своеобразных указателей, которые и «откладываются» в языке как потенциальный типовой контекст.

Различается тематический (семантический) типовой контекст, конструктивный (грамматический), и фразовый.

Семантический контекст задается тематическими классами слов, отражающими отношения и связи объектов действительности. Например, глагол *break* в сочетании с конкретным предметным исчисляемым существительным имеет значение 'разбивать' (*to break a cup, a plate, a window*), в сочетании с абстрактным существительным, обозначающим правила, инструкции и т.п., реализует значение 'нарушать' (*to break the law*), в сочетании с именем животного — значение 'приручать', 'дрессировать', 'объезжать' (*to break the horse*), в сочетании с именем лица — значение 'приучать к дисциплине' (*to break a child*) и т.д.

Иногда для выявления отдельного значения многозначного слова не требуется указание семантического класса слов или перечисление лексических единиц, образующих его непосредственное окружение. Достаточно бывает указать их общекатегориальные признаки, принадлежность к той или иной части речи, чтобы определить, в каком из значений данное слово используется. Например, слово *look* в сочетании с последующим прилагательным реализует значение 'выглядеть' (*to look pale, to look young, etc.*) Если глагол *break* употребляется в предложениях без объекта, значения его будут совершенно иными, ср.: *His health broke; The war broke* и т.д.

Разными ЛСВ являются переходные и непереходные глаголы типа *to burn sth* — ‘жечь’, *to burn* — ‘гореть’, *to move sth* — ‘двигать’, *to move* — ‘двигаться’, *to turn sth* — ‘повернуть’, *to turn* — ‘повернуться’ и т.д. Это уже конструктивный контекст. В английском языке конструктивный контекст является типичным для ЛСВ глаголов, значительно реже встречается у вариантов прилагательных и практически не встречается у других частей речи. В словаре Хорнби значения глаголов имеют специальные пометы, указывающие на конструктивные типовые контексты.

Фразовым контекстом называется такой контекст, который задается перечислением, списком конкретных лексем. Фразовый контекст, как и конструктивный, является внутриязыковым, так как ограничение списка лексем, невозможность извлечения из него общих признаков обусловлены сугубо лингвистическими причинами, особенностями системы данного языка, или, как говорят, языковым узусом. Например: *stocking ladder* — ‘спустившаяся петля (на чулке)’, *flowers of speech* — ‘красивые обороты речи’ и т.д.

Таким образом, мы видим, что условиями реализации ЛСВ слова в речи являются его синтагматические характеристики. Поскольку этот аспект лексики будет подробно рассмотрен несколько позднее, мы считаем возможным ограничиться здесь лишь указанием типов контекстов, позволяющих разграничить отдельные ЛСВ в структуре многозначного слова.

Заметим также, что немаловажную роль в разграничении разных ЛСВ слова, наряду с контекстом, играют парадигматические связи слов, их системная противопоставленность. Так, все ЛСВ одного слова соотносятся в системе языка с разными синонимами и антонимами (если таковые имеются). Например, ЛСВ ‘ломать’, ‘разбивать’ глагола *break* соотносится с синонимами *crack, smash, demolish, fracture, shatter*, ЛСВ ‘нарушать’ — с синонимами *violate, infringe*, ЛСВ ‘приручать’ — с синонимом *tame* и т.д.

Признание многозначности слова, т.е. его существования в различных семантических вариантах, естественно, приводит к вопросу о соотношении этих вариантов, о классификации (упорядочении) типов такой вариантности, т.е. к вопросу о типологии разных наборов элементов смысловой структуры слова. В зависимости от

диапазона свойств и отношений, учитываемых исследователем, классификации ЛСВ могут значительно отличаться друг от друга. Однако почти всеми признается тот факт, что для выделения разных типов ЛСВ слова существенно не столько их отношение к ЛСВ других слов в пределах (микро)системы лексики, сколько их место в семантической структуре слова, объединяющего эти ЛСВ.

Общая типология значений в связи с этим строится с учетом природы значений, составляющих семантическую структуру многозначного слова. В этой типологии важнейшее место принадлежит оппозиции первичных и вторичных значений, которые могут быть квалифицированы с точки зрения номинативных процессов соответственно как прямые и производные.

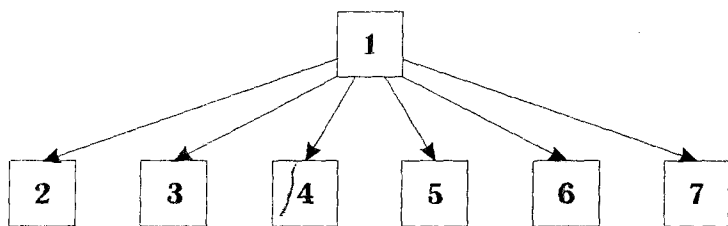
Прямые номинативные значения — это те, которые являются наиболее свободными и самостоятельными, т.е. не зависят от контекста (по словам Д.Н.Шмелева, они «наиболее обусловлены парадигматически и наименее обусловлены синтагматически»). Они непосредственно связаны с предметами и явлениями материальной действительности и могут быть выявлены при ознакомлении с самими реалиями, причем последние выступают в этой связи в качестве неперемного условия и объективного критерия определения смыслового объема слова. Переносные значения образуются от прямого номинативного значения по определенным моделям семантической деривации и реализуются лишь в определенных контекстных условиях. Они не только называют предмет или явление, но и характеризуют его на основании сходства с каким-либо другим предметом или явлением. Например, прямым номинативным значением слова *face* является 'передняя часть головы человека (глаза, нос, рот, щеки, подбородок)': *He fell on his face*. Переносные значения этого слова — 'выражение лица' (*a sad face*) и 'поверхность, передняя часть чего-либо' (*He laid the cards face down on the table*).

Семантическая структура слова, соответственно, определяется как «иерархическая система, исторически сложившееся единство лексико-семантических вариантов с основным прямым номинативным в ее центре» (Уфимцева А.А., 1986, с.35).

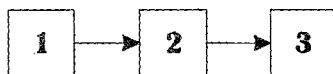
Поскольку лексико-семантические варианты в структуре многозначного слова иерархически организованы на основе прямого

номинативного значения и связаны между собой отношением семантической производности, внутрисловные связи значений многозначного слова могут быть описаны с точки зрения направления, рисунка и упорядоченной последовательности связей и их содержательных характеристик.

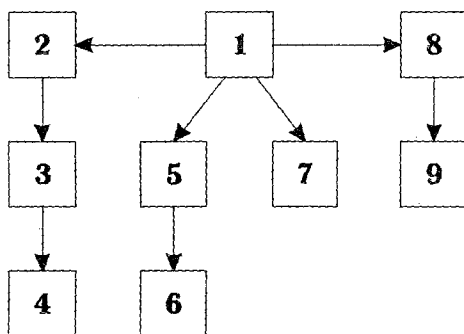
Выделяют так называемую радиальную и цепочечную полисемию. Радиальная связь, при которой все производные значения связаны непосредственно с прямым номинативным значением и мотивированы им, распространена гораздо больше. Например, у слова *field* выделяются следующие значения: 1) поле, луг (*field of rye*); 2) большое пространство (*field of ice*); 3) площадка, участок (для какой-либо цели) (*flying field*); 4) геол. месторождение (*gold field*); 5) поле сражения, битвы (*to hold the field*); 6) область, сфера деятельности (*he's the best man in his field*); 7) *снец.* поле, область (*magnetic field*). Здесь прямое номинативное значение 'поле, луг' непосредственно связано со всеми последующими значениями, что графически может быть представлено следующим образом:

Цепочечная полисемия в чистом виде, когда значения последовательно связаны друг с другом и образуют единую цепь, чрезвычайно редка. Это имеет место, например, в семантике таких многозначных слов как *bleak* и *suggest*. Ср.: *bleak* — 1) не защищенный от ветра, открытый (*bleak hillside*); 2) холодный, суровый (*bleak wind*); 3) унылый, печальный, мрачный (*bleak prospects*); *suggest* — 1) предлагать, советовать (*what do you suggest?*); 2) внушать, вызывать, подсказывать (мысль) (*his tone suggested unfriendliness*); 3) приходиться в голову, на ум (*an idea suggested itself to me*). Графически эту связь можно изобразить так:

Наиболее обычный тип расположения связей в структуре многозначного слова — это радиально-цепочечная полисемия, принимающая самые различные конфигурации в зависимости от того, какие значения находятся в непосредственной связи друг с другом. Например, для существительного *glass*, у которого словари выделяют такие значения как 1) стекло; 2) стеклянная посуда; 3) стакан, рюмка, бокал; 4) стакан, рюмка, бокал (мера емкости); 5) парниковая рама; 6) парник; 7) зеркало; 8) линза; 9) микроскоп и некоторые другие, эта конфигурация имеет следующий вид:

Приведенные схемы наглядно демонстрируют, что отношения между отдельными значениями в семантике многозначного слова могут быть непосредственными или опосредованными. Непосредственные связи устанавливаются между производящим и производным от него значением, а опосредованные — между производными значениями. Как результат опосредованности связей некоторые значения в семантической структуре многозначного слова отстоят друг от друга достаточно далеко.

В процессе функционирования и развития языка указанные отношения различных значений полисемантического слова, сложившиеся и рассматриваемые с точки зрения исторической перспекти-

вы, не остаются неизменными: появляются новые значения, некоторые значения с течением времени исчезают, изменяется направление производности. Таким образом, совершенно очевидно, что современное восприятие носителями языка соотношений и связей в системе значений многозначного слова не идентично их историческим связям. В то же время, как отмечает Д.Н.Шмелев, перераспределение значений в слове, изменение в их соотношении, напротив, лишней раз подтверждает тот факт, что совокупность значений слова всегда характеризуется определенной организацией, что значения образуют определенную структуру.

Изменчивость отношений между значениями многозначного слова делает необходимым разграничение диахронного (исторического) и синхронного (современного) ракурсов их анализа и, соответственно, синхронная типология значений не совпадает с диахронной.

В последнее время, благодаря успехам компонентного анализа лексического значения, в лексикологических исследованиях предпринимаются попытки изучения семного механизма внутрисловных связей значений в синхронии. Отдельные значения (или ЛСВ) многозначного слова, состоящие из элементарных далее неделимых единиц смысла — сем, или семантических компонентов, обнаруживают некоторую общность своих компонентов, благодаря которой между ними и устанавливается связь. Именно наличие этой общности между ЛСВ в плане содержания, наряду с тождественностью плана выражения, является условием их существования как вариантов одной лексической единицы. С этой точки зрения возможны три вида отношений между значениями полисемантического слова: пересечение, включение и семантическая омонимия.

При пересечении варианты слова имеют общую семантическую часть и, кроме того, каждый вариант имеет свою специфическую необщую часть. Каждый из пересекающихся вариантов в принципе одинаково сложен. Ср.: *barren* — 1) бесплодный, неплодородный; 2) бесплодный, неспособный к деторождению; 3) бедный чем-л., лишенный чего-л., где все значения объединены одним семантическим признаком «не производящий».

При включении один из вариантов сложнее, шире по объему, чем другой: он включает в себя семантику первого и, сверх того, имеет часть, которой нет у первого варианта Ср.: *woman* — 1) женщина;

2) служанка; 3) *диал.* жена; boy — 1) мальчик; 2) парень, молодой человек; 3) сын; 4) бой (слуга-туземец на Востоке); 5) *мор.* юнга.

Целесообразность выделения третьего типа отношений между ЛСВ слова связана, в первую очередь, с тем, что у вариантов лексемы может быть общая часть содержания, которая не является семантической, а отражает общность их внутриязыковых значимостей (например, при радиальной и цепочечной полисемии «крайние значения» могут не иметь общих составляющих, оставаясь однако значениями одного слова) (Апресян Ю.Д., 1974, с.182).

Что касается содержательных связей значений, то, вследствие детерминированности характера связи типом семантического процесса, они обычно описываются в тех же терминах, т.е. метонимические, метафорические, сужение и расширение значений и т.д.

При рассмотрении отношений, существующих между разными значениями одного и того же слова в один период времени (в синхронии), часто противопоставляются друг другу такие типы значений как конкретное : абстрактное, центральное : периферийное, узкое : широкое, общее : специальное и т.п. Совершенно очевидно, что основание для классификации типов значений в каждом случае разное, но общим для всех случаев является то, что сравнение имеет место внутри семантической структуры одного слова, где значения характеризуются относительно друг друга.

Если рассматривать семантическую структуру слова в историческом аспекте (в диахронии), то значения будут классифицироваться согласно их генетическим характеристикам и в соответствии с их возрастающей или уменьшающейся ролью в языке. Здесь употребляются следующие термины: этимологическое значение (т.е. исторически самое раннее), архаичное значение (в настоящее время вытесненное из употребления более новым словом, но сохраняющееся в определенных словосочетаниях), устаревшее значение (вышедшее из употребления), современное значение (наиболее частотное в современном языке), первоначальное значение (то, которое служит базой для производных значений) и другие.

Можно также выделить системные значения слова (те, которые уже закрепились в языке и зафиксированы в словарях) и контекстуальные значения, возникающие в речи в особых контекстных условиях.

Как мы могли убедиться на основании вышесказанного, сам факт существования связей между значениями многозначного слова не вызывает сомнений. Однако эти внутрисловные отношения, не имеющие формального выражения, скрыты от прямого наблюдения, в связи с чем для их экспликации требуется применение сложной методики и приемов анализа, позволяющих исследователю реконструировать процесс номинации, в ходе которого возникло то или иное значение.

Нетрудно заметить, что даже в лингвистических словарях, призванных дать исчерпывающее описание семантической структуры слова, семантическая связь разных его значений чаще всего не фиксируется. Как отмечает Ф.А.Литвин, в известных нам словарях английского языка задача выявления близости разных значений слова в их описаниях и не предполагается — вероятно, в силу того, что общность разных вариантов слова считается данной, ощущается говорящими интуитивно, тем более, что большинство этих словарей рассчитано на владеющих английским языком как родным. Кроме того, общность в значительной мере воспринимается как данная именно в силу общего выражения: лексикографическая практика обычно исходит из нормальности полисемии и необходимости доказательства омонимии, а не наоборот.

г) Место омонимии в системе языка и классификация омонимов

Одной из спорных проблем лингвистики является проблема разграничения полисемии и омонимии. Если несколько связанных между собой значений ассоциируются с одной и той же звуковой формой в пределах одной части речи, то такое слово будет полисемантическим. Когда же два или более не связанных между собой значений ассоциируются с одной и той же звуковой формой, то это будут разные слова, определяемые как омонимы. Таковы, например, существительные bank₁ — 'банк' и bank₂ — 'берег (реки, озера)', глаголы boast₁ — 'хвастаться' и boast₂ — 'обтесывать камень вчерне', прилагательные close₁ — 'закрытый' и close₂ — 'близкий' и т.д. Сосуществуя в единой лексической системе, явления омонимии и полисемии различаются функционально. Полисемия, основанная на тождестве и мотивированности языковых выражений, обеспечива-

ет гибкость и экономность языкового кода. Омонимия же не имеет в языке полезного назначения и в некоторых случаях может даже явиться помехой для понимания точного смысла высказывания. Например, в следующем диалоге из произведения Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» сталкиваются омонимичные друг другу существительные *tale* 'сказка, рассказ, история' и *tail* 'хвост': «*Mine is a long and sad tale,— said the Mouse sighing.— It is a long tail, certainly,— said Alice, looking down with wonder at the Mouse's tail.— But why do you call it sad?!*» Отсюда видно, что контекст не всегда служит надежным указателем значения слова, допуская неоднозначную интерпретацию его смысла. На этом свойстве омонимов часто основаны всевозможные каламбуры и шутки, например:

Officer (to driver in parked car): Don't you see that sign
«Fine for parking»?

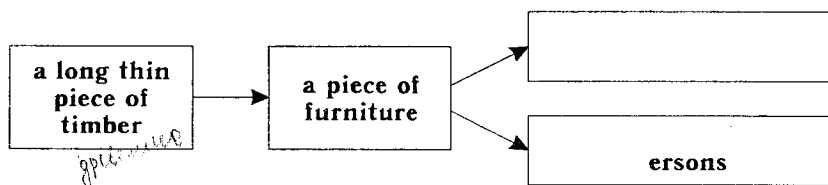
Driver: Yes, officer. I see and agree with it.

Высоко развитая омонимия является характерной чертой английского языка, что обусловлено, во-первых, наличием в английском языке большого количества односложных слов, относящихся к наиболее употребительной лексике, и, во-вторых, аналитическим характером этого языка. Частотность слов находится в обратной зависимости к их длине (количеству в них слогов), поэтому односложные слова являются самыми частотными. В свою очередь, наиболее частотные слова характеризуются высокоразвитой полисемией. И вполне естественно, что в процессе развития такие слова могут приобретать значения, отходящие очень далеко от главного (центрального, прямого номинативного) значения, что известно в лингвистике под названием семантической дифференциации, или дивергенции.

В случае выпадения из семантической структуры многозначного слова некоторых промежуточных звеньев (значений), новые значения могут потерять связь с остальной семантической структурой слова и превратиться в самостоятельную единицу. Данное явление определяется как распад полисемии (*split of polysemy*) и является одним из источников омонимии. Например, в современном английском языке *board*₁ — a long and thin piece of timber, *board*₂ — daily meals, esp. as provided for pay (e.g. room and board), *board*₃ — an

official group of persons who direct or supervise some activity (e.g. a board of directors) рассматриваются как три омонима, т.к. между значениями эти трех слов нет никакой смысловой связи. Однако в больших словарях иногда можно найти уже устаревшее и вышедшее из употребления значение слова board — 'a table', которое когда-то связывало все приведенные выше значения между собой, и они все вместе составляли семантическую структуру многозначного слова board, сравните:

board, n (development of meaning)

Здесь второе значение произошло от первого в результате метонимического переноса (материал — изделие из него), а третье и четвертое значения произошли от второго также в результате метонимического переноса (смежность в пространстве: еда обычно подается на стол, и люди обсуждают какие-либо официальные дела, как правило, тоже за столом). После того, как в английском языке появилось заимствованное слово table в значении 'a piece of furniture', оно вытеснило из употребления соответствующее значение слова board, вследствие чего потерялась семантическая связь между оставшимися его значениями, которые стали восприниматься как разные лексические единицы, имеющие одинаковую форму, т.е. омонимы.

С другой стороны, омонимы в английском языке возникают в результате случайного совпадения звуковой и/или графической формы совершенно разных слов (например: case₁ в значении 'случай, обстоятельство, положение' и case₂ в значении 'коробка, ларец, ящик', имеющие разные источники происхождения, но случайно совпавшие по форме). Подобное явление называется звуковой конвергенцией:

Некоторые ученые считают, что только те слова, которые происходят из разных источников, можно признать омонимами, а все

остальные относятся к полисемии. Другие же настаивают на семантическом критерии, когда решение в пользу омонимии или полисемии определяется степенью связанности значений между собой. Надо, однако, признать, что семантический критерий достаточно субъективен, т.к. здесь каждый лингвист может полагаться лишь на свою языковую интуицию и опыт. В зависимости от того, какой точки зрения на омонимию придерживается тот или иной лексикограф, он в своем словаре дает соответствующие значения либо в одной словарной статье, либо в разных. Именно поэтому мы и обнаруживаем подобные расхождения в отдельных словарях. Например, противоположные решения о тождестве и отдельности слова *spring* 'весна; пружина; прыжок' дают словари Уэбстера (1961) и Хорнби (1980).

Наряду с разграничением омонимии и полисемии важное место в лингвистическом описании омонимов занимает проблема их классификации

Система омонимов в английском языке, равно как и в других языках, включает а) омофоны (*homophones*) — единицы, сходные по своему звучанию, но различающиеся своим написанием и значением (например: *peace* — *piece*, *sea* — *see*, *meat* — *meet* и т.д.); б) омографы (*homographs*) — слова, тождественные в написании, но различные по своему произношению и содержанию (например: *row* [*rou*] 'ряд' и *row* [*rau*] 'ссора'; *tear* [*tiə*] 'слеза' и *tear* [*teə*] 'рвать' и т.д.); в) полные омонимы — слова, совпадающие как в своей звуковой, так и в письменной формах, но различающиеся значениями (например: *tip*₁ 'чаевые' — *tip*₂ '(верхний) конец, верхушка, кончик' — *tip*₃ 'прикосновение, легкий удар' — *tip*₄ 'намеки, совет' и т.д.).

Некоторые авторы, вслед за А.И.Смирницким, различают омонимы полные, совпадающие во всех своих формах, и частичные, характеризующиеся тождеством части своих словоформ. Например, у глаголов *blow*₁ 'дуть' и *blow*₂ 'цвести' парадигмы грамматических форм совпадают полностью (*blows*, *blowing*, *blew*, *blown*), а у глаголов *lie*₁ 'лежать' и *lie*₂ 'лгать' — только частично (*lies*, *lying*, *lay*, *lain* — *lies*, *lying*, *lied*, *lied*).

По тому, какие семантические различия наблюдаются между тождественными по форме словами, все омонимы делятся на следующие группы:

- а) лексические омонимы, принадлежащие к одной части речи и характеризующиеся одним лексико-грамматическим значением и различными лексическими значениями (например: night 'ночь' — knight 'рыцарь'; ball₁ 'мяч' — ball₂ 'бал' и т.д.);
- б) лексико-грамматические омонимы, различающиеся как своими лексическими, так и частеречными значениями (например: rose 'роза' — rose 'поднялся'; sea 'море' — see 'видеть' и т.д.);
- в) грамматические омонимы — омонимические формы в парадигме одного и того же слова, различающиеся своими грамматическими значениями (например: boys — boy's — boys').

Особо следует сказать о лексико-грамматических омонимах, образуемых в английском языке по продуктивной модели конверсии (patterned homonymy). Слова, образуемые по конверсии, всегда имеют общую семантическую часть с производящей основой, но относятся к другой части речи. Английские лексикографы обычно помещают их в одной словарной статье как разные значения одного и того же слова (A.S.Hornby). В англо-русских словарях, составляемых нашими лексикографами, такие слова обычно даются в разных словарных статьях, т.е. трактуются как омонимы (В.Д.Аракин, В.К.Мюллер и др.).

Как можно заметить, в основе каждой из приведенных классификаций омонимов лежит один какой-либо признак: 1) формальное тождество, 2) степень идентичности, 3) тип различающего значения. Возможны, однако, и более сложные классификации, построенные по двум и более параметрам. Интересна, например, многомерная классификация, предложенная И.В.Арнольд, в которой автор путем исчисления комбинаций различных признаков подразделяет омонимы на 12 классов, близкая к ней типология омонимов, разработанная А.В.Малаховским, и некоторые другие. В настоящее время большой интерес лингвистов к проблемам омонимии и практическая необходимость их решения связаны, в первую очередь, с построением механических устройств для восприятия и автоматической обработки текстов, попытками создания искусственного интеллекта в целом.

3. Парадигматические ряды слов в лексической системе современного английского языка

а) Семантические поля, тематические и идеографические группы

В лексике любого языка, в том числе английского, существуют многочисленные связи, благодаря которым совокупность лексических единиц становится не хаотичным нагромождением слов и устойчивых словосочетаний, а достаточно четко, хотя и сложно, организованной системой. Современное состояние лингвистической науки пока не позволяет нам представить всю лексику языка как систему, построенную на каком-то едином основании. Обычно выделяются некоторые подсистемы более тесно связанных единиц, общности слов и словосочетаний, организованных по тому или иному принципу. Лингвисты давно пытаются описать эти структуры, принципы их организации и роль в речемыслительных процессах. Результатом этих попыток стали всевозможные классификации лексических единиц, выполненные по разным принципам с использованием разных критериев и соответствующие тому или иному типу отношений, существующих между лексическими единицами в системе языка.

Для различных целей исследования оказываются эффективными различные типы группировок слов. К ним, в частности, относятся тематические (или идеографические) группы, семантические поля, лексико-семантические группы, синонимические ряды, антонимы и т.д.

Тематические группы выявляются не столько на лингвистическом, сколько на экстралингвистическом основании: критерием объединения слов здесь является то, что называемые ими вещи и явления встречаются вместе и близко связаны между собой в реальной действительности (например, термины родства, названия частей человеческого тела, военные термины и т.д.). Слова в пределах тематической группы обычно находятся в гиперо-гипонимических отношениях друг с другом. Этот тип отношений между единицами лексико-семантической системы языка, основанный на их родо-видовой концептуальной общности, признается одним из важнейших конституирующих принципов организации словарного

состава всех языков. Классическим примером такого рода структур в лексико-семантической системе является обозначение растений. В ряду наименований растений выделяется наиболее общий термин *plant* 'растение', являющийся родовым по отношению ко всем другим названиям растений. Наименования *tree* 'дерево', *bush* 'куст', *grass* 'трава', *flower* 'цветок' и др. выступают по отношению к родовому названию, или гиперониму, как подчиненные, связанные с обозначением менее широких классов растений, отдельных их подвидов. В свою очередь они имеют целый ряд подчиненных им слов — названий конкретных видов деревьев (*birch* 'береза', *asp* 'осина', *pine* 'сосна' и т.д.), цветов (*tulip* 'тюльпан', *daffodil* 'нарцисс', *rose* 'роза' и др.), кустов, трав и т.д. — и соотносятся с ними как гиперонимы и связанные отношением подчинения гипонимы.

Тематические группы часто объединяют слова, принадлежащие к разным частям речи, но обозначающие одно понятие. Ч.Филлмор называет такие группировки фреймами. Например, ситуация «торговля» может быть описана с помощью таких английских слов как *buy* 'покупать', *sell* 'продавать', *pay* 'платить', *spend* 'тратить', *cost* 'стоить', *charge* 'плата', *price* 'цена', *money* 'деньги', *change* 'обменивать' и десятков других.

Следует сказать, что по тематическому принципу бывают организованы даже некоторые словари, называемые идеографическими. Примером такого словаря может служить Тезаурус Роже.

Важнейшим типом отношений слов в парадигматике являются семантические отношения, а соответствующие им объединения слов по значению занимают первостепенное место в системных описаниях лексики. В данной области главным достижением является разработка методики семантического анализа, выделение определяющих черт семантических объединений слов, признание универсальности и одновременно специфичности их в разных языках, возможности структуризации лексики на разных уровнях, множественности отношений внутри семантических группировок. Эти положения легли в основу теории семантического поля.

Идея семантического поля — структурированной группы слов со связанными значениями, которая характеризуется определенными закономерностями — возникла в современном языкознании давно, под влиянием соссюровского структурализма. Соссюр считал, что

языковые единицы (любого уровня) не обладают внутренней значимостью в изолированном виде, а приобретают языковую значимость лишь благодаря своим отношениям, как парадигматическим, так и синтагматическим, с другими единицами в системе. Будучи примененным к лексической семантике, этот принцип означает, что бесполезно, к примеру, выяснять значение слова *warm*, не изучив в то же самое время его отношения со словами *cold*, *hot*, *cool*, *freezing*, *scorching* и т.д., потому, что значение *warm* является лишь ячейкой в сети контрастов, одним элементом в системе противопоставлений. То же самое можно сказать о конкретных существительных. Нельзя, например, определить, что означает слово *cat* в изолированном виде, так как это тоже лишь одна единица в системе противопоставлений наряду с такими словами как *animal*, *dog*, *kitten* и т.д.

В течение долгого времени изучение лексической семантики сводилось исключительно к исследованию истории развития значений отдельных слов, что, безусловно, небезынтересно, но не позволяет прийти к какой-либо систематизации или обобщению. Дж. Трир и его последователи были первыми, кто открыл новую страницу в истории семантики. После Трира огромное количество работ было выполнено в русле теории поля.

Новизна теории Трира заключалась в его чисто структурном подходе к изучению значения слова. Он рассматривал весь словарный состав языка как интегрированную систему, в которой каждая лексическая единица определялась и выделялась по своим отношениям с другими элементами системы. Отдельные слова, играющие роль мозаичных кубиков, как считал Трир, покрывают полностью, без пробелов, все значения, охватываемые лексикой, и образуют сплошное поле, своего рода мозаику, находящуюся в состоянии движения (т.е., если изменение происходит в одной единице, это неизбежно влечет за собой изменения в соседних единицах).

Эта модель семантической структуры открыла новый путь к изучению значения слова: проследить изменения, происходящие в системе в диахронии. Конечно, весь словарный состав языка невозможно изучить таким образом, но вполне осуществима задача исследования более ограниченных лексических полей, т.е. групп слов, покрывающих определенное понятие. Скажем, есть концепту-

альное поле красного цвета. Физически это часть спектра, где есть разные тона. Они объективны. Их очень много. Все ли они отражены в языке и как? В английском языке, к примеру, понятие 'красный цвет' покрывается словами: red — красный, малиновый; crimson — темно-красный, малиновый; vermilion — ярко-красный, киноварь и др. Смысл каждого из этих слов определяется как часть концептуального понятийного поля, и все они определяются по отношению друг к другу. Такие системы в разных языках обычно не совпадают, их интересно и полезно сравнивать.

Теорию Трира много критиковали, что, однако, не умаляет ее влияния на лексические исследования. Например, утверждение Трира, что весь словарный состав языка структурирован как единое общее поле, не подтверждается на практике. Также невозможно согласиться с его заявлением о том, что элементы поля образуют плотную, компактную, непроницаемую структуру, в которой нет пробелов (лакун). Среди других проблем можно назвать точное выделение концептуального поля (понятия) и определение того же самого поля в разные исторические периоды.

Достоинством теории семантических полей является стремление найти лингвистические критерии, вскрывающие системный характер языка.

б) Лексико-семантические группировки слов

Когда ставится задача выявить внутренние связи слов в пределах семантической системы языка, определить структуру и специфические смысловые связи последней, необходимо исследовать лексико-семантические группы (ЛСГ) слов. За основу исследования ЛСГ берется слово как единица языка в его многообразных смысловых связях в системе языка. Наиболее объективным языковым критерием выделения ЛСГ является наличие в тот или иной исторический период свободных смысловых связей между словами по линии их лексических значений.

Объединение слов в лексико-семантические группы осуществляется на основании определенного сходства или различия, противопоставления их значений. Это сходство и различие базируется на вполне конкретных (хотя не всегда очевидных) семантических признаках, сочетания которых и образуют лексические значения слов.

При анализе смыслового содержания лексических единиц с помощью метода компонентного анализа мы исходим из различного характера знаков, т.е. из того, что каждое слово — член определенного парадигматического ряда — отличается по своему значению от любого другого слова, по крайней мере, по одному из семантических признаков. В результате сопоставления выявляются все семантические признаки, позволяющие отграничивать значение одного слова от значений других слов в пределах данной совокупности (дифференциальные признаки).

В семантическом содержании слов одного парадигматического ряда имеется, по крайней мере, один семантический признак, общий для всех лексических единиц данной ЛСГ, который служит основанием для объединения и сопоставления значений данных слов. Признаки этого типа принято называть интегральными. Интегральные семантические признаки могут быть выделены при описании смыслового содержания любой семантической группы, где они служат не только основанием для сопоставления частично сходных лексических единиц, но также выступают как своего рода фильтры, определяющие возможность включения той или иной лексической единицы в состав данной группы.

Основные требования, предъявляемые к интегральному семантическому признаку, следующие:

- 1) интегральный семантический признак должен объединять однородные лексические единицы (т.е. слова, принадлежащие к одному лексико-грамматическому классу и обладающие сходным значением);
- 2) интегральный признак должен задавать определенную ориентацию образуемой на его основе ЛСГ;
- 3) интегральный признак должен иметь ограничительные свойства, предопределяя вхождение в ЛСГ обозримого количества лексических единиц.

Та или иная ЛСГ может быть выявлена методом ступенчатой идентификации, разработанным Э.В.Кузнецовой, который основан на методике компонентного анализа словарных дефиниций. В словарном толковании значения выделяется идентификатор (элемент толкования, имеющий наиболее общее значение) и конкретизаторы

(элементы толкования, отражающие дифференциальные признаки значения). Например, если взять дефиниции лишь некоторых глаголов движения, мы можем при их анализе наряду с идентификатором «move», благодаря наличию которого все эти глаголы входят в ЛСГ глаголов движения, выявить в их значениях самые разнообразные конкретизаторы, в соответствии с которыми всю ЛСГ можно разбить на ряд подгрупп, а именно: 1) глаголы, обозначающие сферу передвижения (воздух, вода, твердая поверхность и т.д.), — walk, crawl, fly, swim; 2) глаголы, обозначающие скорость передвижения, — run, stroll, pace, rush, creep; 3) глаголы, обозначающие направление движения, — go, come, arrive, depart, flee; 4) глаголы, обозначающие манеру движения, — stagger, shuffle, race, trot, crawl, sway, jump, hop; 5) глаголы, противопоставляемые по признаку целенаправленности/нецеленаправленности движения, — stroll, roam; 6) глаголы, включающие сему эмоционального состояния, — stroll, pace,iling, rush и т.п. Данный тип семантической группировки широко применяется по отношению к глаголам.

в) Синонимические ряды слов

Синонимия — одна из наиболее дискуссионных проблем современной лингвистики. Часто подвергается сомнению само существование слов, традиционно называемых синонимами; ведутся жаркие споры относительно природы и сущности связей между этими словами, которые трактуются совершенно по-разному представителями различных лингвистических школ.

Основной причиной таких разногласий является двойственность синонимов: это что-то очень похожее, но в то же самое время вполне очевидна разница между ними. Именно благодаря этому свойству синонимы выполняют свою функцию в речи, раскрывая различные аспекты, оттенки и варианты одного и того же явления. Это достаточно ярко демонстрирует следующий пример, где раздраженный режиссер выговаривает молодому честолюбивому актеру: «Think you can play Romeo? Romeo should *smile*, not *grin*, *walk*, not *swagger*, *speak* his lines, not *mumble* them» (From «Some Men and Women» by B.Lowndes). Здесь каждый второй синоним в соответствующей паре совершенно очевидно и намеренно противопоставляется первому.

Точный выбор нужного слова из группы синонимов для адекватного выражения мысли является существенным не только в литературе, но и в устной речи. Умение выбрать наиболее подходящее слово в каждом контексте и в каждой ситуации является поэтому очень важным моментом в процессе изучения иностранного языка.

Наиболее распространенное определение синонимов в «Словаре лингвистических терминов» О.С.Ахмановой сводится к следующему: «Синонимы (равнозначные слова, равнозначные слова) — те члены тематической группы, которые а) принадлежат к одной и той же части речи и б) настолько близки по значению, что их правильное употребление в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств».

В.Г.Вялюман приходит к выводу, что необходимыми и в сумме достаточными признаками синонимов являются их частичная семантическая или семантико-смысловая общность и частичная взаимозаменяемость. Синонимами, таким образом, являются слова, обнаруживающие схождения и расхождения в своих значениях и функциях.

Еще Ш.Балли обратил внимание на тот факт, что синонимы могут эффективно изучаться только в пределах образуемых ими синонимических рядов, что любое объяснение любых тонкостей не имеет никакого смысла, если рассматриваемые слова и выражения не сгруппированы предварительно вокруг одного слова, выражающего основной смысл, общий для всех, причем в наиболее объективной, наиболее рассудочной и наименее эмоциональной форме. Это слово принято называть доминантой. Доминанта синонимического ряда характеризуется следующими признаками:

- 1) высокая частотность употребления в речи;
- 2) широкая сочетаемость, способность использоваться в комбинации с различными классами слов;
- 3) широкое общее значение;
- 4) отсутствие коннотаций.

Наличие многих критериев общности значений синонимов и появление новых критериев обнаруживает, что этот вопрос все еще широко дискутируется и остается нерешенным.

В основном для установления факта синонимичности используются три критерия:

- 1) совпадение значения;
- 2) совпадение синтаксической дистрибуции;
- 3) совпадение лексической дистрибуции.

Среди них первостепенное значение имеет первый критерий — семантический, а два других дополняют друг друга и подчинены семантическому критерию.

Критерий взаимозаменяемости синонимов в некоторых контекстах часто и с достаточным на то основанием подвергается критике, так как почти всякая попытка применить его к той или иной группе синонимов, кажется, приводит к неизбежному выводу, что либо таких синонимов очень мало, либо они вообще невзаимозаменяемы. Достаточно взять любые синонимы и поместить их в простой контекст, чтобы продемонстрировать это. Ср.: *Neighbours were apt to smile at the long-legged bare-headed young man leisurely strolling along the street and his small companion demurely trotting by his side* (From «Some Men and Women» by B.Lowndes). Совершенно очевидно, что в данной ситуации невозможно поменять местами глаголы *stroll* и *trot*, причем не только контекст определяет их место, но и особенности их собственного лексического значения, их коннотативные компоненты.

Следовательно, трудно принять взаимозаменяемость в качестве критерия синонимии, так как особое свойство синонимов, то, которое оправдывает само их существование, как раз в том и состоит, что они не являются, не могут и не должны быть взаимозаменяемыми, иначе они бы оказались бесполезным балластом в системе языка.

Здесь, пожалуй, следует сказать об особом статусе доминанты в синонимическом ряду. Поскольку доминанта представляет собой наиболее общее по значению слово, наиболее нейтральное, лишенное эмоциональной и стилистической окраски, то именно оно может заменять в различных контекстах любое слово, входящее в данный синонимический ряд, без изменения основного смысла целого выражения, хотя при этом будет теряться та информация, которая передается коннотативным компонентом значения замещаемого слова.

Что касается классификаций синонимов, то они немногочисленны. Наиболее известная из них принадлежит В.В.Виноградову,

который подразделялся синонимы на идеографические, стилистические и абсолютные. Идеографические синонимы имеют общее денотативное значение, но отличаются своими коннотациями. Например, глаголы *kill* и *murder* имеют общее денотативное значение 'лишать кого-л. жизни', но глагол *murder* выражает еще и преднамеренность действия, в то время как *kill* является нейтральным в этом смысле (не выражает преднамеренности, но и не отрицает ее). Стилистические синонимы, соответственно, различаются своей стилистической окраской, например, *select* и *choose*, где *select* относится к научному стилю, а *choose* — к нейтральному. Абсолютные синонимы, полностью совпадающие по значению, встречаются чрезвычайно редко, в основном в сфере научной терминологии, например, *semasiology* — *semantics*. Однако следует сказать, что эта классификация достаточно условна. Мы уже отметили, что абсолютных синонимов в языке очень мало, и язык стремится их вытеснить, а между идеографическими и стилистическими синонимами трудно провести четкую границу, так как некоторые слова характеризуются как определенным коннотативным оттенком значения, так и той или иной стилистической окраской.

В более современных исследованиях синонимы чаще классифицируются по типу коннотативных значений, которыми они различаются. Такой подход представляется более полезным, так как открывает возможности для выявления самых тонких различий в значениях синонимов. При этом выделяются следующие типы коннотативных значений: указание на степень интенсивности признака (*to like* — *to admire* — *to love* — *to adore* — *to worship*); указание на длительность процесса (*to flash* — *to blaze*, *to say* — *to talk*); эмотивное значение (*to stare* — *to glare* — *to gaze*); оценочное значение (*well-known* — *famous* — *notorious* — *celebrated*); значение причины (*to shiver* — *to shudder*); указание на манеру действия (*to stroll* — *to stride* — *to trot*); указание на сопутствующие обстоятельства (*to peep* — *to peer*); стилистические коннотации (*to leave* — *to be off*, *to clear out* (coll.) — *to beat it*, *to hoof it*, *to take the air* (sl.) — *to depart*, *to retire*, *to withdraw* (formal)).

В терминах компонентного анализа синонимы определяются как слова с одинаковым денотативным значением, но с разным коннотативным значением (Антрушина и др., 1985, с.145). Хотя такое

определение можно подвергнуть критике, данный подход имеет свои достоинства и дает возможность по-новому анализировать синонимы.

Группу синонимов можно исследовать с помощью их словарных определений (дефиниционного анализа). Данные разных толковых одноязычных словарей подвергаются сравнительному и трансформационному анализу, в результате которого выявляются семантические компоненты, составляющие значение каждого анализируемого слова. Поскольку в системе языка слова ориентируют свое значение друг на друга, можно выделить многочисленные ряды слов, имеющих нечто общее в своей семантике и нечто отличное, противопоставляемое семантике других слов того же ряда. По количеству общих и различных элементов в дефинициях слов можно судить о степени их связанности.

Связь между двумя словами может устанавливаться как через включение одного слова в определение другого (непосредственная семантическая связь), так и через общий компонент обоих определений (опосредованная семантическая связь). Например:

convince — to cause (someone) to believe or feel certain, to persuade (Longman);

persuade — to cause to feel certain, convince (Longman);

assure — to try to cause to believe or trust in sth, try to persuade (Longman).

Как видно из приведенных словарных определений, значения данных глаголов толкуются и через общий семантический компонент «cause to believe», и друг через друга, что свидетельствует о непосредственной семантической связи между ними, а именно, о их синонимичности. Непосредственная семантическая связь бывает двух видов: 1) однонаправленная (одно слово толкуется через другое, но не наоборот), как между глаголами *assure* и *persuade*, приведенными выше; 2) двунаправленная (оба слова участвуют в толковании друг друга), как между глаголами *convince* и *persuade*. Здесь суть дефиниционной методики состоит в том, что словарные определения исследуемых слов последовательно сравниваются друг с другом. Для достижения наибольшей объективности, а также для того, чтобы учитывать частотность толкования одного слова через

другое или двух слов через общий компонент, следует анализировать данные как можно большего количества словарей.

Приведем для примера результаты дефиниционного анализа нескольких из многочисленных синонимов глагола walk:

Общее значение		Дифференциальное значение	
stroll	— to walk	+	unhurriedly, quietly
stagger	— to walk	+	unsteadily
pace	— to walk	+	with low or regular steps
roam	— to walk	+	without any definite aim
saunter	— to walk	+	in a leisurely way
slump	— to walk	+	with stiff, heavy movements
stride	— to walk	+	with long steps
toddle	— to walk	+	with short, uncertain steps as a baby does

Общее значение убедительно показывает, что, согласно семантическому критерию, эти слова являются синонимами. Дифференциальные значения, представленные справа, указывают на их различия. Безусловно, глагол walk можно признать доминантой в данном синонимическом ряду, поскольку он имеет наиболее общее значение, характеризуется отсутствием каких-либо коннотаций и, кроме того, как мы видим, участвует в толковании всех приведенных выше слов.

Нюансы значений синонимов маркируют практически разные значения (смыслы), как бы близки ни были их свойства. Коммуникативная ценность синонимии заключается не в их тождестве, а, наоборот, в их различии. Интерпретация синонимии как тождества лексических значений представила бы язык как сплошной набор слов-дублетов. Естественно, язык не может развиваться по таким законам, а, следовательно, со стороны лингвистов требуется анализ именно тех семантических нюансов, которые и составляют каждый раз особое значение той или иной лексики в реальных высказываниях.

г) Антонимы

Антонимия нередко трактуется как явление, противоположное синонимии, однако статус этих двух явлений в системе языка совершенно различен. По мнению Дж.Лайонза, синонимия не

является сама по себе структурным отношением и не играет существенной роли в семантической структуре языка. В принципе, язык вполне мог бы обойтись без синонимов, хотя, вне сомнения, без них он стал бы гораздо беднее. Антонимия же принадлежит к важнейшим семантическим отношениям, которые образуют простейший тип структуры — контрастивное множество.

Термином «антонимы» обычно обозначаются слова, принадлежащие к одной части речи и имеющие противоположные значения, например: *hot — cold, light — dark, happiness — sorrow, to give — to take*, и т.д. Надо сказать, что в семантическом отношении антонимы представляют собой слова, в высшей степени однородные по своей смысловой структуре: противостоя друг другу всем своим содержанием, они отличаются парадигматически только по одному дифференциальному признаку.

Если синонимы обычно образуют многочленные группы, антонимы, как правило, представлены парами. Хотя на самом деле это не совсем так. Например, к прилагательному *cold* антонимом может быть *warm*, а слово *sorrow* может быть противопоставлено слову *gaiety*. С другой стороны, многозначное слово может иметь антоним (или несколько антонимов) для каждого из своих значений. Так, например, прилагательному *dull* в значении ‘скучный’ противопоставлены антонимы *interesting, amusing, entertaining*, в значении ‘глупый’ — антонимы *clever, bright, capable*, в значении ‘вялый’ — антоним *active* и т.д.

Антонимия представлена неодинаково в разных частях речи. Больше всего антонимов имеют прилагательные, что вполне естественно, так как качественные признаки легко сравниваются и противопоставляются (например: *high — low, large — small, long — short* и т.д.). Второе место занимают глаголы (например: *to arrive — to depart, to love — to hate* и т.д.). Не очень богаты антонимами существительные и наречия (например: *good — evil, joy — sorrow, up — down, quickly — slowly* и т.д.).

Кардинальной проблемой антонимии является определение понятия противоположности, которое может охватывать достаточно разнородные явления: ассоциации по контрасту, противопоставленность в природе, исключение друг друга, контрарность понятий и т.д. Наличие многих разновидностей противоположности, представляю-

щей собой логическую основу антонимии, позволяет выделить в языке различные типы антонимов. Так, Л.А.Новиков, исследуя антонимы в русском языке, подразделяет их на контрарные, контрадикторные, конверсивные и векторно разнонаправленные (Новиков Л.А., 1973). Каждый из этих типов антонимов обладает своими характеристиками. Представляется вполне возможным применить данную классификацию и по отношению к английскому языку.

Для контрарных антонимов характерно то, что обозначаемый ими признак поддается градации, что связано с операцией сравнения, например: young — old (промежуточными элементами между ними могут быть not young, middle-aged, not old и некоторые другие); hot — cold (между которыми можно вставить warm и cool) и т.д. Кроме того, при утверждении той или иной степени признака, обозначенного контрарными антонимами, всегда предполагается наличие некоторой точки отсчета или нормы, относительно которой ориентируется говорящий. Ср.: a young man — an old dog, где слова young и old получают разную интерпретацию (мы знаем, что средняя продолжительность жизни у собаки гораздо меньше, чем у человека, поэтому возрастной критерий в том и другом случае совершенно разный). Еще одной важной особенностью контрарных антонимов является то, что отрицание одним из них какого-то качества не имплицитно подразумевает наличия противоположного качества, например, not ugly не равно beautiful, not little не равно great и т.д.

Для контрадикторных антонимов, напротив, свойственно то, что отрицание одного члена пары имплицитно утверждает другого и утверждение одного из них имплицитно отрицание второго, т.е. это взаимоисключающие слова, например: alive — dead, male — female (not alive = dead, female = not male).

К конверсивным антонимам относятся такие слова, которые обозначают одну и ту же ситуацию (действие, отношение), рассматриваемую с разных точек зрения, с обратным порядком участников и их ролей, например: buy — sell, give — receive, husband — wife, parent — child и т.д. К этому типу антонимов близки также слова, обозначающие реверсные действия, например: tie — untie, wind — unwind.

К векторно разнонаправленным антонимам относятся слова, обозначающие разнонаправленные действия, признаки и т.д., на-

пример: East — West, know — forget, arrive — depart, left — right и т.д.

В структурном отношении антонимы подразделяются на абсолютные, или корневые, и производные, или аффиксальные. Первые имеют разные корни (*good — bad, love — hate, weak — strong*), а вторые образуются при помощи отрицательных аффиксов, где последние отрицают признак, выражаемый соответствующей основой слова (*happy — unhappy, relevant — irrelevant, approve — disapprove* и т.д.).

Следует отметить, что к антонимам не всегда относились как к лингвистической проблеме. Оппозиция между антонимами рассматривалась как чисто логическая, и считалось, что она не находит соответствующего отражения в семантической структуре этих слов. В современных исследованиях антонимии ученые пытаются найти такие лингвистические критерии, которые бы подтверждали принадлежность этого явления к системе языка.

В частности, В.Н.Комиссаров предлагает контекстуальный подход к данной проблеме. Согласно его точке зрения, два слова будут считаться антонимами, если они регулярно противопоставляются друг другу в речи, т.е. если противоположность их значений подтверждается употреблением в определенных типах контекстов. Тогда абсолютными антонимами являются слова, регулярно противопоставляемые как однородные члены предложения, связанные между собой соединительными, разделительными или противительными союзами, или занимающие одинаковую позицию в параллельных конструкциях в определенных типовых контекстах. Например: 1) *It was warm in the sun but cool under the shady trees* (формула: «X is A, but (and) Y, on the contrary, B», где A и B — антонимы, а X и Y — слова, определяемые данными антонимами); 2) *He hated to be exposed to strangers, to be accepted or rejected* (формула: «A or B»).

Регулярное употребление в таких контекстах является самой важной отличительной чертой (характеристикой) антонимов. Также В.Н.Комиссаров предлагает и такие критерии, как возможность субституции и одинаковая лексическая валентность. Взаимозаменяемость антонимов может быть различной в зависимости от контекстных условий. Например, смысл предложения *The writer*

should seek his reward in the pleasure of his work and ... care nothing, for *praise* or *censure*, *failure* or *success* никак не изменится если соответствующие антонимы поменять местами.

В других случаях при замене слова на антонимичное ему все предложение получает противоположный смысл: He is *clever* — He is *foolish*.

Заканчивая рассмотрение различных типов семантических отношений и связей в лексической системе языка, на основе которых формируется своеобразие ее структуры и слова объединяются в разного типа структурные группы, следует подчеркнуть социальную, историко-генетическую и индивидуальную обусловленность словарного состава языка и его структуры, что проявляется в своеобразии всех рассмотренных выше типов парадигматических отношений.

ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ IV

Задание 1. Проанализируйте следующие оппозиции, охарактеризуйте их:

Is read : is being read; boy's : boys; took : had taken; speaks : spoke; broke : broken; cut : cuts; girl : cry; ox : oxen; am : are; they : we; he : she.

Задание 2. Определите значение «s» в каждом случае и ответьте, является ли «s» алломорфом множественного числа существительного или «s» — словообразующая морфема. Обоснуйте вашу точку зрения.

Part — parts, spade — spades, water — waters, ship — ships, air — airs, art — arts, custom — customs, spectacle — spectacles, wage — wages, work — works, sand — sands, fish — fishes, tea — teas, colour — colours.

Задание 3. Объясните значение следующих терминов, дайте их русские эквиваленты:

case meaning, inflected case, possessive case.

Задание 4. Назовите грамматическое значение, объединяющее следующие группы слов:

- a) jump, cry, sing, read, speak
- b) red, blue, desk, brown, nice
- c) table, horse, animal, wild, forest, snow

Задание 5. Сравните две модели, приведенные ниже. Скажите, есть ли разница между ними; если есть, объясните ее:

- a) London street — London's street
- b) a one day strike — the one day's strike
- c) the government departments — the government's departments.

Задание 6. Определите значение «s» в следующих сочетаниях, объясните их значения, используя трансформации:

his brother's house, his brother's friend, his brother's arrest, his brother's article, his brother's arrival, his brother's group.

Задание 7. Объясните значение терминов, приведенных ниже. Дайте их английские эквиваленты:

парадигма, вид, наклонение, модальность, время, категория, категория проспекции, категория ретроспекции, повелительное наклонение, категория развития.

Задание 8. Проанализируйте следующие оппозиции. Какие категории реализуются в них? Докажите вашу точку зрения:

speak : spoke; speak : speaks; speak : have spoken; has spoken : had spoken; speak : let us speak; speak : are speaking; spoke : is speaking; speak : was speaking; speaks : will speak; speaks : shall speak; to speak : to have spoken.

Задание 9. Прочитайте следующие предложения, скажите, есть ли разница в значении этих предложений. Если есть, объясните ее:

- a) That moment he was unlocking the door. — At that moment he unlocked the door.
- b) Birds build their nests in the tree. — Birds have built their nests in the tree.

- c) The night is silent. The stars shine brilliantly. — The night is silent.
The stars are shining brilliantly.
- d) Aunt Julia is inviting her guests to have either port or sherry. —
Aunt Julia invites her guests to have either port or sherry.

Задание 10. Прочитайте предложения, определите, какое действие обозначает глагол, назовите тип наклонения:

1. They *build* houses that cost a lot of money. The company demands they *build* houses that cost a lot of money. Birds *build* their nests in summer and fly to the South in winter. 2. Leave the room, please. *Put on* your coat. He *puts on* his coat in winter. Let him *put on* his coat. I wish he *put on* his coat. 3. We *meant to have gone* to Moscow. I *was to go* to Moscow yesterday but I failed to, I *should like to go* there. 4. I *am to visit* Moscow before returning home. 5. The telegram *ought to have been sent* only if the patient had died.

Задание 11. Прочитайте следующие цитации, прокомментируйте их содержание. Какова ваша точка зрения по данному вопросу? Аргументируйте ее:

A point that the student of grammar must keep firmly in mind is that tense is not the same thing as time. Tense is a term that we use to identify certain forms that we meet in the semantic component of the grammar. Time, which we talk about in the semantic component, is the way we think about the progression of existence. Tense is a relatively simple matter, time is very complex (Roberts).

The «mode», or, as it is also called, the «mood» indicates the psychological atmosphere of the action as reflecting the speaker's attitude. These psychologically conditioning features of the verb form, consisting of any type of morphological formative, may indicate a variety of semantic domains (E.Nida).

Задание 12. Образуйте трансформы от следующих предложений:
The boy swims. People dance. John is angry, положив в основу признак видовых и временных отношений.

Задание 13. Приведите синтаксическую парадигму следующих предложений по признаку залога:

Bill laughed at his sister. Paul loved winter evenings. The passengers showed the inspector their tickets.

Задание 14. Образуйте трансформы-команды от следующих предложений:

Will you give me your telephone number? Will you tell the inspector your name? Will you read a bit louder?

Задание 15. Выделите из следующих словосочетаний те, в которых реализуется одно и то же значение соответствующего слова. Объясните разные значения и употребления, в чем их отличия. Используйте, если надо, словари:

smart, adj

smart clothes, a smart answer, a smart house, a smart garden, a smart repartee, a smart officer, a smart blow, a smart punishment

root, n

edible roots, the root of the tooth, the root of the matter, the root of all evil, square root, cube root

perform, v

to perform one's duty, to perform an operation, to perform a dance, to perform a play.

Задание 16. Найдите омонимы в следующих предложениях. Расклассифицируйте их на полные омонимы, омографы и омофоны:

1. a) Our Institute football team got a challenge to a match from the University team and we accepted it. b) Somebody struck a match so that we could see each other. 2. a) It was nearly December but the California sun made a summer morning of the season. b) On the way home Crane no longer drove like a nervous old maid. 3. a) She loved to dance and had every right to expect the boy she was seeing almost every night in the week to take her dancing at least on the weekend. b) «That's right,» she said. 4. a) Do you always forget to wind up your watch? b) Crane had an old Ford without a top and it rattled so much and the wind made so much noise. 5. a) He was growing progressively deafer in the left ear. b) I saw that I was looking down into another cove, similar to the one I had left. 6. a) Iron and lead are base metals. b) Where does the road lead?

Задание 17. На каком лингвистическом явлении основаны следующие шутки? Что является причиной непонимания собеседниками друг друга?

- a) «Are your father and mother in?» asked the visitor of the small boy who opened the door.
«They was in,» said the child, «but they is out.»
«They was in. They was out. Where's your grammar?»
«She's gone upstairs,» said the boy, «for a nap.»
- b) «I got sick last night eating eggs.»
«Too bad.»
«No, only one.»
- c) Husband and wife were enjoying a quiet evening by their fireside, he deep in a book and she in a crossword puzzle. Suddenly she questioned him:
«Darling, what is a female sheep?»
«Ewe,» he replied. His further explanation hardly soothed her.

Задание 18. а) Найдите полные омонимы для следующих слов; дайте их русские эквиваленты:

Band — a company of musicians; seal — a warm-blooded, fish-eating sea-animal, found chiefly in cold regions; to bore — to make a long round hole, esp. with a pointed tool that is turned round; to hail — to greet, salute, shout an expression of welcome; draw — something that attracts attention.

б) Найдите омофоны к следующим словам, переведите их на русский язык или дайте их толкования на английском языке:

Dye, cent, tale, week, sum, write, sight, hare.

в) Найдите омографы к следующим словам, дайте транскрипцию:

Wind — air in motion; bear — a large, heavy animal with rough hair; to desert — to go away from a person or place.

Задание 19. Объясните, на чем основаны следующие шутки. При необходимости пользуйтесь словарями.

- a) **Caller:** I wonder if I can see your mother, little boy. Is she *engaged*?
Willie: *Engaged!* She is married.

b) **Booking clerk** (*at a small village station*): You'll have to *change* twice before you get to York.

Villager (*unused to travelling*): Goodness me! And I've only brought the clothes I'm wearing.

c) **Professor**: You *missed* my class yesterday, didn't you?

Unsubdued student: Not in the least, sir, not in the least.

d) «Papa, what kind of a robber is a page?» «A what?» «It says here that two pages *held up* the bride's train».

Задание 20. Определите денотативный и коннотативный компоненты значений в следующих парах слов:

to conceal — to disguise, to choose — to select, to draw — to paint, money — cash, photograph — picture, odd — queer.

Задание 21. Объясните логические ассоциации (связи) в следующих группах значений одних и тех же слов. Определите тип переноса значения в каждом случае:

a) the wing of a bird — the wing of a building, the eye of a man — the eye of a needle, the hand of a child — the hand of a clock, the heart of a man — the heart of a matter, the bridge across the river — the bridge of the house, the tooth of a boy — the tooth of a comb, the coat of a girl — the coat of a dog;

b) green grass — green years, black shoes — black despair, nickel (metal) — a nickel (coin), glass — a glass, copper (metal) — a copper (coin), Ford (proper name) — a Ford (car), Damascus (town in Syria) — damask.

Задание 22. Проведите дефиниционный и трансформационный анализ выделенных синонимов, используя толкования значений, данные ниже (определите денотативные и коннотативные компоненты значений в каждом случае):

a) *To create* means to make an object which was not previously in existence, to bring into existence by inspiration or the like; *to manufacture* is to make by labour, often by machinery, especially on a large scale by some industrial process; *to produce* is to work up from raw material and turn it into economically useful and marketable goods

(Gandelsman A. English Synonyms Explained and Illustrated — M., 1963).

b) *Old* means having lived a long time, far advanced in years; *elderly* means approaching old age, between middle and old age, past middle age, but hardly old; *aged* is somewhat old, implies greater age than *elderly*; *ancient* is so old as to seem to belong to a past age (*ibidem*).

c) *Advice* implies the making of recommendations as to a course of action by someone with actual or supposed knowledge, experience, etc.; *counsel* implies the giving of advice after careful deliberation and suggests that weighty matters are involved; *admonish* suggests earnest, gently reproving advice concerning a fault, error, etc., given by someone fitted to do so by age or position; *to caution* is to give advice that puts one on guard against possible danger, failure, etc.; *warn* often interchangeable with *caution*, is used when a serious danger, or penalty is involved (Webster's New World Dictionary. — New York, London, 1972).

Задание 23. При помощи словарных толкований значений следующих синонимов и пояснений, даваемых в одном из синонимических словарей, докажите, что синонимы имеют двойственную природу. Объясните разницу между ними:

- a) to chat — to talk — to speak — to say — to tell — to converse;
- b) to meditate — to reflect — to think — to brood;
- c) thin — slender — slim — spare;
- d) fat — stout — plump — thick;
- e) strange — queer — odd — quaint.

Задание 24. Найдите дефиниции следующих слов в толковом и синонимическом словарях и докажите, что они являются синонимами. Для подтверждения своей точки зрения используйте семантический критерий:

- a) weak — feeble — frail — fragile;
- b) to jump — to leap — to spring — to skip — to hop;
- c) ache — pain — pang — twinge;

d) to shout — to yell — to roar;

e) angry — furious — enraged.

Задание 25. В следующих группах синонимов выделите слова, характеризующиеся эмотивной коннотацией. Докажите это с помощью словарных дефиниций:

a) fear — terror — horror;

b) look — stare — glare — gaze — glance;

c) alone — single — solitary — lonely;

d) tremble — shiver — shudder — shake;

e) wish — desire — yearn — long.

Задание 26. Найдите доминанту в следующих синонимических рядах. Объясните свой выбор:

a) to glimmer — to glisten — to blaze — to shine — to sparkle — to flash — to gleam; b) to astound — to surprise — to amaze — to puzzle — to astonish; c) to cry — to weep — to sob; d) to praise — to commend — to laud — to glorify; e) scent — perfume — smell — odour — aroma; f) to fabricate — to manufacture — to produce — to create — to make.

Задание 27. Найдите антонимы к следующим словам. Определите их типы:

Weak, adj; high, adj; long, adj; dull, adj; right, adj; light, adj; friendly, adj; lose, v; live, v; weep, v; love, n; warmly, adv; in, adv; now, adv; take, v; accept, v; truth, n; enemy, n; easy, adj; sorrow, n; please, v; praise, v; buy, v; honest, adj; convenient, adj; smart, adj.

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

1. На чем основано выделение единиц языка и единиц речи? Каковы их взаимоотношения?
2. На чем основан оппозиционный анализ грамматических форм? Определение оппозиции, типы оппозиций и их нейтрализация.

3. В чем состоят особенности привативной оппозиции в концепции Р.Якобсона? Рассмотрите этот вопрос на примере оппозиционного анализа единственного и множественного числа существительных.
4. В каком случае формы языка образуют грамматическую категорию? Грамматическая форма и грамматическое значение. Система семантических оппозиций, наличие формальной парадигмы.
5. Категория падежа существительного в английском языке (синтаксический подход: теория позиционных и предложных падежей; морфологический подход).
6. Категория времени в английском языке с точки зрения теории оппозиций.
7. Есть ли будущее время в системе временных форм английского глагола?
8. Категория вида (аспекта) в современном языке.
9. Категория наклонения как одно из средств выражения модальности в английском языке.
10. Какова связь между понятиями трансформации и парадигмы в синтаксисе?
11. Какие существуют подходы к определению значения слова? Назовите их достоинства и недостатки.
12. Какие типы значений выделяются лингвистами и на каком основании?
13. В чем состоит структурный подход к изучению значения слова? Дайте различные модели компонентного анализа.
14. Почему у слов появляются новые значения?
15. По каким законам происходят семантические изменения в слове?
16. Что имеется в виду под расширением и сужением, «улучшением» и «ухудшением» значения?
17. Каковы типы внутрисловных парадигматических отношений? Что понимается под семантической структурой многозначного слова?

18. Какие слова называются омонимами? Каковы источники омонимии и ее место в языке? Классификация омонимов.
19. В чем состоит суть теории семантического поля? Ее достоинства и недостатки.
20. На каком основании слова объединяются в тематические (идеографические) группы? Чем они отличаются от лексико-семантических групп?
21. Какова роль синонимов в языке? Критерии их выделения и классификации.
22. Какие слова называются антонимами? Их классификации.

СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ В СВЕТЕ СИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Синтагматические отношения — это непосредственные отношения между языковыми единицами в реально произносимых высказываниях (Блох М.Я., 1976, с.24-25; Медникова Э.М., 1974, с.47; Уфимцева А.А., 1968, с.200). Следовательно, синтагматика — это область осуществления связей языковых единиц при их функционировании в речи.

Синтагматические связи существуют между единицами всех уровней: а) между фонемами в составе морфем (например, между [a:], [s] и [k] в коренной морфеме слова [a:sk]); б) между морфемами в составе слова (например, между ge-, -read- и -ing в причастии *reading*); в) между словами в предложении. Причем в строе предложения синтагматически соединяются слова и группы слов. Ср.: *My sister has received a letter from her friend*. В этом предложении синтаксически связаны слова и группы слов: *my, sister, my sister, has received, my sister has received, has received a letter from her friend, a letter from her friend, her friend*. Синтагматическими связями объединены и предложения в строе сложного синтаксического целого (в структуре текста). Другие примеры синтагматических связей единиц будут приведены в процессе дальнейшего изложения.

§ 1. Грамматическая синтагматика

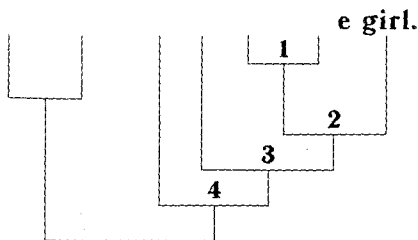
1. Синтагматические связи единиц в предложении и анализ по НС

Синтагматические отношения в грамматике — это синтаксические связи между словами и группами слов (грамматическая синтагматика). Синтагматические связи можно наглядно представить при помощи анализа по непосредственно составляющим (НС).

Метод НС основан на следующих допущениях:

- 1) существенным считается только отношение подчинения в предложении;
- 2) предложение не собирается непосредственно из «россыпи» словоформ, оно строится последовательно из блоков;
- 3) поскольку отношение подчинения бинарно, каждый блок состоит не более чем из двух частей;
- 4) вершиной иерархии одни считают сказуемое, другие — группу подлежащего и сказуемого (Апресян, 1966, с.175).

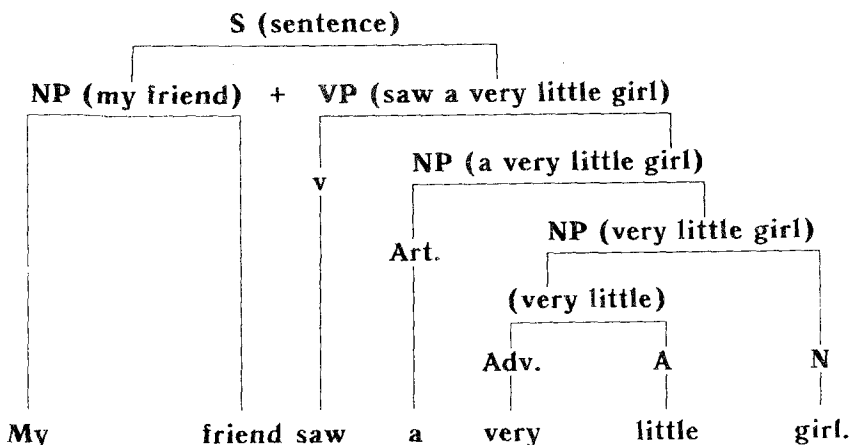
Покажем членение по НС на примере следующего предложения: *My friend saw a very little girl.* Анализ может идти от частей предложения к целому предложению и, наоборот, от целого предложения к его частям. В первом случае это составление, «порождение» предложения из «россыпи» слов. По принципу бинарности можно объединить сначала *little* и *girl* (1), затем синтагматически соединяются *very* и *little girl* (2), затем — *a* и *very little girl* (3), затем *saw* и *a very little girl* (4), *my friend* (NP — именная группа) и *saw a very little girl* (VP — глагольная группа).

Этот же анализ можно представить иначе, например, при помощи скобочной записи, когда мы также попарно объединяем элементы в блоки.

((My friend) (saw (a ((very little) girl))))).

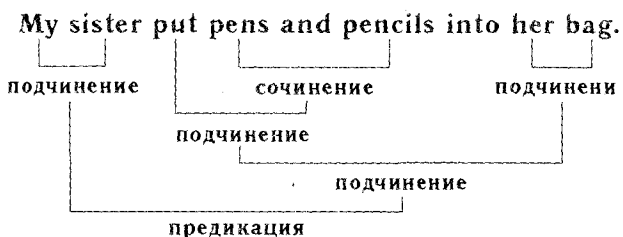
При втором подходе анализ по НС предполагает деление предложения на группы максимальной длины, то есть S (предложение) → NP + VP, где NP — именная группа, VP — глагольная группа, с последующим делением их в виде последовательных все более конкретных минимальных делений. Получаем «дерево» непосредственно составляющих:

2. Синтаксические связи слов: сочинительная подчинительная и предикативная

Центральной проблемой при анализе грамматики конкретного языка в плане синтагматики является вопрос о синтаксических связях слов в предложении и синтагматических связях между предложениями.

Основные типы синтаксической связи между знаменательными словами можно определить при членении предложения по НС. Например:

Как видим, при членении предложения по НС можно выделить три основных типа их синтаксической связи: сочинение, подчинение и предикация. Каждый тип синтаксической связи характеризуется определенными закономерностями:

Сочинительная связь

При сочинительной связи (*pens and pencils*) непосредственно составляющие характеризуются равноправными отношениями друг к другу. Ни одна из непосредственно составляющих не является ведущей, определяющей по отношению к другой непосредственно составляющей. Основной вопрос сводится к тому, могут ли НС менять порядок их следования? Как правило, порядок расположения минимальных НС свободный. Но вместе с тем, расположение НС может быть строго последовательным, говорят: *satisfied or nearly so, no ne or nearly so, satisfied*.

Определенная синтагматическая последовательность может быть обусловлена различными причинами. Так, в сочетании *students as well as the teacher* при перестановке НС изменится акцент смысловой связи: *the teacher as well as the students*. Предметом мысли становится слово *the teacher*, а не *the students*.

В таких случаях, как *men and women, cold and hungry, Oxford and Cambridge*, строгая последовательность слов обусловлена следующей закономерностью, наблюдаемой в английском языке: в бинарных сочетаниях на первое место выносятся НС, состоящая из меньшего количества слогов (Иванова И.П. и др., 1981, с.115). Иногда определенная последовательность НС может быть обусловлена не лингвистическими факторами, а соображениями этикета, как в случае *my friend and I, my mother and I*.

Подчинительная связь

При подчинительной синтаксической связи складываются отношения субординации (подчинения) между знаменательными словами: *my sister, her bag, to put pens and pencils*. Одно из знаменательных слов является ведущим, а другое — зависимым. Подчинительная зависимость устанавливается методом субституции: *my sister put pens into her bag* → *sister put pens into her bag*. Но невозможна субституция **My put pens*. Следовательно, *sister* является ядром НС *my sister*, а *my* — адьюнктом (зависимой НС) данной группы. Синтаксические связи между НС группы *my sister* — подчинительные. Таким же образом определяются подчинительные связи НС *her bag*.

По морфологическому признаку ведущего НС, то есть по принадлежности его к определенной части речи, различаются словосочетания именные (ядро — существительное): *a small room*; глагольные (ядро — глагол): *to see the girl*; адъективные (ядро — прилагательное): *very clever*; наречные (ядро — наречие): *very carefully, well enough*; местоименные (ядро — местоимение): *all of them*.

Внутри сочетания могут складываться синтаксические отношения разного характера: определительные (или атрибутивные), объектные или обстоятельственные. Соответственно различаются атрибутивные, объектные и адвербиальные словосочетания. Одно и то же словосочетание, например, *small girls*, рассматривается как именовое по стержневому слову и как атрибутивное по синтаксическому принципу, то есть по определительным синтаксическим отношениям между НС *small* и *girls*. Сочетание *to read a book* рассматривается как глагольное и как объектное.

Атрибутивная подчинительная связь (или атрибутивная синтаксическая сочетаемость) является в основном содержанием именных словосочетаний. Эта связь укладывается в модели смысловых отношений «определяемое — определяющее»: *a small box, a book of poems*. По способности ведущего слова (определяемого имени существительного) сочетаться с другими частями речи следует различать левую и правую сочетаемость.

В синтагматике английского языка типичной является левая сочетаемость определяемого слова-существительного. Атрибутивная связь реализуется в сочетании существительного с различными

знаменательными частями речи, такими как: прилагательное — cold water; местоимение — this man; числительное — five women; глагол — boiling water, broken glass; существительное — spring sunshine, country gardens.

Левая синтаксическая сочетаемость может расширяться за счет сочетания существительного со словами разных морфологических классов: a deep leather chair, faded blue eyes, his own brother.

Атрибутивная связь в английском языке может реализоваться в сочетании существительного с несколькими прилагательными: three small new gray French stone cottages. Непосредственные синтагматические связи в словосочетаниях подобного типа хорошо отображаются на схеме доминанции по НС.

6 5 4 3 2 1

(three (small (new (gray (French (stone cottages))))))

Особый интерес представляет анализ сочетаемости притяжательной конструкции с существительным; в современном английском языке намечается тенденция к расширению употребления данной конструкции с существительными разной семантики: неодушевленными — a good night's sleep, конкретными — the city's past, the firm's small department, the building's telephone, абстрактными — analogy's power.

В левой позиции притяжательная конструкция сочетается с прилагательными, например: the old man's eyes, an early dentist's appointment. По внешней форме сочетания идентичны, A + N's + N. Однако прилагательные в них являются определением к разным существительным в родительном падеже. В сочетании the old man's eyes прилагательное old определяет существительное man, в то время как в сочетании an early dentist's appointment прилагательное early относится не к существительному в родительном падеже dentist's, а к существительному в общем падеже, а именно к appointment, что подтверждается анализом по НС:

1. (the old man)'s eyes → the eyes of the old man;

2. an early (dentist's appointment) → an early appointment of the dentist.

В сочетаниях с притяжательной конструкцией зависимое слово может занимать постпозицию по отношению к определяемому

слову как, например: the rouble's purchasing power. Членение по НС должно проходить как (the (rouble's (purchasing power))), которое показывает, что НС purchasing power является определением к НС rouble's (покупательная способность рубля). Подобная синтаксическая сочетаемость существительного в родительном падеже с существительным в общем падеже представляет интерес в практике перевода их на русский язык.

Особое место среди сочетаний с притяжательной конструкцией в их составе занимают сочетания с линейной последовательностью НС типа the King of England's daughter, the Duke of Norfolk's son и др. Здесь морфема 's относится не к отдельному слову (England, Norfolk), а ко всей предшествующей группе в целом, то есть членение по НС происходит не как (the King (of England's daughter)), а как ((the King of England)'s daughter). Членение по НС позволяет дать правильную в смысловом и синтаксическом отношении интерпретацию всего словосочетания.

Не менее интересной является синтаксическая сочетаемость существительного в общем падеже с существительным в общем падеже: stone wall, world peace. Анализ этой сочетаемости заслуживает особого внимания, потому что она является особенностью современного английского языка и не свойственна другим германским языкам (Бурлакова В.В., 1984, с.28). Она интересовала многих исследователей, как отечественных, так и зарубежных.

В сочетаниях типа stone wall (evening paper, beer bottle и др.) зависимое слово имеет признаки прилагательного (адъективация), например, когда оно сочетается с наречием: his *exceedingly iron* hand. Иногда, напротив, оно имеет грамматические признаки существительного, например, когда оно сочетается с прилагательным: *mutual admiration society*, или когда оно имеет суффикс множественного числа -s: *fares rise* (повышение платы за проезд), *translations editor* (редактор переводных материалов). В большинстве же случаев очень трудно, а порой и невозможно, определить, является ли первое слово в словосочетании типа stone wall существительным или прилагательным, так как в данной позиции противопоставление между двумя частями речи нейтрализуется. Возникает проблема, остается ли подобное соединение слов словосочетанием или же оно должно рассматриваться как сложное слово типа a toy-shop

(магазин игрушек). Если данное соединение рассматривать в рамках словосочетания, то особый интерес оно представляет с точки зрения анализа подчинительной связи, реализующейся в цепочке нескольких сочетающихся существительных.

Подчинительная связь в подобных случаях характеризуется интересной особенностью: структура словосочетания иерархична, и на каждом уровне оно делится на два НС, например: *motion picture systems — (motion picture) systems*.

Определением к конечному существительному служат два предшествующих в едином значении, но эта бинарная определительная группа в свою очередь членится на определение и определяемое: *motion + picture*. Сочетание из двух соположенных существительных имеет однозначную синтаксическую интерпретацию, и первое существительное всегда рассматривается как определение, а второе как определяемое. По мере возрастания количества соположенных существительных *NNNNN...* отношения не меняются, и последнее существительное всегда идентифицируется как определяемое (то есть ведущее) слово, а все предыдущие — как определения к нему, например: *(the (mail (train (robbery (case))))))*.

Правая синтаксическая сочетаемость существительного при атрибутивной связи НС словосочетания более разнообразна. Постпозитивное определение может быть выражено прилагательным — *a face, sad and beautiful, something fishy*; *the people present*, наречием времени и места, образа действия — *the dinner afterwards, the people behind*, неличными формами глагола — *a book to read*, зависимыми предикативными единицами — *every line which I wrote*; *studies done on tomatoes*; *his discoveries leading to a new theory*, предложными группами с предлогами *of, in, for, about* — *a woman of great will power, the woman in white, a letter from my friend, a present to my brother* и др. Наиболее типичной для английского языка является предложная группа с предлогом *of*.

Левая и правая сочетаемость существительного может реализоваться в речи одновременно: *middle-aged man with a husky voice*.

Объектная подчинительная связь является в основном содержанием НС глагольной группы в предложении, например, в *(John (saw a house))* между НС *saw* и *house* существуют объектные синтаксические отношения. Они могут быть выражены предложной

и беспредложной связью: see a soldier, wait for a girl. Первая пассивная сочетаемость с ведущим НС группы может реализоваться одновременно предложной и беспредложной связью: to write a letter for him. Синтаксическая связь меняется в зависимости от позиции одного из зависимых НС: to write him a letter (в традиционной терминологии изменение позиции прямого и косвенного дополнения).

Объектная связь является также и содержанием НС именной группы в предложении. В большинстве случаев именные сочетания с объектной связью являются трансформами соответствующих глагольных сочетаний с объектной связью:

negotiations with smb	←—————	to negotiate with sm
relations with smb	←—————	to relate with smb
a proposal to smb	←—————	to propose to smb

Обстоятельственная подчинительная связь реализуется в глагольных сочетаниях с зависимыми словами — различного рода обстоятельствами, которые по своей семантике весьма разнообразны: to walk slowly, to do gallantly, to talk here, to live in London.

Основной вопрос сводится к определению синтагматической последовательности обстоятельств внешних и внутренних отношений, что отражает их сочетательные закономерности с глаголом-ведущим НС сочетания.

Так, обстоятельства внутренних отношений, то есть обстоятельства, выражающие внутренние качественные признаки самого процесса — образ действия, частоту совершения действия, такие как gallantly, tightly, slowly, thoughtfully, always, never, often и др. обычно следуют за глаголом (Бархударов Л.С., Штелинг Д.А., 1973, с.354). При аналитической форме глагола они замыкаются внутри этой формы, то есть стоят в препозиции к основному глаголу и в постпозиции к вспомогательному глаголу:

He walked slowly down the street; it had been gallantly done.

Обстоятельства внешних отношений, то есть обстоятельства, выражающие временные, пространственные, целевые, причинные и др. внешние отношения, лежащие вне самого процесса, такие как then, here, there, yesterday и др., менее тесно связаны с глаголом,

и их место в предложении строго не фиксировано: I was crying *then*; I saw him *yesterday*; America *yesterday* offered India £ 30103 million aid, chiefly in loans.

Для наречий типична левая синтаксическая сочетаемость со словами-интенсификаторами: very fluently, extremely cheaply, pretty quickly и с др. наречиями: remarkably well, quite afterwards. При сочетании наречия с наречием наблюдается определенная закономерность: слова-усилители и наречия со значением признака занимают препозицию по отношению к ядру, например, fairly frequently, а наречие enough занимает постпозицию: curiously enough, strangely enough.

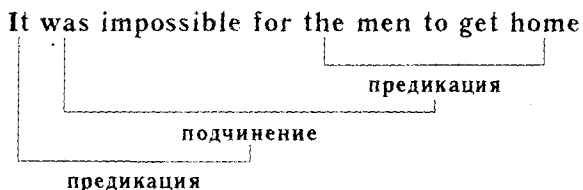
Предикативная связь формирует номинативную единицу языка — предложение: John ran away. Mary spoke loudly. Этим она отличается от сочинительной и подчинительной связи, которые образуют в синтагматике словосочетания, номинативные единицы синтаксического уровня грамматики.

Предикативная связь, как тип синтаксической связи, характерна также и для групп слов, которые являются НС предложения.

1. *The men got home* → NP + VP

2. *It was impossible for the men to get home* → NP + VP

При ближайшем рассмотрении видим, что сочетание *the men got home* в первом случае является предложением, во втором оно входит в состав другого предложения и является НС глагольной группы. Это становится очевидным при трансформации второго предложения в возможную синтагматическую последовательность $S_1(+)S_2$ на уровне сложного предложения (*It was impossible that the men got home*), в которой оба предложения характеризуются предикацией. Следовательно, в исходном предложении обнаруживаются две предикативные линии, которые неравнозначны:

НС for the men to get home только входит в НС предложения и в этой синтагматической последовательности самостоятельного предложения не образует. Следовательно, по отношению к предикативной связи всего предложения предикация между НС for the men to get home является вторичной. Итак, *первичная предикация* характерна только для предложения, а *вторичная* — только для синтагматических групп, которые включаются в предложение в виде готовых трансформаций, соответствующих простым предложениям.

Вот еще несколько примеров:

1. the night being cold ← The night was cold.
2. tears filling her eyes ← Tears filled her eyes.
3. to find the car gone ← The car is gone.
4. to find him ill ← He is ill.

Вторичная предикативная связь реализуется на уровне предложения в следующих словосочетаниях:

- 1) инфинитивных предикативных: for Ann to go;
- 2) герундиальных и причастных предикативных: his being late, him being late; John's coming, John's being late;
- 3) абсолютных предикативных: all things considered; his first shot a failure.

Инфинитивные, герундиальные и другие подобные сочетания называются часто вторично-предикативными оборотами.

3. Синтагматические связи между предложениями в тексте

Предложение, как более сложная единица, чем слово и словосочетание, характеризуется свойственными ему синтагматическими связями с другими предложениями, предыдущими и последующими. В тексте оно существует не само по себе, а лишь как элемент некоторой семантической и синтаксической последовательности (Блох М.Я., 1973, с.220). Так, предложение He didn't answer my question вне связной речи неопределенно по смыслу, неизвестна причина молчания, неизвестен субъект действия и то лицо, к которому направлено это действие. Чтобы понять смысл предложения, осмыслить его значение, необходимо восстановить его семан-

тические и синтаксические связи в естественном окружении, в контексте, с возможными последующими и предыдущими предложениями.

Следует сказать, что и ряд последовательных предложений оказывается синсемантическим, то есть незавершенным по смыслу. Приведем следующий пример:

But she turned away and was retreating to the cottage. She went in and slammed the door. I'm not superstitious. I believe in luck, of course, who doesn't? (A.Christie).

Очевидно, что лишь учет предшествующего текста может заполнить пустые семантические ячейки в словах *she, I, turned away* и др.

Следовательно, реальная «жизнь» предложения осуществляется только в потоке речи, ибо подлинный смысл становится ясным лишь из контекста. В этом смысле предложение и выполняет одну из основных его функций — семантическую — для выявления смысловых связей текста.

Связанные между собой по смыслу предложения объединены и синтаксически. Иными словами, *семантические* связи между предложениями оформляются через *синтаксические* связи, существующие между предложениями. И в этом своем назначении предложение выполняет синтаксическую функцию.

Выделяются последовательности предложений в диалогическом и монологическом тексте (Блох М.Я., 1968, с.107; Москальская О.И., 1981).

В монологическом тексте предложения представляют собой линейную синтагматическую последовательность. Они отражают связную речь одного лица, второй же участник речевого акта является адресатом речи, реципиентом. Коммуникация направлена в одну сторону. Предложения непосредственно присоединяются друг к другу. Речь предстает как единый непрерывный поток информации. Синтагматическая последовательность предложений характеризуется «односторонней коммуникативной направленностью» (Блох М.Я., 1968, с.68; 1983, с.363).

В диалогической же речи звеньями коммуникации являются вопросно-ответные единства. Предложения отражают речь двух и более собеседников-коммуникантов. Синтагматическая последовательность предложений характеризуется «двусторонней коммуни-

кативной направленностью» (Blok M.J., 1983). Иными словами, в основе диалогического текста лежат двусторонние отношения «стимул — реакция» (Москальская О.И., 1981, с.122). Каждый участник речевого акта выступает в роли адресата:

- Do you think I ought to ask you, Mrs. Wilson? (стимул)
- Certainly, she's always willing to help and give a piece of wise advice. (реакция)

Предложение-вопрос и предложение-ответ в диалогическом тексте синсемантически, то есть не обладают смысловой самостоятельностью. Только в сочетании друг с другом они получают законченный смысл.

Связь между предложениями монологического и диалогического текста реализуется посредством специализированных категорий. На текстовом уровне к ним относятся гипотаксис и паратаксис (Слюсарева Н.А., 1981; Малинович М.В., 1987). Под *гипотаксисом* в теории лингвистики текста понимается *присоединение* друг к другу предложений при помощи соединительных средств. К ним относятся сочинительные и подчинительные союзы (and, nor, neither, for, because, so that, while, though); наречия и вводные слова (besides, likewise, further, next, however, yet, still, nevertheless, otherwise, hence, moreover, not withstanding и др.); частицы (also, only, too); сочетания слов (for all that, at the same time, on the contrary, on the other hand, in a word); модальные слова (rather, true, indeed).

Вот несколько примеров присоединительной связи между предложениями, осуществляемой с помощью определенных синтаксических маркеров:

1. Denis would have liked to hear more about old days. *But* he was too discreet, still more, too shy to ask (Huxley).
2. The door wasn't latched. I went in, slapping my feet, and through the open door of the library. *And* there was Greta standing by the window waiting for me (Christie).
3. Making a considerable effort, he hunched himself over some reports on his desk, and even made a few notes. It was routine work and made great demands of him. *Nevertheless*, he found it hard to concentrate on the familiar phrases and figures (Priestly).

Паратаксис противопоставляется первому, как *простое соположение* предложений. Данный тип синтагматических связей характеризуется тем, что соединяющиеся предложения имеют некоторый общий элемент — коррелят (слово-заместитель). Для примера приведем следующие микротексты:

1. I often had *dreams* of that kind. Naturally *they* never came to anything but they were fun (Christie).
2. I thought about *Santonix* quite often. *He* intrigued me almost more than any one I knew (Christie).

Общим элементом в первом микротексте является существительное *dreams* и его коррелят *they* во втором предложении. Во втором микротексте общим связующим элементом является имя собственное *Santonix* и его коррелят *he* во втором предложении.

В структуре текста предложение семантически коррелирует с предыдущими и последующими предложениями. Связь предложения с последующим предложением — это *проспективная* (катафорическая) корреляция. Она предполагает продолжение речи (Гальперин Л.Р., 1981, с.106). Так, в следующем микроконтексте (1) There are certain difficulties in trying to teach a language which is foreign to both the students and the teachers. (2) As I see them, the difficulties are as follows. (3) First: I hardly ever speak Russian to my students and encourage them to speak only English with me. (4) Second: ... первое предложение своим содержанием направлено на его раскрытие в другом, последующем предложении (2), которое, в свою очередь, семантически связано с последующими предложениями.

Средством выражения проспективной корреляции являются такие показатели, как: *many, one of, some of, the following* и др.

Предложения с вопросительными словами также обладают проспективной направленностью. «Уже по существу своей роли в акте коммуникации, — отмечает М.Пфютце, — вопросительное предложение обязательно ориентировано вперед, на дальнейший ответ, и этим привлекает к динамике мыслительного акта. Вопрос открывает в коммуникативном процессе “пустое место”; однажды поставленный, он все время ведет речевой акт вперед и настоятельно побуждает к развертыванию контекста» (Пфютце М., 1978, с.238).
Пример:

— Why didn't you tell me about it?

— You were away (Christie).

Причинный вопрос в данном вопросительном предложении направлен на раскрытие причин действия, совершенного вторым коммуникантом.

Ретроспективная (анафорическая) корреляция предложения — это его связь с предшествующими предложениями. Например: (1) There are two questions, Michael, and so far as I can see they are quite separate. (2) The first is how to muzzle club gossip. (3) The second concerns Dinny and her people (Galsworthy).

Предложение (2) и предложение (3) вне связи с предложением (1) синсемантичны.

Различают лексические и грамматические средства ретроспекции. К лексическим средствам относят фразы типа *As I have said before, I have mentioned in the preceding pages..., the reader knows that... и т.д.*

Явным способом передачи ретроспекции являются глаголы *to look back, to read over, to remember, to recall, to think of* и др., в семантической структуре которых содержится сема обращения к событиям прошедших дней. Немаловажную роль среди лексических средств выражения ретроспекции играют и указатели времени: *in those (great, old) days; in childhood (manhood); the first time; two (ten) days (years) before; there were times when*. Эти временные индикаторы вводят либо изложенную ранее информацию, либо новую, необходимую для дальнейшего повествования. К лексическим средствам ретроспективной корреляции относятся дейктические причинные фразы: *this is why..., for this reason...* и др. (Малинович М.В., 1987, с.60).

К грамматическим средствам выражения ретроспективной корреляции относят различные временные формы глаголов, обеспечивающие возможность смены планов повествования. Например:

I had been punished. It was as though Pyle, when he left the flat, had sentenced me to so many weeks of uncertainty. Every time that I returned home it was with the expectation of disaster.

Необходимо отметить, что во многих случаях ретроспекция может быть выражена сочетанием и лексических, и грамматических средств.

Центральной проблемой при анализе предложений в синтагматике является проблема выяснения и уточнения синтаксической связи между ними и проблема сочетаемости смыслов предложений, которые являются актуальными на современном этапе развития науки о языке и которые еще полностью не разработаны.

В заключение следует сказать, что синтагматические связи языковых единиц, существующие на разных уровнях, представляют собой целостную иерархию, начиная с отдельного слова (лексемы) и заканчивая предложением.

§ 2. Лексическая синтагматика

Важной проблемой в лексике любого языка является проблема сочетаемости слов в конкретном речевом акте. Сочетательные возможности слова с другими словами в определенном окружении не случайны и не полностью произвольны: они подчиняются особым закономерностям, которые могут иметь разный характер — лексический и семантический (Уфимцева А.А., Арутюнова Н.Д., Бурлакова В.В.). Это можно заметить при изучении дистрибуции, под которой понимается совокупность всех (в данном случае лексических) окружений, в которых может встречаться данное слово. Анализируя такое окружение какой-нибудь лексемы, можно заметить, что между единицами существуют отношения разной степени свободы. Так, с прилагательным *tall* сочетаются существительные *man*, *woman*, *boy*, *poplar* и др., причем некоторые ряды существительных могут увеличиваться свободно, например, возможно сочетание *a tall girl*, это связано только с семантической сочетаемостью прямых значений двух слов; члены же других рядов сочетаются с этим прилагательным ограниченно, например, о высоком тополе принято говорить *a tall poplar*, о высоком кедре — *a lofty cedar*, а о высокой траве — *high grass*. Такая сочетаемость связана с особенностями нормы употребления, с узусом, а не со значением прилагательного. Эти особенности дистрибуции нашли отражение в классификации сочетаний лексем.

1. Семантические связи лексем. Свободные словосочетания

Семантическая сочетаемость состоит в необходимости или возможности присоединения к данному слову другого слова, исходя из его значения и смысла. Иначе говоря, семантическая сочетаемость — это свободная сочетаемость лексем. Семантические закономерности выбора смысла связаны с природой денотата (то есть соотношенностью предмета мысли с объективной действительностью).

Основной закон семантических связей лексем сводится к тому, что для того, чтобы сочетающиеся лексемы отражали действительную связь наименований, они должны иметь общий связующий элемент (или общие семы). Например, общими семами могут быть: «одушевленность», «неодушевленность», «действие», «состояние», «переходность», «непереходность», «конкретность», «абстрактность» и т.п. Так, слово *think* характеризует одушевленное лицо, и поэтому сочетание *The man thinks* семантически совместимо, в то время как сочетание *The chair thinks* не является правильным, поскольку в лексеме *the chair* отсутствует сема «одушевленность». Наличие общего связующего семантического компонента (или общей семы) в сочетающихся лексемах называется *семантическим согласованием* (Гак В.Г., 1972, с.375).

Приведем еще один пример, иллюстрирующий семантическую сочетаемость слов. В словосочетании *dim twilight* сочетающиеся слова не имеют противоречащих сем. В значении слова *twilight* входит сема *faint*. Эта же сема присутствует в значении прилагательного *dim*. Следовательно, словосочетание в целом отвечает семантическому согласованию. Однако, сочетание *bright twilight* не может считаться семантически согласованным, поскольку сема *faint*, присутствующая в существительном *twilight*, несовместима с семой *shining* в прилагательном *bright*.

На основе семантических (свободных) связей сочетающихся лексем в процессе речи говорящим формируются свободные (переменные) словосочетания. Повторяясь в речи бесконечное число раз, они не представляют собой эквивалента слов. Каждое слово в свободном словосочетании характеризуется присущим ему номинативным значением: *a small box, a small town (farm, place, lake, pond, house, room, library, window, door, table, cup, creature, etc.)*. В

свободных словосочетаниях допустима замена (субституция) одного из компонентов без изменения семантики другого компонента словосочетания: to cut cheese — to cut bread; to eat cheese — to eat bread. Они являются продуктивными словосочетаниями.

2. Собственно лексические связи лексем.

Фразеологические словосочетания

В отличие от семантической сочетаемости лексическая сочетаемость — это не свободная сочетаемость лексем.

Изучая проблему комбинаторики слов с позиций лексических связей, исследователь интересуется прежде всего нормативной стороной сочетаемости слов в предложении. Основная задача при изучении лексических связей сводится к тому, чтобы определить, насколько реальны и допустимы нормой языка сочетания тех или иных слов не в силу их значения, а скорее, напротив, независимо от их смысла (Арутюнова Н.Д., 1976, с.82). Например: to play the tap (поступать, вести себя как подобает мужчине).

В круг вопросов, связанных с изучением лексической сочетаемости, входят такие проблемы, как проблема зависимости выбора одного слова от выбора другого слова; выяснение условий семантического варьирования лексем, то есть определение средств разграничения лексико-семантических вариантов, которые присущи слову в парадигматике, то есть в системе языка, от тех, которые возникают в линейном ряду, то есть в синтагматике; создание новых значений в синтагматике. Проблема лексической сочетаемости рассматривается в трудах В.В.Виноградова, Н.Д.Арутюновой, А.А.Уфимцевой и др.

Какие же сочетания относятся к сфере лексических норм сочетаемости слов? Прежде всего на основе лексических (несвободных) связей сочетающихся лексем формируются фразеологические словосочетания. Словосочетания этого типа — заранее готовые словосочетания, они вносятся говорящим в речь на правах со словом, то есть характеризуются цельностью номинации. Это прежде всего идиомы: lame duck (неудачник), red tape (бюрократизм), new broom («новая метла» в значении «новое начальство») и др.

Несвободной сочетаемостью слов характеризуются фразеологические обороты большей или меньшей степени связанности. Ср.:

petticoat government («бабье царство»), to be under petticoat government («быть под башмаком» у жены), to kick the bucket, to turn up one's heels (или toes) («протянуть ноги», скончаться), turn geese into swans («что-то приукрашивать, преувеличивать»), like a cat on hot bricks («не в своей тарелке, как на иголках, как на угольях»), as like as two peas («похожи как две капли воды»). У всех приведенных фразеологических оборотов сочетаемость слов не представляет собой сумму их прямых номинативных значений. Поэтому, как правило, внутри них невозможна замена одних слов другими, близкими по значению словами. Замена и перестановка слов могут помешать узнаванию фразеологического оборота и, следовательно, правильному пониманию его содержания, смысла. Если вместо фразы *it rains cats and dogs* мы сказали бы **it rains geese and swans*, или вместо *turn geese into swans* — **turn hens into swans*, то нас не поняли бы вовсе, либо, догадавшись о нашем коммуникативном намерении, приняли бы за иностранцев.

Таким образом, идиомы используются говорящими, носителями языка как целостные словесные блоки, соответствующие единому смыслу. Только контекст служит указательным минимумом для выявления их значения.

Однако в некоторых случаях в известных пределах варьирование слов в составе фразеологизмов допустимо. Ср.: *good (great) deal*; *close as an oyster (as wax)* — держать язык за зубами, *closed (sealed) book* — книга за семью печатями, *cast (shed, throw или turn) light on smth* — проливать свет на что-либо.

Возможность варьирования лексем в составе фразеологических оборотов свидетельствует о том, что сочетаемость слов в них не является абсолютно фиксированной.

Наряду с собственно фразеологией (идиоматикой) к области изучения лексической сочетаемости относится полностью или частично грамматизированная перифрастика. Сюда относятся сочетания глагола и существительного, в которых глагол удовлетворяет грамматическому значению сочетания, а имя несет основной «лексический заряд»: *to give a smile*, *to take a look*, *to take part* и др. Грамматизированные перифразы эквивалентны глаголу: *to give a smile* = *to smile*; *to take a look* = *to look*; *to take part* = *to participate*; оказывать влияние = влиять; иметь намерение = намереваться. Пе-

рифразы, хотя и разложимые на два значения, допускают замену одного из компонентов (особенно глагола) лишь в очень узких, заданных пределах. В остальных случаях варьирование составляющих воспринимается как нарушение лексической нормы.

К сфере лексических норм сочетания слов относится сочетаемость компонентов клише или словесных штампов: to put forward a question, to win a victory, keen sight. Стабильность клишированных выражений отвечает скорее установившемуся узусу, чем норме. Поэтому сочетаемость слов в них более свободна, чем, скажем, в грамматизированной перифрастике. Возможно варьирование: to win (or gain) a victory; keen sight (or hearing).

3. Лексико-семантические связи лексем. Устойчивые нефразеологические сочетания

Лексико-семантические связи лексем — это связи лексем, лежащие на грани между лексическими (несвободными, формальными) нормами сочетания слов и семантическими (свободными, связанными с природой денотата) закономерностями сочетающихся слов.

На основе данного промежуточного типа связи лексем формируются так называемые *устойчивые нефразеологические сочетания*, то есть образования, лежащие между двумя типами словосочетаний (свободными и фразеологическими) (Кунин А.В., 1970, с.212). Словосочетания данного типа — переходные, полупродуктивные. Основное отличие их от фразеологических сочетаний состоит в том, что они не обладают цельностью ^{single whole} номинации. Их значения складываются из значений составляющих компонентов: rough sketch — 'черновой набросок', aquiline nose — 'орлиный нос'. Как и свободные словосочетания, устойчивые сочетания нефразеологического характера семантически совершенно отчетливо членимы, и сочетающиеся слова реализуют свои свободные значения: brilliant example — 'блестящий пример', delicate situation — 'щекотливое положение'.

В отличие от свободных словосочетаний, они не создаются говорящим каждый раз заново, а вносятся в речь в виде готовых образований. В них, таким образом, проявляются признаки и свободных, и фразеологических словосочетаний. В этом смысле они являются переходными-полупродуктивными.

Устойчивые нефразеологические сочетания не являются однородными. Они обнаруживают большую или меньшую степень близости к фразеологическим или свободным словосочетаниям. Так, например, среди рассматриваемых словосочетаний можно выделить формулы приветствия и прощания: *good morning, good day, good night*, и такие как *Happy New Year, Merry Christmas, good luck, best wishes*; формулы обращения: *dear sir, old boy* (старина), *old girl* (старуха) и т.п.; сочетания, в которых проявляется узкая, а иногда единичная сочетаемость одного из компонентов, как в случае *wistful eyes* (look, expression), *clenched fist* (teeth) и др. (Медникова Э.М., 1974, с.75). Наибольший интерес среди переходных сочетаний представляют сочетания типа *small change*, которые обязательно характеризуются специально узкой сочетаемостью. Как правило, ведущее слово в них многозначно и ему присуща многообразная сочетаемость: *small farmer* (мелкий фермер), *a small voice* (робкий голос), *small nature* (мелкая душонка), *small eater* (человек, который мало ест), *small talk* (пустая светская болтовня), *small hours* (предрабочие часы), *small fry* (мелюзга, мелкая сошка). Сравните с данными сочетаниями словосочетания *small house, small box, small boy*, которые, несомненно, относятся к свободным соединениям слов.

4. Проблема создания новых значений с точки зрения синтагматики

Синтагматические связи слов в речи несут двойную нагрузку: 1) воспроизводят системные значения слов; 2) «преодолевая» систему, непрерывно могут создавать новые значимости (Уфимцева А.А., 1968, с.201). Это значит, что в синтагматике у слова может появиться новое значение, или же к его системно-закрепленному значению добавляется определенный смысл или дополнительный оттенок значения. Так, в речи значительно распространены сочетания, в которых сочетающиеся лексемы в определенной мере сохраняют свое лексическое значение, и все же общее значение словосочетания содержит новое по сравнению со значением каждой лексемы и не является простой суммой их значений, отраженных в словаре. Например, в сочетаниях *green eyes* и *green leaves* основное системно-закрепленное «цветовое» значение прилагательного оди-

наково. И все же, как замечает Д.Н.Шмелев, анализируя аналогичные примеры в русском языке (*зеленые листья, зеленые глаза, зеленая стена, зеленый лес, зеленый свет*) представление о «распределении» и характере цвета в разных случаях не совсем одинаково. Сочетания *зеленый лес* и *зеленые листья* могут сопровождаться дополнительными («временными») оттенками, а сочетание *зеленые глаза* вызывает представление о другом зеленом цвете (Шмелев Д.Н., 1973, с.163). Следовательно, к системно-закрепленному значению лексемы добавляется определенный дополнительный смысл.

В речи основное номинативное значение лексемы может сопровождаться не только дополнительными оттенками. К первичному значению добавляется другое значение. Так, в сочетании *a small table* лексическое значение каждой лексемы сохраняется, однако в сочетании *to be at table* существительное *table* получает новое содержание. Семантика всего сочетания в целом не является простой суммой номинативных значений входящих в него слов. Все словосочетание передает значение: 'to have a meal' (Иванова И.П. и др., 1981, с.106). В этом случае синтагматические связи слов в речи выполняют функцию создания новых значимостей.

Как в синтагматике создаются новые значимости, наглядно показано А.А.Уфимцевой на примере контекстологического анализа именной лексемы *a drop* (капля).

Прямым номинативным значением существительного *a drop* является следующее: 'неодушевленный предмет, жидкое вещество (неисчисляемое)'. Уже в системе номинации обозначаются и синтагматические связи лексемы *drop*: *a drop of smth — a drop of gain, a drop of water, a drop of oil* и т.п. Как видим, круг сочетающихся с лексемой *drop* существительных очень широк, представлен названиями различных видов жидкости и представляет собой открытый ряд. Основная модель смысловых отношений между сочетающимися лексемами «определяемое — определение» соответствует определительному сочетанию *s предлогом of*. Межсловные связи обусловлены реальными связями, существующими между предметами материального мира, обозначаемыми сочетающимися словами.

Сочетающиеся слова и сама модель их смысловых отношений «определяемое — определение» входят в понятие семантического контекста.

Прямое номинативное значение 'капля' у слова *drop* выявляется в сочетаниях с глагольными лексемами, в которых *drop* выполняет роль субъекта действия: *a drop falls*, *a drop comes out*, *a drop leaves*, *a drop hangs* и т.д. Как видим, и в определительных, и в глагольных сочетаниях реализация прямого значения 'капля' обусловлена только лексическим содержанием сочетающихся слов. Нельзя сказать: *to hang a drop*, *a drop sheds*, но реальные связи: *a drop hangs*, *to shed a drop*. Семантический контекст разнообразен, модели смысловых связей представлены основными, свойственными именно лексеме: «определяемое — определение» (количество, субстанция); «действие и его субъект»; «действие и его объект». Все это свидетельствует о том, что данный лексико-семантический вариант слова свободен, наиболее употребителен, а слово *drop* по основному значению входит в систему обязательных номинаций.

В то же время в пределах одной и той же модели смысловых отношений «определение — определяемое» функционирует другое значение, закрепившееся в норме современного английского языка — 'небольшое количество, немного жидкого вещества'. Это значение производно по отношению к прямому номинативному значению 'капля' у имени существительного *drop*, но оно ничем не отмечено. Основная модель синтагматических смысловых связей (количество — субстанция) — общая с прямым значением 'капля'. Ср.: *a drop of Irish worth drinking* (в значении 'немного'). Несколько шире контекстуальный набор слов, в него входят такие глаголы, как *to have* (иметь), *to get* (получать): *to have a drop of (to get a drop of) + существительное*, обозначающее напиток.

В пределах одной и той же модели смысловых отношений «определение — определяемое» может появиться новый член контекстуального набора, относящийся по своей семантике к другой субкатегории: «неодушевленное, отвлеченное понятие» — *a drop of peace* (немного покоя, мира). Здесь, в сущности, происходит расширение границ данного лексико-семантического варианта. Но если подходить к сочетанию *a drop of peace* с точки зрения системы и нормы в языке, то нужно отметить, что данный случай не общеупотребителен. Сочетание носит переносный, метафорический характер и совершенно очевидна его образная направленность (Уфимцева А.А., 1968, с.228-243). Таким образом, в синтагматике слова

оказывают влияние друг на друга, изменяют системно-нормативное значение сочетающихся слов, зачастую образуя новые семантические значимости; если в сочетании с данным словом в линейном ряду в целях коммуникации вступает другое, непредусмотренное системным или узуальным контекстом слово, то образуется новый смысл, как правило, присущий обоим членам словосочетания.

ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ V

Задание 1. Следующие предложения и сочетания слов распишите в виде дерева НС. Объясните синтагматические зависимости в них.

1. The old man saw three black dogs there.
2. The police shot the man in the right arm.
3. The friendly ties between our countries.
4. The very beautiful lazy young lady.
5. The demand for recognition of the status of political prisoners.

Задание 2. Переведите на русский язык:

1. I am my friend's sister's second child's godmother.
2. His younger sister's new husband's eldest brother's second wife.

Задание 3. Определите, к какому существительному относится прилагательное *pale* в следующих синтагматических последовательностях и переведите на русский язык:

- the moon's pale light;
the pale moon's light.

Задание 4. Определите синтаксические связи (сочинение, подчинение, предикация, атрибутивная, объектная, обстоятельственная) в следующих синтагматических последовательностях слов:

neither Mary nor John; the husband as well as the wife; a careful observer; water power; people's customs; the man downstairs; the

desire to work; interest in art; very carefully; to write a novel; perfectly simple; for little children to read; his face red with anger.

Задание 5. В следующих предложениях выделите НС с вторичной предикацией:

1. Anthony jumped out of bed and the night being cold, put on his dressing gown and slippers (Huxley).
2. The machine-gunner stood up for me to sit down (Hemingway).
3. Close to the bank I saw deep pools, the water blue like the sky (Hemingway).

Задание 6. Какой может быть, по вашему мнению, аранжировка (синтаксическая последовательность) определений к следующим существительным? Ваше мнение аргументируйте.

1. (old, little, blue) dress;
2. (long, beautiful) hair;
3. (round, small, a) table;
4. (gray, old) cat;
5. (gray, old, fine) houses;
6. (tall, fat, angry, a) man;
7. (fine, my, new, son's) suit;
8. (the, small, first, three, stone, gray) cottages;
9. (a, French, old, fine) garden;
10. (brick, those, new, many) walls.

Задание 7. Определите синтаксические связи между следующими предложениями.

1. I wouldn't have to do it if you didn't want to, but I know it's perfectly simple (Hemingway).
2. We'll have a lovely garden. We'll have roses in it and a lovely lawn with a swing for a little Billy and little Barbara to play on. And we'll have our meals down by the lily pond in summer (Waterhouse and Hall).

3. «...Surely you have told the police here of this?»
«Yes, yes... But what have they done? Nothing».

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

1. Какие типы синтаксической связи между знаменательными словами можно выделить в синтагматике?
2. Какова валентная характеристика атрибутивной, объектной и обстоятельственной подчинительной связи?
3. В каких номинативных единицах языка реализуется предикативная синтаксическая связь?
4. Какие типы синтаксической связи существуют между предложениями диалогического и монологического текста?
5. В чем состоит суть анализа предложения по НС?
6. Какие типы словосочетаний формируются на основе семантических, лексических и лексико-семантических связей лексем?
7. Что представляет собой дистрибутивный анализ лексем?

**СЛОВО В ПРЕДЛОЖЕНИИ (РОЛЬ СЛОВА
В СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И
ВЛИЯНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА
СЕМАНТИКУ СЛОВА)**

То ли потому, что мы знакомы со словарями, то ли потому, что мы наивно полагаем, что, изучая язык, мы сначала учим слова, а потом соединяем их вместе, но мы часто думаем, что значение слова первично, а значение предложения вторично. Конечно, значение предложения сложно и систематически соотносится со значением его составных частей. Но в то же время значение предложения больше проявляет и значения его компонентов. Если мы спросим рядового англичанина, означают ли слова *violin* и *fiddle* одно и то же, ответ может затруднить его, но если мы спросим его, что ближе к норме: *He is recording all the fiddle sonatas of Brahms* или *He is recording all the violin sonatas of Brahms*, он ответит без колебания, и это будет свидетельствовать о том, что *violin* и *fiddle* не абсолютные синонимы. Кроме того, часто вообще трудно объяснить, что значит слово, не употребив его в предложении (например, чем отличается *illness* от *disease*, а *however* от *nevertheless*).

Связь между словом и предложением всегда была основной проблемой языкознания, ибо, по справедливому выражению Р.Кэмпсон, лингвист все время имеет дело с двусторонней зависимостью: «С одной стороны, интерпретация предложения зависит от

интерпретации слов в этом предложении, но с другой стороны, толкование этих слов есть результат того, какой вклад они внесли в семантическую интерпретацию предложений, в которых они встречаются» (Kempson R.M., 1977, 29).

Однако долгое время предложение рассматривалось как минимальный контекст для лексической единицы, в котором она взаимодействует с другими лексическими единицами¹, — исследование, таким образом, не выходило за рамки одного уровня и посвящалось лексической синтагматике. О таком взаимовлиянии лексем мы говорили в предыдущих разделах (см. тему IV). Исследования в этом направлении были плодотворны и показали многофункциональность контекста по отношению к употребляемому в речи слову: а) он снимает многозначность слова; б) он сохраняет неоднозначность слова при двуплановости высказывания (игра слов); в) он развивает многозначность слова путем включения данного лексико-семантического варианта в новое окружение (Ольшанский И.Г., 1983, с.67-68).

С точки зрения изучения лексико-синтаксических связей большой интерес представляют, с одной стороны, те свойства слова, которые оно приобретает в предложении именно как член этого последнего, то есть, вступая в различные связи и отношения с единицами синтаксического уровня, а с другой стороны, те особенности семантики и синтаксиса предложения, которые непосредственно зависят от его лексического наполнения. В данном разделе будут рассмотрены следующие два аспекта этой проблемы: 1) зависимость семантики и синтаксиса предложения от семантики глагола и 2) изменение значения слова в предложении в зависимости от его синтаксической позиции в предложении. В связи с этим мы еще раз будем обсуждать уже проанализированные нами ранее явления, например, лексическое значение глагола и существительного, грамматические категории глагола и др. Это не будет ни повторением,

¹ Это отражено и в названиях первых работ по этой тематике: Амосова Н.Н. Слово и контекст // Ученые записки ЛГУ. Серия филол.наук. Вып.42. № 243. — Л., 1958; Амосова Н.Н. О синтаксическом контексте // Лексикографический сборник. Вып. V. — М., 1962.

ни отрицанием того, что мы уже узнали. Исследование уже знакомых нам явлений в предложении позволит обнаружить у них новые свойства и закономерности.

§ 1. Вербоцентрическая концепция предложения

1. Предложение и высказывание

Основной единицей синтаксиса является предложение, причем говорящему всегда кажется, что он знает, что такое предложение, и каждый грамотный носитель языка может выделить предложения в тексте (то есть, попросту говоря, расставить точки), однако единственного научного определения предложения нет. Обычное школьное определение — «сочетание слов или отдельное слово, выражающее законченную мысль» — восходит к рассуждениям александрийского ученого II века до н.э. Дионисия Фракийского и определяет одно неизвестное (предложение) через другое неизвестное (законченная мысль), хотя в общем оно, возможно, и правильно.

Мы не будем рассматривать сотни определений предложения (это задача общей грамматики и общего языкознания), отметим только, что для ученых характерно стремление ввести в определение предложения какие-то лингвистические критерии, например: в «Лингвистическом словаре» предложение определяется как *грамматически и интонационно оформленная по законам данного языка целостная единица речи*, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли о некоторой действительности и отношения к ней говорящего. Предложение обладает *свойством звуковой выделительности (...)*, оно выражает *предикацию* и состоит из одного или нескольких слов, являющихся его предельными составляющими (Ахманова О.С., 1966).

Удовлетворимся для наших целей этим определением и обратим внимание на соотношение таких терминов, как предложение (*sentence*) и высказывание (*utterance*).

Мы уже говорили о том, что все единицы языка делились на единицы эмического и этического уровня: фонема и аллофон, морфема и алломорф, лексема и аллолекс и т.д. Но разделение

центральной единицы синтаксиса — предложения — несколько запоздало, и предложение дольше других сохранило свою двойственность, его считали и единицей речи, и единицей языка (Общее языкознание, 1972, с.326; Грамматика, 1982, с.89-90). Но в 70-е годы для различения языковой и речевой единиц стали использовать соответственно термины «предложение» и «высказывание». А так как мы вслед за Соссюром выделяли речевую деятельность и ее составные части — язык и речь, то и термины «предложение» и «высказывание» соотносятся, по крайней мере, с тремя единицами: к нерасчлененному понятию языка как коммуникативной, речевой деятельности относят оба термина — предложение и высказывание, а также двойной термин «предложение-высказывание»; в языковой системе выделяют абстрактную единицу «предложение», не зависящую ни от контекста, ни от говорящих; в индивидуальной речи выделяют конкретную единицу «высказывание», связанную с ситуацией и с говорящими. Следует, однако, иметь в виду, что единообразия в употреблении этих терминов в лингвистической литературе нет.

Разницу между предложением *Здесь злая собака* и высказыванием *Здесь злая собака* можно описать так. *Предложение* имеет значение «некоторое существо, а именно злая собака, находится близко к тому, где находится говорящий». Это же *высказывание* имеет дополнительный смысл: во-первых, слушающий знает, где находится говорящий и, следовательно, точно знает, что значит «здесь», а во-вторых, это высказывание может быть предостережением, объяснением какого-то поступка, угрозой, и это определяется лингвистически — интонацией, а экстралингвистически — ситуацией.

Мы будем изучать предложение как единицу системы и как единицу речевой деятельности в широком смысле слова.

Итак, как же устроено предложение? Оттолкнемся от синтаксических идей начала века:

1. Строчение предложения описывалось в терминах главных и второстепенных членов предложения, и все учение о членах предложения было подчинено единой цели — показать те типичные функции, которые выполняют в предложении отдельные части речи, назвать эти функции (или члены предложения), показать, чем отличаются предложения, содержащие разные члены предложения.

2. Отдельные типы предложений изучались вне тесной связи друг с другом. Идеи парадигматики и деривации приходят в синтаксис лишь в середине века.

3. Предложение имплицитно считалось суммой словоформ. Семантика предложения изучалась по его реальному лексическому составу. Это значит, что предложение изучалось как непосредственная данность, и выводы о его семантике и строении делались также на основании анализа этой данности. Поэтому предложение типа *Концерт произвел хорошее впечатление* анализировалось как простое распространенное, имеющее подлежащее, сказуемое, дополнение и определение. В терминах семантики в нем обнаруживался субъект (концерт) и объект (впечатление), что было явной натяжкой и требовало искусственных изошренных определений того, что такое субъект и объект.

4. Предложение считалось однозначным.

5. Синтаксис считался независимым от лексического наполнения. А.А.Реформатский писал прямо, что если слова не «отражают» действительность, но грамматические их связи правильны, то и предложение получается правильное, например: *Кентавр выпил круглый квадрат*.

Во второй половине XX века синтаксис занимается решением именно этих главных вопросов: как устроено предложение, как связаны между собой разные типы предложений, из чего состоит предложение, каково его значение и как оно связано со словом. Большое влияние на развитие учения о предложении оказывает исследование именно последнего вопроса — о связи слова и предложения. Становится ясно, что семантическое и синтаксическое построение предложения напрямую зависит от принадлежности его глагола (глагольного сказуемого) к определенному семантическому классу. Более того, некоторые явления, изучавшиеся традиционно в морфологии, стали рассматриваться с точки зрения предложения, то есть в синтаксисе (например, залог). В лингвистике эту новую стадию в развитии синтаксиса иногда называют семантическим синтаксисом, можно также говорить о лексически ориентированном синтаксисе. Слово и предложение изучаются вместе соответственно их способу существования в языке.

2. Номинативно-пропозитивный и модально-предикативный конститuent предложения

Начнем с вопроса о том, как устроено предложение. Во-первых, оно многомерно, в нем много разных уровней, слоев, аспектов, сторон. Но прежде всего оно делится на пропозицию и модус: $S \rightarrow P + M$.

Рассматривая в разделе о номинации предложение *Иван Грозный убил царевича Ивана*, мы обнаружили, что в предложении сообщается информация, во-первых, об участниках ситуации, во-вторых, об отношениях между ними. В данном предложении эти отношения представлены как субъектно-объектные (или отношения Агенса к Пациенсу). Совокупность сведений об участниках события и отношениях между ними образует означаемое высказывания, представляющее общую номинацию события. Иначе говоря, здесь мы получили информацию о том, «кто — кого». Она составляет номинативную основу любого предложения.

Для обозначения номинативного аспекта предложения часто используется термин «пропозиция», пришедший в лингвистику в этом значении из логико-философских исследований. В основной структуре предложения мы обнаруживаем то, что можно назвать «пропозицией», то есть вневременной набор отношений между глаголом и именами (Fillmore Ch., 1968, 23). Схематически номинативно-пропозитивный конститuent предложения можно выразить как «Иван Грозный + убивать + царевич Иван». Это номинация ситуации, пропозиция.

Правильно назвав ситуацию, говорящий должен актуализировать номинацию, то есть включить ее в коммуникацию. Для этого надо обозначить отношение сообщаемого к действительности, то есть:

- а) было это или этого не было;
- б) если было, то когда — сейчас или раньше;
- в) а может, это лишь предположение говорящего?

Говорящий изображает этот акт как уже совершившийся, реальный, он в нем не сомневается и говорит: *Иван Грозный убивает царевича Ивана*. Вот этот набор значений: отрицание, время, наклонение, вид — все это составляет модальный, или модусный, конститuent предложения.

Таким образом, современные исследователи предложения исходят из того, что оно как единица языка выполняет не одну, а «две существенные знаковые функции: во-первых, предметно-назывную, номинативную, во-вторых, оценочно-установочную, предикативную» (Блох М.Я., 1986, с.98). Соответственно семантика предложения складывается из номинативно-пропозитивного и модально-предикативного конститuentов¹ и исследование предложения идет в двух «функциональных направлениях»: ситуативно-номинативном и модально-предикативном (Блох М.Я., 1986, с.144). Семантика предложения оказывается, по меньшей мере, «двухъярусной». Этим предложение отличается от слова, которое в этом смысле одноаспектно (Блох М.Я., 1986, с.99).

Какие пласты значения есть еще в данном предложении? Во-первых, в зависимости от коммуникативной установки говорящий может сделать темой сообщения исполнителя действия: *Иван Грозный убил царевича Ивана* или же объект действия: *Царевича Ивана убил Иван Грозный, Царевич Иван был убит Иваном Грозным*. И хотя здесь информация одна и та же, внимание слушающего привлекается к разным вещам. В первом случае об Иване Грозном сообщается, что он убил царевича Ивана, а во втором случае о царевиче Иване сообщается, что он был убит Иваном Грозным. Это аспект актуального членения, он неразрывно связан с намерениями говорящего и поэтому относится к высказыванию как к единице речи.

Кроме того, автор отражает в сообщении цель, с которой это сообщение делается, то есть свое коммуникативное намерение. Поскольку в данном случае говорящему просто надо передать какую-то информацию, он выбирает форму повествовательного предложения. Но в принципе здесь возможны и другие цели: угроза, намек, удивление, догадка. Все это говорящий выражает при помощи интонации и жестов в высказывании в конкретной речевой ситуации. Этот аспект высказывания можно назвать коммуникативно-прагматическим.

¹ В научной литературе распространены также термины пропозиция и модальность (Ч.Филлмор), диктум и модус (Ш.Балли), «грамматика опыта» (транзитивность и модальность) (М.А.К.Хэллидей).

3. Вербоцентрическая концепция предложения и теория валентности. Актанты

Содержательная и формальная стороны пропозитивного (номинативного) конституента предложения описываются в терминах семантической структуры (значение) и синтаксической структуры (форма). В американской генеративной лингвистике распространены термины «глубинная» и «поверхностная» структуры (*Deep and Surface Structures*). Они возникли тогда, когда лингвисты стали осознавать многозначность предложения. Приведем несколько примеров:

1. Предложение *Children don't wash easily* может иметь, по крайней мере, три интерпретации:
 - a) *Children find it difficult to wash themselves;*
 - b) *Children find it difficult to wash things;*
 - c) *It is difficult to wash children (Halliday, 1967).*
2. То же самое можно сказать о предложении *He is old enough to kiss*:
 - a) *He is old enough to kiss smb;*
 - b) *He is old enough to be kissed;*
 - c) *He is old enough to kiss smb and to be kissed.*
3. Предложению *They made him an officer* можно приписать два толкования:
 - a) *They made an officer of him;*
 - b) *The captain needed another officer, so they made him an officer out of the cook (Bull, 117).*

Сначала о таких предложениях стали говорить, что они имеют одну поверхностную структуру, которая восходит к нескольким глубинным структурам. Например, предложение *Flying planes can be dangerous* может быть связано с двумя глубинными структурами:

- 1) *Planes which fly can be dangerous;*
- 2) *To fly planes can be dangerous.*

С другой стороны, можно сказать, что предложения с разными поверхностными структурами, например, *The bear chased the man*

и *The man was chased by the bear* имеют одну и ту же глубинную структуру. Скоро стало ясно, что на самом деле глубинная структура здесь содержательна. Она здесь — значение предложения. К этому выводу пришли и современные американские лингвисты, которые стали говорить о семантическом характере глубинной структуры, однако долго продолжали пользоваться термином «глубинная структура». В отечественной лингвистике стали пользоваться термином «семантическая структура», а поскольку этот термин плохо соотносился с термином «поверхностная структура», то последний тоже вышел из употребления, и семантическая структура стала противопоставляться формальной или синтаксической структуре.

Одним из важнейших вопросов изучения семантики предложения стал вопрос, как изобразить (репрезентировать) семантическую структуру предложения. Значение слова, как известно, представляется или при помощи других слов (в кавычках), или при помощи набора семантических признаков (сем). Хотя значение предложения часто описывается другим предложением (как в выше приведенных примерах), этот способ представления семантики неудобен: в таком описании при помощи новых слов не видна суть значения предложения, оно становится многословным и появляется новая многозначность. Стремление получить модель значения предложения привело к развитию разных способов представления семантической структуры предложения, в том числе а) при помощи сем; б) при помощи дерева зависимостей; в) при помощи набора актантов. Поскольку у нас последний способ получил большое распространение и именно им мы будем пользоваться, остановимся на нем подробнее. Для этого нам нужно обратиться к вербоцентрической концепции предложения и теории валентности.

Согласно вербоцентрической концепции, центром предложения является глагол (сказуемое, предикат), он организует предложение, во-первых, семантически, так как предсказывает, какие содержательные единицы употребляются справа и слева (так, глагол *to slice* имеет валентности на имя действующего лица и на имя подвергающегося действию объекта: *John sliced the apple*; глагол *to love* в одном значении имеет валентность на одушевленные имена: *John loves Mary*), и во-вторых, синтаксически, так как определяет, в

какой форме это содержание должно проявиться в предложении (в виде существительного с тем или иным предлогом, в виде придаточного, инфинитива и т.д., например: *John listened to Mary; John accused Mary of doing it*).

Если мы знаем глагол и его значение, то мы можем предсказать довольно точно его окружение. Свое крайнее выражение эта теория находит в трудах современных ленинградских исследователей (А.А.Холодович, В.С.Храковский, В.П.Недялков, И.Б.Долинина и др.), которые даже писали, что информация в предложении с данным глаголом равна лексикографической информации о данном глаголе, которая есть в словаре. Предложение «вырастает» из глагола (Чейф У., 1975).

Вербоцентрическая концепция предложения тесно связана с учением о валентности глагольной лексемы, которое бурно развивается в 60-70-е годы.

Сначала валентность определяли как способность слова сочетаться только со словами. Так, С.Д.Кацнельсон назвал валентностью «потенциальную способность определенных разрядов слов сочетаться с другими разрядами» (Кацнельсон С.Д., 1948); у Л.Теньера это — «число актантов, которыми способен управлять глагол» (Теньер Л., 1988, с.250).

Различают два вида валентности: 1) семантическую, или содержательную (после глагола *smoke* должно быть слово, обозначающее курицу; после глагола *hear* должна быть единица, обозначающая звук, и т.д.); 2) синтаксическую, или формальную валентность (после глагола *to intend* употребляется инфинитив с *to*, после *help* — инфинитив без *to*, после глагола *look* — существительное с предлогом *at*). Очевидно, что первая валентность носит более универсальный характер и совпадает во многих языках, а вторая — более специфична, и ее изучение доставляет нам много хлопот.

Приведенное выше определение валентности не охватывало глаголы, после которых не может употребляться существительное, а возможны только придаточные (*He considered that John was a good student*) или вторично-предикативные обороты (*I intended to be a writer*). «Уравнять в правах» все глаголы помогает определение валентности как способности глагольного предиката «открывать в предложении позиции для семантически согласующихся с ним

единиц, независимо от их формы выражения» (Ковалева Л.М., 1981, с.42; 1987, с.13; Helbig G., 1983, 106). Так, после глаголов мыслительной деятельности всегда семантически должно быть суждение, или пропозиция в логическом смысле, для выражения которых нужно предложение, и поэтому эти глаголы имеют валентность на придаточное предложение или вторично-предикативный оборот, а не на слово: I consider that he is a good student / him to be a good student. После глаголов намерения употребляется инфинитивный оборот, а не существительное: I intended to go home.

Валентность — это потенция к сочетаемости и, следовательно, она принадлежит слову и сопровождает его в любом его употреблении (*кто-то любит кого-то — кто-то, любящий кого-то*). Более того, недостающий в формальном плане элемент обязателен в содержательном плане (*help!* значит «*help me/him/her* и т.д.»). Из этого следует, что семантическая валентность является обязательной (облигаторной), а уж ее реализация зависит от конкретной синтаксической модели, в которой данный глагол является сказуемым.

Содержательная валентность, следовательно, образует семантическую основу всего предложения, его макет: «глагол break + Агенса, Объект, Инструмент»; «глагол hear + Субъект восприятия, Объект восприятия». Эту формулу будем называть *валентностно-актантной схемой* (ВАС) предложения, она сохраняется у глагола всегда и лежит в основе значения предложения.

Актанты, выраженные именем, в общем-то давно известны в языкознании под именем ролей и функций. Это Агенса, Объект, или Пациенса, Инструмент и др. }

То, что мы выше называли семантическими актантами, называют также аргументами, семантическими ролями, падежами. Наиболее известны сегодня так называемые падежи Ч.Филмора:

Agent (A) — The instigator of the event;

Object (O) — The entity that moves or changes or whose position or existence is in consideration;

Instrument (I) — The stimulus or immediate physical cause of an event;

Experiencer (E) — The entity which receives or accepts or experiences or undergoes the effect of an action

(Filmore Ch., 1968).

Актанты, которые выражены инфинитивными, причастными, герундиальными оборотами, а также придаточными предложениями, стали называть предикатными, поскольку в их составе есть предикатная единица (Семантика и синтаксис, 1981), событийными, поскольку они обозначают событие (Арутюнова Н.Д., 1971, 1976; Кацнельсон С.Д., 1972), пропозитивными, поскольку они содержательно восходят к пропозиции (к предложению) (Шаволина С.Н., 1980). В английской литературе их называют *sentential noun phrases*, *infinitival complement clauses* и под.)

- В современной лингвистике широкое распространение получил термин «предикатный актант», понимаемый как семантический «актант с предикатным значением», который выражается «преимущественно глагольными словами (различными глагольными формами, отглагольными существительными и т.п.) или зависимыми предложениями» (Семантика и синтаксис, 1981, с.3). При этом в одном ряду оказались актанты, выраженные самым различным способом: *John remembered Mary*; *John remembered doing it*; *John remembered having done it*; *John remembered that he had done it*; *John did not remember to do it*.

Следует сказать, что английской грамматике легче было принять такой взгляд на различные обороты с неличными формами глагола как на единый предикатный актант, нежели, скажем, русской грамматике. Дело в том, что английские грамматисты опирались на понятие сложного дополнения. Сложным дополнением считался так называемый оборот «инфинитив с аккузативом» после некоторых глаголов: *I saw him come* (Структурный синтаксис, 1972, с.49-51; Жигадло В.Н. и др., 1956, с.272; Бурлакова В.В., 1975, с.42 и др.). В свете всего вышесказанного этот оборот рассматривается как единое целое, то есть как предикатный актант.

Вербоцентрический подход к организации предложения влияет на всю теорию членов предложения. На смену понятиям главных и второстепенных членов приходят понятия актантов и сирконстантов: актанты обозначают участников ситуации и прямо зависят от глагола, они дополняют его содержательно. Это обязательные, облигаторные члены предложения, причем подлежащее и дополнение равноправны по отношению к глаголу. Это поддерживает мнение тех лингвистов, которые относили дополнение к главным членам предложения.

Сирконстанты обозначают обстоятельства ситуации и от глагола не зависят: *John bought a toy for his son today in the morning in a big shop in the Main Street*. Если количество актантов предсказывается глаголом, то количество сирконстантов теоретически бесконечно (где, когда, почему, зачем и т.д.), все эти сирконстанты глаголом не предсказываются и свободно могут быть добавлены к вышеприведенному предложению в большом количестве.

В лингвистической литературе иногда представляют семантическую структуру предложения как набор семантических актантов, например, для *break*: «Agent, Object (Instrument)». Это не совсем точно. Это валентностно-актантная схема глагола, составляющая семантический инвариант предложения с этим глаголом. Даже если мы из всего предложения поняли только *break*, мы предполагаем, что было и действующее лицо, и объект действия, и орудие действия. Но семантическая структура принадлежит конкретному предложению, а в конкретном предложении актант должен иметь какой-то определенный признак. Например, следующим трем предложениям соответствуют три разных семантические структуры:

1. John heard the bell.
2. The bell was heard.
3. John heard.

В первом — и Субъект, и Объект восприятия *определенные*; во втором — Объект восприятия *определенный*, а Субъект — *неопределенный*; в третьем имеется *определенный* Субъект восприятия и *обобщенный* Объект. Соответственно, эти три предложения имеют три разные семантические структуры:

- 1) «определенный Субъект восприятия, определенный Объект восприятия»;
- 2) «неопределенный Субъект восприятия, определенный Объект восприятия»;
- 3) «определенный Субъект восприятия, обобщенный Объект восприятия».

Формула же, состоящая из беспризнаковых актантов типа «Субъект восприятия, Объект восприятия», не может репрезентировать семантическую структуру ни одного из этих предложений, даже

первого. Эта формула представляет содержательную валентностно-актантную схему предложения, которая задается его глагольным предикатом. Это, так сказать, «макет предложения». Валентностно-актантная схема является обязательным содержательным инвариантом всех семантических структур всех конструкций с данным глагольным предикатом, потому что в семантике любой из них присутствуют оба эти актанта, но они могут быть наделены разными признаками, которые принадлежат уже семантической структуре конкретного предложения и определяются его синтаксической моделью. Таким образом, валентностно-актантная схема лежит в основе семантической структуры каждого предложения, но не равна ей. Через нее глагол участвует в семантической и синтаксической организации предложения. В семантической структуре предложения должны присутствовать семантические признаки его актанта типа «определенный», «неопределенный», «обобщенный», «неактивный» и др. При желании семантическую структуру предложения можно представить в виде набора семантических признаков, нечто вроде: «неопределенно-субъектное, определенно-объектное» для предложения *The bell was heard.* }

4. Семантическое согласование глагола и его актанта. Виды предикатов

В реальной действительности существует мир вещей (предметов, объектов) и мир событий (действий, процессов, состояний, свойств, психических актов и т.д.). В языке это отражается в том, что серия понятий: предмет и пространство, физическое действие и физическое свойство предмета — существует вместе и противопоставлена ряду: событие — время — психический акт — свойство/событие — суждение о событии. На основании этого общего правила в языке выделяются две большие группы предикатов (глаголов): межпредметные предикаты, объединяющие предметные актанта, и межсобытийные предикаты, объединяющие событийные (предикатные) актанта. Предложения с этими типами актанта резко противопоставлены по своей семантике: в первых отражаются субъективно-объектные отношения, во вторых — причинно-следственные, темпоральные, уступительные и др. отношения между событиями. Примером первых могут служить предикаты в предложениях *John*

is eating an apple и John hit the ball; примером вторых — Smoking causes cancer. Эти предложения абсолютно самодостаточны и не нуждаются ни в каком контексте. Но они семантически очень различны и не могут анализироваться одинаково. Ведь с точки зрения теории членов предложения перед нами простые предложения с подлежащим и прямым дополнением. Выделение этих членов предложения при помощи вопросов What did John do? What does smoking do? в предложениях второго типа является натяжкой. Тем не менее весь традиционный синтаксис в анализе антропоцентричен: он ориентирован на предложения с личностным субъектом действия, и под этот тип предложения с субъектно-объектными отношениями личностного и предметного актантаqv подгоняется анализ семантики предложений с межсобытийными предикатами, и предложениям типа Smoking causes cancer тоже приписывается эта семантика, но приходится тогда под субъектом и объектом понимать не предметные актаны, не производителя и объект действия, а что-то другое. Это неудобно и неверно.

Положение о межсобытийных предикатах, впервые обоснованное в 70-х годах Н.Д.Арутюновой, выделило предложения с предикатными (событийными) актантами в отдельный объект исследования. В результате были разработаны новые подходы к материалу, которые принесли много нового для понимания того, как построено предложение.

Итак, чтобы построить правильное, самодостаточное, независимое от контекста предложение, необходимо, чтобы межпредметный предикат употреблялся с предметными актантами, а межсобытийный предикат — с предикатными. При нарушении этого закона происходит:

- а) сдвиг в значении глагола (*Он проглотил обиду*);
- б) сдвиг в значении существительного (*Он проглотил какую-то гадость*);
- в) игра слов (*They choked their rage and cola*);
- г) предложение становится недостаточно информативным (Ср.: *They stole apples* и *They stole what they needed*. Хотя второе предложение длиннее и в нем есть некоторая информация, которой нет в первом, первое все-таки точнее.).

Оказывается, в речи эти нарушения правил довольно обычны, они лежат в основе семантических сдвигов у имен и глаголов. Кроме того, в речи вместо единицы, прямо обозначающей событие, может быть употреблено имя лица (или даже предмета), но в семантике предложения останется событие, то есть семантическая структура не станет субъектно-объектной. Например, вместо *Smoking causes cancer* можно сказать *Cigarettes cause cancer*, но это не будет означать, что предмет *cigarettes* является причиной события *cancer*. За предметным именем *cigarettes* скрывается событие *smoking cigarettes*, и оно в целом обозначает причину, а *cancer* — следствие, и семантическая структура этого предложения с *cause*: «определенная Причина, определенное Следствие». Еще примеры:

Cut diamonds don't cause so much trouble in South Africa (Ashe). = *The sale of cut diamonds doesn't cause so much trouble in South Africa*; *Alcohol mellowed the scipper (Maugham)*. = *Drinking alcohol mellowed the scipper*.

Имена лица могут употребляться не только там, где они требуются семантикой глагола (с глаголами действия, восприятия, мышления), но и там, где требуется единица событийной семантики. Это обусловлено их семантической двойственностью: ведь лицо предметно, и в то же время это действующая сущность, и этот второй признак позволяет личным именам стоять в позиции, где первично событие, и не претерпевать при этом семантических сдвигов, например: *Tom had caused a machine to replicate itself (Doctorow)*, где слово *Tom* не претерпевает семантических сдвигов, но интерпретируется как «действия Тома».

К основным семантическим типам предикатов — межпредметным и межсобытийным — примыкают, во-первых, межперсональные (интерперсональные) предикаты, а во-вторых, ряд промежуточных типов. К первым можно отнести глаголы, обозначающие межличностные отношения, типа *to love, to hate*. Примером вторых могут служить глаголы с оценочным значением, которые сочетаются как с событийными, так и с предметными дополнениями, поскольку оценке может быть подвергнуто все — и люди, и предметы, и события, и качества (Арутюнова Н.Д., 1976, с.137-138). Чередование предметного и предикатного актантов в какой-то позиции ведет в большинстве случаев к сдвигу в семантике глаголов.

Вышеописанное деление предикатов отражает реальные отношения между предметами, событиями, лицами и событиями и т.д.: предметно-пространственная и событийно-временная понятийные сферы противопоставлены друг другу и в окружающей действительности, и в языке. Поэтому тип предиката напрямую зависит от семантического класса глагола. Например, глаголы физического (механического) действия по природе вещей сочетаются с предметными дополнениями и личностными субъектами: *John pushed the car; John opened the window*. Глаголы слухового восприятия требуют предикатного актанта в позиции дополнения, так как мы слышим звуки, которые имеют протяженность во времени и, следовательно, интерпретируются событийно: *John heard Enrico Caruso singing; John heard Enrico Caruso*. То же можно сказать о глаголах желания: *I want you to come; I wish I were there*.

Какие же выводы можно сделать из всего вышесказанного?

Если согласиться, что именно глагол предопределяет количество и семантику актантов в предложении, то придется согласиться и с тем, что глагол предопределяет как семантику, так и формальную структуру предложения. Но в таком случае роль глагола должна как-то отразиться в науке о предложении — синтаксисе. На деле же эта роль еще по-настоящему не осознана в науке. До сих пор предложения с одним и тем же глаголом изучаются в разных разделах синтаксиса, и предложение *He can read* анализируется в разделе «Простое нераспространенное предложение», а *He read that the demonstration should take place tomorrow* — в разделе «Сложноподчиненное предложение». И, вообще, весь синтаксис традиционно делится на разделы по сложности формальных моделей: простое, сложноподчиненное и сложносочиненное предложения и их виды, варианты и т.д.

Но если в центре организации предложения находится глагол, то и синтаксис должен быть построен по другому принципу, а именно: в основе синтаксиса должна лежать группировка синтаксических структур по принадлежности их предикатов (глагольных сказуемых) к определенным семантическим классам. Это значит, что в синтаксисе должны существовать разделы: «Синтаксис предложений с предикатами (глаголами) физического действия», «Синтаксис предложений с предикатами (глаголами) мыслительной дея-

тельности», «Синтаксис предложений с предикатами (глаголами) речи» и т.д.

Главное возражение против такого подхода заключается в том, что при этом якобы произойдет непомерное увеличение синтаксических структур, в которых затеряются стройные и строгие схемы формального синтаксиса. Но, во-первых, количество синтаксических структур не может быть больше реального количества структур в языке; во-вторых, традиционный синтаксис сейчас тоже очень усложнился из-за попытки учесть каким-то образом семантику глагола и актантов; в-третьих, «синтаксис, ориентированный на содержание», не исключает формального синтаксиса, а дополняет его. В-четвертых, и это главное, анализ связи синтаксической структуры предложения и лексического значения глагола позволит нам установить семантические основания синтаксических структур и ответить на вопросы:

- а) Почему определенные глаголы употребляются в предложениях с определенной синтаксической структурой?
- б) Почему один и тот же глагол может употребляться в конструкциях разной синтаксической сложности (изменяется ли при этом значение глагола, значение всего предложения или не изменяется ничто)?

5. Общие проблемы построения парадигмы предложений, организуемых одним глаголом (предикатом)

Прежде чем построить «лексически ориентированный синтаксис», в котором учитывается центральная роль глагольного слова в предложении, следует рассмотреть всю совокупность предложений, организуемых одним глаголом в одном значении, чтобы упорядочить множество этих предложений, выделить парадигматические ряды и определить круг возникающих при этом проблем. Попробуем сделать это на примере предложений с глаголом *to hear* в его первичном значении глагола слухового восприятия.

Валентностно-актантная схема предложения с этим глаголом может быть представлена в виде набора семантических актантов «Субъект восприятия, событийный Объект восприятия». Если даже мы будем учитывать только один Субъект восприятия — *the hunter*

и одно воспринимаемое событие — the beast was growling, количество предложений с этим глаголом и их формальное разнообразие очень велико: это будут простые и сложноподчиненные предложения, предложения с полностью и неполностью реализованной валентностью, предложения с глаголами в разных временах и наклонениях, утвердительные, отрицательные и вопросительные, это будут также самостоятельные предложения и части другого предложения. В этом ряду, например, будут находиться The hunter heard that the beast was growling; The beast was heard to growl; The hunter heard; Did the hunter hear the beast growling? If the hunter had heard the beast growling, he would have killed it, и др.

Понятие формальной модели типа N_1VN_2 для анализа этих предложений оказывается недостаточным. Модель N_1VN_2 как «формула строения предложения» представлена в терминах классов слов: «существительное₁ — глагол — существительное₂». Для наших целей анализа нужно учитывать лексическое значение (лексические подклассы) слов, заполняющих модель. Например, N_1 в предложении с глаголом to hear всегда одушевленное, а N_2 — всегда событийное. Мы можем отразить это, например, следующим образом: $N_{\text{лицо}}$ $V_{\text{слуховое восприятие}}$ $N_{\text{событие}}$. Расширив таким образом формальную модель предложения, мы получим то, что некоторые синтаксисты называют «конструкцией», понимаемой как такое лексико-грамматическое единство, в котором учитывается не только формальная модель, но и лексико-семантические подклассы заполняющих ее слов (Алисова Т.Б., 1971, с.33). Элементы конструкции могут быть представлены в терминах классов слов (N , V), субкатегоризированных лексико-семантически (лицо, предмет, событие, неодушевленное, глагол движения, восприятия и т.д.).

Понятие конструкции позволяет нам отвлечься от противопоставления между простым и сложным предложением, если они организованы одним и тем же глаголом, ибо в любом случае семантика ее членов будет совпадать. При помощи этого понятия все различные предложения, организуемые одним глаголом и разнесенные современным синтаксисом по разным структурным рубрикам, могут быть объединены в одну единицу: *простую глагольную конструкцию*. Они все имеют одну и ту же валентностно-актантную схему, определяемую глаголом.

Следует сразу отметить, что в научной литературе распространены термины «главный» и «зависимый» глагол по отношению к конструкциям с предикатными актантами. Глагол *to believe* в следующих конструкциях считается главным глаголом (ГГ), а формы *was* в придаточном предложении и *to be* в инфинитивном обороте называются зависимыми глаголами (ЗГ): *I believed that John was late; I believed John to be late.*

Чтобы упорядочить огромное множество предложений с *to hear*, выделим *парадигматические ряды*, в которых они будут объединены по какому-то общему признаку и в то же время будут противопоставлены друг другу по каким-то однородным признакам. Тогда мы получим, по меньшей мере, четыре ряда.

Со структурно-семантической точки зрения в основу должен быть положен признак — реализация обязательных содержательных валентностей. Тогда все предложения делятся на: 1) конструкции, в которых реализованы все валентности, 2) конструкции, в которых реализованы не все валентности глагола.

Первый ряд предложений с реализованными семантическими валентностями:

1. The hunter heard the beast.
2. The hunter heard the beast growl.
3. The hunter heard the beast growling.
4. The hunter heard that the beast was growling.
5. The beast was heard by the hunter.
6. The beast was heard by the hunter to growl.
7. The beast was heard growling by the hunter.
8. It was heard by the hunter that the beast was growling.

Все эти предложения имеют одинаковую валентностно-актантную схему «Субъект восприятия, событийный Объект восприятия» и одинаковую семантическую структуру «определенный Субъект восприятия, определенный событийный Объект восприятия». Но если в языке существует такое множество синонимичных конструкций, значит, между ними есть какая-то разница, они каким-то образом противопоставлены друг другу.

Выяснение этих различий и установление иерархии этих единиц — вот задачи, возникающие при изучении этого ряда.

Второй ряд образуют конструкции, в которых одна содержательная валентность глагола не реализована, в связи с чем возможна различная конфигурация актантов и изменение глагольной формы:

1. The hunter heard.
2. The beast was heard.
3. The beast was heard to growl.
4. The beast was heard growling.
5. It was heard that the beast was growling.

Все эти конструкции объединяются общей валентностно-актантной схемой: в их семантике присутствует и Субъект, и Объект восприятия. Но семантические структуры у них разные: в первом Объект неопределенный, во всех остальных — Субъект восприятия неопределенный.

Здесь семантическое варьирование предложений происходит за счет запрета на реализацию тех или иных содержательных валентностей глагола и по формально-семантическим причинам. Отсутствие Объекта восприятия в формальной структуре не значит, что он отрицается в семантике предложения, он присутствует, но имеет признак неопределенности или обобщенности. Противопоставления этих конструкций можно назвать межмодельными.

Третий ряд (или, вернее, ряды) есть результат того, что все вышеприведенные конструкции, как с полностью, так и с неполностью реализованными валентностями, возглавляют многочисленные ряды по признакам, относящимся к сфере модально-предикативной семантики предложения, то есть по видо-временным и модальным признакам, например:

- а) малый парадигматический ряд видо-временных противопоставлений:
1. The hunter hears the beast.
 2. The hunter heard the beast.
 3. The hunter will hear the beast.
 4. The hunter has heard the beast.
 5. The hunter had heard the beast.
 6. The hunter will have heard the beast и т.д.

5) малый парадигматический ряд противопоставлений по модальности:

1. The hunter heard the beast.
2. The hunter would hear the beast.
3. The hunter would have heard the beast.
4. Had the hunter heard the beast и т.д..

Точные границы таких рядов указать трудно, во-первых, из-за споров вокруг общей системы времен и наклонений в современной грамматике, о чем говорилось в разделе о грамматических категориях, а во-вторых, из-за того, что некоторые формы связаны с определенными типами предложений. Тем не менее, в системе языка эти ряды существуют, и именно через их противопоставления устанавливается основное значение таких грамматических форм, как время и наклонение. Причем традиционно они до сих пор описываются в морфологии, хотя теоретически уже давно признано как отечественными (А.А.Шахматов, В.В.Виноградов), так и зарубежными (Ш.Балли, Ч.Филмор) учеными, что такие категории, как время и модальность, принадлежат синтаксису, так как вне предложения не проявляются. Объединяющим в таких рядах выступает синтаксическая конструкция со своей семантической структурой, которая остается неизменной при всех изменениях предложения по темпоральным, видовым, модальным и другим признакам, поэтому такие парадигмы считаются внутримодельными (Матвеева Н.Н., 1984, с.46).

В реальной речи все эти предложения могут встретиться, во-первых, в самостоятельном употреблении и, во-вторых, в виде так называемых включенных предложений (*embedded clauses*) в составе других предложений, которые считаются по отношению к ним матричными. При этом возможен огромный ряд дериваций. Так, только с конструкцией *The hunter heard the beast* можно начать ряд, который кажется бесконечным:

- If the hunter heard the beast...
- If the hunter hears the beast...
- If the hunter had heard the beast...
- The hunter who heard the beast...

The hunter hearing the beast...

Having heard the beast the hunter...

While hearing the beast the hunter...и т.д.

Такими включенными предложениями могут быть все конструкции первого и второго ряда, отсюда и разнообразие синтаксических структур.

Между этими конструкциями существуют отношения эквивалентности, они ближе всего подходят к определению трансформаций у З.Хэрриса, потому что их пропозитивное содержание инвариантно, а различия обусловлены внешним грамматическим статусом (Хэррис З., 1962, с.540), то есть характером формальных синтаксических отношений между компонентами данных конструкций и разными способами включения этих конструкций в строй синтаксических конструкций более высокого порядка.

Исследование синтаксических структур четвертого ряда — задача деривационного синтаксиса, который должен: 1) установить и описать все возможные виды включения конструкции в матричные предложения и выявить правила «скрещения» различных моделей, 2) выявить оппозиции предложений по темпоральным, видовым и модальным признакам.

Четвертый ряд образуется в результате того, что каждая из конструкций первых трех рядов может возглавлять парадигматические ряды по признакам, связанным с коммуникативной целеустановкой предложения (повеление, вопрос, восклицание, логическое выделение любого элемента предложения):

1. The hunter heard the beast.

2. Did the hunter hear the beast?

3. The hunter did hear the beast и т.д.

В этом ряду интонация окончательно оформляет синтаксическую единицу, и она становится высказыванием. Этот ряд огромен, но не бесконечен, он должен исследоваться в тесной связи с проблемой интонации в разделе синтаксиса, который обычно называют коммуникативным.

§ 2. Парадигма английского предложения с реализованными семантическими валентностями глагола

1. Парадигма предложений с глаголами восприятия

Рассмотрим конструкции, в которых обе валентности глагола hear реализованы:

1. The hunter heard the beast.
2. The hunter heard the beast growl.
3. The hunter heard the beast growling.
4. The hunter heard that the beast was growling.
5. The beast was heard by the hunter.
6. The beast was heard by the hunter to growl.
7. The beast was heard growling by the hunter.
8. It was heard by the hunter that the beast was growling.

Попробуем выяснить, какое различие существует между этими явно синонимическими конструкциями и какая конструкция возглавляет этот ряд (ведь в каждом синонимическом ряду существует доминанта, в каждом парадигматическом ряду — исходный член).

Эти конструкции можно рассматривать, опираясь на концепцию Е. Куриловича о первичных и вторичных формах и значениях. В синтаксисе ее можно сформулировать так: всякая семантическая структура предложения имеет первичную форму своего выражения (которая для нее и предназначена) и вторичные; всякая синтаксическая конструкция имеет первичную семантическую структуру (для выражения которой она специально и создана) и вторичные. Продолжив эту мысль, можно сказать, что объединение первичной семантической структуры с первичной конструкцией дает *базисную структуру*. Это конструкция, в которой в данном языке данная семантическая структура выражается лучше всего, так сказать, «идеальная» структура для выражения данного значения. Она-то и возглавляет весь парадигматический ряд.

В исследованиях отечественных лингвистов выделяются следующие признаки исходной, или базисной структуры:

- 1) в ней реализованы все обязательные содержательные валентности (по этому признаку все конструкции равны);

- 2) в ней каждому актанту соответствует в реальной ситуации свой референт (по этому признаку возвратная конструкция не может быть базисной структурой);
- 3) в ней иерархия грамматических единиц соответствует иерархии семантических актантов, то есть подлежащее соответствует субъекту, а дополнение — объекту (этот признак исключает из базисных все пассивные конструкции) (Алисова Т.Б., 1971, с.42, 56; Гак В.Г., 1969; Храковский В.С., 1974, с.12);
- 4) в базисной структуре информация выражена эксплицитно и самым экономным способом (Ковалева Л.М., 1981; 1987).

После проверки по первым трем критериям в списке остаются четыре конструкции (1-4): простое предложение с предметным именем, предложения с инфинитивом и причастием и сложноподчиненное предложение. Какая же из них передает семантическую структуру «определенный Субъект восприятия, определенный событийный Объект восприятия¹» самым экономным способом и без потери информации?

Очевидно, что предложение с предметным именем в позиции дополнения недостаточно информативно, потому что из предложения *The hunter heard the beast* нельзя узнать, что именно слышал охотник: рев, визг, лай зверя, его приближающиеся или удаляющиеся шаги и т.д.

Менее очевидно, однако, что сложноподчиненное предложение также не может быть базисной структурой, потому что, хотя в нем отражена полная информация о событии, эта конструкция неэкономна. В ней сообщается ненужная, избыточная информация о времени воспринимаемого события — оно же по природе вещей всегда одновременно с восприятием. Вероятно, поэтому сложноподчиненное с этим глаголом не так уж часто встречается.

Базисными структурами в этом ряду будут предложения с инфинитивными и причастными оборотами: *The hunter heard the*

¹ В дальнейшем в целях краткости изложения термины Субъект, Объект и другие будут употребляться без определений для репрезентации именно первичной семантической структуры с определенными актантами.

beast growl/growling. Они экономно передают точную информацию о двух одновременных событиях — восприятии и воспринимаемом событии. Предложение с предметным именем (N_1) является по сравнению с этими конструкциями ущербным, редуцированным, а сложноподчиненное — избыточным за счет наличия в нем временных форм глагола придаточного предложения. То, что именно предложения с вторично-предикатными оборотами занимают центральное место в данном парадигматическом ряду, подтверждается и их частотностью — они намного употребительнее сложноподчиненных предложений, если в них глагол сохраняет значение физического восприятия.

Базисная структура, в отличие от ядерного предложения, которое выделяется на основе синтаксического минимума, выделяется на основе и семантических, и структурных критериев — в нем валентностно-актантная схема предложения находит свое полное и достаточно экономное формальное выражение. Поэтому ядерных предложений мало, и они совпадают у конструкций с разными глаголами (NVN будет ядерным предложением и для глаголов физического действия, и для глаголов восприятия). Более того, они совпадают и в разных языках. В базисных же структурах отражена семантика глагола, и поэтому, во-первых, они различаются у разных групп глаголов, а во-вторых, они разнятся от языка к языку (базисные структуры у глаголов восприятия в русском и английском не совпадают, а ядерные предложения совпадают). Кроме того, ядерное предложение всегда простое, для базисного это требование снимается, так как определяющим является семантика глагола.

То, что во главе парадигматического ряда предложений стоит осложненное предложение, противоречит и традиционному, и трансформационному подходу к предложению, но соответствует семантическому. Традиционная грамматика считала, что исходным является член предложения, выраженный словом, а неличная форма глагола в таком предложении выполняет функцию второго, квалифицирующего дополнения. При этом значение предложения расширяется. Трансформационная грамматика считает, что предложение типа *The hunter heard the beast growl/growling* порождается из двух предложений: *The hunter heard the beast + The beast growled/was growling*. О психологической достоверности такого процесса у

науки нет никаких данных, в истории языка такого процесса также не было. Это лишь одна из теоретических моделей порождения этого предложения. Отнесение же этой конструкции к исходной, базисной структуре предполагает, что вторично-предикативные обороты с инфинитивами, причастиями (и, вероятно, с герундиями) специально существуют в языке, чтобы обозначать событие, не уточняя его видо-временных и модальных параметров в тех случаях, когда язык в этом уточнении почему-либо не нуждается.

2. Парадигма предложений с глаголами желания, намерения, памяти, оценки, обвинения, благодарения и др.

В английском языке существуют и другие глаголы, для которых базисной структурой являются конструкции с вторично-предикативными оборотами.

Так, глаголы желания *to wish*, *to want*, *to desire* организуют конструкции с семантической структурой «Субъект желания, (событийный) Объект желания», которая может выражаться в конструкциях с предметным именем, вторично-предикативным оборотом или придаточным предложением в позиции дополнения. Однако первая конструкция недостаточно информативна (*John wants a horse*), последняя (сложноподчиненное предложение) была бы избыточной для обозначения реального желания, которое всегда относится к будущему, и поэтому в этом значении не употребляется. Для выражения реального желания употребляется конструкция с инфинитивом: *John wants Mary to come*. Она и является базисной структурой — достаточно эксплицитной, экономной и самой частотной.

Таким же образом можно выделить базисные структуры для предложений с глаголами намерения, памяти, обвинения и др.

Выше было установлено, что базисной структурой, в которой первичная семантическая структура находит свою первичную форму выражения (первичную конструкцию), могут быть предложения с вторично-предикативными оборотами, если временные параметры обозначенного в этом обороте события предсказываются семантикой главного глагола. Возникает вопрос, не связано ли наличие в английской грамматике большого количества инфинитивных, герундиальных и причастных оборотов с тем, что некоторые глаголы

предсказывают время и, возможно, модальность события, обозначенного в зависимой части предложения, и это обстоятельство делает ненужным, избыточным специальное выражение времени в видо-временных формах, а модальности — в формах сослагательного наклонения, то есть избыточной становится сама форма придаточного предложения. Исследования последних десятилетий позволяют ответить на этот вопрос утвердительно.

Во-первых, *существуют глаголы, семантика которых предопределяет отношения одновременности между событиями, обозначенными главным и зависимым глаголом.* Они употребляются с вторично-предикативными оборотами и избегают придаточных предложений. Это: а) фазисные глаголы: to begin, to go on, to stop и др.; б) глаголы попытки: to try, to attempt, to manage, to avoid, to fail и др.; в) глаголы благоприятствования: to help, to assist, to aid и др.; г) глаголы физического восприятия: to see, to hear, to feel, to notice и др.

Отношения одновременности между событиями главного и придаточного глагола весьма неоднородны и зависят от семантической полноты главного глагола. Например, абсолютная одновременность существуют между событиями, обозначенными главными глаголами попытки и фазисными, с одной стороны, и любыми зависимыми от них глаголами, с другой стороны, потому что ни фазисные глаголы, ни глаголы попытки сами по себе не обозначают самостоятельного действия или процесса: He began to swim значит He was swimming, а I did manage to write (Murdoch) значит I have written.

Предложения с глаголами благоприятствования обозначают два события, которые различным образом совпадают во времени: John helped Bill build the house значит, что в то время, когда Билл строил дом, Джон тоже участвовал в строительстве, но Джон мог помогать время от времени, а может быть, с самого начала и до конца. Однако такие признаки должны быть уточнены в предложении специальными обстоятельствами.

Отношение одновременности по природе вещей существует между двумя достаточно самостоятельными событиями — восприятием и воспринимаемым действием, процессом, качеством и т.д. Употребление после глаголов восприятия вторично-предикативных оборотов в ряде индоевропейских языков как раз и зависит от того,

что оба события по времени совпадают и придаточное предложение оказывается избыточным.

По идее, в тех случаях, когда между событиями главного и зависимого глагола могут существовать отношения предшествования и одновременности, должно всегда реализоваться четкое формальное противопоставление перфектной формы ЗГ его неперфектной форме. Это мы обнаруживаем в конструкциях с глаголами раскаивания, извинения, упрека, благодарения, которые обозначают отношение субъекта как к предшествующим, так и к совпадающим по времени событиям. Перфектные формы (1) зависимого глагола противопоставляются неперфектным (2):

1. I'm sorry to *have involved* you both (Murdoch).

I now regretted *having let* him accompany me (Murdoch).

And I won't forgive you either for *having seen* me like this
(Murdoch).

He reproached me bitterly for not *having let* him know
(Murdoch).

2. Forgive me for *talking* so stupidly (Maugham).

Michelangelo apologized for *intruding* (Stone).

He reproached his nephew for not *sending* the details of
Giovanisimone's illness (Stone).

В этих противопоставлениях немаркированной формой, более широкой по семантике, оказывается неперфектная форма, способная употребляться для обозначения предшествующего события. Причем в некоторых случаях происходит нейтрализация противопоставления, как, например, в Thanks for coming (Murdoch). Предложение I'm sorry to give you so much trouble (Murdoch) вне контекста двузначно: в нем может описываться одновременность двух событий или предшествование одного события другому. В большинстве же случаев предшествование действия зависимого глагола каким-то образом сигнализируется в самом предложении. Ср.: I could never forgive him for humiliating my father *at the time of Priscilla's operation* (Murdoch).

В предложениях с глаголами обвинения (to blame, to accuse) событие зависимого глагола, предшествующее по времени событию главного глагола, согласно правилам нормативной грамматики,

обозначается перфектным герундием: He accused me of having sat about in the open air in a draught (Christie), причем событие ЗГ предшествует событию ГГ, но не обязательно заканчивается до наступления последнего. Так, предложение Evelin was to sign an affidavit accusing Stanford White of beating her (Doctorow) можно понимать как: 1) Эвелин подписала заявление, обвинив Стенфорда Уайта в том, что он (до этого) побил ее, и 2) Эвелин подписала заявление, обвинив Стенфорда Уайта в том, что он ее бьет (то есть уже совершил и продолжает совершать акты насилия). В любом случае предполагается, что события, обозначенные ЗГ, хотя бы отчасти предшествовали событию ГГ. Вероятно, поэтому перфектный герундий очень редко употребляется после глаголов обвинения, для обозначения предшествования при глаголах обвинения достаточно неперфектных форм.

То же самое можно сказать о глаголах памяти: перфектный герундий очень редок, для обозначения предшествования вспоминаемого события достаточно неперфектного герундия, семантика глаголов памяти (to forget, to remember, to recall) предсказывает, что вспоминаемое событие было раньше, чем о нем вспоминали: John remembered meeting her once. Перфектная же форма герундия употребляется для обозначения «давно прошедшего» предшествования: He remembered having seen an ad (Malamud) — Он вспомнил, что *когда-то* видел объявление.

Некоторые глаголы предсказывают, что событие ЗГ следует за событием, обозначенным ГГ, это: а) глаголы желания (to wish, to want, to long, to desire); б) глаголы намерения, принятия решения (to decide, to determine, to intend, to resolve, to make up one's mind); в) глаголы вербальной каузации, то есть просьбы, приказания и т.д. (to ask, to order, to pray, to forbid, to demand, to beg). Все они широко употребляются в конструкциях с инфинитивами, и эти конструкции являются базисными, первичными для них:

- а) He's longing to meet you (Murdoch); He wished me to be present (Maugham).
- б) She's determined to see you (Murdoch); ...I had intended to write a long analysis of my own... This I have decided to omit (Murdoch).

с) I prayed everyday for that man to die (Murdoch); She demanded to be sent home (Doctorow); I beg you to forgive me (Maugham).

Если принять предложения с вторично-предикативными оборотами за первичные для глаголов определенной семантики, то они возглавят ряды конструкций с реализованными семантическими валентностями. В таком случае следует определить статус сложноподчиненных предложений и предложений с дополнением, выраженным предметным именем, в иерархии конструкций с определенной семантикой.

Что касается *сложноподчиненных предложений* с вышеприведенными глаголами, то о них можно сказать следующее:

Во-первых, некоторые глаголы (например, глаголы намерения, фазисные глаголы, глаголы попытки) с придаточными предложениями не употребляются вообще.

Во-вторых, употребление придаточных предложений может быть ограничено. Так, после глаголов принятия решения в придаточном предложении должно быть только будущее время или будущее в прошедшем: John decided that he would be a painter. После глаголов желания придаточное предложение употребляется для выражения гипотетического желания: I wish I were there.

В-третьих, при употреблении рассматриваемых глаголов с придаточными предложениями в них часто происходит семантический сдвиг, и они сближаются с глаголами мыслительной деятельности. Так, предложение He decided that he was a painter не равнозначно с He decided to be a painter. Предложение I heard he knocked down Miss Cohen (Lee) не равнозначно I heard him knocking down Miss Cohen — в последнем обозначается процесс восприятия события (слышны крики, удар, падение тяжелого предмета), в первом глагол hear значит 'узнать, услышав сообщение'. Изменения в семантике главного глагола особенно четко заметны в сложноподчиненных предложениях с глаголами восприятия, которые сближаются: а) с глаголами понимания: I don't see how a little money could spoil anything (Steinbeck); He felt that he ought to be their protector (Bulwer); б) с глаголами знания, узнавания: I'll see if it is possible to do anything about the water today (Shute); Have you heard how things are in Southampton today? (Shute).

Предложения с различными значениями глагола являются членами различных парадигматических и трансформационных рядов. Именно поэтому предложения с вторично-предикативным оборотом и придаточным предложением иногда не трансформируются друг в друга без изменения значения.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что для определенной части глаголов сложноподчиненное предложение является вторичной конструкцией.

Предложения, в которых в позиции предикатного актанта стоит предметное имя, также являются вторичными, так как являются недостаточно информативными. Заняв место события, оно должно интерпретироваться событийно, и это подтверждается некоторыми формальными особенностями, например, употребление местоимения *it*, а не *them* в следующем предложении: *John wants some horses, but his mother won't allow it/*them* (McCawley, 1976). Поэтому *John and Mary want a boy* = *John and Mary want to have a boy*; *John heard the bell* = *John heard the bell ring(ing)*. В американской лингвистике такие члены предложения трактуются как сокращенные предложения (З.Вендлер), их аббревиатуры (Г.Ли) или остатки (Р.Бинник). Они зависят от контекста, так как только в нем становятся достаточно информативными и понятными.

3. Парадигма предложений с глаголами мыслительной деятельности

Конструкции с глаголами мыслительной деятельности (*to think, to believe, to know, to find out, to learn, to guess* и др.) имеют семантическую структуру «Субъект мыслительной деятельности, (событийный) Объект мыслительной деятельности», причем этот Объект содержательно является суждением. Поскольку по природе вещей глагол мыслительной деятельности не предсказывает темпоральные и модальные признаки события, о котором мыслят, после такого глагола в позиции предикатного актанта должна быть употреблена синтаксическая форма, в которой будут не только поименованы участники события, но и обозначены его время и модальность. Такой формой является (придаточное) предложение: *He knew that he was lost, and in making the discovery knew he had in fact been lost for a long time* (Murdoch).

Объектно-предикативные члены являются вторичными для объектов мыслительной деятельности, потому что возможности выражения в них модальности невелики: в них нет форм сослагательного наклонения, они не могут отнести содержание объекта мыслительной деятельности в план будущего. Выражение видо-временных отношений в них тоже ограничено. Так, при глаголах мышления, предположения, знания объектно-предикативные члены с неперфектным инфинитивом обозначают:

1) события, одновременные с процессом мышления. В таком случае они синонимичны с придаточным предложением и могут употребляться параллельно, например: *He might have guessed from Michael's odd manner that something was up; but there was no reason why he should guess it to be something as remarkable as that* (Murdoch);

2) события, лишенные четкой временной отнесенности из-за своего обобщенного характера: *She already knew him to be a widower* (MESS).

Если объектом мыслительной деятельности было предшествующее событие, то употребляется перфектный инфинитив, но такие предложения сравнительно редки: *He considers the right moment to have arrived* (Ek).

Абстрактные существительные в конструкциях с этими глаголами также являются результатом преобразований, то есть номинализациями, и семантически восходят к (придаточному) предложению: *You understand all my instructions about the packing?* (Murdoch); *She did not realize their significance* (Ashe); *I don't know my own strength* (MESS).

Предметные существительные в позиции прямого дополнения употребляются не со всеми глаголами (нет **I think Jane, *I consider Jane, *I believe Jane* в значении 'я полагаю...'). Но там, где они употребляются после глаголов мыслительной деятельности, они восходят к предложению и поэтому интерпретируются событийно. Иногда этому помогает обстоятельство времени, относящееся к имплицитному глаголу, которого нет в формальной структуре предложения: *In this way and others we got some beautiful China, some of it even perfect. I remember a Sèvres clock once, pink-rushed with angels* (Lee L.) = *I remember we got once a Sèvres clock...*

Иногда событийный характер актанта, выраженного предметным именем, становится ясным из контекста. Так, предложение *I just couldn't understand the road (Ashe)* можно интерпретировать как 'Я просто не мог понять, что случилось с дорогой'. Опущенный инфинитив часто восстанавливается из контекста: *She had forgotten the bedroom shutters; he got up and began closing them (Grau) = She had forgotten to close the bedroom shutters...*

Особо следует сказать об актантах с предлогами *of* и *about* после глаголов мыслительной деятельности: *John thought about this book* (предметное имя); *John thought about war* (абстрактное имя). Это имя является, так сказать, «остатком» суждения. По нему мы узнаем только «тему» мыслительной деятельности, например: *No man really knows about other human beings (Steinbeck)*; *William forgot about her again (Grau)*. Эти конструкции вторичны уже из-за недостаточной своей информативности.

Во вторичных конструкциях с глаголами мыслительной деятельности возможны сдвиги в семантике глагола. Так, глаголы мышления превращаются в конструкциях с инфинитивом в глаголы намерения, желания: *She had thought to be its master and make it her plaything (Murdoch)*; «*He did not have any children of his own*», *she thought to add (SAS)*; *I mean you to go (Hornby)*.

4. Парадигма предложений с глаголами речи

Первичной семантической структурой предложения с глаголом речи является «Автор, Адресат, Речь». Соответственно первичной конструкцией для выражения этого содержания, то есть базисной структурой для глаголов речи, являются конструкции с прямой речью, все остальные конструкции вторичны, так как в них теряется информация об интонации прямой речи, а, следовательно, очень часто и информация о коммуникативном намерении говорящего. Высказывание *Mary asked, «Oh Tom, darling, do stay with me»* описывает эмоциональную просьбу Мери. При трансформации в предложение с вторично-предикативным оборотом глагол из речевого превращается в глагол вербальной каузации действия: *Mary asked Tom to stay with her*, эмоциональность прямой речи исчезает. Трансформация прямой речи в косвенную при помощи сложноподчиненного предложения также ведет к потере и искажению инфор-

мимики об особенностях речевого акта, ср.: *Mary said that Tom should stay with her.*

В конструкции «N_{лицо} VN_{предмет}» эти глаголы не употребляются вообще. В позиции прямого дополнения может находиться только абстрактное имя, обозначающее речевое произведение (*He told us a story*) или нечто, что может быть представлено как таковое (*He declared his will*). Имена в позиции предложного дополнения, так же как и в конструкциях с предикатами мыслительной деятельности, обозначают лишь «тему» разговора: *He told me about his life.*

Предложения с прямой речью дают лингвисту богатый материал для исследования связей между синтаксической функцией глагола и его лексическим значением, потому что репрезентировать (вводить) прямую речь могут не только глаголы речи, но и такие глаголы, которые сами по себе не обозначают процесс говорения, а именно: фазисные глаголы («*Come here!*» he *began*); глаголы мимики («*The better the day the better the deed*», — the other *laughed* (London)); глаголы движения (*Mrs. Carlton turned to Jan: «That's a good omen for your X-ray»* (Cusack)); глаголы, характеризующие манеры говорения путем сравнения с механическими действиями или через сходство с криками животных («*Get me hot water and cold water*», he *threw out to the nurse* (Cronin); «*Lead me to that man!*» he *barked* (Gulik)), всего около 300 глаголов (Хисматулина А.М., 1975).

В таком случае репрезентирующие компоненты являются реализацией одной и той же семантической структуры:

1. *Mrs. Carlton turned to Jan and said: «That's a good omen».*
2. *Mrs. Carlton said turning to Jan: «That's a good omen».*
3. *Mrs. Carlton turned to Jan saying: «That's a good omen».*
4. *Mrs. Carlton turned to Jan: «That's a good omen»* (Cusack).

При этом в четвертом предложении при отсутствии специального глагола речи сема речи присутствует, ее существование поддерживается всей синтаксической структурой конструкции с прямой речью и интонацией.

Спрашивается, становятся ли неречевые репрезентирующие глаголы речевыми в конструкциях с прямой речью или они сохраняют только свое первичное значение?

Исследование А.М.Хисматулиной показало, что в одних случаях эти глаголы в данной конструкции действительно могут приобретать речевое значение (проявление динамики в синхронии), и это доказывается возможностью трансформации прямой речи в косвенную без добавления собственно речевого глагола.

Дело в том, что семантические структуры прямой и косвенной речи совпадают, но косвенная речь не имеет формальных признаков, которые присущи конструкциям с прямой речью (особая интонация в устной речи и кавычки в письменной, а также некоторые лексические особенности). Поэтому для сохранения семы речи в формальной структуре косвенной речи обязательно должен присутствовать специальный элемент. Таким элементом может быть только глагол, содержащий в своей семантике сему речи. Вышеприведенные репрезентирующие глаголы по-разному ведут себя при трансформации прямой речи в косвенную. Например, в конструкциях с глаголами мимики и жеста в косвенной речи должен появиться глагол речи: He smiled, «I am sorry» • He *said* smiling (he smiled *saying*) that he was sorry. В предложениях с фазисными глаголами заметна двойственность: Bromwell was continuing: «We have all heard of your work» (Cronin) • Bromwell was continuing that they had all heard of my work; «Soams did very well», he ended (Galsworthy) • He ended *by saying* that Soams had done very well.

Однако способность самостоятельного введения косвенной речи у фазисных глаголов не свидетельствует о появлении у этих глаголов самостоятельного значения речи, они просто в силу своей семантики могут окказионально вбирать в себя значения рядом стоящего глагола.

Особый интерес представляют глаголы, характеризующие речь через сравнения с криками животных. Появление рядом с ними глагола речи недопустимо вообще. Ср.: «Lead me to that man!» he barked (Gulik); «Lead me to that man!» he *said and barked* (barked *saying*). Очевидно, речевое значение у этих глаголов принадлежит уже системе, но связано с определенной синтаксической функцией данного глагола (функция репрезентации прямой речи).

5. Парадигма предложений с глаголами физического действия. Каузативная и субъектно-объектная концепции английского предложения

В центре синтаксиса простого предложения всегда находилось простое распространенное предложение модели N_1VN_2 , которому посвящена огромная масса исследований. В современной лингвистике существует три концепции семантической организации предложения этого типа:

- 1) каузативное представление о семантике этой конструкции (английский грамматист М.А.К.Хэллидей; представители американской генеративной семантики; Г.Г.Сильницкий);
- 2) классическое представление о выражении в этом предложении субъектно-объектных отношений (американские лингвисты Ч.Филлмор, Б.Х.Парти, Г.Ли, Д.Круз и др.);
- 3) локалистическая концепция английского исследователя Дж.Андерсона, который видит в этой конструкции отношения источника и предела действий.

Теоретически этим трем концепциям должны были бы соответствовать три набора семантических актантов: 1) Каузатор/Инициатор действия — Субъект действия, процесса или состояния; 2) Субъект (Агенс) — Объект (Пациенс); 3) Источник — Цель. Однако чистота этих структур даже приблизительно не выдерживается в конкретных исследованиях из-за того, что в рамках одного каузативистского подхода рассматриваются в одних и тех же терминах предложения, обозначающие субъектно-объектные и причинно-следственные отношения. В результате наблюдается противоречие между традиционными наименованиями актантов — Агенс, Пациенс (Субъект) — и новым, причем недостаточно определенным, содержанием этих понятий. Эти термины стали приспособлять к каузативному описанию предложения. Если традиционно понятие Агенса относится к именной группе, которая соответствует репрезентации некоторой субстанции, *производящей процесс* (С.Карцевский), то в 60-70-е годы под Агенсом понимается «*возбудитель действия*» (Ч.Филмор), «*инициатор действия*» (Дж.Андерсон) и, наконец, *причина* события (Р.Кверк и др.). В результате Агенс становится не только предметным, но и предикатным актантом

(причина — всегда событие) и не отделяется от таких актантов, как Инициатор, Каузатор, Причина. Такая нечеткость в дефиниции Агенса в 70-х годах была связана с отсутствием четкого определения каузатива.

Следует иметь в виду, что каузальные (то есть причинно-следственные и причинно-результативные) отношения существуют только между событиями, поэтому первичные конструкции для их выражения образуются при помощи межсобытийных каузативных предикатов типа *cause*, например: *His absence from home ... had caused due concern (Doctorow)*; *Her arrival had caused a storm of consternation in the old artist (Doctorow)*.

Иногда одно из событий скрыто в семантике самого глагола. Например, предложение *John's behavior frightened his sister* можно считать каузативным потому, что оно обозначает два события: событие₁ (*John's behavior*) и событие₂ (*His sister was frightened*). Глагол *to frighten* содержит семы «(неопределенное) действие каузирующего Субъекта», «(психическое) состояние каузируемого Субъекта» и сема «каузация». Такая семантика каузативного глагола подтверждается способностью обстоятельств относиться к разным семам одного глагола. Так, в предложении *John frightened his sister very much on purpose* обстоятельство цели *on purpose* соотносится с неопределенными действиями каузирующего Субъекта (*John*), а обстоятельство образа действия *very much* — с состоянием каулируемого Субъекта (*his sister*). В предложении с некаузативным глаголом оба обстоятельства относятся к действиям одного лица, ср.: *John beat Paul very much on purpose*. Тест на подстановку имени события вместо имени лица в позиции подлежащего также покажет разницу между предложением с каузативным (1) и некаузативным (2) глаголом. Ср.:

1. a. *John frightened his sister*;
b. *John's behavior frightened his sister*;
2. a. *John pushed his sister*;
b. **John's behavior pushed his sister*.

Первое предложение допускает каузативное толкование, второе может интерпретироваться только как субъектно-объектное.

Таким образом, каузативное предложение всегда семантически сложно, в нем всегда обозначены (тем или другим способом) два события и каузальные отношения между ними.

Конструкция N_1VN_2 с предметными актантами с этими предикатами явно вторична, так как недостаточно информативна вне контекста, например: *It is brass ... Without doubt it 'as caused the bad fat* (Hailey); *John irritated Mary*.

Каузативная природа предложения четко проявляется именно в тех случаях, когда хотя бы один из актантов может быть предикатным, то есть быть номинализацией (событийным именем, вторично-предикативным оборотом или придаточным предложением).

В английском языке среди глаголов физического действия выделяется огромная группа собственно переходных глаголов, которые в своем первичном значении такого чередования «лицо — событие» в позиции подлежащего не допускают. Семантически это глаголы, четко обозначающие действие, но не обозначающие результата: глаголы удара, соприкосновения: *hit, push, touch* и т.д.; изготовления: *to make, to do* и т.д.; разрушения: *to murder, to smash, to crush* и т.д.; прикрепления предмета: *to tie, to fasten* и т.д.; перемещения предмета: *to bear, to bring*. Предложения с этими глаголами обозначают воздействие Субъекта (Агенса) на Объект (Пациенс), то есть имеют субъектно-объектную семантическую структуру: *John fastened the belt; He smashed the glass; John murdered Mary* и т.д. Они имеют обязательную семантическую валентность на Инструмент, которая может реализоваться или не реализоваться, сема «инструмент» может быть включена в значение глагола: *to spoon, to spade*.

С другой стороны, существует большая группа переходнo-непереходных глаголов типа *to break, to open, to move*. Они нечетко обозначают действие, но четко — его результат. Трудно описать действие разбивания или открывания, но результат его четко обозначен этими глаголами. Именно конструкциям с этим глаголом и приписывается в первую очередь каузативное значение. Их анализ вылился в мировой лингвистике в известный спор о предикатах *kill* и *cause to die* и предложениях с ними. Рассмотрим, по возможности кратко, суть этого спора.

В зарубежной лингвистике глаголы *kill vt* и *die vi* считаются супплетивами, то есть принадлежащими одной лексической единице. Поэтому они попадают в один ряд с переходно-непереходными глаголами типа *to move*, *to break* и образуют с ними общую модель отношений: *open vt : open vi = break vt : break vi = move vt : move vi = kill vt : die vi*. А поскольку первые члены этого отношения (*open vt*, *break vt*, *kill vt*) считаются каузативными, то их семантику можно представить в виде сочетания *cause to open (vi)*, *cause to break (vi)*, *cause to die (vi)*. Тогда семантические отношения между каузативными (*vt*) и непереходными глаголами можно представить следующим образом: *cause to open : open = cause to break : break = cause to die : die*. При этом то, что верно для одной пары отношений, будет верным для всего ряда. Если верно, что *kill = cause to die*, то, во-первых, все конструкции с глаголом *kill* каузативны, и во-вторых, каузативны все предложения N_1VN_2 с остальными переходно-непереходными глаголами.

Спор о каузативном или субъектно-объектном характере N_1VN_2 продолжался несколько лет, потому что языковой материал давал аргументы в пользу обеих интерпретаций.

Во-первых, встречаются предложения с орудийным дополнением, в которых подстановка события вместо лица невозможна и, следовательно, невозможна и трансформация в конструкцию с *cause to die*: *John killed Mary with a knife • John caused Mary to die with a knife*. Здесь событие описывается как одно действие Субъекта по отношению к Объекту, причем Субъект трактуется как совершивший физическое убийство, то есть как убийца. Предложение с *caused to die* допускает и другую интерпретацию.

Во-вторых, настоящее каузативное предложение с *cause to die* не трансформируется в предложение с *kill*, если нет пресуппозиции об акте убийства, ср.: *He was court-martialed for cowardice in the face of enemy ... and for causing the death of his own craft navigator (Hailey) ≠ He was court-martialed ... for killing his own craft navigator.*

Поскольку для субъектно-объектной интерпретации N_1VN_2 требуется контекст, семантическая структура «Субъект, Объект» («Агенса, Пациенса») является первичной для данной конструкции.

Однако в позиции подлежащего с глаголом *to kill* встречается имя события, что подтверждает каузативную семантику глагола и

всего предложения (трансформация в каузативное предложение возможна), например: *There is a possibility Stephany Falkner fired the shot that killed Casselman (Gardner)* • *There is a possibility Stephany Falkner fired the shot that caused Casselman to die.*

Здесь одно событие (the shot) является причиной другого события — смерти Кассельмана.

А может ли предложение обозначать два события, то есть быть каузативным, если в позиции подлежащего стоит лицо? В определенном контексте может. Анализ языкового употребления показывает, что событие может скрываться и за личностным (предметным) актантом. Например, в одной из новелл С.Мозма рассказывается о том, как, узнав об измене своей возлюбленной с Фредом, Эрик застрелился. Тяжело переживая его смерть, Фред говорит: «*I killed a chap*». В контексте оно означает: *I caused a chap to kill himself* • *I caused a chap to cause himself to die.*

В одном из детективов рассказывается о двух преступниках, которые погибли случайно во взорвавшемся автомобиле. Инспектора, который не предотвратил взрыв, упрекают: *Why did you let Parkin and Mason kill themselves? When you let them die, you killed two more witnesses (Ashe)*. Здесь конструкции *you let them kill themselves, you let them die, you killed them* явно синонимичны. Следовательно, конструкция N_1VN_2 в принципе может иметь и каузативное толкование, но для этого нужен контекст, значит, эта семантическая структура для нее вторична. Здесь нет симметрии между семантическими и синтаксическими единицами, вторых меньше, чем первых, личностное имя замещает событие. Это значение вторично, но оно существует. Причем очень важно подчеркнуть, что в каузативных конструкциях глагол *kill* обозначает два события:

1) сделать так, 2) чтобы X умер. Все каузативные глаголы обозначают два события, то есть являются двусобытийными.

Итак, мы установили, что конструкция N_1VN_2 с глаголом *kill* двузначна, её первичное значение — субъектно-объектное, а вторичное — каузативное. Поскольку отношения между *kill* и *die* изоморфны отношениям между переходными глаголами типа *open* и *move* и непереходными глаголами типа *open* и *move*, можно сформулировать общий вывод: конструкция N_1VN_2 с переходно-непереходными глаголами в английском языке двузначна.

Можно ли обнаружить каузативное значение, то есть двусобытийность глагола, в конструкциях с другими глаголами? Можно. Например, следующие предложения могут быть правильно поняты только, если мы разложим их переходные глаголы (1a, 2a) на два: каузативный и непереходный (1b, 2b):

1. a) I shall break Arundel as twigs break underfoot (David);
b) I shall make Arundel break as twigs break underfoot;
2. a) Your patient would be in a position to sue you for slander...
It would ruin you professionally (Gardner);
b) Your patient would be in a position to sue you for slander...
It would cause you to ruin professionally.

Переходные глаголы типа to open, to break, to move, to kill оказываются семантически двойственными: они могут обозначать и субъектно-объектные, и каузативные отношения. Наличие инструмента или его импликация сигнализируют о первом значении. В следующем примере эта двойственность проявляется четко:

And all men kill the thing they love,
By all let it be heard,
Some do it with a bitter look,
Some with a flattering word,
The coward does it with a kiss,
The brave man with a sword (Wilde).

Двузначность конструкции N_1VN_2 с переходно-непереходными глаголами позволяет объяснить некоторые неясные вопросы английской грамматики, поскольку в этом случае можно допустить существование у нее двух парадигматических рядов: с субъектно-объектным и с каузативным значением.

В первый ряд входят пассивная конструкция с to be и возвратная конструкция:

John killed Mary;
Mary was killed (by John);
John killed himself.

Ко второму ряду можно отнести пассивную конструкцию с to get и рефлексивные конструкции типа John cut himself shaving. Конструкция с get употребляется тогда, когда в ней не имплицитруется

одушевленный субъект: The boy got hurt on his way home, но: *The boy got given a violin by his father (Quirk R. et al., 1972). В семантике пассивной конструкции с *get* имплицитруется неопределенное Событие₁ (Причина), которое связано с Событием₂ (Следствием). Например, описываются непроходимые заросли колючего кустарника и добавляется: Remember Sam True's stallion that got all cut to hell last night (Gregory). Употребление *got cut* исключает неопределенного злоумышленника, порезавшего жеребца — жеребец порезался, попав в заросли колючего кустарника. Импликация Субъекта требует формы *c to be*: Tell him that I know it was his work that my horse was killed just now (ib.).

В романе Х.Ли «Убить пересмешника» мальчик, прыгая с крыши, говорит: If I got killed, what'd become of you? (Lee H.) Ситуация убийства или самоубийства исключается, смерть может быть только следствием неудачного прыжка мальчика.

В следующем диалоге адвокат (М) обсуждает с сыщиком (D) обстоятельства смерти Артмана Фарго, причем адвокат более осторожно формулирует вопрос *c to get*, так как у него нет доказательств насильственной смерти, а сыщик, уверенный в убийстве, употребляет конструкцию *c to be*:

M.: Tell me about Arthman...

D.: He's dead.

M.: Murdered?

D.: I think he was murdered.

M.: When did Arthman get killed?

D.: An hour and a half or two hours ago... If Arthman Fargo is dead, he was killed by Myrth (Gardner).

В противопоставлении John was killed : John got killed старая форма пассива *c to be* является более широкой по семантике и немаркированной по признаку «неопределенная причина (событие)», форма *c to get* маркирована по этому признаку и соотносится с каузативной конструкцией N_1VN_2 .

С каузативной N_1VN_2 можно связать рефлексивную конструкцию типа John hurt himself (when he fell down), в которой отсутствует значение возвратности действия вообще. Объяснить значение таких предложений можно лишь связав их с каузативной N_1VN_2 . Напри-

мер, в вышеупомянутом романе Х.Ли шериф, осматривая место ночной драки, говорит: *Bob Ewel fell on his knife. He killed himself... See there! Stabbed himself through that soft stuff between his ribs* (Lee H.). Ситуация исключает самоубийство и, следовательно, нельзя сказать, что здесь есть собственно рефлексивность, что действие Субъекта возвращается на Субъект же. Здесь нет ни Субъекта, ни Объекта действия как, впрочем, нет как таковых действий *killing* и *stabbing*. Никто этих действий не совершал, но в результате каких-то других событий (здесь: падения) произошло событие: *Bob Ewel killed himself. Bob Ewel stabbed himself*. Для предложений этого типа характерно употребление в составе более сложного целого, в котором есть указание на то, что лицо было участником, каких-то событий, что и явилось причиной события, обозначенного конструкцией с *oneself*. Например: *Your pa was always a great one for that little airplane, Mister Jack. But your ma hated it. Well, she thought he'd kill himself in it* (O'Connor); *He examined his hand to make sure he hadn't cut himself. He knew from experience that one can wound oneself quite seriously under water without noticing it* (Murdoch).

Актант в позиции подлежащего нельзя назвать ни Агенсом, ни Инициатором. Его можно было бы назвать Каузатором, если под последним понимать актанта, обозначающий лицо, действия или качества которого независимо от его воли являются причиной совершения других событий. Этот актант не имеет своей первичной позиции в N_1VN_2 , он здесь вторичен, для его обнаружения нужен контекст. Каузативное значение для рассматриваемой рефлексивной конструкции является вторичным, так как оно никак не вытекает из внутренней формы самой конструкции, между семантическими и синтаксическими единицами невозможно установить отношения прямой номинации.

6. Семантико-синтаксические категории модально-предикативного конституента предложения

Если в номинативно-пропозитивном конституенте отображается определенное событие, положение вещей («предметная ситуация»), то модально-предикативный конституент отражает то, что говорится о пропозиции, кем, когда, кому, с какой целью, в каких условиях («речевую ситуацию»).

К категориям модального конституента предложения относят прежде всего время и наклонение, которые традиционно изучались в морфологии. Однако практика изучения иностранного языка показывает, что для правильного употребления времен и наклонений недостаточно знать систему семантических признаков, по которым временные формы и формы наклонения противопоставлены друг другу, поскольку они, во-первых, проявляются только в предложении и, следовательно, зависят от его семантических и формальных особенностей, во-вторых, через предложение связаны со всем (кон)текстом и зависят от него, в-третьих, они связаны с лексическим наполнением предложения и, в первую очередь, с его глаголом.

В языкознании это было осознано уже давно, и в теоретических работах время и наклонение стали называть синтаксическими категориями (В.В.Виноградов), категориями модуса (Ш.Балли, Т.Б.Алисова) или модальности (Ч.Филмор). К сожалению, в практических грамматиках этот взгляд не нашел отражения, и они по-прежнему изучаются в морфологии.

Очевидно, что в конкретном предложении для обозначения реального времени используются не только видо-временные формы глагола — их слишком мало для обозначения огромного количества аспектов времени (time) в реальной действительности. Например, в газетной заметке об открытии второго фронта в 1944 году могла бы быть такая фраза: *At dawn on June 6 the first troop transports had already left England several hours earlier, some had even started the night before (EDSL)*. Здесь обстоятельство времени *at dawn on June 6* обозначает определенный период времени, и поэтому события, произошедшие до этого периода, обозначены формой *Past Perfect*. Временная разница между ними не может быть выражена глагольной формой, так как в английском нет формы «более прошедшей», чем *Past Perfect*, поэтому эта разница выражается уже при противопоставлении темпоральных обстоятельств *several hours earlier* для действий одного субъекта и *the night before* для другого. Причем видна разная роль всех трех темпоральных обстоятельств: первое (*at dawn on June 6*) является точкой отсчета времени для второго и третьего (*several hours earlier, the night before*), которые относятся только к событиям, связанным с определенным субъектом (*the first troop transports, some соответственно*) (EDSL, 1987).

Обратим внимание и на то, что в предложении временные формы каким-то образом взаимодействуют. Например, постановка друг за другом глагольных форм в Past Indefinite свидетельствует о том, что действия происходили в той же последовательности, в какой расположены глагольные формы: Came, saw and conquered. Если будет нарушен этот порядок, потребуется употребить и другие формы.

Осознание того факта, что в обозначении темпоральных, модальных и др. параметров предложения участвуют, наряду с морфологическими категориями, и другие (например, наречия, соположение времен и т.д.), привело к расцвету в отечественном языкознании идеи функционально-семантических полей, в которых вокруг одной (или более) морфологических категорий объединяются различные формы выражения тех же или близких им значений. Особенно известна в 80-х годах серия работ по русской грамматике ленинградских ученых под руководством А.В.Бондарко; можно также предвидеть повышенный интерес к данному аспекту и со стороны английских грамматистов.

Для нас же важно отметить, что в грамматике наступил момент терминологического противоречия: с одной стороны, есть собственно морфологические категории времени и наклонения, с другой стороны, постулируются синтаксические категории времени и наклонения, которые включают наряду с морфологическими категориями еще другие формы выражения временных и модальных значений. Очевидно, что они должны по-разному и называться. Точно так же появляется тенденция говорить о модальности в широком смысле, включая сюда не только глагольные формы наклонений, но и другие формы, выражающие отношения говорящего к действительности. Время может также оказаться лишь частью какой-то более широкой категории, например, темпоральности, а наклонение — частью модальности.

Таким образом, отнесение категории времени и наклонения к сфере синтаксиса неизбежно ведет к расширению этих категорий, что в конечном итоге должно привести к терминологическому размежеванию собственно морфологических и синтаксических категорий. Последние можно назвать семантико-синтаксическими категориями темпоральности и модальности соответственно.

а) Семантико-синтаксическая категория темпоральности

Отнесение категории времени (темпоральности) к синтаксису обострило внимание лингвистов, во-первых, к вопросу о других средствах выражения времени (например, лексических), во-вторых, к вопросу об относительном употреблении времен. Давно было замечено, например, что употребление в одном предложении Past Perfect и Past Indefinite сигнализирует о предшествовании одного события другому. Это нашло отражение в понятии относительных и абсолютных времен, а чаще — в понятии относительного и абсолютного *употребления* времен, ибо чисто относительных времен почти нет (к ним можно отнести Past Perfect и Future in the Past), употребляться же относительно могут все времена. Более того, это касается и отглагольных форм, не имеющих специальных временных форм. Еще в 30-е годы Р.Якобсоном была выделена грамматическая категория, которая «характеризует сообщаемый факт по отношению к другому факту и безотносительно к факту сообщения» (Якобсон Р., 1972, с.101). Например, отношение одновременности между событиями в предложении *Пятак падал к ногам, звеня и подпрыгивая*, сохраняется, даже если изменится время главного глагола, ср.: *Пятак падает к ногам, звеня и подпрыгивая*; *Пятак упадет к ногам, звеня и подпрыгивая*. Эта категория называется таксисом и проявляется только в полипредикативной конструкции, то есть в предложении с несколькими предикативными единицами.

Реальное же время при этом будет передаваться временем главного глагола, с которым может совпадать время действия зависимого глагола. Так, в предложениях I am glad to meet you (Dreiser); I was glad to see Mr. Paul (Bronte); Mr. Forsyte will be very glad to see you (Galsworthy) инфинитивные обороты to meet you, to see Mr. Paul, to see you представляют ситуации, одновременные ситуациям, обозначенным предикатами am glad, was glad, will be very glad, то есть событие, обозначенное инфинитивом с зависимыми от него словами to meet you относится к плану настоящего, to see Mr. Paul — к плану прошедшего, to see you — к плану будущего.

Таким образом, в полипредикативных образованиях имеется два ряда темпоральных признаков:

- 1) признаки собственно временного плана (настоящее, прошедшее и будущее по отношению к времени высказывания);
- 2) таксисные отношения между событиями главного и зависимого глагола (одновременность, следование, предшествование).

Распространенность термина «таксис» в последние десять лет (Маслов Ю.С., Бондарко А.В., Слюсарева Н.А. и др.) свидетельствует о том, что при семантическом подходе к категории времени это понятие позволяет каким-то образом отграничить собственно временную семантику от семантики одновременности, предшествования, следования событий, обозначенных в полипредикативных предложениях. Очевидно, что рассмотренные нами выше отношения между временем главного¹ и зависимого глагола в предложениях с глаголами восприятия (I saw him approach/approaching — одновременность), с глаголами намерения, желания (I want you to come — следование), памяти (I remember doing it — предшествование) могут быть отнесены именно к категории таксиса. А так как они нигде, кроме предложения, не находят своего выражения, эту категорию можно считать собственно синтаксической, то есть категорией предложения.

В предложениях с вторично-предикативными оборотами употребление разных форм инфинитивов, причастий, герундиев зависит от семантики главного глагола (На это указывали Р.Хадлстон, Л.М.Ковалева и др.).

Если семантика главного глагола не предсказывает видо-временных параметров события, обозначенного зависимым глаголом, таксисные отношения должны быть выражены прежде всего при помощи видо-временных форм придаточного предложения и только во вторичной форме — при помощи инфинитива, герундия или причастия. Если главный глагол подсказывает видо-временные параметры события зависимого глагола, использование сложных перфектных

¹ При этом главный глагол также обычно не является носителем абсолютного времени, так как предложение, как правило, входит в состав текста, а все предложения в тексте выражают относительное время, точкой отсчета для которого является единый временной план текста (Белашапкова, 1967, с.30).

форм во вторично-предикативных оборотах оказывается избыточным (см. выше), как избыточным оказывается употребление придаточных предложений после некоторых глаголов.

Как всякая грамматическая категория, таксис образует сложную систему оппозиций, которые еще не изучены лингвистами. Рассмотрим одно из таких противопоставлений в конструкциях с глаголами физического восприятия и попытаемся объяснить разницу между предложениями с инфинитивным и причастным оборотом.

При одновременности восприятия и воспринимаемого события теоретически возможны две ситуации: а) временные границы восприятия и воспринимаемого события совпадают (пять минут Мери пела, и пять минут Джон слушал ее); б) время восприятия короче времени воспринимаемого события (весь вечер Мери пела, и Джон, проходя мимо, слышал ее пение). Вот эта разница отражена в грамматике английского языка противопоставлением инфинитивного и причастного оборотов соответственно. Первая ситуация описывается предложением *John heard Mary sing*, вторая — *John heard Mary singing*. Прав Ф.Р.Палмер, который полагает, что предложение *I saw them cross the river* означает: «Я видел, как они достигли другого берега», а *I saw them crossing the river* значит: «Я не знаю (не видел), достигли ли они другого берега» (Палмер Ф.Р., 1965, с.170). З.Вендлер описывает эту разницу при помощи расширения контекста. Можно сказать: *I saw him dying, but I left before he died*, но нельзя — **I saw him die, but I left before he died* (Vendler Z., 1968, 170).

Глаголы *to see, to hear, to feel* как самые богатые по значению доминанты синонимического ряда образуют конструкции и с инфинитивом, и с причастием I. Остальные глаголы не обладают таким разнообразием конструкций.

Ближе всех к глаголу *to see* стоит глагол *to watch*, у которого в словаре отмечаются два значения: 'наблюдать' и 'видеть'. В первом случае он употребляется в конструкциях: а) с придаточными с *as*: *Gertrude Cooper watched the young man as he danced* (Lawrence), б) с инфинитивным оборотом: *She watched her sleep, and watched her wake and watched her cry* (Drabble). Во втором значении ('видеть') он становится синонимом глагола *to see* и употребляется как с инфинитивом, так и с причастием I: *I watched blacks dancing and tried to imitate them* (Davidson).

С инфинитивом предпочитают употребляться такие глаголы продолженного восприятия, как *to observe*, хотя английские грамматики подчеркивают нетипичность такого употребления: *As it happened he had been standing on the quarter-deck observing Peary soundly scold one of the Esquimo men (Doctorow)*.

Глаголы направленного зрительного восприятия (*to stare, to look, to gaze*) и глаголы кратковременного зрительного восприятия (*to notice, to glimpse*) предпочитают причастный оборот, вероятно, потому, что признак кратковременности прямо указывает на более длительный временной период воспринимаемого события по сравнению с временем восприятия, а признак направленности восприятия также не сигнализирует о том, что субъект наблюдает процесс от начала до конца. Например: *She looked around her at the actors standing along the walls (Shaw I). She noticed them staring beyond her to dish of candy in the room (Cheever). Graig glimpsed Gail Mckinnon and Reynolds waiting to be served (Shaw I.)* (Сидинхе А.Л., 1991, Семантич. и прагм. аспекты, 1992).

Что касается отношений между видо-временными формами глагола внутри предложения, то в большинстве нормативных грамматик отмечается, что в английском сложноподчиненном предложении действует «согласование времен». Суть его заключается в том, что если в главном предложении действие обозначено формами настоящего или будущего, то глагол придаточного предложения может употребляться в любой форме. Иначе дело обстоит в том случае, когда глагол основного предложения стоит в прошедшем времени. Тогда в придаточном возможно употребление глагола-сказуемого только в одной из форм прошедшего времени. Одноплановость действий, их одновременность передаются формами одного временного плана; предшествование — перфектом прошедшего, ср.: *He said that he had found the key and opened the door*, намеренность действия к исполнению — формами зависимого будущего, ср.: *He said he would see the man next day* (Каушанская В.Л. и др., 1967; Ganshina M.A., Vasilevskaya N.M., 1954).

Некоторые авторы, однако, замечают, что правила согласования времен могут «соблюдаться» или «не соблюдаться», если этого требует соотношение действий, то есть, если существует разнопла-

новость действий во времени в главной и придаточной частях: He said that he looks for an increase in enrolment.

Некоторые исследователи даже высказывают точку зрения, что твердого правила «согласования времен» нет (например, Jespersen O., 1943).

Представляется, что понятие таксиса позволит точнее описать отношения между видо-временными формами личных глаголов главного и придаточного предложений.

В английской грамматике уже было предложено понятие синтаксической категории зависимого временного таксиса в сложноподчиненном предложении безотносительно к семантике его предикативных единиц (Матвеева Н.Н., 1984). Наши же исследования позволяют говорить о том, что в ряде случаев именно семантика главного глагола влияет на употребление тех или иных времен в придаточном предложении и даже на сам факт употребления придаточного предложения или вторично-предикативного оборота. Если учесть это, наши представления о так называемом «согласовании времен» в сложноподчиненном предложении значительно расширятся, и будут в отдельных случаях замечены какие-то семантические основания. Например, после глаголов восприятия употребление продолженных и индефинитных времен в придаточном предложении параллельно употреблению причастия и инфинитива: Then he noticed something *moving* and saw that a figure *was walking* along the path (Murdoch). Это значит, что там, где время восприятия равно времени воспринимаемого события, употребляется индефинитная временная форма, например: She watched as John *dressed* the baby. В этом употреблении чаще встречается глагол watch, но реже — see, например: She saw that his hands and head *shook* with a kind of tremor (Stone). Если же время воспринимаемого события больше времени восприятия, употребляется продолженное время: When I picked him up, I saw that his nose *was bleeding* (Cary); Tony saw that she *was wearing* no make up (Shaw I). Таким образом, соотношение английских временных форм в предложении отражает в определенной степени реальное соотношение временных параметров обозначенных ими событий и не является чисто формальным, как это представляется иногда грамматистам (Семантич. и прагм. аспекты, 1992).

б) Семантико-синтаксическая категория модальности

Выше мы писали, что модальность это одна из наиболее существенных характеристик предложения, которая традиционно, вслед за академиком В.В.Виноградовым, трактуется как категория, выражающая отношение высказывания к реальной действительности. Так, в предложении *He can lift this load* выражено модальное значение физической возможности. Иными словами, отношение данного высказывания к действительности определяется как предположение о возможности реализации действия, обозначенного глаголом-сказуемым *lift*. Когда мы рассматривали эту проблему, мы остановились только на категории наклонения английского глагола как одной из форм реализации модальности. Однако лингвистические исследования последних лет свидетельствуют о том, что понятие модальности¹ гораздо шире, чем традиционное представление о ней. Оно не сводится только к категории наклонения или к употреблению модальных слов и модальных глаголов в составе предложения.

Модальность как определенная категория характеризуется следующими признаками. Во-первых, она выражает отношение содержания высказывания к реальной действительности, во-вторых, отношение говорящего к содержанию высказывания, и, в-третьих, отношение субъекта высказывания к событию, обозначенному этим высказыванием. На основе двух первых признаков различают две модальности: объективную и субъективную. Рассмотрим их подробнее.

¹ Обратите внимание на то, что термин «модальность» используется в современной лингвистике по меньшей мере двузначно: у Ч.Филмора и др. модальность является синонимом модального конституента предложения и включает в себя вид, время, наклонение, отрицание. В этом значении в русском языкознании традиционно употребляется термин «синтаксическая категория предикативности», в которую входят более узкие категории — лица, времени, модальности (Виноградов В.В., 1954, с.14). Второе, более узкое значение термина «модальность», относится, таким образом, к одному из аспектов модально-предикативного конституента.

Назначение объективной модальности предложения состоит в том, чтобы передавать *отношение высказывания к действительности*. В ее основе лежит противопоставление предложений по принципу реальности / нереальности (ирреальности) обозначенного в них события, ср.: *We went home early in the evening (Dickens)*; *I wish we went home earlier (Du Maurier)*, где одна и та же глагольная форма *went* по-разному характеризует действия: в первом предложении — действие фактивное, имевшее место в реальной действительности в прошлом (модальность реальности), а во втором — действие нереальное, желательное, гипотетическое (модальность ирреальности). Основным грамматическим средством выражения данного модального значения является грамматическая категория наклонения. В первом предложении глагол употреблен в форме прошедшего индефинитного времени в изъявительном наклонении, во втором — глагол *go* обозначает гипотетическое нереальное событие формой сослагательного прошедшего (Сам термин скорее традиционен и не обязательно речь идет о событии в прошлом.) (Каушанская В.Л. и др., 1967, с.137). Совпадение двух форм чисто формальное (одна и та же форма *went* выражает разное отношение говорящего к действительности).

В отношении говорящего к содержанию высказывания выявляется иной аспект модальности: говорящий выражает свое мнение о необходимости, возможности, желательности, нежелательности, долженствовании обозначенного в предложении события. Так, если обратиться к предложениям *Perhaps, uncle Jolyon had a way with him*; *Certainly, uncle Jolyon had a way with him (Galsworthy)*; *Fortunately, uncle Jolyon had a way with him*, то становится очевидным, что в плане отношения содержания высказывания к действительности они однозначны. Разница между ними содержится не в объективной модальности, а в субъективности способов ее выражения: использованные говорящим модальные слова выражают его отношение к содержанию высказывания. *Perhaps* передает неуверенность, предположение, *certainly* — абсолютную уверенность, *fortunately* — одобрительную желательность. Приведенные выше предложения могут быть противопоставлены предложениям с четко выраженной ирреальной модальностью: *I wish uncle Jolyon had a way with him*.

Эта разновидность категории модальности передается в предложении различными средствами: как лексическими, так и синтаксическими. К первым относятся вводные и модальные слова, модальные глаголы. Каково влияние последних на объективную модальность, выраженную формой глагола? Существуют две различные точки зрения. С одной стороны, утверждается, что субъективная модальность не меняет основного объективного модального значения предложения. Она взаимодействует с основной объективной модальностью, обогащая ее, ср.: *To occupy her mind, however, she agreed to help him.*

Другая точка зрения состоит в том, что слова с модальным значением определяют характер модальности всего предложения и видоизменяют основную (объективную) модальность предложения.

Вместе с тем следует заметить, что значения предположительности, уверенности (как, впрочем, и возможности, неуверенности, неодобрения и др.), передаваемые этими предложениями, суть модальные отношения и представляют собой особую разновидность категории модальности, выражающую отношения между действием и его субъектом. Этот тип отношений реализует внутрисинтаксические модальные отношения в отличие от внешнесинтаксических модальных отношений, передаваемых объективной и субъективной модальностью. Таким образом, в одном и том же высказывании существует как бы несколько уровней модальности.

Подход к предложению как к актуальной единице, как к части текста, где постоянно учитывается предшествующий контекст и отражается реальная ситуация, позволяет выявить новые аспекты этой сложной проблемы. При этом необходимо четко разграничивать предложения с семантически простой пропозицией и предложения семантически сложные, поскольку перспектива такого разграничения создает предпосылку для более глубокого проникновения в сущность модального компонента предложения.

В отношении предложений с предметными актантами и межпредметными предикатами, построенных на базе семантически простой пропозиции, проблема взаимодействия их пропозиционного и модального компонентов решается довольно четко. Введение модального компонента в семантически простую пропозицию не меняет характера ее предикатно-аргументных отношений — утвердитель-

ная или отрицательная модальность таких высказываний, введение модальных фазисных глаголов, изменение времени и наклонения главного глагола оставляют нетронутым характер предикатно-аргументного отношения.

Дело обстоит несколько иначе, когда мы переходим к рассмотрению семантики сложной пропозиции, представленной главным глаголом и предикатными актантами. Ср. следующие предложения: *Marian's sense of loyalty to her employers prevented her from admitting that she was disappointed (Murdoch)*; *The mere danger gave me a sense of delight (Wilde)*; *Success in education will bring the greatest rewards (M.St.)*; *Neither of your children are clever and you've already caused them both enough unhappiness by pretending that they are (Murdoch)*, где главные глаголы *prevented*, *gave*, *will bring*, *have caused* представляют отношения, соединяющие между собой названия событий (*sense of loyalty* и *admitting that*, *the mere danger* и *sense of delight*, *success in education* и *the greatest rewards*, etc.). Общее значение связи событий во времени (таксисные отношения) предполагает их временную соотнесенность. Эта временная модальность может выводиться из семантики самого предиката. Кроме того, межсобытийный предикат, указывая на временную соотнесенность событий, может манифестировать логический характер связи между событиями. Например, из валентностно-актантной схемы «событие₁ — cause — событие₂» можно извлечь следующую информацию: 1) событие₁ есть причина события₂; 2) событие₁ предшествует во времени событию₂; 3) оба события, поскольку они связаны причинно-следственными отношениями, являются осуществленными. В валентностно-актантной схеме «событие₁ — prevent — событие₂» предикат *prevent* также устанавливает причинно-следственные отношения между событиями, характеризуя событие₁ как реализованное, и сообщает отрицательную модальность (нереализованность) событию₂.

Модальная характеристика предложения связана с семантикой главного глагола и по признакам модальности возможно противопоставление конструкций с различными вторично-предикативными оборотами. Примером может служить употребление герундиальных и инфинитивных оборотов после предикатов страха *to fear*, *to be afraid*, *to be frightened* и т.д. В предложении с инфинитивным

оборотом между событиями существуют причинно-следственные отношения: событие, обозначенное инфинитивом, не было осуществлено из-за страха. Признак у инфинитива — «модальность нереализованности», ср.: He was afraid *to look* into her eyes, so he looked at the cook = He didn't look into her eyes because he was afraid.

Герундий в конструкциях с предикатами страха обозначает нежелательное событие, которое может произойти с большей или меньшей степенью вероятности. Причинно-следственных отношений нет. Ср.: He was afraid *of annoying* her = He thought that he might annoy her. У события, обозначенного герундием, есть признак «модальность нежелательности». При этом и сами глаголы страха меняют свое значение. В первом случае (с инфинитивом) они обозначают именно состояние страха: He was afraid *to do* it = He didn't do it because he was afraid. Во втором случае они сближаются с глаголами мыслительной деятельности и приобретают значение «считать вероятным, ожидать, что случится что-то неприятное»: He doesn't come to the hospital because he's afraid *of meeting* you and he thinks you'd cut him (Семенова Т.И., 1988).

Приведенные примеры подтверждают, что на уровне сложной пропозиции уже в самом предикатно-аргументном отношении заложены определенные модальные характеристики будущего высказывания, что позволяет говорить об особом рода модальности, характерной для уровня сложной пропозиции с предикатными актантами и отсутствующей на уровне простой пропозиции. Для семантически сложной пропозиции такая модальность является ее неотъемлемой частью. Она внутренне присуща ей и может быть определена как *пропозициональная модальность*. Семантически сложную пропозицию можно характеризовать как модально-осложненную пропозицию. В таком случае следует разграничивать внутренне присущую пропозиции модальность (то есть пропозициональную модальность) и модальность, о которой говорилось выше: различное грамматическое оформление предиката (наклонение, время, отрицание), введение модальных, фазисных глаголов, дополнительных лексико-модальных единиц. Последняя переводит пропозицию в план актуального высказывания и может быть определена как *актуализирующая модальность* (то есть субъективная и объективная модальности — суть актуализирующие модальности). Она накладывается

и на семантически простую и на семантически сложную пропозицию (Арутюнова Н.Д., 1976; Дюндик Л.Г., 1979).

Актуализирующая модальность распадается на несколько видов: оценочная (или аксиологическая), модальность желательности, необходимости, отрицательности и т.д.

Так, оценочная модальность на уровне сложной пропозиции устанавливает отношения между двумя мирами: миром субъекта речи (говорящего) и миром его активной деятельности или миром субъекта (говорящего) и миром другого лица, осуществляющего действие, выраженное предикатным актантом в форме, например, инфинитива. Выделяются следующие типы оценок:

а) эмоциональная оценка действия, выраженного инфинитивом, передается семантикой таких предикатов, как *to be lucky, happy, glad, sad, furious, pleasant, awful, glorious, horrible*. Ср.: *It was horrible to be shut up with a dead body and to have no one to speak to (Christie)*;

б) морально-этическая оценка передается семантикой таких предикатов, как *to be good, kind, nice, shameful, sinful*. Ср.: *It is very nice to see such devotion between brother and sister (Christie)*. Специфика данных предикатов состоит в том, что они указывают на отношение к некоторому нравственному идеалу, а не к установленному обществом правилу;

в) модальная оценка возможности/невозможности передается семантикой предикатов, в значении которых выделяются такие модальные характеристики, как возможность/невозможность: *possible — impossible — that can be done*. Ср.: *It is possible for the railway to be improved (Leech)*; вероятность/невероятность: *probable — improbable*; полезность/бесполезность: *useful — useless*;

г) интеллектуальная оценка действия, выраженного инфинитивом. Поскольку значение собственно оценки в семантике таких прилагательных, как *wise, hot, easy, difficult, hard* и т.п. отсутствует, то оценка выявляется на уровне всего предложения при взаимодействии всех его компонентов и может вызвать у говорящего или слушающего положительные эмоции. Ср.: *...it was easy, to believe that the previous occupant had been male (Arsher)*; или отрицательные, обусловленные чувством досады или недоумения, ср.: *...it is unbelievably difficult to convince some people that they are in grave danger (Christie)*.

Модальность отрицательности может быть двоякого плана: на уровне простой пропозиции, основывающаяся на оппозиции утвердительной/отрицательной форм высказывания. Здесь высказываются разные точки зрения. Согласно первой из них, соотношение утверждения/отрицания может быть включено в систему модальности, поскольку оно несет в себе одно из основных свойств модальности — оценку реальности действия. Суть другой точки зрения заключается в том, что предложения *I told him about it — I did not tell him about it* различаются именно по содержанию выражаемых в предложении отношений объективной действительности, а не по оценке реальности этих содержаний, исходя из которой они совершенно идентичны, так как в них утверждаются два разных факта, причем реальных.

Выбор инфинитивного, герундиального или причастного оборота зависит, конечно, от главного глагола: одни употребляются с инфинитивом, другие — с герундием, третьи — с причастием. Но почему? Английские грамматисты давно бьются над этим вопросом, пытаясь вывести одно-единственное общее правило. Например, говорят, что инфинитивные обороты не употребляются для выражения предшествования, а чаще — для выражения последующего действия, поскольку его исконным значением было выражение цели, то есть чего-то неосуществленного. Однако, во-первых, инфинитив широко употребляется для обозначения одновременности с глаголами восприятия и мыслительной деятельности, а во-вторых, и герундий, как мы видели, сам часто употребляется для обозначения предшествования с глаголами памяти.

Далее, считают, что герундий употребляется в утверждениях общего характера, а инфинитив выражает конкретное событие. Однако это тоже не общее правило: *John accused Tom of stealing his money*. Это весьма конкретное событие, в то же время инфинитив после глаголов обучения всегда обозначает обобщенное умение: *John taught Tom to read*, где *to read* значит 'чтение вообще'.

Болинджер считает, что герундий обозначает осуществляемое действие, а инфинитив — потенциальное. З.Вендлер видит здесь противопоставление индикативности сослагательности. Однако все разнообразие их употребления никак не удается подвести под одно правило.

Представляется, что некоторые глаголы используют имеющиеся в языке формы инфинитива и герундия для обозначения каких-то признаков, важных для конструкций именно с данными глаголами. Поэтому установка на поиск одного-единственного правила, объясняющего употребление герундия и инфинитива, бесплодна. Здесь действует фактор так называемой скрытой грамматики. Под последней понимается такое явление, когда в значениях слов и в синтаксических связях слов «запрятаны» какие-то семантические признаки, которые влияют на грамматическое значение формы. С.Д.Кацнельсон, который ввел понятие скрытой грамматики в лингвистику, приводил такой пример. Никому не придет в голову одинаково понимать предложения: *Стол накрыт скатертью* и *Стол накрыт официантом*. Ясно, что в первом — инструментальное (чем накрыт стол), а во втором — агентивное (кем накрыт стол). И это видно просто из того факта, что в первом предложении употреблен Творительный падеж имени *неодушевленного*, во втором — Творительный падеж *одушевленного* имени.

В конструкциях с вторично-предикативными оборотами мы имеем то же самое: лексическое значение каждого глагола вступает во взаимодействие с грамматическими средствами выражения и формирует значения этих средств выражения, то есть герундия, инфинитива и причастия. После одних глаголов они употребляются для выражения модальных значений, после других — для выражения таксисных отношений. Это значит, что там, где после глагола возможны две формы (инфинитив и герундий), они каждый раз образуют особое противопоставление (которое можно понять, изучая именно этот глагол и его предложения).

§ 3. Корпус базисных структур английского предложения

Базисными структурами в английском языке оказались: 1) простое предложение для глаголов физического действия; 2) предложение с вторично-предикативными (инфинитивными, герундиальными и причастными) оборотами для глаголов восприятия, желания, намерения, решения и др., которое мы вслед за М.Я.Блохом будем называть осложненным предложением; 3) сложноподчиненное пред-

ложение для глаголов мыслительной деятельности; 4) предложение с прямой речью для глаголов речи. Этот список, вероятно, не является исчерпывающим, но он является достаточно представительным, чтобы судить об особенностях английского синтаксиса, он не совпадает со списком базисных структур в других языках (например, в немецком нет герундиальных оборотов, а в русском глаголы восприятия употребляются не с вторично-предикативными оборотами, а с придаточными). Кроме того, в нем просматривается мотивированность предложенческих знаков, поскольку разница в базисных структурах связана с семантикой главного глагола. В то же время произвольная природа языкового знака проявляется в существовании многочисленных вторичных структур, что позволяет, с одной стороны, глаголу физического действия употребляться в сложноподчиненном предложении (They stole what they needed), а с другой стороны, глаголу мыслительной деятельности употребляться в простом предложении (I couldn't understand the road (Ashe)). Практическое овладение базисными структурами обязательно для изучения каждого языка. Рассмотрим кратко особенности их структуры.

1. Простое предложение как базисная структура для глаголов физического действия

В предыдущих разделах мы пришли к выводу, что простое предложение модели N_1VN_2 является базисной структурой предложений с глаголами физического действия, ибо оно самым эксплицитным и экономным способом выражает семантическую структуру «Субъект, Объект». Предложения с неличными формами глагола и сложноподчиненные предложения являются вторичными для этих глаголов. При изучении простого предложения возникает ряд вопросов, на которые мы здесь попытаемся ответить:

1. Известно, что в простом предложении употребляется огромное количество предикатов, не принадлежащих прямо к группе предикатов физического действия. Как это объяснить?

2. Модели простого предложения не ограничиваются рассмотренными выше N_1V и N_1VN_2 . Существуют модели с большим количеством актантов, например, $N_1VN_2N_3$, с предлогами, например N_1V at N_2 , N_1VN_2 to N_3 и т.д., а также модели (ядерные предложения, по

З.Хэррису) N is N, N is Adj, N is Adv. Каково их отношение к рассмотренным выше базисным структурам?

Главным признаком глагола физического действия¹ является, как известно, его валентность на орудийное дополнение: to open smth with one's hand; to break smth with a stone. Однако это дополнение употребляется и с глаголами с общим значением выполнения какой-либо работы или совершения целенаправленного действия. Эти глаголы обозначают сложную человеческую деятельность, в которой физическая деятельность, тем не менее, является одним из компонентов, например: to read, to write, to sell, to buy. Сема физического действия позволяет им употребляться с орудийным дополнением: He was writing with his new pen; He was reading to himself with moving lips и т.д. Базисная структура у таких глаголов совпадает с субъектно-объектной базисной структурой предикатов физического действия, и глагол употребляется в своем первичном значении во всех выделенных выше конструкциях.

Таким образом, парадигма конструкций с глаголами физического действия стоит в центре синтаксиса конструкций с межпредметными актантами вообще, и к ней подстраиваются конструкции с другими глаголами, имеющие сему физического действия или хотя бы некоторый ее след в семантике.

Предложения модели N_1VN_2 с межсобытийными предикатами являются вторичными и контекстуально зависимыми. Здесь можно различить два случая:

- а) когда личностное или предметное имя стоит в позиции предикатного актанта, оно интерпретируется как событие: John wanted *an ice-cream* = John wanted to eat *an ice-cream*; John promised me *an ice-cream* = John promised me to buy *ice-cream*; John helped *Mary* = *John's good will* helped *Mary to win* и т.д.;
- б) когда в позиции предметного актанта стоит местоимение, тогда это анафора или катафора, которая соотносится с каким-то отрезком контекста: John understands it. В этом случае за местоимением скрывается не конкретный предмет, а целая

¹ Грамматисты выделяют 5000 глаголов физического действия в современном английском языке (Такумбетова Л.М., 1980).

пропозиция. Вероятно, поэтому после глаголов мыслительной деятельности употребляются часто не местоимения *it, this, that*, а наречие *so* (*think, believe, suppose*): *You think you'll like living with them? — Oh, I think so.* Это же наречие встречается после некоторых глаголов речи: «*You said your name was Elliot?*» *he observed, «I did say so».*

Конструкции NV и NVN рассматривались как основные, часто употребляемые конструкции простого предложения, что не делает их единственными базисными структурами простого предложения. Некоторые глаголы являются трех- и даже четырехвалентными, и их модели и конструкции это отражают. Например, конструкции с глаголами давания и отчуждения трехвалентны и всегда в их валентностно-актантной схеме есть Субъект, Объект и Получатель: *John gave a book to Mary.* Следовательно, их базисная структура будет иметь больше членов.

Первичность простого предложения для глаголов физического действия подтверждается, во-первых, тем, что эти глаголы практически не имеют других конструкций для своей реализации, во-вторых, тем, что это почти единственная семантическая группа глаголов, которые действительно употребляются во всех типах простого предложения, в-третьих, тем, что конструкции с ними образуют четкую семантически оправданную систему оппозиций, в-четвертых, тем, что можно предполагать их диахроническую первичность.

Что касается предложений моделей с глаголом *to be*: NVN, NVAdj, NVAdv, (*John is a teacher; John is handsome; He is here*), они имеют свои базисные структуры, которые диктуются особенностями семантики глагола *to be*, организующего следующие семантические типы предложений:

Значения	Пример	Синтаксическая модель	Семантическая структура с предикатом
Экзистенциальное значение 'быть', 'существовать'	<i>I think therefore I am</i>	NV	«Существовать, Субъект»

Локативные значения: а) 'находиться'; б) 'случаться';	The book is here. The fight was here.	NVAdv	«Находиться, Субъект», «Происходить, Событие»
Связочное значение	John is a soldier. John is old.	NVN NVAdj	«N и N тождественны»

Вероятно, глаголы с некоторыми из вышеуказанных значений употребляются первично и в конструкциях с предикатными актантами (John is strong; Love is strong), вопрос этот требует специального изучения.

2. Осложненное предложение (предложение с вторично-предикативным оборотом) как базисная структура для глаголов восприятия, желания, намерения и др.

Эти предложения являются первичными для тех глаголов, которые имеют семантическую валентность на предикатный актант и предсказывают своей семантикой темпоральные, таксисные и модальные значения зависимого глагола в предикатном актанте. В таком случае морфологические формы времени и наклонения оказываются избыточными, и язык предпочитает более простую и экономную форму — инфинитивного, герундиального или причастного оборота. Эти предложения являются первичными для глаголов чувственного восприятия, желания, намерения, принятия решения, обвинения, благодарения, прощения, для глаголов памяти, когда они имеют валентность на событие, и др.

Всего с различными формами вербоидов употребляется около 700 глаголов, но для некоторых из них конструкции с неличными формами вторичны, например, для большинства глаголов мыслительной деятельности и речи: He knew her to be a good student; John told her to do it. Эти употребления обычно ограничены каким-то образом (например, первая конструкция не может быть употреблена, если событие предикатного актанта следует за событием главного глагола) или ведут к некоторому сдвигу в семантике

глагола и всей конструкции (так, второе предложение обозначает не столько ситуацию речи, сколько ситуацию каузации, а точные слова Джона неизвестны).

Следует иметь в виду, что хотя сами неличные формы глагола обладают парадигмами видовых и залоговых форм, которые образованы по тем же моделям, что и личные формы глагола, содержательные оппозиции личных и аналогичных им неличных форм глагола различны. Они участвуют в выражении каких-то грамматических значений вместе с семантикой главного глагола. Подробнее это рассмотрено в разделе «Синтаксические категории модального конституента предложения».

Здесь мы остановимся на старом споре в грамматике — следует ли вообще считать инфинитив, герундий и причастие в английском языке формами глагола, не ближе ли инфинитив и герундий к имени, потому что они только называют действие, а причастие — к прилагательному, потому что оно определяет имя?

Изучение семантики предложения с предикатными актантами четко показывает, что неличные формы глагола в предложении играют ту же семантическую и синтаксическую роль, что и личные глаголы, обозначая и таксисные, и модальные, и видовые отношения вместе с формой главного глагола. Отсутствие у них форм с лингвистической точки зрения не свидетельствует об их ущербности, оно — инструмент борьбы с избыточностью языковых форм. Исторически они также не являются редуцией или каким-либо усечением глагола в личной форме. Логично считать, что это самостоятельные развивавшиеся формы в языке специально для обозначения событий, которые во временном и модальном плане связаны с какими-то другими событиями, и поэтому их темпоральные параметры могут передаваться через их отношение с этими событиями.

3. Сложноподчиненное предложение как базисная структура для глаголов мыслительной деятельности

Оставив на время вопрос о сложном предложении вообще и о соотношении сложноподчиненного и сложносочиненного предложений в частности, рассмотрим здесь только самые употребительные

(но не все) типы сложноподчиненных предложений с точки зрения их способности быть базисной структурой в синтаксисе английского языка.

Уже само название предполагает наличие главной и зависимой частей предложения. Классические сложные предложения, построенные на основе подчинительной связи, четко соотносятся с простым предложением и строятся по единым с ним структурным схемам.

В соответствии с основными членами предложения выделяются придаточные предложения:

1) подлежащные:

What he learnt was that they had never arrived;

2) сказуемые (или предикативные):

What he learnt was that they had never arrived;

3) дополнительные:

I suppose she liked it;

4) обстоятельственные:

What do you do after you leave college?

5) определительные:

Who is the woman in green you were talking to?

Вторая классификация построена на основе соотносительности с частями речи: придаточное предложение субстантивное (придаточное подлежащее, сказуемое, дополнительное в предыдущей классификации), наречное (обстоятельственное), адъективное (определяющее). Такая соотносительность этих двух классификаций вполне естественна, поскольку связаны и классификации частей речи, и членов предложений. Обращает на себя внимание тот факт, что нет придаточных, которые соотносились бы с главным глаголом полностью. Это подтверждает его центральное положение в предложении. Какие из этого выводы делались лингвистами?

Традиционно считается правомерным приравнивать зависимые придаточные предложения к членам простого предложения, потому что они зависят от тех же членов главного предложения, что и обыкновенные члены предложения. Дополнительные придаточные зависят от сказуемого, как и дополнения, определяющие при-

точные зависят от подлежащего и дополнения, как и определений. Кроме того, почти все разновидности придаточных имеют соответствия в простом предложении (кроме сопоставительных с союзами *while* и *whereas* и с корреляцией *as ... as, the more ... the better*). На этом основании В.В.Бурлакова относила их к простым предложениям.

Нас, однако, больше интересует вопрос о правомерности рассматривать сложноподчиненное предложение как результат трансформации простого предложения. Этот подход широко распространен и среди лингвистов, которые не пользуются понятием трансформации, но считают, что простое предложение более фундаментально, сложное предложение предполагает существование простого, а не наоборот, и волей-неволей получается, что сложноподчиненное предложение «вырастает» из простого. Что можно сказать по этому поводу?

Параллелизм структуры простого и сложноподчиненного предложений объясняется центральной ролью глагола, который организует предложения, реализуя свои семантические валентности. И если у него есть валентности на суждение, как у глаголов мыслительной деятельности, то первичной конструкцией для него будет сложное, а не простое предложение: *He believes that John is a rascal; He considers that you can help*. Придаточное предложение обязательно для данного глагола и не может быть заменено словом (не считая анафорического *it*, которое может быть только во вторичной структуре). Другое дело, когда вместо конкретного имени употребляется его описательный аналог — придаточное предложение: *They stole what they needed*. Эта конструкция встречается с межпредметными предикатами, для которых она вторична, так как менее информативна, чем конструкция с именем, к которой она действительно семантически восходит, потому что заменяет член предложения, выраженный словом. В этом случае сложноподчиненное предложение действительно является результатом преобразования простого предложения.

Для глаголов же мыслительной деятельности сложноподчиненные предложения являются первичными, базисными структурами. Простое и осложненное предложения для них являются вторичными, так как они не могут их заменить во всех случаях.

Синтактико-семантические отношения между главным и придаточным предложениями осуществляются при помощи союзов, союзных слов и коррелятов:

союзы: *that, while, because, as, though, since, in case, lest* и т.д.;

союзные слова: союзные местоимения (*who, whoever, what, which*), союзные наречия местоименного типа (*when, where, why, how*), союзные наречия (*however, nevertheless, therefore, thus, accordingly, furthermore, hence, consequently* и т.д.).

Для английского языка характерно существование бессоюзных сложноподчиненных предложений, которые представляют трудность при переводе и понимании. Например, вполне возможны предложения типа *The ice-cream that the boy you mentioned bought melted*, хотя нельзя считать их образцовыми и широко употребительными.

В настоящее время принят взгляд, что сложноподчиненное предложение имеет определенные структурные особенности, которые не ограничиваются только союзными и бессоюзными связями. Прежде всего это касается модального конституента предложения: временные формы, формы наклонения главного и придаточного предложений должны быть согласованы. Если они изменяются в главном предложении, в большинстве случаев происходят изменения и в придаточном предложении. Именно в сложноподчиненном предложении проявляется синтаксическая природа категорий времени, таксиса, наклонения, причем здесь они оказываются самым тесным образом связанными с семантикой главного глагола, о чем мы неоднократно говорили. Поэтому главное и зависимое предложения существуют не как сумма двух и более частей, а как целостная структура, которая имеет свою собственную парадигму. К сожалению, эти проблемы еще мало исследованы.

4. Сложносочиненное предложение и предложения с однородными членами

К базисным структурам в английском языке принадлежит и сложносочиненное предложение, которое следует рассматривать на общем фоне сложного предложения

Поскольку традиционно к сложным предложениям относились предложения, состоящие из двух или более простых предложений,

а каждое предложение является событийной номинацией (то есть называется событием), можно считать, что сложное предложение содержит несколько предикативных отношений (то есть предикативные сочетания подлежащего и сказуемого представлены в сложном предложении несколько раз). В таком случае казалось бы логичным противопоставить сложное предложение простому как полипредикативное монопредикативному.

Сравним четыре типа полипредикативных предложений, выделенных Л.Л.Иофик:

1) предложения с сочинительной связью:

John is my brother and Bill is my cousin;

2) предложения с относительным присоединением:

You are a faithful friend, which is a rare enough thing in our circles (Doyle);

3) предложения с подчинительной связью:

And all men kill the thing they love (O.Wilde);

4) предложения с вводной частью:

And with the help of her bird glasses — (an interest in birds was useful) — she had been able to see.

В первом случае синтаксические компоненты — простые предложения — довольно однородны и независимы. Во втором (относительное присоединение) имеется неполная зависимость, так как то, что мы называем придаточным предложением, на самом деле не подчинено ни семантически, ни структурно главному предложению. В третьем предложении наблюдается зависимость придаточного предложения от главного и неполнота главного без придаточного. И, наконец, четвертый тип — предложения с вводной или вставной предикативной единицей. Последние предложения не относятся большинством лингвистов к сложным, потому что вводное предложение в них не связано с включающим их предложением и не образует с ним единой структуры. На письме такое предложение часто выделяется скобками или тире, оно может иметь даже самостоятельный восклицательный или вопросительный знак, который не относится ко всему предложению. Однако многие исследователи считают, что включающее и включенное предложения

все-таки связаны между собой: во-первых, они образуют интонационно-пунктуационное единство, расположены контактно, переплетаются и дополняя друг друга, во-вторых, вводная единица не может существовать без включающей. Поэтому между ними усматривают связь и называют ее соотносительной, тем не менее, к собственно сложным предложениям не относят (Июфик Л.Л., 1968).

Из этого можно сделать вывод, что в сложном предложении его части не просто «складываются», а зависят друг от друга как семантически, так и синтаксически и образуют самостоятельные структурные типы. Английские грамматисты давно понимали это и отразили это понимание в разных терминах для самостоятельного предложения (*sentence*) и предложения, которое является частью сложного предложения (*clause*).

Сложные предложения делятся на сложносочиненные (*compound*) и сложноподчиненные (*complex*). Объединяющий термин — сложное предложение — за рубежом употребляется мало (хотя попытки его применения были, так, Г.Поутсма предлагал термин *the composite sentence*). Выделение этих двух типов сложного предложения базируется на различии двух типов грамматической связи — сочинения (отношения равноправия) и подчинения (отношения зависимости).

В сложносочиненных предложениях (первый тип) предикативные конструкции (*clauses*) связаны сочинительной связью при помощи сочинительных союзов *and, or, nor, but, neither ... nor, either ... or, both ... and, as well as, while, for*. Относительно последнего союза следует сказать, что хотя большинство грамматиков считают его сочинительным, некоторые относят его к подчинительным из-за его синонимии с подчинительным союзом *because*. В пользу первой точки зрения говорит его закреплённая позиция между соединяемыми частями сложного предложения, невозможность вынесения *for* в начальную позицию в предложении (в отличие от *because*). Некоторые называют его подчинительно-соединительным союзом.

Особый интерес представляет второй тип — относительное присоединение, которое рассматривается Л.Л.Июфик и некоторыми другими авторами как особый, несколько архаичный тип связи, не имеющий параллели среди средств связи членов монопредикатив-

ного предложения. При относительной связи предложения соединяются при помощи относительного местоимения *which* или при помощи сложных относительных наречий *whereupon*, *whereby*, *whereto* и т.д.: *He has always been sincere with me, which gives me great satisfaction.*

Часть лингвистов рассматривает эту связь как подчинительную, а придаточное предложение как определительное. Предпринимались попытки анализировать эти «придаточные предложения» как вводные или вообще отнести этот тип связи к сочинению.

Можно согласиться с мнением тех лингвистов, которые считают этот способ отличным и от сочинения, и от подчинения, так как между частями такого предложения нет отношений синтаксического равноправия, характерного для сложносочиненных предложений, и нет внутри главной части члена, к которому относилось бы зависимое предложение, как в сложноподчиненных предложениях. Здесь зависимая связь относится к семантике всего присоединяющегося предложения в целом.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что бесспорно сложносочиненным является предложение только первого типа, первичную семантическую структуру которого можно представить как «Событие₁ + Событие₂ + ... + Событие_n». При этом возникает несколько теоретических вопросов. Во-первых, части сложного предложения должны объединяться общей темой (*common topic*), чтобы не получилось «В огороде — бузина, а в Киеве — дядька». Во-вторых, несмотря на равноправность передаваемых союзом отношений, перестановка частей сложного предложения часто невозможна. Например, при перестановке следующих предложений меняются не только временные, но и причинно-следственные отношения: *John hit Bill and Bill hit John* • *Bill hit John and John hit Bill*. В-третьих, между составляющими сложносочиненного предложения могут быть семантические отношения, поэтому семантически они близки, ср.: временные отношения — *They came into the room and one of them began crying* = *When they came into the room, one of them began crying*. То же самое можно сказать о предложениях, выражающих причинно-следственные отношения (пример см. выше).

Четко противопоставлены сложносочиненные предложения сложноподчиненным тем, что в последних придаточное предложе-

ние, как правило, зависит от какого-то элемента внутри главного предложения.

Какие же конструкции являются вторичными для обозначения семантической структуры «Событие₁ + Событие₂ + ... + Событие_n» и, следовательно, находятся в синонимических и парадигматических отношениях со сложносочиненным предложением?

Это предложения с однородными членами — сказуемыми, подлежащими и дополнениями. Предложение с однородными сказуемыми давно признавалось семантически сложным, потому что его можно развернуть в ряд простых: *John was shaving and washing = John was shaving and John was washing.*

В английской и других грамматиках такие предложения назывались полусложными (*semi-compound*) (у М.Я.Блоха) или переходными от простых к сложным (Г.Керм, Р.Лонг, Р.Кверк и др.), в русской грамматике предложения такой структуры еще А.М.Пешковским были названы слитными.

Современные исследователи в США и в нашей стране обратили внимание на то, что и предложения с множественным субъектом и объектом также семантически соотносятся со сложносочиненным предложением, ср.:

1. a. *Arnold, Rachel and Julia were standing outside the door (Murdoch);*
b. *Arnold was standing outside the door, Rachel was standing outside the door and Julia was standing outside the door;*
2. a. *I washed up my plate and cup (Shute);*
b. *I washed up my plate and I washed up my cup.*

Таким образом, сложносочиненное предложение соотносится с простыми предложениями с однородными членами.

Однако из этого не следует, что все простые предложения с множественными субъектами и объектами соотносятся семантически со сложносочиненными. Это зависит от семантики глагола, например, глаголы объединения, разъединения, столкновения, соприкосновения, борьбы и т.п. имеют валентность на множественный субъект, то есть всегда употребляются с несколькими подлежащими, но обозначают одно общее и нерасчлененное действие несколь-

ких субъектов: *Granpa and Granma fought over everything* (Steinbeck); *The train and the bus collided*. Их трансформация в сложносочиненное предложение ведет к принципиальному изменению смысла, поскольку речь идет уже о нескольких не связанных обязательной связью событиях, ср.: *Granpa fought over everything and Granma fought over everything* или к неотмеченному предложению **The train collided and the bus collided*. Из этого можно сделать вывод, что для глаголов, обозначающих совместные действия, первичными являются конструкции с множественным субъектом типа N_1 and N_2V .

С глаголами же, скажем, чувственного восприятия эти конструкции обозначают семантически сложное событие: *Tom and Jane heard the bell* значит *Tom heard the bell and Jane heard the bell*. Это значение (семантическая структура — два события, так как по природе вещей всякое восприятие индивидуально) первично должно обозначаться сложносочиненным предложением, а простое предложение с однородными субъектами — свернутая, редуцированная, вторичная структура.

Некоторые глаголы обозначают деятельность субъекта, которая всегда направлена на несколько объектов, например, глаголы собирания, объединения, разъединения, счета, поэтому предложения с ними обозначают не множество событий, а одно сложное событие. Они не соотносятся со сложными предложениями: *John collected stamps*; *John counted all the books*.

Наконец, существуют предложения, допускающие несколько вариантов интерпретации, например:

1. *Bricks and stones make strong walls.*
 - a. *The combination of stones and bricks makes strong walls;*
 - b. *Stone walls are strong and brick walls are strong.*
2. *Shakespeare and Marlow wrote plays.*
 - a. *Shakespeare and Marlow wrote plays together;*
 - b. *Shakespeare wrote plays and Marlow wrote plays.*

При варианте толкования (а) сочинительная структура каждого их приведенных предложений рассматривается как один множественный субъект с общим предикативным знаком. При варианте толкования (б) эксплицируется информация о самостоятельно действующих субъектах.

3. Dick, Sam and John shot seven hares.

a. Dick shot one hare, Sam shot one hare and John shot 5 hares;

b. Dick shot 2 hares, Sam shot 2 hares and John shot 3 hares.

Изложение вариантов интерпретации может быть продолжено; однако реальные отношения субъектов и объектов останутся неизвестными, поскольку они не обозначены в самом предложении.

Следует ли из этого делать вывод о том, что предложения с однородными членами являются сложными или полусложными? Представляется, что нет. Ведь способность многих существительных мужского рода обозначать лиц женского пола (Мама — *летчик*, что ж такого?) или способность единственного числа существительного обозначать множество предметов (Уссурийский *тигр* почти уничтожен) не ведут к выделению особых типов грамматического рода или числа имен существительных. Решать этот вопрос можно только через изучение оппозиции простого и сложного предложения.

С точки зрения теории оппозиций маркированным по признаку «множественность событий» (+А) оказывается именно сложносочиненное предложение, в котором этот признак имеет наиболее полное формальное выражение и которое всегда обозначает именно множественность событий. Монопредикативные предложения с множественным субъектом или объектом оказываются немаркированными членами противопоставления ($\pm A$) и, следовательно, имеют очень широкую семантику. Сами по себе они не сигнализируют признак «множественность событий», но и не отрицают его, поскольку наличие нескольких субъектов или объектов в принципе допускает существование нескольких однородных событий. Это типично для немаркированного члена привативной оппозиции. Поэтому можно говорить о соотносительности простого предложения с однородным сказуемым, подлежащим, дополнением со сложным предложением, но в оппозиции со сложным предложением они занимают место немаркированного члена и тем самым являются простыми предложениями, а не смешанными или промежуточными. Это тем более необходимо признать еще и потому, что если считать *John and Mary* глп сложным или полусложным предложением, то таким же следует считать и предложение с подлежащим, выражен-

ным существительным во множественном числе типа *The children* *grip*, что нелогично. С системной точки зрения все эти предложения простые.

Таким образом, сложносочиненное предложение находится в сложных парадигматических отношениях с простым предложением и предназначено в языке для обозначения количественной характеристики события.

§ 4. Парадигма английского предложения с неполностью реализованными семантическими валентностями

Центральное место среди многочисленных парадигматических рядов и категорий предложения занимают ряды, образуемые противопоставлением предложений с полностью реализованными семантическими валентностями конструкциям с неполностью реализованными семантическими валентностями. Например, в ряду *John opened the window : The window was opened : The window opened* противопоставлены предложения с реализованной и нереализованной субъектной валентностью; в ряду *John sees Mary : John sees* противопоставлены предложения с реализованной и нереализованной объектной валентностью.

С семантико-синтаксической точки зрения основанием для сравнения конструкций с одним семантическим типом предиката является общность их валентностно-актантной схемы, представляющей инвариант их содержания («макет предложения»). В таком случае семантико-синтаксическую парадигму предложения можно определить следующим образом: это ряд синтаксических конструкций, объединенных общностью валентностно-актантной схемы глагольного предиката и противопоставленных семантически по различным признакам семантических актантов, а формально — по способам реализации (или нереализации) его содержательных валентностей. Парадигму возглавляет структура, в которой полностью реализованы содержательные валентности предиката, а остальные конструкции различаются как разные ступени (формы) парадигмы, реализующие соответствующие видоизменения категориальных значений.

При этом изменения формы происходят за счет всякого рода морфемных и аранжировочных процедур. Грамматическая категория образуется объединением двух систем: системы семантических оппозиций и формальной парадигмы, причем между их единицами существуют асимметричные отношения.

1. Парадигматика предложений с предикатами физического действия

При исследовании парадигматики конструкций с предикатами физического действия нужно иметь в виду, что противопоставления по признакам Субъекта и Объекта должны изучаться на равных основаниях. Дело в том, что «второстепенность» дополнения препятствовала понятиям, связанным с дополнением, занять место в одном ряду с понятиями, связанными с подлежащим. Принято выделять безличные и личные глаголы, безличные, неопределенно- и обобщенно-личные предложения, а также грамматические категории предложения: определенность, обобщенность, неопределенность и формальность, активность и демиактивность (Т.П.Ломтев), однако связь глагола с дополнением отражается в грамматиках только в терминах «переходные» и «непереходные» глаголы.

Впервые в один ряд языковые явления, связанные с понятием Агенс, и языковые явления, связанные с понятием Объект, поставил С.Карцевский, причем он отграничил их от круга проблем, связанных с отношением между Агенсом и подлежащим (собственно залоговые отношения) (Karcevski S., 1927, 81-83), и выделил наряду с категориями личности/безличности категорию переходности.

а) Оппозиция предложений по признакам Субъекта

По признакам Субъекта в английском языке конструкции N_1VN_2 противопоставляются: а) двучленная пассивная конструкция, и б) непереходная конструкция с неличностным подлежащим.

Пассивная конструкция, рассматривавшаяся ранее в морфологии, в современных исследованиях включается в описание предложения (М.А.К.Хэллидей, Р.Хадлстон Я.Свартвик и др.).

Если предметом изучения является противопоставление предложений John opened the door: The door was opened by John, то принято говорить о противопоставлении действительного залога

страдательному. Однако к этому противопоставлению возможны разные подходы и, следовательно, разные толкования. Во-первых, выделяются языковые явления, связанные с *отношением между субъектом и подлежащим*. Согласно определению А.А.Холодовича, в целом соответствующему традиционному представлению о пассиве, подлежащее в пассиве не совпадает с семантическим субъектом, его позиция замещается актантом, обозначающим лицо или предмет, на который направлено действие, выраженное глаголом-сказуемым. Именно противопоставление трехчленной пассивной конструкции активной лежит в основе «теории обратимости», согласно которой страдательный залог — всего лишь результат некоего механического преобразования поверхностной структуры, не затрагивающего семантики предложения. При этом остается нечетким сам признак, по которому противопоставлены эти предложения — ведь они несут одну и ту же информацию о Субъекте и Объекте действия и об отношениях между ними. Системное значение формы такого страдательного залога не совсем ясно, и многочисленные споры 50-60-х годов не внесли ясности. Различия между этими конструкциями относятся исследователями к стилистическим особенностям (Курилович Е., 1962, с.123), к тема-ремному аспекту предложения (Halliday М.А.К., 1968; Храковский В.С., 1972, с.25), к его коммуникативному заданию (Общее языкознание, 1972, с.335). Обращение актива в пассив рассматривается как средство интенциональной деривации (Кацнельсон С.Д., 1972, с.182), как проявление «конвертируемости» отношений между предикатными предметами (Ломтев Т.П., 1972).

Однако можно выделить противопоставление трехчленной конструкции John opened the door двухчленной The door was opened. В таком случае в центре оказываются явления, связанные с понятием Субъект (Агенс), потому что эти предложения противопоставляются по признаку «определенный/неопределенный Субъект действия (состояния)». Это значение неоднократно отмечалось исследователями пассива.

Представляется более логичным считать главной формой страдательного залога двухчленную конструкцию типа The door was opened; John was killed и т.п., во-первых, потому что она имеет свой собственный дифференциальный признак, по которому противо-

поставляется предложению в действительном залоге, во-вторых, потому что она количественно преобладает в современном английском языке, в-третьих, потому что и исторически трехчленный пассив возникает позднее двухчленного.

В противопоставлении $N_1VN_2 : N_2V$ (passive) при лексическом совпадении прямого дополнения активного предложения и подлежащего пассивного предложения отношения между действием и объектом остаются неизменными: *If he is beaten, it in fact you beat him or help to beat him*. Семантическое различие между предложениями относится к объему информации о производителе действия: в активном он определенный и известный, в пассивном он может быть неопределенным, обобщенным, неизвестным. Его значение довольно широко. Во-первых, в этой конструкции может имплицитроваться неопределенный Субъект (Агенс) действия: *Are you saying these rocks have been moved here? — Rolled, dragged or trucked, I'm telling you someone's been working on it (Ashe)*. Во-вторых, невыраженной часто остается Сила: *He (бешеный пес) seemed dedicated to one course and motivated by an invisible force that was inching him towards us. He was alist, but he was being pulled towards us (Lee H.)*.

В двухчленной пассивной конструкции имеет место нейтрализация признаков неопределенного Субъекта (Агенса) и неопределенной Силы, предложение *The rats were killed* может быть связано деривационно и с *The rats were killed by fire* (Сила, определенный Объект), и с *The rats were killed with fire* (неопределенный Субъект, определенный Объект, Инструмент).

Пассивная двухчленная конструкция может иметь также признак «неопределенная Причина (событие)», тогда предложение *The rats were killed* может интерпретироваться 1) как неопределенно-субъектная конструкция, 2) как конструкция с неопределенной Силой, 3) как конструкция с неопределенной Причиной (событием). Многозначность пассивной конструкции соответствует многозначности активной конструкции. В современном английском языке появляется оппозиция конструкций *s to be* и *s to get*. Здесь старая форма *s to be* является немаркированной, широкозначной, а новая форма *s to get* может употребляться только для обозначения ситуаций с неопределенной Причиной (событием) (см. выше).

Поскольку значение пассивной конструкции связано прежде всего с признаком Субъекта, из ее семантики никак не вытекает обязательность ее употребления только с прямопереходными глаголами. Сравнительно редкое употребление предложений типа *The bed had been lain on, but not slept in (Galsworthy)* можно объяснить тем, что при отсутствии дополнения и неопределенности Субъекта предложение становится малоинформативным.

Обобщенно-субъектная конструкция N₂V (easily) всегда была предметом спора в английской грамматике. Впервые из сферы морфологических залоговых противопоставлений ее вывела В.Н.Ярцева, показавшая, что в этой конструкции «пассивное значение не может зависеть от морфологических форм сочетающихся слов и возникает в данном контексте как семантико-синтаксическая категория» (Ярцева В.Н., 1961, с.63).

Правильной интерпретации этой конструкции препятствует ее объединение с собственно непереходной конструкцией, более плодотворным оказывается их противопоставление, которое становится заметным, если, вслед за М.А.К.Хэллidayем (Halliday M., 1968, с.187-188), выделить одноместную и двухместную конструкцию. Первая образует ряд: *the door opened, the stone moved, John turned* и организуется одновалентными непереходными глаголами *to open, to move, to turn*; вторая образует ряд: *the door opens easily, the stone moves easily* и организуется двухвалентными переходными глаголами *to open, to move*. Это согласуется с мнением лексикологов о том, что переходно-непереходные глаголы имеют в своем составе два лексико-семантических варианта и, следовательно, могут входить в разные синтаксические парадигматические ряды.

В таком случае в одноместных конструкциях *The door opened, The stone moved, John turned* существует только один актант, который выражен именем в позиции подлежащего. Его семантическая природа была предметом больших споров лингвистов, которые усматривали в нем Объект только на том основании, что «раз дверь открылась, значит кто-то ее открыл». При этом анализ языковых фактов подменялся анализом обозначаемых ситуаций, что совершенно неправомерно (Задача лингвиста — не искать действующего субъекта в ситуации, о которой говорят: «У вас шнуры развязались», а констатировать, что эта ситуация обозначается в языке

структурой в которой предмет шнуры представлен как Субъект этого события). Единственный актанта в одноместных предложениях является Субъектом самопротекающего, автокаузирующегося действия (John turned), процесса (The sails rattled and flapped, and waves broke over Iris (Wouk)) или состояния (Does her hair curl naturally or does she curl it in curlpapers? (Hornby)).

Двухместная конструкция имеет Объект в позиции подлежащего и обобщенный Субъект в своей семантической структуре. Этот Субъект не может быть определен ни из контекста, ни из ситуации. Поэтому не всякие наречия могут в ней употребляться, например, невозможны наречия, каким-то образом индивидуализирующие субъект: *The door opens with enthusiasm. Естественно, что обобщенный Субъект не может совершать конкретное действие, и в рассматриваемой конструкции действие также изображается как обобщенное, как возможное. Так, предложение A soldier sat outside the door that opened into the garden (Hemingway) обозначает не ситуацию открывания двери, а свойство двери (она выходила в сад). Одноместная же конструкция The door opened and Moore came in (Clark) обозначает произошедшее событие.

М.А.К.Хэллiday приводит примеры нейтрализации этих значений в предложении: The door doesn't open in bad weather значит: 1) It stays closed; 2) It cannot be opened because of the damp.

Таким образом, особенностью рассматриваемой конструкции является наличие в ней обобщенного Субъекта, вследствие чего она обозначает не совершение действия, а свойство, признак актанта в позиции подлежащего (Объект). Поэтому семантически она сближается с конструкциями с именным сказуемым, ср.: The glass breaks easily — The glass is fragile; These pears do not cook easily — They are not good cookers (OED).

Такая семантика обуславливает и формальные особенности этой конструкции: глагол в ней употребляется только в инфинитивных временах, в отрицательной форме употребляется doesn't или won't, которые, однако, не могут быть заменены на can't: The glass won't break easily (*The glass can't break easily). Для конструкции типично, хотя и необязательно, наличие наречия. Это позволяет считать эту конструкцию самостоятельной по сравнению с обычной непереходной конструкцией и связанной парадигматически с субъектно-

объектной переходной конструкцией. Они противопоставлены по признаку «обобщенный/определенный Субъект действия», формально эта оппозиция осуществляется за счет запрета реализации субъектной валентности и изменения порядка слов.

Таким образом, в английском языке существует оппозиция предложений по признакам Субъекта: противопоставляются определенно-субъектные (John opened the door), неопределенно-субъектные (The door was opened) и обобщенно-субъектные (The door opened easily) предложения.

Если сейчас вернуться к первоначальным двум направлениям в исследовании пассива, то получится следующее. Традиционная трактовка страдательного залога как конструкции, в которой подлежащее не совпадает с семантическим субъектом, концентрирует внимание на отношении субъекта и подлежащего, подход к залогу с точки зрения двухчленной конструкции фокусирует внимание на противопоставлении предложений по признакам Субъекта. Оба эти подхода постоянно смешиваются в конкретных лингвистических исследованиях. Последний подход позволяет в один парадигматический ряд объединить все предложения, противопоставленные по признакам Субъекта (и только их: например, предложения с oneself в этот ряд не войдут по определению). Однако возникает вопрос, следует ли сохранить за таким рядом термин «залог». Судя по тому, что эти ряды рассматриваются до сих пор под этим названием (хотя и не все члены противопоставления включаются всеми исследователями), это название пока сохраняется, но, во-первых, относится к синтаксису (к семантической и синтаксической организации предложения), во-вторых, от него отпочковываются новые термины вроде диатезы, под которой понимается соответствие членов предложения участникам ситуации. Тогда залоговыми оказываются деривационные отношения, связывающие исходную и производную диатезы (подробнее см.: Типология ПК, 1974, с.13).

Изучение противопоставлений предложений по признакам Субъекта логично подводит к противопоставлениям по признакам Объекта и по признакам других актантов.

б) Оппозиция предложений по признакам Объекта

Традиционно с различными проявлениями Объекта принято связывать понятие переходности, существование которой принимается безоговорочно большинством словарей и грамматик, но суть которой трудно определить. Поскольку она оказывается связанной со словом и с предложением, рассмотрим ее именно с точки зрения ее отношения к этим единицам.

В современном языкознании традиционные определения переходности как грамматического, синтаксического, лексического свойства глагольной лексемы нашли теоретическое обоснование в теории валентности, ибо валентность по своей природе принадлежит собственно слову, а проявляется в предложении. Понимание разницы между свойствами глагола и их синтаксическим обнаружением привело к возникновению понятий функциональной и формальной (Кацнельсон С.Д., 1972), семантической и синтаксической (Уфимцева А.А., 1968, с.124, 142) переходности. Первая зависит от содержательной валентности глагола, под которой понимается «способность данного глагола сочетаться с именами в той или иной субъектно-объектной функции» (Кацнельсон С.Д., 1972, с.47, 177-178). Но в таком случае переходность — это объектная валентность, равноправная с субъектной валентностью, и явления, связанные с Объектом, должны рассматриваться под тем же углом зрения, что и явления, связанные с Субъектом. Одни глаголы обладают содержательной объектной валентностью, они переходные; другие не обладают этим видом валентности, они — непереходные. Валентностная природа переходности означает, что это свойство принадлежит глагольной лексеме как таковой, неотъемлемо от нее и, следовательно, в любой конструкции глагол с объектной валентностью останется таковым, даже если это непереходная конструкция типа *The door opens easily; John washes; Jane and Tom kissed*. Вопрос же о реализации этой валентности относится к компетенции синтаксиса.

Если отнести понятие переходности к системе противопоставления предложений по разным признакам Объекта типа *John is reading a book : John is reading*, то термин «переходность» в этом значении окажется избыточным. Логичнее здесь говорить о разных признаках Объекта, подобно тому, как лингвисты говорят о противопоставлении предложений по разным признакам Субъекта. Термин «переход-

ность» будет тогда относиться к слову и к лексикографической практике соответственно традиции.

Очевидно, что по признакам Объекта противопоставляются конструкция с дополнением N_1VN_2 и конструкция без дополнения. Это противопоставление ставит вопросы: 1) Однородна ли конструкция N_1V или она многозначна? 2) Каковы отношения между N_1VN_2 и N_1V ?

Конструкция N_1V не однородна. Во-первых, существует эллиптическая конструкция N_1V , в которой отсутствующее дополнение легко восстанавливается из контекста. Например, в кулинарных рецептах опущенный Объект всегда восполняется смыслом тематического или ситуативного контекста: *Store in a cool, dark, ventilated cupboard. Lift out fruit, cool a little and slice. Strain and measure liquid. Remove from heat, stir in Certo. Skim and pot in usual way.* Переходно-непереходные глаголы имеют тенденцию не допускать эллипсиса, ибо это может привести к искажению, ср.: *Davies was standing there as if somebody had hit him, but not quite dropped him (Clark) и He dropped.* Эллиптическая конструкция зависит всегда от контекста и не имеет своего системного значения. Системное значение имеет конструкция, независимая от контекста. Сравним две конструкции N_1V в следующем противопоставлении: «What's this? I'm drinking alone?» «I don't drink much, Norman» (Wouk). В первом предложении имеет место эллипсис, который восстанавливается из контекста или ситуации, во втором — конкретное дополнение ни синтагматически, ни парадигматически не восстанавливается, потому что имплицитный Объект действия не может быть соотнесен с конкретным референтом. Вторую конструкцию можно назвать абсолютной (абсолютивной). У глаголов в этой конструкции издавна отмечались два значения: а) «заниматься той деятельностью, которая обозначена глаголом», б) «быть в состоянии делать то, что обозначено глаголом».

С точки зрения отношения действия к объекту можно выделить два противопоставления $N_1VN_2 : N_1V$:

1) «определенный Объект» : «неопределенный Объект» (*We were eating apples : Canby came in while we were eating (Clark)*);

2) «определенный Объект» : «обобщенный Объект» (*Dill ate apples*). По определению Т.П. Ломтева, предикативный предмет является

обобщенным, «1) если он мыслится членом некоторого собирательного множества; 2) если он мыслится как один, любой, безразлично какой член этого собирательного множества и притом без исключения» (Ломтев Т.П., 1972, с.139). Именно это определение относится к Объекту абсолютивной конструкции: *Everybody steals — some less, some more, but not you (Steinbeck)*. Дополнение здесь не может быть восстановлено из-за обобщенности Объекта, местоимение *everything* означает «каждый в отдельности определенный член множества», и его субституция привела бы к искажению смысла, ср.: *Everybody steals everything, some less, some more, but you don't steal everything*. Обобщенно-объектная конструкция типична для предложений и обобщений: *As a man sows so shall he reap; Who breaks pays*. Конструкции с обобщенным Объектом не обозначают конкретного действия, в предложении *He steals* выражается такое отношение между «ворующим» и «процессом воровства», когда процесс мыслится как некий постоянный признак, присущий данному лицу: *He steals — He is a thief*.

Таким образом, переходные глаголы в английском языке организуют конструкции, которые противопоставляются друг другу по различным признакам Объекта, другими словами, в языке существует оппозиция определенно-объектного, неопределенно-объектного и обобщенно-объектного предложений. Этот ряд параллелен ряду противопоставлений предложений по признакам Субъекта.

в) Семантика модели NV

Непереходная модель оказывается многозначной и самой немаркированной из всех конструкций простого предложения.

1. Если в модели NV первый актант — Субъект, то конструкция может иметь следующие значения: а) если V одновалентный глагол, то Объекта в семантике предложения нет, и оно обозначает действие, замыкающееся в сфере Субъекта: *John is coming; The children grew*; б) если V имеет субъектную и объектную валентность, то конструкция NV должна пониматься как неопределенно-объектная (*She was sewing, William notices, but not very well (Grau)*) или обобщенно-объектная (*Boys don't cook (Lee H.)*).

2. Если в модели NV первый актант — Объект, то запрет на вторую валентность означает: а) импликацию некоторого обобщен-

ного Субъекта в конструкции типа *The window opens easily*; б) в редких случаях возможна импликация неопределенного Субъекта, в таком случае конструкция становится синонимичной пассивной, например: *In Russia adult books are sold for their content — not for their appearance. Furthermore they are sold at a price everyone can afford. For instance an average length novel in hard covers sells for about eighty cents (Mowat)*. Положение этой конструкции в современном языке неустойчиво, так как она дублирует пассивную конструкцию; иногда такая непереходная конструкция употребляется в продолженном времени: *He'd been a government hunter for the army and then for the railroad while it was building (Clark)*.

г) Семантика взаимной конструкции

Семантика взаимной конструкции имеет несколько различных интерпретаций. Прежде всего, сама общепринятая формулировка о том, что во взаимной конструкции Субъект действия одновременно является его Объектом, а Объект действия — его Субъектом, наводит на мысль о двух действиях, обозначенных в этой конструкции (Холодович А.А., 1978, с.5-6; Lakoff G., Peters S., 1969). В таком случае предложение *John and Bill met* выводится деривационно из *John met Bill and Bill met John*. При этом синтаксически простое предложение является семантически сложным, а взаимная конструкция уходит из системы противопоставлений простого предложения по признакам Субъекта и Объекта. Это ведет к расширению числа взаимных конструкций и предикатов, к выделению грамматической и лексической взаимности и к идее функционально-семантического поля взаимности.

Отличие между субъектно-объектной конструкцией *John collided with Bill* и взаимной *John and Bill collided* состоит в том, что в первой Субъект четко противопоставлен Объекту, а во второй они представлены нерасчлененно (это не совсем то же, что сказать, что Объект является Субъектом действия, а Субъект является его Объектом). Нерасчлененному представлению Субъекта и Объекта соответствует нерасчлененное представление действия во второй конструкции, то есть общность, единство действия обоих участников. Последнее обстоятельство требует безусловной семантической однородности актантов во взаимных конструкциях (тогда Субъект

трудно противопоставить Объекту). Так, *John and Bill collided* имплицитно, что и Джон, и Билл двигались. Если же произошло столкновение между Джоном и чем-то неподвижным, следует сказать *John collided with (the gatepost)*.

Следовательно, в собственно взаимной конструкции актанты занимают одну позицию — подлежащего, и в ней могут употребляться только глаголы, у которых оба актанта могут быть семантически равноправны и которые обозначают такие действия или процессы, в которых возможно нерасчлененное участие нескольких актантов, то есть глаголы столкновения, контакта, прикосновения, борьбы, смещения, соединения, слияния, встречи: *to collide, to fight, to mix, to confuse, to blend, to join, to unite, to combine, to strike, to flow, to interflow, to amalgamate, to meet, to kiss, to embrace, to attach, to separate, to connect, to part, to associate*: *The hammer and the nail struck (Langendoen)*; *We played together, fought and rattled (Lee L.)*; *After the Romans who boxed with fists... the game died out but was revived in England in the eighteenth century, when boxers fought with their bare hands (M. Star)*; *Oil and water do not blend (Hornby)*; *They kissed at the gate (Wilson)*.

Большинство глаголов физического действия во взаимной конструкции не употребляются. Так, в предложении *The cups collided and broke* только первый глагол будет относиться к взаимной конструкции, так как глагол *break* по природе обозначает процесс, в результате которого каждая вещь разбивается, так сказать, самостоятельно.

Таким образом, собственно взаимная конструкция противопоставляется N_1VN_2 по признакам «нерасчлененности действия» и «отсутствия противопоставления Субъекта Объекту», в этом заключается ее лингвистический смысл. Такой подход позволяет парадигматически объединить взаимную и субъектно-объектную конструкции.

Конструкции с *one another, each other* представляют результат объединения двух (или более) предложений соответственно, то есть являются семантически сложными: *We'll kill each other (Gregory)* значит *x'll kill y, y'll kill x*, а поскольку количество актантов не определено, то можно предположить еще: *a'll kill b, b'll kill a* и т.д. Все это будут самостоятельные действия со своими участниками.

Разницу между N_1 and N_2 kissed и N_1 and N_2 kissed each other можно усмотреть в том, что первое употребляется, когда действие рассматривается как единое и неделимое и Субъект Объекту не противопоставляется: Mary and John kissed. Вторая конструкция употребляется когда действие, обозначенное глаголом kiss, совершается несколько раз несколькими лицами по отношению друг к другу. Субъекты и Объекты противопоставляются. Например, в следующем предложении описывается общая радость людей по поводу окончания войны: Our mother returned from far away with excited tales of its madness, of how strangers had stopped and kissed each other in the streets (Lee L.).

Таким образом, к выделенным выше значениям непереходной конструкции NV можно добавить значение взаимной конструкции при множественном подлежащем.

д) Семантика возвратной конструкции

Положение рефлексива в английской грамматике неопределенно: говорят о возвратных глаголах, рефлексивных конструкциях, о формах рефлексивного залога. По данным Э.Генюшене, в словарях зарегистрировано более полутора тысяч глаголов с oneself, что же касается свободных сочетаний типа to love oneself, их употребление практически неограничено. Семантически же возвратность относится к категориям предложения, при которых референт субъекта и объекта полностью или частично совпадает. Синтаксическая природа возвратности четко проявляется в языках типа английского с раздельным написанием глагола и возвратного элемента, но не столь очевидна в языках со слитным написанием этих компонентов, как в русском.

Возвратная конструкция противопоставлена всем остальным конструкциям с данным глаголом по признаку «асимметрия/симметрия отношений семантических актантов к единицам референтного уровня». В ней один и тот же референт (так, по крайней мере, принято считать) обозначен дважды: именем в позиции подлежащего и возвратным местоимением в позиции дополнения. Отнесение сразу двух актантов к одному референту является столь важной отличительной чертой возвратной конструкции, что она не может рассматриваться в одном ряду с залоговыми конструкциями (Зало-

говые конструкции, 1981, с.3-4), возвратность относится к категориям другого плана, связанным с референтностью.

Особенностью собственно возвратной конструкции является то, что независимо от того, какое личностное имя стоит в позиции подлежащего, возвратное местоимение (анафора) соотносится с той частью семантики имени в позиции подлежащего, которую можно было бы обозначить «человек», «лицо» в широком смысле слова: *Летчик (новенький, Иван) умылся (потратился, сосредоточился)*, с точки зрения отношения -ся к antecedентному слову, равно *Человек умылся (потратился, сосредоточился)*.

Возникает вопрос, действительно ли возвратная анафора и antecedентное слово семантически равны? Ведь в предложении они трактуются по-разному: *John washed himself* (Субъект и Объект действия), *John saw himself in the mirror* (Субъект и Объект восприятия) и т.д. Это неравенство находит свое отражение в необязательности полной референциальной идентичности анафорического местоимения и личностного antecedента в позиции подлежащего.

1. Oneself соотносится с antecedентным словом полностью:

- а) в конструкциях с глаголами идентификации типа *to identify, to present, to announce* (*They called themselves Rhinoceros*);
- б) в конструкциях с глаголами уничтожения: *A girl who'd gassed herself and was found by him* (O'Brien); *May be he drowned himself in one of the many big lakes, or changed his name and went to a city. At any rate he did not hang himself from a tree* (O'Brien);
- в) в конструкциях с глаголами (само)утверждения: *My chief task is to discover and affirm myself* (Work);
- г) в конструкциях с глаголами пространственного ограничения местоположения Субъекта или освобождения от этого ограничения: *Harvey had locked himself in his study* (Hailey); *Releasing herself from his hands, she took the keys* (ib.).

2. Oneself относится только к части тела референта, обозначенного словом в позиции подлежащего. Это типично для конструкций с глаголами повреждения и прикосновения (*to scratch, to prick, to scrub, to wound*) и самообслуживания (*to towel, to powder, to curl*,

to comb, to wash): She pricked herself; She powdered herself. Хотя эти глаголы не уточняют часть тела, по отношению к которой совершается действие, presupпозиция о том, что это часть, а не целое, довольно четко имплицитруется. В некоторых случаях совершенно ясно даже, какая это часть тела: He shaved himself может быть понято только в том смысле, что бритью подвергается лицо, в противном случае нужно уточнение: They stopped shaving underarms and legs (Davidson).

3. С глаголами духовной деятельности дело обстоит еще сложнее: возвратное местоимение oneself может относиться к тому аспекту содержания имени в позиции подлежащего, который выступает в нем на первый план в результате его соотнесения с данным семантическим типом предиката. Так, John collected himself = John collected his will, thoughts; John controlled himself = John controlled his temper, his anger; John repeated himself = John repeated his words; John sacrificed himself = John sacrificed his life.

Таким образом, в конструкциях с глаголами духовной деятельности имя лица «выделяет» для возвратной анафоры целый набор семантических признаков, относящихся к духовной сфере человека. Среди них такие как «характер», «свойство», «чувство», «мысли» и многие другие, причем один и тот же предикат «включает» у имени разные antecedентные семы имени в позиции подлежащего, с которыми соотносится oneself. Так, в принципе oneself в конструкции с глаголом to know может относиться к лицу в целом, как в Know thyself (Познай себя). Однако высказывание John knew himself в одной ситуации может означать 'Джон знал свой организм (и потому принял горячий душ после пребывания под дождем)', в другой — 'Джон знал свой характер', как в следующем предложении: ...I thought I knew myself very well, and that I was humble enough (Cary). Oneself может относиться к семе «желание» в семантике лица, как в предложении Do you know yourself? Perhaps it is Truth and Freedom that you seek, and for a moment you thought that you might find release in Love (Maugham).

Тот факт, что в возвратной конструкции при наличии общего референта-лица рефлексивизация может происходить не только на синтаксическом уровне при полном референциальном совпадении antecedентного слова и возвратного местоимения (John killed

himself), но и на синтаксическом уровне, когда взаимодействует возвратное местоимение и лишь часть семантики слова в позиции подлежащего, свидетельствует о резком и принципиальном отличии возвратной конструкции и от конструкций, считающихся залоговыми, и от конструкций, противопоставляющихся по признакам Субъекта и Объекта. Особую теоретическую трудность представляет объяснение сложной семантики имени в позиции подлежащего, которое выделяет для анафорического возвратного местоимения столь различные, конкретные и абстрактные смы, ср.:

John shaved himself;

John buttoned himself;

John spent himself bankrupt;

John controlled himself and his voice.

Рефлексивные местоимения «высвечивают» такое богатство сем в содержании личностного имени, что его объяснение требует какого-то нового подхода к семантике слова вообще и к семантике слова в высказывании в частности. Во-первых, выделенные выше на основе анализа возвратной конструкции семантические элементы имени лица отсутствуют в его словарных дефинициях и не проявляются при компонентном анализе. Они выделяются в словарной единице в высказывании и связаны с различными пресуппозициями: пресуппозицией наличия у человека частей тела, одежды, собственности, определенных духовных и социальных качеств. Из этого можно сделать вывод о том, что слово присутствует в высказывании со всей своей богатой семантикой, позволяющей ему в любой момент «повернуться» к семантике предложения нужной стороной. Это значит, что объем значения слова невероятно широк.

2. Парадигма предложений с глаголами других семантических групп

Выше уже говорилось, что по типу конструкций с глаголами физического действия строятся конструкции с огромным числом глаголов, тем или иным образом семантически сближающихся с глаголами действия. В парадигматических рядах конструкций с неполностью реализованными валентностями происходит то же

самое. Примером может служить полная парадигма конструкций с глаголом *to sell*. Базисной конструкцией с определенным Субъектом и определенным Объектом *John sold his houses* противопоставляются конструкции по признаку Субъекта: 1) неопределенно-субъектная: *As other houses are sold, she began buying* (Grau) и 2) обобщенно-субъектная: *Once those houses are finished they'll sell like hot cakes* (Wouk). По признаку Объекта определенно-объектному предложению противопоставляется обобщенно-объектное: *He sells professionally*.

Местоимение *oneself* может относиться к разным сторонам деятельностного аспекта лица. Именно с этой точки зрения можно объяснить разницу в значении двух предложений:

1. *You're selling yourself short: that's new, isn't it?* (O'Connor).
2. *In this life never sell yourself cheaply. In professional services some of the highest fees... are commanded by sheer audacity* (Hailey).

В первом предложении речь идет о продаже своего «принципиального и независимого Я», во втором старый адвокат поучает молодого коллегу, как подороже продать свое «трудящееся Я».

Глаголы передачи и отчуждения тоже семантически соприкасаются с глаголами физического действия (*to give Tom a book with one's own hands*), поэтому они подстраиваются под парадигму противопоставлений по признакам Субъекта и Объекта, и имеют те же ряды: *John gave a present to his mother; A present was given to his mother*. Теоретически возможно и предложение с обобщенным получателем. М.Хэллидей приводит пример: *men don't give presents easily* (= *it is not easy to give presents to men*), отмечая, однако, его многозначность. Практически такие предложения исключительно редки, но по причинам, вероятно, экстралингвистическим: Получатель может быть неопределенным и неизвестным, но обобщенным его как-то трудно представить. Особенностью этих предложений является существование пассивных конструкций с Получателем в позиции подлежащего: *His mother was given a present*. Такое употребление не нарушает семантики пассива (Субъект остается неопределенным) и связано с тема-рематическим членением предложения.

Конструкции с глаголами восприятия и мыслительной деятельности тоже противопоставляются по признакам своих семантических актантов, которые могут быть определенными, неопределенными и обобщенными. Отсутствие конструкций с каким-либо признаком зависит от лексического значения главного глагола.

Противопоставление по признаку «определенный / неопределенный Субъект восприятия»:

1. He saw a plane : A plane was seen.
2. He saw her fall : She was seen to fall.
3. He saw her falling : She was seen falling.
4. He saw that she was falling : It was seen that she was falling.

Как уже отмечалось, рассматриваемые глаголы редко в своем первичном значении употребляются в сложноподчиненном предложении (это вторичная конструкция). То же можно сказать о теоретически правильных предложениях с *it was seen that...*

Обобщенно-субъектное значение можно усмотреть в конструкциях с глаголами обоняния, вкусовых и тактильных ощущений: *It smells good (Hornby); The flesh tasted of something unknown (Lee. L); «How does a snake feel?» «Sort of rough. Cold. Dusty» (ibidem)*. В них не может быть определен Субъект восприятия, хотя он обязательно присутствует в семантике конструкций: предметы пахнут, звучат, имеют вид независимо от воспринимающего лица, но все эти признаки описываются, потому что какой-то обобщенный Субъект восприятия имплицитно присутствует.

В противопоставлении по признаку «определенный / обобщенный Объект восприятия» абсолютная конструкция имеет значение «Субъект в состоянии воспринимать»: *It is mist-free; you can see in all directions (Grau)*. Неопределенно-объектные конструкции практически не встречаются.

Конструкции с предикатами мыслительной деятельности противопоставляются по признаку «определенный / неопределенный Субъект мыслительной деятельности». Формально это противопоставление активных конструкций пассивным, но последние очень своеобразны, и некоторые из них являются предметом спора в английской грамматике.

Базисная структура с придаточным предложением противопоставляется сложноподчиненному предложению, в котором главное представляет так называемое безличное предложение с вводящим *it*: *It was well known that Miss Fanshow had a Coder (MESS); It was generally thought she had some coloured blood (MESS)*.

Особый интерес представляет противопоставление по признаку определенного/неопределенного Субъекта конструкций с объектно-предикативным оборотом:

1. a) *They knew her to have raised a score of children;*
b) *She was known to have raised a score of children (Lee L.).*
2. a) *They considered service to be voluntary;*
b) *The service was considered to be voluntary (ibidem).*

По сравнению с исходной конструкцией в производной происходит «расщепление» Объекта мыслительной деятельности: его субъектная часть попадает в позицию подлежащего, а предикатная остается в неизменном виде в конце предложения. Суть процесса была правильно подмечена О.Есперсеном, который толковал это словосочетание как расщепленное на две части сложное подлежащее (Split Subject, Complex Subject) (См. также: Ganshina M., Vasilevskaya N., 1954; Израилевич Е.Е., Качалова К.Н., 1954). В терминах теории предикатных актанта можно было бы говорить о «расщеплении» предикатного актанта. С парадигматической точки зрения следует поддержать тех грамматистов, которые считали данные конструкции своеобразной пассивной формой конструкции с *nominativus cum infinitivo*, иначе они остаются вне парадигмы вообще. Эти конструкции имеют признак «неопределенный Субъект мыслительной деятельности» и аналогичны двучленной страдательной конструкции. Но в принципе возможна трехчленная пассивная конструкция с определенным Субъектом с *by*: *The Chinese approach is believed here by Western observers to be one of calculated aggravation (Ek)*.

При обобщенном Объекте мыслительной деятельности глагол в абсолютной конструкции N_1V может обозначать способность к процессу мышления, воспоминания, понимания и т.д. Например, о слабоумном батраке сказано: *He is a good worker if he understands, but you have to tell him just what to do (Clark); If youth knew, if age could (CODQ)*.

При неопределенном Объекте мыслительной деятельности глагол имеет значение «заниматься той деятельностью, которая обозначена глаголом»: All the time I was thinking and thinking (Christie); He reflected for a minute (Shute).

3. Связь между значениями слова и его синтаксической функцией в предложении

Из практики изучения английского языка, а также из теории синтагматических связей единиц мы знаем, что по-настоящему значение слова раскрывается только в предложении. Однако это не значит, что при этом всегда значение слова зависит от предложения как от синтаксической единицы. Ведь часто слово меняет свое значение из-за сочетания с другими словами же, которые тоже находятся в этом предложении. Вспомним, например, о том, как меняется значение глагола to break в зависимости от семантики существительных, с которыми он сочетается. При этом осуществляется связь между *лексическими* единицами (словами) в предложении.

Чтобы выявить *синтаксически обусловленные особенности* значения слова, которые оно приобретает только благодаря самому факту его употребления в предложении, следует выяснить, существует ли связь между значением слова и его синтаксической функцией в предложении.

Исследования последних десятилетий позволяют утверждать, что употребление слова в той или иной синтаксической функции не безразлично для его значения. Обратим внимание на значение слова teacher в следующих трех предложениях:

1. The teacher₁ came in.
2. My brother is a teacher₂.
3. You should never do it. You are a teacher₃!

Очевидно, что teacher₁ является конкретным существительным, так как обозначает конкретного человека; teacher₂ уже менее конкретно, хотя оно обозначает класс конкретных предметов; в третьем примере teacher₃ еще дальше уходит от своей конкретной сущности, так как обозначает еще свойство и признаки предметов, принадлежащих к определенному классу. Первое значение принято

называть денотативным, поскольку оно соотносится с реальными предметами и явлениями действительности, второе и третье значение относят к сигнификативным, поскольку они связаны с понятием о предмете.

Сигнификативное значение, связанное с понятийной стороной слова, относится к признакам и свойствам, обозначенным этим словом. Предложение *You should never do it. You are a teacher!* можно интерпретировать следующим образом: 'Вы никогда не должны этого делать, ибо вы относитесь к классу учителей, которые обладают свойствами и признаками, запрещающими это делать'. И хотя ни в одном словаре нет и не будет объяснений типа *teacher* — 'человек, обладающий свойствами и признаками учителя', всякое имя в позиции именной части составного сказуемого может иметь и классифицирующее, и признаковое значение, которое в отечественной лингвистике называют предикатным значением (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова).

Оказалось, что некоторые имена по природе тяготеют к предикатным, в частности, оценочные слова типа *fool, gascal*. Часто это также слова, первично обозначающие животных, но в роли предикатива относящиеся к человеку и соответственно его характеризующие: *You are a dirty pig of an untrue friend!* Эти слова в функции подлежащего не употребляются, так как в таком случае они изменили бы свое значение — стали бы обозначать предмет, ср.: *He is just an old bear*, но невозможно: *The old bear entered the room*. В этой позиции слово *bear* имеет или прямое значение или превращается в прозвище.

Именно несовпадение значений имени в разных синтаксических функциях объясняет существование в языке на первый взгляд тавтологического и, следовательно, не имеющего смысла предложения типа *War are war, Business is business*. На самом деле эти предложения хорошо организованы, и понятны они именно потому, что имя в позиции подлежащего конкретно («всякая война»), а в позиции предикатива абстрактно и признаково («имеющая свойства и признаки войны»), а все предложение интерпретируется следующим образом «война (всякая) является тем, что обладает свойствами и признаками войны». Предикатное значение имени обусловлено синтаксически, но, к сожалению, еще мало изучено.

Вторым примером, который может доказать влияние синтаксической функции на значение слова, является употребление предметного имени в позиции, предназначенной глаголом-сказуемым для предикатного (т.е. обозначающего событие) актанта. Об этом уже говорилось при анализе предложений типа *Cigarettes cause cancer*, которое означает 'Smoking cigarettes causes cancer'. Здесь *cigarettes* приобретает так называемое пропозитивное значение (восходящее к пропозиции, к предложению). Это значение в системе языка не обнаруживается и тем более не регистрируется в словарях. Оно возникает только в предложении и является речевым. При этом, во-первых, предметное имя сохраняет свое собственное значение, во-вторых, оно привлекает к себе предикат (*smoke*) и становится таким образом заместителем номинализации.

Высказывание в конкретной ситуации при участии конкретных коммуникантов получает, таким образом, гораздо более широкую интерпретацию, нежели та, которая складывается из суммы значений составляющих его лексем. Понимание таких высказываний опирается на различного рода пресуппозиции.

Согласно теории речевого общения, в содержании каждого высказывания следует различать утверждаемое (*assertion*), которое языковой формой выражено, и пресуппозицию (*presupposition*) говорящего, которая не имеет формального выражения, но входит в семантическую интерпретацию предложения и влияет на его формальную структуру. Под пресуппозицией понимают «предпосылки, которые имплицитно выражены в высказывании» (Keenan E., 1971, 345). Учитывая двусторонний характер общения, исследователи относят к пресуппозиции ту имплицитную (подразумеваемую) в высказывании информацию, которая по мнению говорящего, является общей для него и для слушателя. Основными из нескольких понятий пресуппозиции сегодня можно считать семантические (логические) и прагматические (пресуппозиции говорящего). Первые основаны на знании говорящих о естественных, обязательных отношениях в мире, вторые — на знании говорящих об определенных отношениях между событиями.

Рассмотрим с этой точки зрения известное высказывание Дж.Лакова, который возводит сочетания типа *one more beer* к пропозиции и приходит к выводу, что в следующем предложении

имплицитруемая часть восстанавливается только из контекста, и предложение может иметь большое количество интерпретаций, например а, б, в, и др.:

One more beer, and I'll leave.

а) If I drink one more beer then I'll leave;

б) If you drink one more beer then I'll leave;

в) If you pour one more beer down my back, then I'll leave.

Уже при первом взгляде на эти три толкования видна различная их предсказуемость. Без опоры на контекст в первую очередь в голову приходит именно первое значение, ибо здесь можно исходить из общелогических представлений говорящих: поскольку пиво обычно пьют, понимание *one more drink* как 'кто-то пьет стакан пива' не нуждается в контексте. Вопрос о том, кто именно пьет пиво, тоже остается в рамках семантической пресуппозиции — это может быть только кто-то из присутствующих, скорее всего говорящий. К прагматической пресуппозиции необходимо обратиться только при третьей интерпретации, которая непредсказуема без опоры на контекст. Но и она исходит из известной логической пресуппозиции применения. Однако это необычное применение. Чтобы понять рассматриваемое высказывание в смысле (в), необходимо опираться на особую логику, существующую лишь в узком ряду говорящих, которые по каким-то причинам нашли пиво необычное применение — выливают его за шиворот. Кстати, и здесь возможности прагматической пресуппозиции не безграничны — имплицитироваться могут только предикаты, обозначающие разные способы применения пива, но не предикаты, скажем, психической деятельности. Это высказывание не употребляется в смысле г) *If he thinks of one more beer, I'll leave.*

В тексте художественного произведения есть разные пути экспликации пресуппозиции говорящего. Наиболее простой способ, когда эти знания говорящего сообщаются непосредственно в постили предтексте, как в следующем примере: *Lin Fan's eyes struck Judge Dee; they had a queer fixed stare and seemed to move with his head (Gulik)*. Вторая часть предложения раскрывает, какие именно свойства глаз Лин Фана поразили судью Ли. Пресуппозиция может извлекаться из общего содержания текста.

Выделение области пропозитивных значений существенно для анализа семантической структуры предложений и координации ее частей.

ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ VI

Задание 1. Определите значение следующих многозначных предложений. Выразите эти значения предложениями:

1. Tom or John and Mary will come;
2. John broke the window with his sister.

Задание 2. Объясните неоднозначность следующих одинаковых по формальной структуре предложений через нетождественность семантических отношений между составляющими. Обратите внимание на роль прагматических факторов:

1. Our store sells alligator shoes;
2. Our store sells horse shoes.

Задание 3. Определите валентностно-актантную схему следующих глаголов в их прямых значениях. Пользуйтесь при этом такими актантами, как Субъект действия, Объект действия, Субъект восприятия, Объект восприятия, Причина, Результат. Определите сразу предметный или предикатный (событийный) характер актанта:

to dig, to open, to move, to force, to see, to hear, to cause, to prevent.

Задание 4. Постройте парадигму предложения, не изменяя количества реализованных валентностей и модальные характеристики главного глагола:

- 1) John forgot reading the book;
- 2) John brought some bread.

Задание 5. Постройте парадигму предложения, изменяя количество реализованных валентностей, но не изменяя модальные характеристики главного глагола:

- 1) John looks at Mary;
- 2) John opened the window.

Задание 6. Постройте парадигму предложения, изменяя видо-временные признаки глагола:

John does it properly.

Задание 7. Определите по словарю список конструкций, в которых употребляются глаголы to want, to intend, to decide, to remember, to accuse. Выделите базисную структуру.

Задание 8. Определите темпоральные отношения между событиями, обозначенными герундием и событием, обозначенным личным глаголом:

1. First of all I was ashamed of never having been near him (Christie).
2. He beckoned again. I became ashamed of being afraid of him (Wyndham).
3. And I am really surprised at Agnees doing so (Christie).

Задание 9. Найдите семантические сдвиги в главных глаголах и объясните их; обратите особое внимание на четвертое и пятое предложения:

1. Michael saw with a dreary clarity what things would be like if she did return (Murdoch).
2. Toby saw that a light was shining from one of the windows (Murdoch).
3. He always makes you feel he is very proud of you (O'Connor).
4. I've never heard anyone to touch you (Ek).
5. ... seeing the perfect painting of the sea to be impossible (Ek).
6. You mean to say you never saw him (Maugham).
7. Not one of the women thought to laugh (Doctorow).

Задание 10. Выделите первичные конструкции (базисные структуры) для глаголов речи:

1. Then he exults: «You will come with me» (Lessing).
2. «They're all in Spain», he remarked abruptly (Galsworthy).
3. He said that profession was a great moment in life (Lawrence).
4. She murmured her assent (Lawrence).
5. He told her where he was going (Lawrence).
6. «I think Clark has such beautiful arms», he said (Lawrence).
7. She said I was a baby of four, and that I always had battled her off (Lawrence).

Задание 11. Можно ли считать следующие предложения реализацией одной и той же семантической структуры? Если да, то какое предложение является исходным в парадигме?

1. He shook his head and said: «This is a sad, sad story» (Gulik).
2. He shook his head saying: «This is a sad, sad story».
3. He said shaking his head: «This is a sad, sad story».
4. He shook his head: «This is a sad, sad story».

Задание 12. Определите семантику следующих предложений. Подтвердите свою интерпретацию при помощи трансформаций:

1. ... until the paralytic polio struck without warning, it *had killed* Hester in twenty four hours (Hailey). 2. By the time she was three or four, her mother was smearing her face with buttermilk... and *sitting* her in the blazing sun to bleach (Grau). 3. Some workers *turned* the Rover (Wouk); She *turned* the Rover unto stucco gateway (ibidem).

Задание 13. Дайте интерпретацию следующих предложений; обратите внимание на смысл выделенных имен:

1. *The cavern* frightened John (Lee G.). 2. *The moon* has an effect on the surface of the ocean. 3. Right now Bill wants *your apartment* until June, but tomorrow he'll probably want it until October (McCawley). 4. *The snow* happened (London). 5. The melting *snow* may cause widespread flooding (Freeman). 6. One only wants *bad news* (Murdoch). 7. I wanted *him* out of the house (Murdoch).

Задание 14. Обратите внимание на употребление *to be* и *to get* в следующих предложениях. Найдите разницу между ними. Попробуйте отразить ее при переводе:

1. Обсуждается начало всемирной катастрофы: It's mighty difficult to stop a war when all the statesmen *have been killed*... I'd say it was the same in all the countries, after the statesmen *got killed* (Shute). 2. It became a kind of game, to kick the stone before it stopped... and to find it when it *got lost* in the grass verges (Hartley).

Задание 15. Объясните семантическую и синтаксическую организацию предложений а, б, с:

(a) «You hadn't hurt yourself, I hope, sir?» said Sam, in a loud whisper... (b) «I have not hurt myself, Sam, certainly», replied Mr. Pickwick, from the other side of the wall, «but I rather think that (c) you have hurt me» (Dickens).

Задание 16. Определите таксисный характер отношений между двумя событиями, обозначенными в следующих высказываниях:

1. He spent too much time polishing the car (Hailey). 2. Berezhinsky followed him, carrying a slender chair with a delicate back (Malamud). 3. Oliver was sure she was an idiot and regretted marrying her (Shaw). 4. I remembered having seen an old edition of Shakespear there (Christie). 5. Hollister, upon hearing the news from Charlie Joy, had telephoned Brock (O'Hara). 6. When arrested, he admitted readily to the crime... (Archer). 7. I am awfully sorry for having made such a nuisance of myself (Christie). 8. I became ashamed of being afraid of him (Windham). 9. I was too shocked at seeing Miles to see anybody else (Hailey). 10. She intended to gamble on the fat man's greed (Hailey). 11. ... he never wanted to see him again to thank him (O'Hara). 12. She opened the door to reveal a man dressed in a grey sweater and blue jeans (Archer). 13. Abel sank back into his seat before replying (Archer). 14. Riggs stated that he did not remember killing his wife and her lover (Christie). 15. I heard Joanne returning (Christie).

Задание 17. а) Объясните употребление инфинитивного, причастного и герундиального оборотов в следующих предложениях; б) попытайтесь отразить разницу в переводе; в) подумайте, можно ли в 4а заменить to see глаголом to notice:

1. a. Everybody in town saw the old yellow house burn down (Saroyan).
b. In the distance, he saw a porch light burning (Cheever).
2. I would look through the windows and see (a) the wet wall streaming, (b) the black trees bend in the wind (Lee L.).
3. Harry ... saw before him (a) the chaplain's door open and a light inside and (b) a figure standing in the doorway (Thackeray).

4. a. I saw two masked figures detach themselves from the shadow behind (Gulik).
b. Have you noticed these two rushing together like a pair of conspirators? (Murdoch)
5. a. She has forgotten making a precise rendezvous for the night to come (Murdoch).
b. She has forgotten to make a precise rendezvous for the night to come.

Задание 18. Определите характер модальности в следующих высказываниях:

1. He put out his arms to steady her (Cato). 2. Botticelly was too ill to attend the Company (Stone). 3. She was too excited to sleep (Drabble). 4. I intend to be closely involved in its future (Archer). 5. I always want everything to have happened yesterday, Jessie (Archer). 6. Oliver had only two weeks to spend at the lake (Shaw). 7. He had seven mouths to feed (Robinson).

Задание 19. Определите тип полипредикативного предложения:

1. I wish he would not die (Aldridge). 2. He had little liking for his profession, believing it to be beneath him... in which he was probably right (Galsworthy). 3. He's a public school man, sir, and a gentleman, which... is much better (Galsworthy). 4. She was, and this he took for granted, a superior and special little girl (Murdoch).

Задание 20. Дайте семантическую интерпретацию следующих предложений. Сделайте обобщение относительно семантики имплицитного Субъекта:

1. Suddenly the stern slowed off the course and there was a crash and a mass of water swept over the quarter. They were blinded (Maugham). 2. He was killed in the Civil War (Grau). 3) As other farms were sold... she began buying (Grau).

Задание 21. Дайте семантическую интерпретацию следующих переходных предложений. Выявите их двузначность, где это возможно:

1. The door locked with a key (Anderson). 2. The thing is blunt, to begin with; next, no barb, too smooth; and finally, the thing bends too

easily. Hairpins should be made of steel (Gregory). 3. He was going through the stack of mail that had collected for him over the past two days (Grau). 4. She'd done a bit of gardening while the dinner was cooking (O'Brian). 5. Atticus' glasses had slipped a little (Lee L.). 6. ... the buttons that had fallen off over the years (O'Brian).

Задание 22. Определите признаки семантического Объекта в следующих предложениях:

1. Leo fixed tea, and a sardine sandwich for Salzman. As *they were drinking* he reached behind him for the packet of pictures (Malamud). 2. «James smokes», Charles said. «He smokes like mad» (O'Connor). 3. Canby came in while *we were eating* (Clark). 4. *To give* is more blessed than *to receive* (Galsworthy). 5. *A homicidal lunatic often kills*, as he thinks, in self-defence (Christie).

Задание 23. Определите, с какой семой antecedентного имени соотносится анафорическое возвратное местоимение.

1. I knew I was not a beauty, but till that hour I had not seen myself with the world's eye (Cary). 2. She saw herself in a tiny mirror (Wouk). 3. She was to prostrate herself on the floor (Gulik). 4. Six trusted servants barricaded themselves inside the stone redoubt (Gulik). 5. He towelled himself vigorously. 6. I shall sell you whatever you asked me, even if I should have to sell myself as a slave (Stone). 7. Priscilla began to lard herself with make up (Murdoch). 8. With an effort he composed himself (Hailey). 9. She controlled herself and her voice (Gregory). 10. I organized myself so that I do a good deal of work at home (Drabble). 11. He corrected himself (Hailey).

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

1. Предложение и высказывание как единицы языка и речи.
2. Пропозитивный и модальный конститuenty предложения.
3. Теория валентности и вербоцентрическая концепция предложения. Семантическая и синтаксическая валентность.
4. Валентностно-актантная схема предложения.

5. Теория валентности и вербоцентрическая концепция предложения. Семантическая и синтаксическая структура предложения. Предметный и предикатный актанта.
6. Теория семантического согласования предиката и его актанта. Предметный и предикатный актанта.
7. Валентностно-актантная схема предложения и его семантическая структура.
8. Понятие модели, конструкции, простой глагольной конструкции.
9. Парадигма предложений с реализованными валентностями главного глагола. Первичные и вторичные конструкции и семантические структуры предложений. Базисная структура.
10. Парадигма предложений с глаголами чувственного восприятия. Базисная структура и вторичные конструкции. Семантические сдвиги у глагола и предложения.
11. Парадигма предложений с глаголами желания и намерения. Базисная структура и вторичные конструкции.
12. Таксисные отношения одновременности в предложениях с вторично-предикативными оборотами.
13. Таксисные отношения предшествования в предложениях с вторично-предикативными оборотами.
14. Таксисные отношения следования в предложениях с вторично-предикативными оборотами.
15. Употребление перфектных и неперфектных форм неличных форм зависимого глагола после некоторых главных глаголов.
16. Интерпретация простого распространенного предложения в английской грамматике.
17. Двузначность конструкции N_1VN_2 с глаголами физического действия.
18. Парадигма каузативного предложения N_1VN_2 с глаголами физического действия: пассивная конструкция с *to get*; рефлексивная конструкция.
19. Что дает синтаксический подход для понимания употребления времен и наклонений?

20. Категория таксиса.
21. Категория модальности.
22. Связь категории таксиса и модальности с семантикой главного глагола в полипредикативной конструкции.
23. Четыре типа сложных предложений в английском языке.
24. Каковы отношения между сложносочиненным предложением и предложениями с однородными членами?
25. Общая оппозиция предложений с признаками Субъекта.
26. Проблема страдательного залога в английской грамматике.
27. Обобщенно-субъектная конструкция.
28. Оппозиция предложений по признакам Объекта.
29. Разнообразие деривационных связей непереходной конструкции.
30. Семантика взаимной конструкции.
31. Семантика возвратной конструкции.
32. Мотивированность синтаксических знаков в английском языке.

Тема VII

ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ПРИЗНАКАМ, СВЯЗАННЫМ С ИХ КОММУНИКАТИВНОЙ ЦЕЛЕУСТАНОВКОЙ

§ 1. Актуальное членение предложения

В разделе о парадигматике предложения мы выделили последний ряд, в котором предложения с одним и тем же лексическим наполнением противопоставляются друг другу по признакам, связанным с их коммуникативной установкой.

Во-первых, в одном и том же предложении даже при неизменном порядке слов перенос логического ударения с одного элемента на другой ведет к появлению нового смысла. Это легко заметить, сравнив следующие шесть предложений:

1. I've never actually seen Edward playing *golf* (though I have seen him playing football).
2. I've never actually seen Edward *playing* golf (though he talks a lot about it).
3. I've never actually seen *Edward* playing golf (though I've seen a lot of other people doing so).
4. I've never actually *seen* Edward playing golf (though people have told me he does).

5. I've *never* actually seen Edward playing golf (you are wrong if you say I have).
6. I've never actually seen Edward playing golf (though a lot of other people have).

В этих предложениях ударение создает контраст с каким-то другим элементом: golf — football (1), playing — talking about it (2), Edward — other people (3) и т.д. Этот контраст может быть эксплицирован, если говорящий произнесет заключенные в скобках предложения, или имплицирован, если он этого не сделает. В любом случае такое ударение меняет смысл предложения (An Encyclopaedia of Language, 1990).

Во-вторых, к изменению смысла ведет и изменение порядка слов в одинаковых (как кажется) предложениях, например:

1. John gave Mary a book.
2. John gave a book to Mary.

Если в первом сообщается, что именно отдал Джон Мери, то во втором в центре внимания оказывается получатель.

В-третьих, говорящий произносит предложения с намерением сообщить нечто, узнать что-то новое, побудить кого-то сделать что-то и т.д. Это обстоятельство нашло отражение в традиционной классификации предложений на повествовательные, вопросительные и побудительные.

Во всех этих случаях предложение актуализируется, то есть произносится конкретным говорящим в конкретной ситуации с конкретной целью и, следовательно, существует в конкретном речевом акте, превращаясь в *высказывание*. Оно обязательно оформляется интонационно и в зависимости от интонационных характеристик, может в конкретной ситуации быть основой разных сообщений. Именно актуальный аспект синтаксиса обеспечивает коммуникативную функцию языка. В центре нашего внимания будут так называемое актуальное членение предложения и коммуникативные типы предложения.

1. Понятие актуального членения

Понятие актуального членения начало складываться прежде всего при изучении простого предложения-высказывания (Матезиус

В.; Распопов И.П.; Иванова И.П. и др.; Слюсарева Н.А.; Шевякова В.Е.). Предложение-высказывание всегда содержит предмет мысли (речи), то есть то, о чем идет речь, в отношении чего что-то утверждается (отрицается), и то, что говорится о предмете речи. Предмет мысли является исходным пунктом высказывания, данным, его основой, а то, что говорится о предмете речи — новым. Так, например, в высказывании *John reads the newspapers* речь идет о человеке по имени *Джон* (*John*) — предмет мысли, данное, исходный пункт высказывания, а сообщается (утверждается) о нем то, что он *читает газеты* (*reads the newspapers*). К такому сообщению можно поставить вопрос: *What does John do?*

В том же предложении *John reads the newspapers* с логическим ударением на слове *the newspapers* речь идет о том, что то, что Джон читает (*John reads*), есть *газеты* (*the newspapers*) — новая информация. К такому сообщению можно поставить вопрос: *What does John read?*

С логическим ударением на слове *Джон* в предложении *John reads the newspapers* речь идет о том, что *газеты читают* (предмет мысли, данное), а сообщается (утверждается) относительно этого, что тот, кто читает, есть *Джон* (*John*). Можно поставить вопрос: *Who reads the newspapers?*

Приведенный пример показывает, что такое членение предложения не всегда совпадает с грамматическим членением его на подлежащее и сказуемое, то есть с членением предложения на главные члены предложения.

Грамматическое подлежащее и сказуемое не всегда являются показателями предмета мысли и того, что говорится о предмете речи (мысли). Предмет мысли в одном и том же предложении может быть различным. И он не всегда выражается через грамматическое подлежащее. Предмет мысли может быть выражен в любом члене предложения. В результате, как видно из вышеприведенного примера, одно и то же формально-грамматическое предложение в зависимости от конкретной ситуации может выражать не одно, а несколько разных суждений.

Членение предложения на две части, одна из которых является его исходным пунктом, основой, а другая часть — носителем новой информации относительно исходного пункта высказывания, называ-

ется *актуальным членением* предложения (Ильиш Б.А., 1971, с.191; Блох М.Я., 1983).

2. Тема и рема как базовые понятия актуального членения

Часть предложения, содержащая то, что является исходным пунктом высказывания или его центром, обозначается термином *тема* (Т). Известность данного, или темы сообщения, устанавливается не с точки зрения воспринимающего речь, а с точки зрения говорящего, его волей (Иванова И.П. и др., 1981, с.256; Слюсарева Н.А., 1981, с.124; Шевякова В.Е., 1980; Lyons J., 1978, 507 и др.).

Часть предложения, являющаяся носителем новой информации, обозначается термином *рема* (R). Рема — это то, что утверждается о теме (Золотова Г.А., 1973, с.334; Слюсарева Н.А., 1981; Шевякова В.Е., 1980 и др.).

Таким образом, актуальное членение в предложении предполагает его бинарное разбиение на тему (данное) и рему (новое).

Смысловым центром в оппозиции «тема — рема» является рема. Но не нужно недооценивать значение темы. Информация предложения создается не одной ремой, а сочетанием ремы и темы, всем комплексом, составляющим суждение, ибо важно не только то, *что* утверждается (рема), но и в отношении *чего* делается это утверждение (тема).

Однако следует отметить, что дихотомическая коммуникативная структура предложения «тема — рема» не является обязательной во всех случаях, так как возможны однословные предложения типа *Night* и предложения с формальным подлежащим типа *It was drizzling and rather cold*. Все предложение, которое открывает абзац текста, рематично (Иванова И.П. и др., 1981, с.257).

При выделении компонентов актуального членения — темы и ремы — естественно возникает вопрос, как они соотносятся с НС предложения: группой подлежащего и группой сказуемого.

Часто темой высказывания является группа подлежащего, а ремой — группа сказуемого, как, например: *The birds (тема) fly (рема)*.

Тематичность подлежащего при разноролевом его содержании может достигаться пассивизацией предложения, ср.:

John (T) gave a book to Mary (R).

Mary (T) was given a book by John (R).

A book (T) was given to Mary by John (R).

Данные предложения отражают одну и ту же ситуацию, но в каждом и них темой, то есть предметом сообщения, оказывается иной участник ситуации.

Важно особо подчеркнуть, что анализ тематической организации предложения очень сложен. Сложность анализа связана с контекстной зависимостью предложения, с возможностью локализации факторов, определяющих тема-рематическое членение, за пределами языка. Одно и то же предложение, даже простейшего двучленного состава, может по-разному интерпретироваться в тема-рематическом плане. Так, в предложении *John is absent* темой может быть и подлежащее *John*, и сказуемое *is absent*, что зависит от ситуации. Если речь идет о Джоне (например, ему хотят предложить билет в кино, а его нет в данный момент), то в предложении тематично подлежащее, а рематично сказуемое. В другой ситуации актуальное членение может быть иным: сказуемое *is absent* может быть темой. Говорящий может интересоваться, кто отсутствует. В данном случае рему высказывания составит подлежащее *John*, ибо по существу сообщаемое — это *The one who is absent is John*.

Таким образом, одно и то же предложение предстает как две реализации в аспекте актуального членения:

1. John (T) is absent (R).

2. John (R) is absent (T).

В то же время суждение, передаваемое этими двумя актуализациями предложения, если их рассматривать в терминах логики, являются неизменными (Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г., 1981, с.287).

В предложении может быть две темы и две ремы. Это имеет место в предложении с инфинитивными формами глагола типа *I am ready for him to come* (пример Слюсаревой Н.А.). В данном предложении две тема-рематические полные структуры со своими темами и ремами:

$$\begin{array}{l}
 T_1 \rightarrow R_1 \\
 \downarrow \\
 T_2 \rightarrow R_2
 \end{array}
 \quad
 \left(
 \begin{array}{l}
 \text{где } T_1 = I; R_1 = \text{am ready}; T_2 = \text{for him}; \\
 R_2 = \text{to come}
 \end{array}
 \right)$$

3. Актуальное членение предложения и грамматическое членение предложения

Актуальное членение предложения не следует смешивать с грамматическим членением предложения.

Различие между ними состоит в следующем:

1. Грамматическое членение предложения связано с проблемой главных (подлежащее и сказуемое) и второстепенных (дополнение, определение, обстоятельство) членов предложения. В процессе речи грамматическому членению принадлежит роль синтезирующая, интегрирующая единство предложения.

Актуальное членение предложения связано с выявлением структуры суждения, выражаемого в повествовательном предложении. Оно исходит из выражаемого предложением конкретного смысла, из анализа содержащегося в нем сообщения в контексте данной ситуации (Ахманова О.С., 1966, с.37). Актуальное членение представляет собой фактическое, реальное членение выражаемой в предложении мысли — суждения (Шевякова В.Е., 1976, с.5; Попов П.С., 1961, с.92).

2. При грамматическом членении повествовательного предложения порядок слов, как правило, подлежащее — сказуемое — дополнение — обстоятельство образа действия — обстоятельство места — обстоятельство времени (если оно помещено в конце предложения) (Шевякова В.Е., 1980, с.43).

В соответствии с этим в английском языке 1) *Peter went to Moscow* — норма, но 2) *To Moscow went Peter* — нарушение нормы. Значение ремы *Peter* в английском языке (в отличие от русского языка: *В Москву уехал Петр*) можно выразить, не меняя порядка слов, с помощью одного логического ударения (в устной речи) или же с помощью конструкции *it is ... that* (*It was Peter who went to Moscow*).

3. Единицы грамматического членения — главные и второстепенные члены предложения — единицы грамматические.

Но несмотря на то, что актуальное членение предложения и грамматическое членение предложения — разные категории, они, тем не менее, взаимосвязаны. Эта взаимосвязь заключается в том, что грамматика должна учитывать и ход мысли. Поэтому актуальное членение предложений различных коммуникативных типов не может рассматриваться вне его отношения к формально-грамматическому членению на члены предложения. Актуальное членение опирается на грамматическое, ибо только при наличии этой опоры можно оценить причину изменения порядка слов (Золотова Г.А., 1973, с.338).

Структурно-семантические компоненты предложения являются и компонентами актуального его членения, сопоставимыми единицами с точки зрения порядка слов (Золотова Г.А., 1973, с.339).

Проблема взаимоотношения актуального членения предложения с членением формально-грамматическим является важной и актуальной для языкознания как в теоретическом, так и практическом плане, ибо это вопрос о том, как грамматически актуальное членение связано с членением формально-грамматическим, какими грамматическими средствами осуществляется в том или ином языке реализация информативной структуры предложения — выражение смыслового центра сообщения: ремы и мысли предложения в целом (сочетание темы и ремы) и ее законченности, предикативности (Шевякова В.Е., 1980, с.21).

Это также вопрос о том, как соотносятся подлежащее (как структурно-семантический компонент предложения) и тема (как компонент актуального членения). Эта проблема, как отмечает Н.А.Слюсарева (1981, с.105), в настоящее время волнует многих исследователей. Основной вопрос сводится к следующему: по каким характеристикам определяются тема и подлежащее, если они совпадают при нейтральном порядке слов.

По мнению Н.А.Слюсаревой, идеи соотношения подлежащего и темы полно представлены в работе американских лингвистов Ч.Ли и С.Томпсона (Li, Thompson, 1976, 455-489). Авторы отмечают, что «важным свойством темы является то, что она не должна иметь селективных (семантических) отношений с каким-либо глаголом в предложении» (Там же, 1976, с.461), тогда как подлежащее обязательно должно быть связано семантически и морфологически с

глаголом-сказуемым. Из последнего свойства вытекает следующее: глагол-сказуемое определяет подлежащее, а не тему, выбор которой зависит от дискурса.

Согласование с глаголом-предикатом является отличительной чертой подлежащего, а не темы. Иными словами, в рематическом элементе могут быть составные части, не имеющие грамматического согласования с темой (с грамматическими свойствами темы). Так, например, в предложении *As for education*,

[Тема — T]
John prefers Russel's ideas.

[Рема — R]

глагол *prefers* определяет подлежащее *John*, а не тему *as for education*: подлежащее *John* является элементом ремы в целом.

4. Понятие двойной и осложненной темы

В пределах предложения один и тот же референт может быть назван дважды:

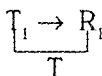
1. *Then this sailor, he* walked off in a fury.
2. *The dog, it* disappeared.
3. *Bill, are you* coming to-night?

Схема таких предложений имеет вид: $T_1 + T_1 \rightarrow R$.

В данных предложениях одна из номинаций представлена местоимением и обе номинации соотносимы с одним и тем же сказуемым. Здесь имеет место удвоение темы. Подобные отношения (*двойная тема*) могут складываться не только на уровне отдельно взятого предложения, но и в высказывании, состоящем из двух предложений: *Sylvia Keene. She was pretty, really very pretty*. Первое односоставное предложение представляет лишь тему, второе же предложение — тему и рему одновременно с повторной номинацией одного и того же референта. Удвоение темы особенно характерно в разговорной речи современного английского языка. Схема таких конструкций имеет вид: $T_1^1 + T_1^2 \rightarrow R_1^1 (+ R_1^2)$ (см. с. 346), где в скобки заключена факультативная вторая рема (*really very pretty*).

В предложениях с приложением типа *Next morning, Christmas Day, came fine and clear* имеет место особый случай усиления темы.

Это так называемая *осложненная тема* (Слюсарева Н.А., 1981, с.117): приложение выступает не просто в виде повторного наименования, а содержит рематический оттенок. И то, что по отношению к теме, выраженной подлежащим, приложение выступает в виде ремы, подтверждается возможностью развертывания предложения с приложением в самостоятельное предложение: *Next morning was Christmas Day and it came fine and clear.* Следовательно, вся группа «подлежащее + сказуемое» выступает как тема к последующей реме:

В других случаях возможна трансформация приложения в придаточное предложение: *The third man, Mr. Charles Wylde, remained silent all the time* → *The third man, who was Mr. Charles Wylde, remained silent all the time.*

Как отличить двойную тему от осложненной? При двойной теме трансформация предложения в придаточное невозможна.

Следует отметить, что не все предложения с приложением можно рассматривать как предложения с осложненной темой. Так, например, предложение типа *He produced a splendid diamond ring, value hundred pounds, and offered it to her* (пример Н.А.Слюсаревой) не может рассматриваться как предложение с осложненной темой по той причине, что оно основано не на равенстве дополнения и приложения (*ring • value two hundred pounds*). Приложение не идентифицируется с дополнением, а квалифицирует его: *which value was two hundred pounds*. Приложение, следовательно, содержит в себе особую имплицитную (скрытую) тема-рематическую конструкцию.

Осложненная тема в отличие от двойной характерна для письменной, а не для разговорной речи.

5. Понятие двойной и осложненной ремы

1. В простом предложении *I am ready to answer* темой высказывания является подлежащее *I*, а ремой — группа сказуемого *am ready to answer*, содержащая два глагольных элемента, которые неразрывно связаны между собой, так как второй элемент представ-

ляет собой восполнение первого. В то же время каждый глагольный элемент самостоятельно связан с темой:

$I \rightarrow \text{am ready}; I \rightarrow \text{to answer}$

В подобных предложениях имеет место случай *двойной ремы* (Слюсарева Н.А., 1981, с.130). Схема такого предложения предстает в виде: $T_1 \rightarrow R_1 + R_2$ ($T_1 = I; R_1 = \text{am ready}; R_2 = \text{to answer}$). Глагольная конструкция с двойной ремой весьма характерна для английского языка. Первая рема может быть представлена именной или адъективной группой, вторая — инфинитивом.

He is $\left\{ \begin{array}{l} \text{splendid} \\ \text{a gentleman} \end{array} \right\}$ to wait for me.

Как отмечает Н.А.Слюсарева, опущение второго компонента в некоторых семантических условиях невозможно, ср.:

1. He is difficult to astonish.
2. He is difficult... .

При опущении второго семантического компонента высказывание становится незавершенным по смыслу. Наличие инфинитива в данном предложении обязательно.

В других же случаях инфинитивный оборот является факультативным, ср.:

1. The air is frosty to breeze.
2. The air is frosty... .

Примером двойной ремы могут служить и следующие случаи:

- 1) пассивный оборот: I was asked to come с дальнейшим развитием инфинитивной группы: I was asked to come to see him (здесь — тройная рема);
- 2) соединения с модальными глаголами: Mary cannot answer this question.

Схематическая запись таких конструкций предстает в следующем виде:

$T \rightarrow R_1^1 + R_1^2$ (обе части двойной ремы обозначаются одинаково внизу, но с добавочным показателем сверху).

2. *Усложнение ремы* — это прежде всего двойная рема, однако есть и другие случаи усложнения ремы. Так, в предложении He did nothing and waited к одной теме (He) присоединены независимые структурно и семантически рематические составы, что можно представить схематически следующим образом:

$T \rightarrow R_1 + R_2$ (где T — He; R_1 — did nothing; R_2 — waited).

В некоторых случаях общим элементом в подобных конструкциях оказывается не только тема, но и вводящая рематические составы глагольная часть, например: The wall... would remain smooth and white. Схематическая запись: $T \rightarrow R (R_1 + R_2)$. Скобки показывают, что рема усложнилась: T — The wall; R — would remain smooth and white (R_1 — smooth; R_2 — white).

Данный тип усложнения ремы представляет собой координацию отношений между составляющими ее частями, когда в пределах ремы используются два или несколько членов, находящихся между собой в отношениях координации (сочинения). Поэтому данный тип ремы называют *многочленным координативным усложнением* (Слюсарева Н.А., 1981, с.133).

Другим типом усложнения ремы является субординация отношений между составляющими ее частями, когда в пределах ремы используются два или несколько членов, поясняющих друг друга таким образом, что ни один не может быть опущен, ср.:

1. There was a large number of dances.
2. There was... of dances.

В составе ремы могут быть использованы всякого рода адвербиальные конструкции. Они тоже усложняют рему. В отличие от координации и субординации, такую рему целесообразно именовать *распространенной* (Слюсарева Н.А., 1981, с.135). Примером распространенной ремы может служить следующее предложение: Thousands of flamingo lie on the water; at first shot they rise in a cloud; they wheel round and settle farther out.

И, наконец, самым обычным, широко распространенным случаем усложнения ремы является наличие восполнений и дополнений к глаголу, вводящему рему: The native band played the appropriate music. В данном случае рему можно назвать *восполненной*, считая, что дополнение при переходных глаголах является частным случаем восполнения.

6. Средства выражения актуального членения

а) Интонационно-просодические средства выражения ремы

В устной речи одним из самых обязательных и надежных языковых средств выражения и распознавания ремы является логическое ударение и интонация.

Интонационное выделение позволяет придать рематичность подлежащему, выделить в качестве ремы один член из группы сказуемого, переводя остальные в статус тематических, ср.:

1. 'Mary was speaking then in the room.
2. Mary was 'speaking then in the room.
3. Mary was speaking 'then in the room.
4. Mary was speaking then in the 'room.

В английском языке может быть выделено личное местоимение: Am 'I telling the story or are 'you? «'I ought to have done it», he whispered.

На письме в некоторых случаях интонационное выделение находит отражение в виде шрифтового выделения данного слова (обычно при помощи курсива).

Интересно, что при коммуникативной разнонаправленности логического ударения и грамматических факторов логическое ударение берет верх в ремовыражении. Сравните, например, подлежащее the following facts в предложении The following facts should be mastered by the students (Студенты должны усвоить следующие факты). Произнесенное с логическим ударением подлежащее facts воспринимается как рема предложения, несмотря на наличие при нем определенного артикля и на наличие в предложении ремовыделительной конструкции — предложного дополнения с by: by the students (а в русском переводе рема «следующие факты» тоже выделяется логическим ударением, несмотря на ремовыделительную конечную позицию) (Шевякова В.Е., 1980, с.79).

Следовательно, «именно логическое ударение, а не порядок слов является основным средством выделения ремы выражаемой в предложении мысли» (Панфилов В.З., 1971, с.133).

Единственным исключением из всех типов и видов предложений, в котором лексико-грамматический показатель *берет верх* над интонационным показателем, является местоименное вопросительное предложение. В нем местоименное вопросительное слово (вопросительное местоимение или наречие местоименного типа: *where, when, who*), являющееся единственным в своем роде комбинированным лексико-грамматическим показателем ремы, устраняет необходимость в ее интонационном выражении с помощью логического ударения. В таких случаях тоническим ударением обычно выделяется не рема (вопросительное слово), а член предложения — носитель темы, то есть выделяется не то, *что* спрашивается (это и так ясно), а то, относительно *чего* задается вопрос: *Where does he 'live? Who has 'arrived? Where are they 'going?*, где главно-ударным являются слова *live, arrived, going*.

В целом ряде случаев местоименное вопросительное слово все же является главно-ударным (носителем логического ударения): в однословных вопросах (*Where? When? Who?*), в переспросах (*'What did you say? 'Where did you go?*), в уточнительных вопросах (*How's 'the general? — Which general?*) (Шевякова В.Е., 1980, с.80, 82).

б) Грамматические средства выражения ремы

К средствам выражения ремы следует отнести синтаксические построения с вводящим *there/here* (или инверсия с вводным *there*), инверсия без вводного *there*, двойная инверсия, особая конструкция *it is... that (who, which)*.

В конструкции с вводным *there* лексическая часть подлежащего (существительное, именное словосочетание или местоименное словосочетание) находится в положении после сказуемого и тем самым выражает рему предложения. В предложении *There are many beautiful squares in this city* темой является фразоконечное обстоятельство *in this city*, а ремой — группа подлежащего *many beautiful squares*. Данное предложение отвечает на вопрос: *Что имеется в этом городе?* Порядок следования членов актуального членения здесь обратный: новое — данное (рема — тема). В русском же переводе он должен быть прямым: тема — рема, то есть подлежащее должно занимать конечное положение после обстоятельства места: *В этом городе много прекрасных парков*. Перевод же *Много*

прекрасных парков имеется в этом городе не может считаться адекватным, так как он содержит иную информацию, отвечающую на вопрос: Где имеется много прекрасных парков? При постановке данного вопроса меняется порядок следования членов актуального членения: рема оригинала *many beautiful squares* превращается в тему, а тема оригинала *in this city* — в ремю. Таким образом, в переводе оказалась нарушенной структура актуального членения предложения.

Инверсия без вводного *there* типа *Inside was a microscope* служит для рематизации подлежащего в предложениях с событийным значением. Темой является фразоначалное обстоятельство места *inside*. Данное предложение отвечает на вопрос: Что было внутри? Порядок следования членов актуального членения здесь прямой, как и в русском языке: тема — рема. При переводе не требуется изменения словорасположения. Порядок слов русского перевода повторяет порядок слов английского предложения: *Внутри был микроскоп*.

Рематизация подлежащего или группы подлежащего достигается также с помощью конструкции с двойной инверсией в предложениях с бытийным значением типа *Hanging on the walls were pictures of scientists*. Особенность двойной инверсии заключается в следующем. Двучленное сказуемое (в форме *Continuous*) *were hanging* стоит не только перед подлежащим, но и сами части сказуемого, разъединенные обстоятельством места (*on the walls*), следуют в инвертированном порядке: *hanging... were* (вместо *were hanging*). Порядок следования членов актуального членения в конструкции с двойной инверсией прямой: тема (обстоятельство места и сказуемое) — рема (подлежащее или группа подлежащего). Адекватным будет следующий перевод: *На стенах висели портреты ученых*.

Следует отметить, что конструкцию с двойной инверсией двучленного глагольного сказуемого в форме *Continuous* необходимо отличать от конструкции с двойной инверсией составного именного сказуемого типа *Indulgent and severe was her look (Galsworthy)*.

В этой конструкции подлежащее является не ремой, а темой. Носителем нового является часть сказуемого (*indulgent and severe*). Возникает вопрос: в чем отличие конструкций с двойной инверсией двучленного глагольного сказуемого и составного именного сказуемого?

Отличительные признаки следующие:

- 1) В конструкции с двойной инверсией составного именного сказуемого отсутствует значение бытия. С этим связано отсутствие обстоятельства места.
- 2) Составное именное сказуемое, в данном случае, имеет сильно выраженные черты атрибутивности, раскрывающие качество, атрибутивные признаки лица или предмета, выраженного подлежащим, и отвечает на вопрос: *какой?* В конструкции же с двойной инверсией двучленного глагольного сказуемого последнее выражает действие или состояние.

Синтаксический оборот *it is... that (which, who)* дает возможность рематизировать в предложении любую его член, кроме сказуемого, ср.: *Half a century ago Tsiolkovsky suggested the idea of a man-made satellite.* →

1. *It was he who suggested the idea of a man-made satellite.*
2. *It was the idea of a man-made satellite that he suggested.*
3. *It was half a century ago when he suggested this idea.*

Если подлежащее является выразителем ремы, то при нем обычно стоит неопределенный или нулевой артикль:

An idea struck her (Jerome K. Jerome). →

Ей пришла в голову *новая идея*.

Vacation was approaching (M. Twain). →

Приближались *каникулы*.

Во многих предложениях с бытийным значением, которые по смыслу сходны с предложениями с вводящим *there*, при обстоятельстве-теме обычно стоит определенный артикль, при подлежащем — неопределенный или нулевой артикль (Шевякова В.Е., 1980, с.111), например: *A small oil-lamp burned on the floor and two men crouched against the wall (G. Greene).* = *There burned a small oil-lamp on the floor; There crouched two men against the wall.*

Наличие определенного артикля при одном существительном-теме иногда помогает распознать рему в слове, не имеющем артикля вообще. Так, в предложении *These phenomena will not be considered in the present book* наличие определенного артикля при обстоятельстве места (*in the present book*) и указательного местоимения при

подлежащем (*these phenomena*) наводит на мысль о том, что эти члены предложения могут оказаться данным (темой). Новым оказывается сказуемое (*will be considered*), которое в русском переводе находится в конце предложения после темы: *В данной книге эти явления рассматриваться не будут* (Шевякова В.Е., 1980, с.114).

Однако следует отметить, что артикль, как и члены предложения (подлежащее и сказуемое), не всегда может считаться показателем темы и ремы. В целом ряде случаев и при теме, и при реме может стоять как определенный, так и неопределенный артикль. Например, в следующих предложениях определенный артикль при существительном является показателем ремы: *At eleven thirty the 'telephone rang in the corridor (M. Wilson); Mr. Warren rang the bell and in a moment the maid appeared (S. Maugham).*

По всей вероятности, как утверждает В.Е.Шевякова (1980, с.119), артикль следует рассматривать лишь как сигнал о возможности того, что слово, например, с неопределенным (или нулевым) артиклем может оказаться носителем ремы, а слово с определенным артиклем — носителем темы. И этот сигнал необходимо проверять с помощью контекста.

в) Лексические средства выражения ремы

К лексическим средствам выражения ремы относят слова-частицы с выделительно-ограничительным значением: *only, almost, at least, just, merely, namely, such as, rather, than, even, solely, exactly, precisely* и др. (Иванова И.П. и др., 1981, с.259; Шевякова В.Е., 1980, с.121; Ильиш Б.А., 1971, с.194).

Обычно член предложения, непосредственно следующий за одним из этих слов, является носителем ремы. В предложении «*The train only stays in the siding for a minute or so*», *Celia said (P. Abrahams)* благодаря лексическому показателю *only* сказуемое *stays* воспринимается как смысловой центр-рема (а не подлежащее *the train*).

7. Актуальное членение и порядок слов в предложении

Некоторые особенности порядка слов в английском предложении объясняются именно потребностями выражения «актуального членения» предложения, несовпадающего в этих случаях с членением

по НС. Вынесение в начало предложения синтаксических элементов, нормально не занимающих такого положения, возможно с целью ремовыражения. Так, например, в следующем предложении смещение подлежащего в конечную позицию делает его рематичным: *And then came a curious experience* (Wells). Напротив, помещение в начало предложения дополнения или обстоятельства, может сделать их тематичными, например:

1. *That* I knew with absolute lucidity.
2. *Her boots* I did observe.
3. *Near her, in the easy chair* sits a Monster.

Дополнение в начальной позиции может быть и показателем ремы (Шевякова В.Е., 1980, с.56): *Queer face* the fellow had; plain and yet attractive.

На общем фоне фиксированного порядка слов отклонения от обычного являются значимыми, так как порядок слов выступает как средство рема-тематической организации предложения.

Таким образом, в английском языке для выделения членов «актуального членения» используются самые разнообразные средства. Как правило, они используются не в отдельности, а в сочетании друг с другом. Например, в предложении *In the centre of the room stood a table* рематизация слова *a table* достигается с помощью порядка слов (инверсия), неопределенного артикля *и*, в устной речи, интонационного выделения.

8. Актуальное членение и структура текста

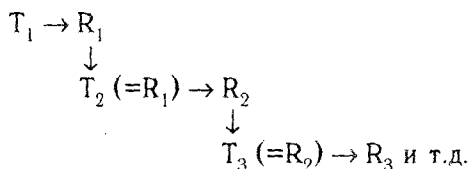
В.Матезиус, выдвинувший идею актуального членения предложения, полагает, что оно выясняет способ включения предложения в предметный контекст (Матезиус В., 1967, с.239). И.П.Распопов считает подобную точку зрения преувеличением, ограничивая роль актуального членения только его участием в структурной организации предложения (Распопов И.П., 1961). М.А.К.Хэллидей определяет актуальное членение (в его терминологии «функциональную перспективу предложения») как языковой компонент, создающий текст, и предлагает интерпретировать «функциональную перспективу предложения» как выражение одной из основных функций языка, а именно: создание текста (М.А.К.Хэллидей, 1978, с.139).

Установление рема-тематических отношений между предложениями текста дает представление о том, как строится текст во всех его деталях, как соотносятся между собой рема и темы последовательно расположенных предложений, как осуществляется рема-тематическая связь между этими предложениями.

Данное (тема) вводит нас в предложение (микросообщение). О данном сообщается нечто новое. Новое как бы характеризует, определяет данное, раскрывает в нем дополнительные черты, дает о нем какие-то добавочные черты, тем самым развивая, двигая мысль вперед (Шевякова В.Е., 1976, с.61), что находит свое отражение в последующих предложениях текста.

В структуре текста рема-тематические отношения между предложениями укладываются в ряд моделей, исследование которых ведется в настоящее время.

Модель № 1 — *простая линейная тематическая прогрессия*, представляющая собой последовательную тематизацию ремы предшествующего предложения. Иными словами, рема предшествующего предложения становится темой последующего предложения и т.д.

Например:

1. When I came out it was nearly half past eleven and I went down as far as Pavilion for a glass of iced beer.
2. The Pavilion was a coffee centre for European and American women and I was confident that I wouldn't find Phuong there.
3. Indeed I knew exactly where she would be at this time of day — she was not a girl to break her habits, and so, coming from planter's apartment, I had crossed the road to avoid the milk-bar where at this time of day she had her chocolate malt (G. Greene. The Quiet American).

Рема первого предложения (Pavilion) становится темой второго предложения (Pavilion). Рема второго предложения (Phuong) ста-

новится темой третьего предложения (She), то есть происходит последовательная тематизация ремы предыдущего предложения.

Модель № 2 — тема-рематическая цепочка со сквозной темой, то есть тема неизменна.

$T_1 \rightarrow R_1$

$T_1 \rightarrow R_2$

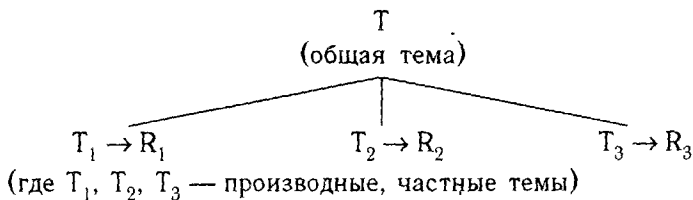
$T_1 \rightarrow R_3$ и т.д.

Например:

1. Roy has always *sincerely believed* what everyone believed at the moment.
2. When he wrote novels about the aristocracy he *sincerely believed* that its members were dissipated and immoral, and yet had a certain nobility and an aptitude for governing the British Empire.
3. When later he wrote of the middle classes he *sincerely believed* that they were the backbone of the country (W.S.Maugham. Cakes and Ale).

В этом микроконтексте темой является Roy... sincerely believed. Ремы распространяют, расширяют эту основу.

Модель № 3 — тематическая последовательность с производными темами.

Например:

1. *The government of your country.*
2. *I am the government of your country:* I and Lazarus.
3. Do you suppose that you and a half a dozen amateurs like you, sitting in a row in that foolish gabble shop, can govern Undershaft and Lazarus?
4. No, my friend: you will do what pays us.

5. You will make war it suits us, and keep peace when it doesn't.
6. You will find out that trade requires certain measures when we have decided on those measures.
7. When I want to keep my dividends up, you will discover that my want is a national need.
8. When other people want my dividends down, you will call out the police and military.
9. *Government of your country*

(G.B.Show).

В этом микроконтексте гипертема I (and Lazarus) am the government of your country прослеживается на протяжении всего микроконтекста и содержится в 1, 2 и 9 предложениях.

Производные темы:

- what pays... (4)
- when it suits us (5)
- when we have decided... (6)
- when I want to keep... (7)
- when other people... (8)

Ремы:

- you will do (4)
- you will make... (5)
- you will find out... (6)
- you will discover... (7)
- you will call out... (8)

Гипертемой (общей темой) могут быть предложения, функционирующие в сильной позиции текста — его заглавии. Например, каузальные предложения (со значением причины и следствия) типа: «Причины и следствия», «Почему мы так говорим», «Почему темнеет жемчужина», «Причины надо искать», «Вопросов нет. Почему?» и др., являясь заглавием к определенным текстам, содержат сообщение, формирующее тему всего текста, которая непосредственно в самом тексте получает дальнейшее развитие, уточняется добавлением новой информации, то есть получает развитие путем конкретизации (Малинович М.В., 1985, с.62).

Рема-тематическая связь между предложениями вышеуказанных моделей осуществляется при помощи параллельной связи, контактной и линейной. Ход мысли, когда рема предшествующего предложения становится темой последующего (модель № 1), определяется как *цепная контактная связь*. Ход мысли, когда тема предшествующего предложения остается темой последующего (модель № 2),

определяется как *параллельная связь*. Ход мысли, когда и тема, и рема соседствующих предложений различны, то есть тематическая последовательность с производными темами (модель № 3), определяется как *линейная связь* (Шевякова В.Е., 1976, с.61-62).

§ 2. Коммуникативные типы предложений

Предложение, являясь коммуникативной единицей языка, должно выделяться своей коммуникативной целью. Иными словами, автор отражает в сообщении цель, с которой это сообщение делается, то есть свое коммуникативное намерение. Данный аспект, как и актуальное членение, неразрывно связан с намерениями говорящего и поэтому относится к высказыванию как единице речи.

С этой точки зрения традиционная грамматика дает разделение предложений языка на три коммуникативных типа: повествовательное, побудительное и вопросительное.

Повествовательное предложение выражает сообщение в утвердительной или отрицательной форме, например: John will speak to the boss today; John won't speak to the boss today.

Побудительное предложение выражает побуждение в утвердительной или отрицательной форме, то есть стимулирует слушающего в форме просьбы или команды к выполнению или невыполнению определенного действия, например: Speak to the boss today.

Вопросительное предложение выражает запрос об определенной информации, то есть содержит обращение за получением сведений, которыми говорящий не располагает, например: Who will you speak to?

В ходе современных исследований была предпринята попытка пересмотреть традиционную классификацию коммуникативных типов. Американский лингвист Ч.Фриз в основу классификации высказываний положил реакцию, ответы слушающего на эти высказывания (Fries Ch., 1961). Традиционная классификация была отброшена им как «донаучная». Понятие «предложение» отвергнуто как «неопределенное», его заменило понятие «минимальное свободное высказывание». Минимальные свободные высказывания, имеющие непосредственное коммуникативное назначение, подразделя-

лись соответственно разным типам реакции слушающего на 3 группы.

Первую группу составили высказывания, вызывающие реакцию ответной речью: это приветствия, зовы, вопросы. Например: Good bye!.. Dad!.. What are you going to do this summer?

Вторую группу составили высказывания, вызывающие реакцию действием: это побуждения разного конкретного характера, например: Read that again, will you? Oh, wait a minute!

Третью группу составили высказывания, вызывающие реакцию принятыми данным коллективом сигналами внимания для продолжения общения: это «заявления», то есть повествовательные высказывания, например: I've been talking with Mr.D. in the purchasing department about our type-writer. — Yes?

Кроме того, Ч.Фриз выделяет *некоммуникативные высказывания*, которые, в отличие от коммуникативных, не обращены ни к слушающему, ни к самому говорящему: Oh, oh! Goodness! Damn it! и т.п. Они употребляются в определенных ситуациях для выражения эмоционального состояния говорящего, например, удивления, отвращения, гнева, жалости, сожаления и др.

Внимательно проанализировав данную классификацию, нетрудно заметить, что хотя Ч.Фриз пытается отказаться от традиционного разбиения предложений по коммуникативному принципу, все же в его классах высказываний просматриваются именно традиционные типы, подтвержденные и детализированные экспериментальным исследованием. Категории «повествования» (3-я группа), «побуждения» (2-ая группа) и «вопроса» (часть 1-ой группы) используются в его описании прямо, а высказывания типа «приветствия» и «зова» должны быть включены на положении малых подклассов соответственно в классы «повествований» (приветствия) и «побуждений» (зовы).

Вместе с тремя основными коммуникативными типами предложений рядом ученых был выделен так называемый восклицательный тип предложения, статус которого стал предметом разногласий.

Часть лингвистов считает, что восклицательные предложения составляют самостоятельный, четвертый коммуникативный тип. Так, например, Б.А.Ильиш выделяет «чисто восклицательные» предложения, включая в них восклицательные междометия типа Feedle-dee-dee! Oh, for God's sake! и др. (Ильиш Б.А., 1971, с.187).

Теоретическая грамматика английского языка авторов И.П.Ивановой, В.В.Бурлаковой, Г.Г.Почепцова (1981) разбивает предложения на два класса:

1) собственно предложения: повествовательные (John came), вопросительные (Did John come?), оптативные (If John came), побудительные (Come!);

2) квази-предложения: вокативные (John!), междометные (Oh!), метакоммуникативные (Good day). Квази-предложения служат для выражения эмоций, если произносятся с соответствующей интонацией: John! Восклицательность, по мнению авторов, относится лишь к просодическим характеристикам предложения, а к содержанию относится эмоциональность.

Восклицательные предложения не дают нам возможности выделить такой набор характеристик, который бы позволил поставить их в один ряд с тремя основными коммуникативными типами, так как оппозиции по общему основанию не получается. Следовательно, восклицательные предложения нельзя выделить как самостоятельный коммуникативный тип. Тогда можно согласиться с точкой зрения М.Я.Блоха, что восклицательность является сопутствующей коммуникативной чертой, реализующейся внутри трех коммуникативных типов предложений (Bloch M.Y., 1983, с.254). Каждый выделенный коммуникативный тип предложения (повествовательный, вопросительный, побудительный) может иметь две разновидности: восклицательную и невосклицательную. Ср.:

What a very small cabin it was! →

It was a very small cabin.

Then, why in God's name did you come? →

Why did you come?

Don't you dare to compare me to common people! →

Don't compare me to common people.

Как видно из вышеприведенных примеров, члены этих пар четко противопоставлены через определенные языковые средства, такие как интонация, порядок слов и специальные конструкции с вспомогательными лексическими элементами.

Чисто восклицательные предложения типа Oh, my God! By Jingo!, выделяемые Б.А.Ильишом, М.Я.Блох исключает из рубрики строгих коммуникативных типов, поскольку считает, что они должны

быть выведены из системы предложений вообще: это не предложения, а междометные выкрики, оказывающиеся иногда в изолированном положении в речи. Он не относит их к предложениям на том основании, что они не выражают суждения и не обладают ни эксплицитной, ни имплицитной структурой актуального членения (см. ниже).

Если внимательно проанализировать классификации коммуникативных типов предложения, то можно заметить, что основанием для них служит описание внешних свойств этих предложений. Внутренние же лингвистические свойства предложений, которые распознаются слушающим как задающие непосредственную программу его реакции, согласно М.Я.Блоху (1983, с.255), можно описать с помощью теории актуального членения предложения.

Каждый коммуникативный тип предложения отличается своей собственной спецификой актуального членения, связанной прежде всего с характером ремы как коммуникативно-смыслового центра высказывания.

Рема повествовательного предложения выражает информацию непосредственного сообщения или заявления о некотором факте, свойстве, отношении, событии. Это с четкостью выявляется вопросительной просьбой. Ср.:

The next instant she had pushed him. →

What had she done the next instant?

Рема побудительного предложения выражает содержание требуемого или желаемого говорящим действия, то есть программирует действие адресата побуждения, стимулирует его к выполнению действия. Ср.:

Don't try to sidetrack me. →

What shouldn't the listener do?

Актуальное членение вопросительного предложения является в корне отличным от актуального членения других коммуникативных типов предложения. Это предложение вместо непосредственной передачи некоторого содержания (сообщение о ситуации или событии; волеизъявление; побуждение к действию) выражает запрос об определенной информации, то есть содержит обращение за получением сведений, которыми говорящий не располагает. Рема во-

просительного предложения, являясь центром запроса информации, оказывается в содержательном плане открытой: ее функция сводится лишь к тому, чтобы наметить рематическую позицию ответного предложения и дать программу заполнения этой позиции в соответствии с характером запроса. Различные типы вопросов отражают различные типы открытых рем.

В специальном вопросе вопросительный пик выражается вопросительным местоимением. Местоимение непосредственно связано с частью предложения, обозначающей объект или явление, о котором сделан запрос. Отсутствующее «местоименное» значение должно заполниться необходимой информацией в ответе. Таким образом, рема ответа — обратная подстановка (замещение) вместо вопросительного местоимения: вопрос и ответ образуют рематическое единство в вопросо-ответной конструкции: «Why do you think so?» — «Because mostly I keep my eyes open, miss, and I talk to people».

Иной характер открытости ремы выявляется в актуальном членении неспециальных (альтернативных) вопросов. Их рема состоит из, по крайней мере, двух вариантов выбора для слушающего. Выбор отражается в ответе, то есть ответ закрывает предлагаемую альтернативу. Это отчетливо видно на конструкциях развернутого альтернативного вопроса: Will you take it away or open it here?

Исходя из вышеизложенного, все вопросы можно подразделить на вопросы замещения, местоименные (цельные) и вопросы выбора, альтернативные (разделительные). Альтернативные вопросы, в свою очередь, распадаются на скрыто-альтернативные (например: Is he here (or not)?) и открыто альтернативные (например: Is he here or there?). То есть меняется традиционная классификация вопросительных предложений.

Кроме трех основных коммуникативных типов предложения, М.Я.Блох выделяет промежуточные коммуникативные типы, совмещающие в себе черты различных основных коммуникативных типов. Причем, как правило, это четко сложившиеся, устойчивые предикативные модели.

Всего устанавливается шесть промежуточных, смешанных коммуникативных типов предложения, так как между каждой парой основных типов выделяется еще по два промежуточных.

Между повествовательным и вопросительным предложениями выделяются повествовательно-вопросительное и вопросительно-повествовательное предложения (признак формы предложения отражается первым компонентом составных терминов). Например: I wonder why they come to me about it. В этом предложении рематическая часть открыта и требует определенного ответа. Или: Can man be free if woman be a slave? выражает не вопрос, требующий ответа, а эмфатическое утверждение.

Между повествовательным и побудительным предложениями выделяются повествовательно-побудительное и побудительно-повествовательное предложения, например: You might as well stay here a while — повествовательное высказывание с модальным глаголом в сослагательном наклонении передает побуждение-приглашение; Do what you want, darling — в этом побудительном (по форме) предложении содержится разрешение слушающему делать все, что ему вздумается.

Между вопросительным и побудительным предложениями выделяются вопросительно-побудительное и побудительно-вопросительное предложения, например: Will you open the window? — это просьба, выраженная в форме вопроса; Now tell me just what do you mean? — побуждение содержит косвенный вопрос.

В результате у М.Я. Блоха получилась система из девяти коммуникативных типов предложения: три основных и шесть промежуточных. Если учесть, что каждый из указанных типов может иметь два варианта — восклицательный и невосклицательный, — то всего получится восемнадцать (Блох М.Я., 1976, с.6).

Все основные и промежуточные типы предложений относятся к продуктивным синтаксическим средствам и отграничены друг от друга совокупностью своих синтактико-парадигматических признаков.

Коммуникативно-функциональное назначение и использование предложений в речевых актах общения, то есть в речевой деятельности как одном из видов деятельности вообще, получает свое дальнейшее изучение в *прагматическом синтаксисе*.

Напомним, что Ч.Моррис наряду с семантикой и синтаксисом выделил прагматику как учение об отношении знаков к их интерпретаторам, то есть к тем, кто пользуется языковыми системами.

Это значит, что прагматика вводит «человека» в языкознание и изучает поведение знаков в реальных фактах общения, в ситуации.

В своей книге «How to do things with words?» (1962, лекции — 1939) философ Дж.Остин рассуждает так: философы и языковеды считают, что предложение что-то описывает: *Он пообещал мне конфету* описывает, утверждает, что X пообещал дать Y конфету. А как быть с предложением *Я обещаю тебе конфету?* Это предложение не сообщает о моем обещании, оно само — это обещание. Произнести такое предложение — это и значит «что-то сделать». Остин называет их перформативными предложениями или перформативами. Можно привести и другие примеры: *Я обещаю Вам помочь; Я извиняюсь; Я проклинаю войну; Я назначаю Вас моим заместителем; Я клянусь помочь Вам; Я согласна это сделать; Я обвиняю Вас в попустительстве; Я прощаю Вас; Я приказываю Вам уйти; Я приветствую Вас; Я поздравляю Вас с победой; Нарекаю младенца Иваном; Я советую тебе ехать,* и т.д. Здесь сказать что-то значит сделать что-то.

Приказание и просьба, угроза и обещание, рекомендация и извинение и т.д. суть разные *речевые акты*. Насколько велико разнообразие речевых актов можно судить по количеству языковых наименований видов речевой деятельности. В английском языке, по мнению Дж.Остина, имеется более 1000 глаголов и других выражений для их обозначения: to accuse, to bet, to bless, to boast, to entreat, to express intention, to lament, to pledge, to postulate, to report, to request, to vow...

Но употребить перформатив серьезно — значит употребить его в подходящем контексте и, может быть, услышать подходящий ответ: «I bet you sixpence it will rain tomorrow». — «Dope».

Очень важно, что в этих перформативах всегда есть намерение автора.

Что мы делаем, когда говорим «Собака кусается»?

1. Мы просто произносим предложение, значащее, что собака кусается, на русском языке, и совершаем тем самым локутивный акт, акт локуции, локуцию.
2. Мы предупреждаем кого-то об опасности, это уже акт (действие) иллокуции, иллокуция. Она всегда сопровождается локуцией.

3. Если наше предупреждение подействовало, и человек отошел подальше, мы совершили перлокутивный акт, акт перлокуции. Перлокуция отнюдь не всегда является результатом иллокуции (Austin J., 1962).

При таком подходе предложения одного и того же структурного типа могут оказаться существенно разными, ср.: приказание *Come!*, просьбу *Come*, угрозу *Come*, облеченную в общую для них форму побудительного предложения. *I'll watch you* может быть констатацией факта, угрозой или обещанием. На первый взгляд может показаться, что различия между такими предложениями — в различии контекстов или ситуаций их употребления. Но это не только так. Предложения, различающиеся по своей прагматике, различаются еще семантическими и структурными свойствами. Так, если при выражении обещания или при констатации факта предложением *I'll watch you* мы можем легко ввести глагол, характеризующий реализуемое в акте речи отношение между говорящим и слушающим, то в предложении-угрозе экспликация глагола исключена (**I threaten you that...*).

Таким образом, для лингвистической прагматики интересно выяснить, каким образом в грамматике сформулировать тот факт, что высказывание в ситуации имеет иллокутивную силу. Другими словами, как в языке отражается тот факт, что высказывание «Собака кусается» в ситуации, когда ребенок подходит к незнакомой собаке, имеет иллокутивную силу «предостережение».

Теория речевых актов исходит из того, что *минимальной единицей коммуникации* является не предложение или даже высказывание, а совершение определенного акта — утверждения, заявления, вопроса, приказа, извинения, благодарности, объяснения, поздравления, угрозы, выговора, упрека и т.д. Конечно, говорящий совершает эти акты, произнося предложения, но и сами эти акты не надо путать с предложениями и высказываниями. Эти акты называются еще иллокутивными актами, они противопоставлены локутивным актам и перлокутивным актам. Овладеть всеми этими формами речи и значит овладеть языком, то есть владение языком предполагает не только умение строить предложения (языковая компетенция), но и умение, правильно употреблять их в актах речи для

достижения нужного коммуникативно-функционального результата (коммуникативная компетенция).

В заключение необходимо отметить, что между разграничением предложений-высказываний на различные коммуникативные типы, с одной стороны, и выделением речевых актов, с другой, нет противоречия. Эти классификации ни в коей мере не исключают друг друга, а взаимно дополняют и обогащают новой информацией.

ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ VII

Задание 1. Проанализируйте в аспекте актуального членения следующие предложения, выделите тему и ремю.

1. The speaker has arrived.
2. A speaker has arrived.
3. The oldest dress is blue.
4. The blue dress is the oldest.

Задание 2. В следующих предложениях определите тип темы и ремы:

1. *Gerald Barry, the then editor*, assured me that the door would always remain ajar for me.
2. This difficulty *can be avoided in several days*.
3. The boy *stood aside for me to go by*.
4. The little train *jolted and swayed onward*.

Задание 3. В следующих предложениях определите средство выражения ремы. Переведите на русский язык:

1. There was not a single car there.
2. In my topic lay two basic questions.
3. Included in this table are properties of minerals.
4. Hanging over the desk were several diagrams.
5. It was Bossiney who first noticed her, asked her name.

6. In a few minutes, a youth appeared in the distance.
7. Just for a moment, Crawford was at a loss.
8. To the author this is of no consequence.
9. I'm licked. I've got to go out. *Nothing more* I can do here.
10. Only *three states* can be formed by superposition of the product wave function.

Задание 4. Определите тема-рематическую прогрессию в следующем тексте:

The more we study, the more we know.
 The more we know, the more we forget.
 The more we forget, the less we know.
 The less we know, the less we forget.
 The less we forget, the more we know.
 So why study?

(A Joke)

Задание 5. Определите коммуникативный тип предложения:

1. Lilly does things the hard way. Why didn't she have sense enough to get Harpo Marx instead of Tallulah?
2. Why don't you call me Georgie?
3. She won't travel with anybody, she won't!
4. «Oh, darling», she cried, «What does it matter!..»
5. Do stop talking about money!
6. How could I have forgotten.
7. What's — going — on — in — here — oh — Mary — don't — ask.

Задание 6. Приведите несколько вариантов следующих предложений, отличающихся друг от друга иллокутивной силой.

1. Drink a glass of wine, will you.

2. I want my bath.

3. Snow.

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

1. Что представляет собой актуальное членение предложения?
2. В чем состоит основное различие между актуальным членением предложения и его грамматическим членением?
3. Каковы основные средства выражения актуального членения предложения в современном английском языке?
4. Как осуществляется тема-рематическая связь между предложениями текста?
5. Коммуникативные типы предложения. Проблема восклицательных предложений.

Тема VIII

ОСНОВНЫЕ СЛОВАРИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Как написать слово: *prophesy* или *prophesy*? Как образуется множественное число существительного *datum*: добавлением *-s* или каким-либо иным способом? Когда необходим перенос слова в конце строки, разделим ли мы существительное *project* на *pro-ject* или *pro-ject*? Каково значение слова *ambidextrous*? Как правильно произнести *address*: с ударением на первом слоге или на втором? Какой синоним выбрать, чтобы не повторять несколько раз прилагательное *cold*? Как объяснить появление в английском языке существительного *host*? Ответы на эти и другие вопросы о словах и их сочетаниях с другими словами можно найти в словарях, которые содержат богатейшую информацию как для человека, пользующегося языком каждый день и изучающего его, так и для исследователя языка. Как же извлечь максимальную пользу из словаря? Для этого немало важно знать типы словарей, их структуру и, конечно же, структуру словарной статьи. Рассмотрим эти вопросы подробнее.

§ 1. Понятие лексикографии. Типы словарей английского языка

Теория и практика составления словарей получила название *лексикография* (от греч. *lexikós* — относящийся к слову, и *grá-*

phō — пишу). Иными словами, в этом термине объединяются 1) практика словарного дела, т.е. составление словарей; 2) область языкознания, изучающая принципы составления словарей различных типов; 3) совокупность словарей данного языка.

Практическая лексикография (словарное дело) обеспечивает обучение языку как родному, так и неродному, описание и нормализацию языка, межкультурное общение, научное изучение лексики языка.

Теоретическая лексикография занимается разработкой типологии словарей и словарей новых типов, разработкой макроструктуры словаря (отбором лексики, принципами расположения слов и словарных статей, включением в словарь и приложение нелексикографического материала, например, иллюстраций и т.п.), разработкой микроструктуры словаря, т.е. отдельной словарной статьи и т.д.

Конечный продукт этой работы — словарь — характеризуется определенной концепцией, влияющей на тип, объем словаря, принцип отбора слов и информацию об этих словах.

Существуют различные типы словарей английского языка. Эти типы определяются обычно на основании определенных критериев: в зависимости от цели словаря, его объема, порядка расположения в нем слов, объекта описания. Однако в настоящее время можно говорить лишь о некоторой приблизительной типологии словарей.

В зависимости от *объекта описания*, т.е. того, что описывают словари, они делятся на *энциклопедические* и *лингвистические*. Энциклопедические словари объясняют не слова, а предметы, события, явления, хотя последние и обозначаются в языке словами. В этих словарях много имен существительных, в частности имен собственных, фамилий, названий рек, городов, стран, терминов. Нет предлогов, местоимений, союзов, редко встречаются глаголы, прилагательные, наречия. Составляют энциклопедические словари коллективы ученых, специалистов в различных областях науки. Наиболее авторитетными энциклопедиями для говорящих на английском языке в настоящее время являются британская энциклопедия «The Encyclopaedia Britannica. A New Survey of Universal Knowledge» и американская «The Encyclopaedia Americana. The International Reference Work. Complete in thirty volumes».

Британская энциклопедия перепечатывается с 1974 г. почти ежегодно в 30-ти томах размером около 1000 страниц каждый с 350000 словарных статей. Кроме того, выпускается «Ежегодник Британской Энциклопедии» (The Britannica Book of the Year), где описываются события предыдущего года, новейшие открытия и т.п. Американская энциклопедия состоит из 30 томов размером около 320000 словарных статей. В приложении к ней выпускается «Американский ежегодник» (The Americana Annual).

Лингвистические словари составляют лингвисты, и в них, в отличие от энциклопедических, описываются сами слова, а не предметы или понятия, т.е. приводятся значения слов, их грамматические, орфографические, орфоэпические характеристики, принадлежность тому или иному стилю и т.п., то есть в них слова рассматриваются как единицы языка.

Сравним, как описывается понятие «badge» и слово badge в энциклопедическом и лингвистическом словарях.

Badge — a distinctive device, emblem, mark, honorary decoration, or special cognizance, used originally to identify a knight or distinguish his followers, now worn as a sign of office or licensed employment, as a token of membership in some society, or generally as a mark showing the relation of the wearer to any person, occupation, or order (BMC, 337).

Badge [bædʒ] n. 1. a piece of metal or other material which shows a person's employment, rank, membership of a group, etc. 2. a sign of something which sign can be seen: *Some officials wear chains round their necks as badges of office* (LDCE, 64).

Даже не обращаясь к специальным ссылкам, мы видим, что первый пример взят из энциклопедии, а второй — из лингвистического словаря, поскольку во втором примере приводятся правописание и произношение слова, его грамматические характеристики (принадлежность к классу существительных) значения и реализация второго значения в речи.

Именно лингвистические словари представляют интерес для исследователей языка и изучающих язык. Но исследователи языка и филологи не могут обойтись без энциклопедических лингвистических словарей, содержащих сведения о единицах языка, об их

взаимосвязях и их системной организации, о внутренних законах развития языка, о методах его изучения, теориях происхождения и т.п. Среди новых энциклопедических словарей назовем «Лингвистический энциклопедический словарь», изданный в 1990 г. в Москве (ЛЭС), A Dictionary of Linguistics and Phonetics by Crystal D., изданный вторым изданием в 1985 г. в Оксфорде, An Encyclopaedia of Language, изданная в 1990 г. в Лондоне и Нью-Йорке.

В зависимости от *объема*, т.е. количества словарных статей, словари делятся на *большие, средние* и *малые*. Большие словари стремятся описать весь язык, средние строятся на основании некоторого отбора в соответствии со своими целями. Малые же включают еще меньшее количество единиц.

Так, в английском языке наиболее известен и пользуется популярностью «Большой Оксфордский словарь» (The Oxford English Dictionary — OED), включающий более 450000 слов.

Средним словарем, рассчитанным на широкий круг носителей языка, а также на изучающих английский язык, можно считать «Краткий Оксфордский словарь» (The Concise Oxford English Dictionary of Current English Ed. by J.B.Sykes. 7th ed. Oxford, 1982 — COD), насчитывающий 74000 слов.

Примерами малых словарей могут служить «Карманный Оксфордский словарь» (The Pocket Oxford Dictionary of Current English / Compiled by F.G.Fowler and H.W.Fowler; Ed. by J.B.Sykes. 6th ed. Oxford, 1978 — POD), содержащий 49000 слов, которым пользуются обычно школьники и иностранцы, изучающие английский язык; «Оксфордский школьный словарь» (The Oxford School Dictionary / Compiled by D.C.Mackenzie. 2nd ed. Oxford — OSD), предназначенный, как мы видим из названия, специально для школьников 11-16 лет.

В зависимости от *языка описания* заглавных слов, словари делятся на *однойзычные*, когда заглавное слово описывается тем же языком, что и оно само, и *переводные*, если описание слова дается на другом языке. Переводные *по числу языков* могут быть многоязычными и двуязычными, где один из языков является, как правило, родным для пользующегося словарем.

Наиболее известными и авторитетными в нашей стране двуязычными словарями являются «Большой англо-русский словарь в двух

томах» (БАРС) под общим руководством И.Р.Гальперина, впервые изданный в 1972 г. и содержащий 150000 слов, и «Русско-английский словарь» (РАС) под общим руководством А.И.Смирницкого, изданный в 1948 г. и содержащий 50000 слов. Оба эти словаря постоянно перерабатываются и дополняются

Наиболее распространенным типом одноязычных словарей являются толковые словари, в которых приводятся различные сведения о слове (орфография, орфоэпия, грамматические характеристики, семантика, стилистическая отмеченность, этимология). Однако в английском языке нет термина «толковый», принято говорить об «общих» (general), или «одноязычных» (monolingual), или «объяснительных» (explanatory) словарях.

В зависимости от принципа *отбора лексики* словари подразделяются на тезаурусы, охватывающие всю лексику языка, и частные словари, отражающие лишь некоторые тематические и стилевые ее пласты (терминологические словари, региональные словари, описывающие лексику какого-либо варианта английского языка, например, американского, канадского и т.д., диалектные словари, словари сленга, словари языка писателей или отдельных произведений) либо особые разновидности слов (словари неологизмов, архаизмов, редких слов, сокращений, иностранных слов, собственных имен).

Изучающие английский язык в нашей стране получили в последние годы интересный и используемый в данной книге «Словарь новых слов английского языка» (Ayto J. The Longman Register of New Words — LRNW), перепечатанный в Москве издательством «Русский язык» в 1990 г.

От толковых словарей *по способу описания* отличаются специальные словари, раскрывающие отдельные аспекты слов и отношений между ними. К специальным словарям относятся этимологические, показывающие процесс развития лексической единицы, изменения ее формы, значения, стилистической принадлежности и т.п., словообразовательные, словосочетаний, грамматические, орфографические, орфоэпические, синонимические, антонимические, частотные, рифм и др.

Синонимические словари делятся на два подтипа: объяснительные словари и словари-инвентари. Первые в отличие от вторых не только приводят синонимические ряды, но и описывают семантичес-

кие, стилистические и другие различия между членами этих рядов. Часто словари синонимов включают и антонимы, становясь таким образом синонимо-антонимическими словарями.

Словари словосочетаний особенно ценны для изучающих английский язык, так как знание отдельного слова не обеспечивает правильного его употребления в речи, а лексическая сочетаемость слов не одинакова для различных языков. Для иллюстрации приведем пример комбинаторных возможностей слова *dictionary* по перепечатанному в 1990 г. издательством «Русский язык» «Комбинаторному словарю английского языка» М.Бенсона, Э.Бенсона и Р.Илсона:

dictionary n. 1. to compile a ~. 2. to expand, revise; update a ~. 3. to consult a ~. 4. an abridged, desk; bilingual; biographical; college, collegiate (AE); combinatorial, combinatory; dialect; etymological; general-use, general-purpose; historical; learner's; medical; monolingual; multivolume; names; orthographic, spelling; phonetic, pronouncing; pocket; reverse; technical; unabridged ~. 5. a ~ of abbreviations; collocations; foreign words; synonyms (BBI, 73).

В качестве *единиц лексикографического описания* в словари кроме слов могут отбираться единицы меньше слова (словари корней, морфем) и единицы больше слова (словари словосочетаний, фразеологические, словари цитат). Как видим, этот критерий также оказывает влияние на определение типа словаря.

В зависимости от *расположения материала* выделяют алфавитные словари, в которых слова располагаются по алфавиту, обратные словари, в которых слова располагаются по алфавиту конечных букв слова, и идеографические, аналогические словари, где слова располагаются не по алфавиту, а по смысловым ассоциациям, т.е. по принципу — от понятия к слову. Наиболее известным словарем последнего типа является словарь Роже, которым пользуются писатели, журналисты, филологи, носители языка и изучающие английский язык. Если, к примеру, необходимо очертить круг слов, относящихся к понятию «ревность» (*jealousy*), достаточно найти это слово в словаре, и по нему выявить все слова (существительные, глаголы, прилагательные), связанные с этим понятием, и даже антонимы.

Ср.: **JEALOUSY**. *Nouns* — jealousy, envy, covetousness, cupidity, desire, heartburn, jaundice, jaundiced eye; green- or yellow-eyed monster; distrust, mistrust, umbrage, spite, resentment; suspicion, doubt; anxiety (see CARE).

Verbs — 1, envy, turn green, covet; distrust, resent; suspect, doubt.

2, fill with envy, put one's nose out of joint.

Adjectives — jealous, jaundiced, green (with envy), covetous, envious; distrustful, resentful; doubtful, suspicious; anxious, concerned; apprehensive, watchful; intolerant, zealous, umbrageous.

Antonyms, see BELIEF (RCT, 304).

По назначению (адресату) выделяют словари ошибок, трудностей, учебные и др.

Например, в словаре ошибок в словарной статье на die приводится следующая информация:

x People say she died with pneumonia.

✓ People say she died of pneumonia
die of a disease, not with (LDE, 65).

Из вышеописанного совершенно очевидно, что тип словаря оказывает непосредственное влияние на его структуру. Вместе с тем, в структуре различных типов словарей много общего.

§ 2. Структура словаря

Структура словарей английского языка обычно включает определенные разделы. Кратко остановимся на каждом из них.

I. *Введение или предисловие* (Foreword) содержит описание истории создания словаря, определяет его объем, задачи, общие принципы, на которых он построен, и, наконец, выражает слова признательности экспертам и консультантам, помогавшим в его составлении.

II. *Как пользоваться словарем* (Guide to the Dictionary). Этот раздел является одним из основных, так как включает описание структуры словарной статьи, способов лексикографической обра-

ботки слова, принятых в словаре, места производных слов, помет (запретительных, ограничительных и т.п.), грамматических характеристик слова и т.д.

III. *Ключ к произношению* (Key to Pronunciation) отражает систему произношения, принятую в данном словаре, т.к. существуют две основные системы показа произношения: с помощью «международной фонетической транскрипции», специально составленного фонетического алфавита, и с помощью того же английского алфавита с добавлением некоторых знаков. Первая система характерна для Британского варианта английского языка, вторая — для Американского. Например: ash [æʃ] и [ʌʃ], ashamed [ə'ʃeɪmd] и [əʃhāmd'] (LDCE, 49; ACD, 73) pronoun ['prəʊnəʊn] [prō'noun'] (DCE, 897; AHD, 549). Как видим, система показа ударения также отлична.

IV. *Список сокращений и их объяснение* (Abbreviations and Symbols) представляет собой список символов и сокращений, принятых в данном словаре, и поясняет их значение. Например, символ ■ означает музыкальный термин, > — устаревшее слово, а сокращения n — существительное, v — глагол, adj — прилагательное, cf — сравни, irr — неправильный и т.д. Как правило, тильда ~ в словарях используется для замещения слова, ромб ◊ — для фразеологии и т.п.

Иногда разделы о произношении и список сокращений не выделяются в отдельные разделы, а включаются в общее объяснение.

V. *Основной список слов, т.е. собственно словарь*, состоит из слов и их описания, которое зависит от типа словаря.

VI. *Дополнительный материал или различные приложения* (Supplements, Appendixes) обычно содержат списки слов, по каким-либо причинам не включенным в основной список (например, географические названия, иностранные слова и фразы, имена собственные и т.п.). Иногда в приложение включается информация энциклопедического характера, например, информация о странах мира, системах мер и весов и т.д., которая не представляет лингвистической ценности, но может быть часто необходимой и полезной. Главным разделом, несомненно, является собственно словарь, состоящий из словарных статей, организованных определенным образом.

§ 3. Структура словарной статьи

Структура словарной статьи во многом зависит от типа словаря. Рассмотрим подробнее несколько словарных статей из словаря The American Heritage Dictionary (AHD):

1) **of fer** (ð'fər, ð'fər) *v.* 1. To present for acceptance or rejection. 2. To present for sale. 3. To propose as payment; bid. 4. To present as an act of worship. 5. To provide; furnish; afford. 6. To produce or introduce on the stage [*< Lat. offerre.*] — **of'fer** *n.* — **of'fer er** or **of'fer or** *n.*

Syns: *offer, extend, present, proffer, tender, volunteer v. (AHD, 477).*

2) **re pel** (ri-ˈpəl) *v.* **-pelled, -pelling.** 1. To drive back; ward off or keep away. 2. ... 4. To present an opposing force to: *Electric charges of the same sign repel one another* [*< Lat. repellere.*]

Syns: *repel, disgust, nauseate, revolt, sicken v.*

Usage: Both *repel* and *repulse* mean «to drive back or off». Only *repel*, however, is used to mean «to cause distaste or aversion in»: *We were repelled by the noise and filth* (AHD, 584).

3) **guy** [gī] *n.* *Informal.* A man; fellow. [*< Guy Fawkes (1570-1606).*] (AHD, 311).

1. Заглавное слово, которое, как правило, выделено другим шрифтом, представлено в исходной форме и в некоторых случаях сопровождается несколькими вариантами написания. Например: **med·al·list**, *AmE medalist* (LDCE, 675) или **pric·e·y**, **pricy** (LDCE, 867). Кроме орфографии заглавное слово показывает, как слово делится на слоги. Точка между *of* и *fer*, *re* и *pel* разделяет слово на два слога. Когда слово сложное, заглавное слово указывает на написание слова: как одно слово (*crossroad*), через дефис (*cross-stitch*) или как два слова (*cross section*).

2. Произношение слова дается сразу же после заглавного слова, обычно одна рекомендуемая форма или с другими принятыми вариантами, включая и американский вариант. Например: *laboratory*/lə'bɔːrətɹi||'læbrətɹi/ (LDCE, 613).

3. Когда слово принимает окончания, эти окончания могут также приводиться выделенным шрифтом. Если заглавное слово принадлежит к классу глаголов и имеет неправильные формы, или принадлежит к классу существительных и имеет нерегулярные формы множественного числа, то эти формы обязательно указываются в словаре. Например: **split... split; splitting** (LDCE, 1077) or **sheep... sheep** (LDCE, 1025).

4. Обозначения принадлежности слова к определенному классу слов и других грамматических характеристик даются сокращенно: *n.* — noun, существительное; *pl.* — plural, множественное число; *sing.* — singular, единственное число; *v.* — verb, глагол; *tr.* — transitive verb, переходный глагол; *intr.* — intransitive verb, непереходный глагол; *adj.* — adjective, прилагательное; *adv.* — adverb, наречие; *pron.* — pronoun, местоимение; *prep.* — preposition, предлог; *conj.* — conjunction, союз; *interj.* — interjection, междометие.

5. Способ передачи семантики слова также зависит от типа словаря. В одноязычных толковых словарях — это обычно толкование, которое в идеале должно содержать тот же набор сем, что и заглавное слово. Словарная дефиниция (толкование) может быть логической (значение слова определяется через ближайший род и видовое отличие обозначаемого предмета, например: **House** — a building for people to live in — LDCE, 545), предметной (например, через часть от целого: **morning** — the first part of the day... — LDCE, 708), лингвистической (через синонимы: **wrong** — not correct — LDCE, 1274). В переводных словарях правая часть содержит эквивалент, который может иметь форму собственно перевода или толкования.

6. Толкования и переводы уточняются пояснениями, примерами. Примеры (иллюстрации) разъясняют слова в контексте, показывают, какие дополнительные оттенки значения оно приобретает в речи, сообщают сведения внеязыкового характера об обозначаемом предмете. Примеры могут быть либо цитированными из какого-либо источника, либо взятыми из обыденной речи, либо придуманными

лексикографом. Нередко при соответствующих значениях слова приводятся наиболее часто употребляемые фразеологические единицы.

7. Происхождение слова, его этимология указывается в скобках после перечисления всех значений.

8. Пометы уточняют стилистический статус слова (informal — неформальный, formal — формальный, slang — сленг), его экспрессивную окраску (derog. — derogatory, уничижительное, humor — humorous, юмористическое), употребительность (becoming rare — становится редко употребляемым), функционально-профессиональную сферу употребления (law — юридическое, tech. — technical, техническое, med. — medical, медицинское), отношение к ядру современного языка (obs. — obsolete, old use, устаревшее) и др.

9. Синонимы — слова близкие по значению главному слову — часто перечисляются в конце словарной статьи. В примерах, приведенных выше, не указано различие в значении разных синонимичных слов.

10. Словарная статья также часто завершается производными словами, построенными на базе главного слова, причем таким образом, что значение производного слова достаточно «прозрачно» и выводится из значений составляющих его частей.

11. Примечания по употреблению, входящие в некоторые словари, дают рекомендации по правильному использованию слова в контексте и ситуации. Эти рекомендации могут быть как лексического, так и грамматического характера и базироваться на точках зрения многих экспертов языка и реальном использовании данных единиц языка в текущей периодике и книгах.

Информация, содержащаяся в словарной статье, может быть основной и дополнительной по своему характеру в зависимости от типа словаря. В толковом словаре произношение, этимология слова, его синонимы, антонимы и т.п. являются дополнительной информацией, а в этимологическом словаре толкование значения слова может быть дополнительной информацией.

Таким образом, на основании анализа словарных статей можно убедиться, что в словаре эксплицитно выражены синтагматические и парадигматические отношения в лексике. Первые выявляются с

помощью грамматических помет (например, управление глаголов) и особенно примеров, вторые — в фиксации синонимов, словообразовательных связей, ассоциативных и аналогических связей слов.

После анализа типичной структуры словаря и типичной словарной статьи нельзя не остановиться на некоторых новейших словарях английского языка, их особенностях, принципах составления и пользе, которую они, несомненно, принесут всем, занимающимся и пользующимся английским языком.

Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС), впервые изданный в 1992 году, использует в своей основе компьютеризированные языковые данные the Longman Corpus Network и ставит цель оказать помощь в понимании слов и фраз, ассоциирующихся у носителей языка либо со старыми поверьями или традициями, либо с хорошо известными историями, либо с историческими или политическими событиями, либо с определенными аспектами британской или американской жизни.

Например, статья **policeman**, вместе с обычной информацией о делении на слог, произношении, принадлежности к части речи и особой формой образования множественного числа приводит следующее:

1. a male police officer

* CULTURAL NOTE In Britain and the US, the old-fashioned stereotype of a policeman is of a friendly man who helps people, for example by telling them how to get to a place or by telling them what time it is.

2. **a policeman's lot is not a happy one** *quote* a slightly changed phrase from an OPERA by Gilbert and Sullivan, often used when saying how difficult the job of the police is (LDELС, 1017).

Особенностью словаря является и то, что географические названия и имена собственные включены в основной корпус словаря.

Например, статья **Gorbachev, Mikhail**, наряду с вариантами произношения и неформальным именем **Gorby**, дает следующую информацию: (1931—) a political leader of the USSR who started the processes of economic and political change (PERESTROIKA) and freedom of expression (GLASNOST) which greatly improved relations with the West (1985—92) (LDELС, 566).

Другая отличительная черта словаря представлена 16-тью так называемыми «характеристиками» (Features), дающими дополни-

тельные сведения из некоторых сфер жизни Великобритании и США (например, Baseball, Education in Britain and the US, Law, Government in Britain and the US, Holidays и т.д.), также включенными в основной корпус и соотносимыми со словарными статьями через отсылки.

Cambridge International Dictionary of English (CIDE), предназначенный «для иностранцев, изучающих английский язык в любой части света», издан в 1995 году и также как и (LDELС) использует достижения в области программирования и компьютерной техники для отбора и компоновки материала. Принципиальное отличие этого словаря в том, что каждая словарная статья представляет только одно значение слова через другое широкозначное слово, обозначающее родовое понятие, или широкозначный синоним. Толкование значений ограничено определенным дефиниционным списком слов (Defining Vocabulary). Примеры типичной сочетаемости слова с другими словами отобраны с помощью компьютера на основе использования статистических данных, сравнивающих частоту употребления конкретного слова с частотой, с которой другие слова оказываются в его окружении.

В основной корпус словаря включено более 100 «языковых портретов» (Language Portraits), систематизирующих материал из разных аспектов языка (грамматики, лексики, пунктуации, стиля и т.д.). Словарь также включает большое количество новых слов и фраз, появившихся в последние годы в связи с изменением идей, технологий в различных сферах жизни. Как претендующий на один из основных источников в процессе преподавания английского языка, словарь учитывает некоторые проблемы языковой интерференции, в частности, выделяя списки ложных друзей переводчика в разных языках, например, Russian false friends:

accord n	аккорд	musical chord
accumulator n	аккумулятор	storage battery
actual adj	актуальный	present, current, topical
advocate n	адвокат	solicitor, barrister и т.д.

(CIDE, 1244).

Для иллюстрации вышеизложенного приведем следующий пример:

yel·low [colour] / ˈjɛləv v, \$-ov / *adj, n -er, -est* (of) a colour like that of a lemon or gold or the sun • *She was wearing a bright yellow T-shirt.* • *You should wear more yellow — it suits you.* • *It was early autumn and the leaves were turning yellow.* (Am) The yoke of an egg is sometimes called its yellow. • **Yellow fever** is an infectious tropical disease which causes the skin to become yellow and can result in death. • In Britain a yellow line is line of yellow paint which is put along the sides of particular roads to show that vehicles cannot be parked there at stated times. • (trademark) A **Yellow Pages** is a large yellow book which contains the addresses and telephone numbers of businesses and people offering services, listing them in groups according to what type of business they are. • «*Follow the yellow brick road*» (from the book and film of L. Frank Baum's *The Wizard of Oz*, 1900)

yel·low (*obj*)...v • *The newspaper had yellowed (=become yellow) over the years.* [T] *A lot of white and cream paints yellow over time.* [I]

yel·low·ish ..., **yel·low·y** ... *adj* If something is yellowish or yellowy it is slightly yellow: *The leaves vary from yellowish-green to dark green.*

yel·low·ness n {U}

yel·low [people]..., *adj* [not gradable] belonging to a race that has pale yellowish brown skin. This is generally considered offensive.

yel·low [cowardly]..., *adj -er, -est* iniml cowardly, not brave • *You're yellow — running away like that* (CIDE, 1696).

Как видим некоторые статьи включают хорошо известные фразы, вошедшие в употребление из популярных песен, телевизионных программ, фильмов, книг, пьес, а также изречения известных людей.

Особое место среди новейших словарей занимает Collins Cobuild English Dictionary (CCED), изданный в 1995 году. Базой для составления данного словаря послужили более 200 миллионов слов письменного и устного английского языка из сотен различных источников, начиная с 1990 года, заложенных в компьютер. Эта база, являющаяся, по утверждению составителей словаря, крупнейшей в мире, получила название The Bank of English. С помощью данной базы и специальных компьютерных программ авторам удалось получить интересные сведения, которые, как нам кажется, могут иметь решающее значение в дальнейших лингвистических исследованиях.

В словарь отдельной колонкой включена информация о частотности употребления слова, что означает, что, взглянув на эту колонку, можно без труда определить, насколько важно это слово (частота употребления указывается количеством заштрихованных ромбиков, варьирующихся от 1 до 5 и таким образом указывающих на степень необходимости тщательного изучения этого слова). Даже беглый просмотр словаря показывает, что учет частотности употребления часто на первое место выводит непривычное или нетрадиционное значение слова. Например, первым значением глагола **take** приводится не значение конкретного физического действия, а значение «used with nouns describing actions» (*take care, take a sip*) (CCDE, 1700); первое значение глагола **have** — значение вспомогательного глагола (CCDE, 773); **get** — значение «changing, causing, moving, or reaching» (CCDE, 705).

В словаре вводится понятие суперзаглавного слова (Superheadword), под которым объединено несколько семантически родственных заглавных слов. Например, суперзаглавное слово **love** возглавляет 23 ввода, включающих глагол и конструкции с ним, существительное и конструкции с ним, числительное, слово-обращение, слова, обозначающие принятые условности этикета, и т.д. (CCED, 992-993).

Грамматическая информация, так же как и формальное представление модели, выносятся в отдельную колонку, где указывается частотность. В этой же колонке встречается помета pragmatics, которая дает дополнительную информацию о том как, когда и почему используется это слово или выражение. Например, **sell**. ... **10** If you talk about someone **selling** their **soul** in order to get something, you are criticizing them for abandoning their principles. ... *a man who would sell his soul for political viability* (CCED, 1507).

Широкое использование компьютеров в подготовке и переводе материалов стимулировало появление электронных словарей, среди которых отметим серию Collins On-Line для DOS и Windows. Электронные словари дают возможность пользователю, не прерывая работы над документом, вызвать словарь или несколько словарей одновременно, набрать термин и, в зависимости от типа словаря, получить варианты перевода, толкование значения, синонимы и т.д. Большинство новых словарей выпускается как в книжном варианте,

так и на компакт-дисках, что позволяет индивидуально выбирать наиболее удобный вариант для применения, а в случаях компьютерных версий значительно сэкономить место, время и повысить эффективность работы.

ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ VIII

- Задание 1.** Изучите различные словари английского языка по вашему выбору. Установите тип словаря, проанализируйте его структуру (по схеме § 2) и структуру словарной статьи (по схеме § 3).
- Задание 2.** Проанализируйте по схеме § 3 словарные статьи с одним и тем же заглавным словом по вашему выбору в разных лингвистических словарях английского языка. Видите ли вы какие-либо различия? Чем, по вашему мнению, они обусловлены?
- Задание 3.** Проанализируйте по толковому одноязычному словарю английского языка значения слова *sup*. Видите ли вы связь между отдельными значениями этого слова? Если да, попытайтесь ее объяснить.
- Задание 4.** Проанализируйте по толковому одноязычному словарю английского языка различные значения слова *light*. Чем обусловлено, по вашему мнению, изменение значений? Обратите внимание на иллюстративный материал.
- Задание 5.** Проанализируйте несколько лингвистических толковых переводных и произносительных словарей английского языка. Наблюдаются ли в них различия в системе представления произношения? Если да, в чем они выражаются?
- Задание 6.** Проанализируйте пометы в нескольких одноязычных и переводных словарях английского языка. Какие типы помет вы можете выделить? Поясните их роль.

Задание 7. По нескольким словарям синонимов английского языка проанализируйте синонимический ряд group, cluster, bunch, parcel, lot. Есть ли отличия в представлении этого ряда в разных словарях? Чем отличаются члены этого ряда друг от друга?

Задание 8. По «Комбинаторному словарю английского языка» или по любому другому словарю сочетаемости проанализируйте сочетаемость слова hair. Какими факторами, по вашему мнению, она обусловлена?

Задание 9. Выясните историю слов English и England, пользуясь соответствующим словарем.

Задание 10. По тезаурусу Роже проанализируйте структуру словарной статьи слова cold. Чем она обусловлена? Отличается ли ее структура от структуры, приведенной в § 3?

Задание 11. Проанализируйте Большой Оксфордский словарь. В чем, по вашему мнению, его преимущества и недостатки по сравнению с теми словарями, которыми вы постоянно пользуетесь?

Задание 12. Изучите, используя толковый словарь английского языка, нижеприведенный список слов, нередко вызывающих затруднения в употреблении. Вставьте необходимые слова в пропуски в предложениях, причем ни одно слово не может быть использовано более одного раза.

commence	loose	residence
comments	lose	residents
correspondence	patience	stationary
correspondents	patients	stationery

1. The _____ of the community were alarmed over the new zoning proposal.
2. Several new _____ were referred to the clinic by Dr. Harrison.

3. The _____ bolt had fallen out before the repairman fixed the chair.
4. A _____ telephone is at times more convenient than one that can be moved about.
5. The governor's _____ is on Statehouse Avenue.
6. I do not have the _____ to check my work more than once.
7. We have heard several favourable _____ about the results of the advertising campaign.
8. Anyone who meets the public cannot afford to _____ his temper.
9. Carbon paper can be purchased at any _____ store.
10. This textbook provides education and training for business _____

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

1. Что такое лексикография?
2. Какие существуют типы словарей? Каковы основания для их выделения?
3. Какова типичная структура словаря?
4. Что включается в объяснительный раздел?
5. Что включается в приложение к словарю?
6. Какова структура словарной статьи в толковом словаре?
7. Для чего используются пометы?
8. Каковы способы передачи семантики слова?
9. Откуда лексикограф берет иллюстративный материал?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адамец П., Грабе В. Трансформация, синтаксическая парадигматика и члены предложения. — *Slavia*, 1968. — 37. — № 2.

Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (синтаксическая и грамматическая структура простого предложения). — М.: МГУ, 1971.

Английские неологизмы / Ю.А.Жлуктенко. — Киев, 1983.

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). — М.: Просвещение, 1966.

Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. — М.: Высш. шк., 1986.

Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения // *Вопр. языкознания*. — 1971. — № 6.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-синтаксические проблемы). — М.: Наука, 1976.

Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в русском языке. — Тула, 1964.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966.

Балли Ш. Французская стилистика. — М.: Просвещение, 1961.

Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. — М.: Высш. шк., 1966.

Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. — 4-е изд. — М.: Высш. шк., 1973.

- Белашапкова В.А.** Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории). — М.: Просвещение, 1967.
- Бенвенист Э.** Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974.
- Берке У.** Пространство-время, геометрия, космология. — М.: Мир, 1985.
- Блох М.Я.** Вопросы классификации синтаксических связей в последовательностях предложений // Вопросы германо-романского языкознания и методики преподавания иностранных языков. — Иркутск, 1968. — Т. I.
- Блох М.Я.** К проблеме присоединительных связей предложений // Вопросы грамматики английского языка: Ученые записки МГПИ. — М.: МГПИ, 1969, — Т. 367.
- Блох М.Я.** Надфразовый синтаксис и синтаксическая парадигматика // Проблемы грамматики и стилистики английского языка: Сб. статей. — М.: МГПИ, 1973.
- Блох М.Я.** Проблемы парадигматического синтаксиса (на материале английского языка). — Дисс. ... д-ра филол. наук. — М., 1976. — 444 с.
- Блох М.Я.** Вопросы изучения грамматического строя. — М.: Высш. шк., 1976.
- Блох М.Я.** Теоретические основы грамматики. — М.: Высш. шк., 1986.
- Блумфилд Л.** Язык. — М.: Прогресс, 1968.
- Богданов В.В.** Семантико-синтаксическая организация предложения. — Л.: ЛГУ, 1977.
- Бодуэн де Куртене.** Некоторые из общих положений, к которым привели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка: Избр. тр. по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. I.
- Бурлакова В.В.** Основы структуры словосочетания в современном английском языке. — Л.: ЛГУ, 1975.
- Бурлакова В.В.** Синтаксические структуры современного английского языка. — Л.: ЛГУ, 1984.
- Вердиева З.Н.** Семантические поля в современном английском языке. — М.: Высш. шк., 1986.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). — М. — Л.: Учпедгиз, 1947.

Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка) // Вопр. языкознания. — 1954. — № 1.

Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избр. труды. Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. — М.: Прогресс, 1985.

Воронцова Г.Н. Об именном форманте 's в современном английском языке // Иностран. яз. в школе. — 1948. — № 3,4.

Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. — М.: Изд-во лит-ры на иностр.яз., 1960.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики (современная интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур). // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. — М.: Наука, 1969.

Гак В.Г. К проблеме синтаксической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1972. — М.: Наука, 1973.

Гинзбург Р.З., Хидекель С.С., Князева Г.Ю., Санкин А.А. Лексикология английского языка. — М.: Высш. шк., 1979.

Грамматика-70. — Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970. — Т. I-II.

Грамматика-82. — Русская грамматика. — М.: Наука, 1982. — Т. I-II.

Гуссерль Э. Собр. соч. — М.: Гнозис, 1994. — Т. I.

Гухман М.М. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. — М.: Наука, 1968.

Даниленко В.П. Научно-отраслевая структура лингвистической гносеологии и внутренней лингвистики: Методические указания. — Иркутск: ИГУ, 1989.

Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // Вопросы языкознания.— 1975.— № 2.

Дюндик Л.Г. Межсобытийные предикаты в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1979.

Есперсен О. Философия грамматики.— М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958.

Жигadlo В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики: Учебник для спец. яз. высш. уч. учеб. заведений. — М.: Лит-ра на иностр. яз., 1956.

Залоговые конструкции в разноструктурных языках. — Л.: Наука, 1981.

Зернов Б.Е. Взаимодействие частей речи в английском языке (статико-динамический аспект). — Л.: ЛГУ, 1986.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М.: Наука, 1973.

Иванова И.П. Вид и время в современном английском языке.— М.—Л., 1961.

Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов, Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. — М.: Высш. шк., 1981.

Израилевич Е.Е., Качалова К.Н. Практическая грамматика английского языка. — М.: Внешторгиздат, 1954.

Ильиш Б.А. Строй современного английского языка.— 2 изд.— Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1971.— на англ.яз.

Иноземцева В.А. К вопросу определения смысловой структуры глагола на материале современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1968.

Иофик Л.Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. — Л.: ЛГУ, 1968.

Иртеньева Н.Ф. Грамматика современного английского языка. Теоретический курс.— М., 1956.

Каплуненко А.М. Историко-функциональный аспект английской идиоматики.— Ташкент: Изд. Ташк. пед. ин-та им. Низами, 1992.

Карцевский С. Об асимметричном дуализме языкового знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. — М.: 1965. — Ч.2.

Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами. — Л.: Наука, 1983.

Каушанская В.Л., Ковнер Р.Л., Кожевникова О.Н., Прокофьева Е.В. и др. Грамматика английского языка: Пособие для студентов пед. ин-тов. — 3-е изд. — Л.: Просвещение, 1967.

Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. — 1948. — № 2.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. — Л.: Наука, 1972.

Ковалева Л.М. О первичных и вторичных структурах в синтаксисе // Лингвистика и методика в высшей школе (X): Сб. науч. тр. — М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1981. — Вып. 170.

Ковалева Л.М. Проблемы структурно-семантического анализа простой глагольной конструкции в современном английском языке. — Иркутск: ИГУ, 1987.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. — Вып. 3.

Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. — Иркутск, 1992.

Кравченко А.В. Глагольный вид и картина мира // Известия РАН/Сер. лит. и яз.— 1955.— Т. 54, № 1.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. — М.: Наука, 1986.

Кунин А.В. Английская фразеология. Теоретический курс. — М.: Высш. шк., 1970.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. — М.: Русский язык, 1984.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. — М.: Высш. шк., 1986.

Курилович Е. Очерки по лингвистике: Сб. статей. — М.: Иностран. лит-ра, 1962.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику (Пер. с англ.). — М.: Прогресс, 1978.

Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. — М.: МГУ, 1972.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Наука, 1990.

Малинович М.В. Textoобразующие и стилистические функции предложений со значением причины и следствия // Стилистические функции единиц разных уровней языка. — Красноярск, 1985.

Малинович М.В. Семантико-синтаксические связи между предложениями // Лексико-синтаксические связи. — Иркутск, 1987.

Матвеева Н.Н. Проблемы парадигматики сложноподчиненного предложения (на материале современного английского языка). — Л.: ЛГУ, 1984.

Матезиус В. О потенциальности языковых явлений // Пражский лингвистический кружок. — М.: Прогресс, 1967.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. — М.: Прогресс, 1967.

Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. — М.: Прогресс, 1974.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1973.

Москальская О.И. Грамматика текста. — М.: Высш. шк., 1981.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. — М.: Высш шк., 1988.

Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. — М., 1973.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Б.А.Серебренников. — М.: Наука, 1972.

Ольшанский И.Г. Лексическая полисемия и ее реализация в тексте // Лингвистические проблемы текста: Сб. науч. тр. — М.: МГПИИЯ, им. М.Тореза, 1983. — Вып. 217.

Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. — М.: Наука, 1971.

Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. — М.: Изд-во МГУ, 1989.

- Попов П.С.** О логическом ударении // Вопр. языкознания. — 1961. — № 3.
- Пфютце М.** Грамматика и лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — Вып. 8.
- Распопов И.П.** Актуальное членение предложения. — Уфа, 1961.
- Рейхенбах Г.** Философия пространства и времени. — М.: Прогресс, 1985.
- Реформатский А.А.** Введение в языкознание. — М.: Просвещение, 1967.
- Семантика и синтаксис** конструкции с предикатными актантами // Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков: Материалы Всесоюз. конф. — Л.: ИЯ АН СССР, 1981.
- Семантические и прагматические аспекты английского предложения** / Л.М.Ковалева. — Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1992.
- Семенова Т.И.** Употребление инфинитива и герундия в конструкциях с предикатом to be afraid (К вопросу о вариантивности) // Вопросы грамматического варьирования. — Иркутск, 1988.
- Сидинхе А.Л.** Семантика глаголов физического восприятия и таксисно-аспектуальный компонент организуемого ими предложения в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Одесса, 1991.
- Слюсарева Н.А.** Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. — М.: Наука, 1981.
- Слюсарева Н.А.** О типах терминов (на примере грамматики) // Вопр. языкознания. — 1983. — № 3.
- Смирницкий А.И.** К вопросу о слове. Проблема «тождества слова» // Труды И-та языкознания. — 1954. — Т. 4. — С. 36-37.
- Смирницкий А.И.** Морфология английского языка. — М.: Издат-во иностр. лит., 1959.
- Смирницкий А.И.** Лексикология английского языка. — М.: Просвещение, 1959.
- де Соссюр Ф.** Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977.

Структурный синтаксис английского языка: Пособие по теоретической грамматике / Л.Л.Июфик. — Л.: ЛГУ, 1972.

Ступин Л.П. Лексикография английского языка. — М.: Высш. шк., 1985.

Такумбетова Л.М. Глаголы механического воздействия в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1980.

Теоретическая грамматика английского языка / В.В.Бурлакова. — Л.: ЛГУ, 1983.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. — М.: Прогресс, 1988.

Типология КПА — Типология конструкций с предикатными актантами. — Л.: Наука, 1985.

Типология ПК — Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. — Л.: Наука, 1974.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М.: Наука, 1968.

Уфимцева А.А. Лексическое значение (принцип семиологического описания лексики). — М.: Наука, 1986.

Филлмор Ч.Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1983. — Вып. 14.

Харитончик З.А. Лексикология английского языка. — Минск: Высш. шк., 1992.

Хисматулина А.М. Глаголы, репрезентирующие прямую речь в современном английском языке (К вопросу о лексико-синтаксических связях): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1975.

Холодович А.А. Теоретические проблемы реципрока в современном японском языке // Проблемы теории грамматического залога. — Л.: Наука, 1978.

Храковский В.С. Проблемы деривационной синтаксической теории и вопросы синтаксиса арабского языка: Автореф. дис. ... д-

ра филол. наук. — Тбилиси, 1972.

Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. — Л.: Наука, 1974.

Хэллидей М.А.К. Место функциональной перспективы предложения (ФПП) в системе лингвистического описания // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1978. — Вып. 8.

Хэррис Э.С. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре // Новое в лингвистике. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. — Вып. 2.

Чейф У.Л. Значение и структура языка. — М.: Прогресс, 1975.

Шаволина С.Н. Предикаты с альтернативой личностного и пропозитивного актантов в позиции подлежащего и дополнения в современном английском языке (на материале некоторых групп глаголов умственно-психической деятельности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1980.

Шевякова В.Е. Актуальное членение предложения. — М.: Наука, 1976.

Шевякова В.Е. Современный английский язык. — М.: Наука, 1980.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). — М.: Наука, 1973.

Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. — М.: Наука, 1974.

Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. — Вып. 3.

Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М.: Наука, 1972.

Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. — М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Clarendon Press, 1962.

Bloch M.J. The Course in Theoretical English Grammar. — М.: Higher School, 1983.

Chafe W. Idiomaticity as Anomaly in the Chomskyan Paradigm / Mind & Cognition, № 3/4, 1971.

An Encyclopaedia of Language, by N.E.Collinge. — London & New York: Routledge, 1990.

Encyclopedic Dictionary of the Sciences of Language, by O.Ducrot, T.Todorov. — Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987.

Fillmore Ch.J. The Case for Case // Bach E. & Harms R.T. Universals in Linguistic Theory. — New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968.

Frazer B. Idioms within a Transformational Grammar // Language, № 2, 1970.

Fries Ch. The Structure of English. — Lnd., 1961.

Ganshina M., Vasilevskaya N. English Grammar. — 7th ed. rev. — M.: Foreign Languages Publishing House, 1954.

Hacker Diana, A Writer's Reference. Second edition. N.Y.: Bedford Books, 1992, p. 80-82.

Halliday M.A.K. Notes on Transitivity and Theme in English. Part 1 // Journal of Linguistics. — 1967. № 3.

Halliday M.A.K. Notes on Transitivity and Theme in English. Part 3 // Journal of Linguistics. — 1968. № 4.

Helbig G. Studien zur deutschen Syntax. — Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1983. — Bd. 1.

Iyish B.A. The Structure of Modern English. — M. — L.: Просвещение, 1971.

Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. — Prague: Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 1936. — № 6.

Karcevski S. Système du verbe russe: Essai de linguistique synchronique. — Prague: Plamja, 1927.

Keenan E. 1971 — Keenan E. Two Kinds of Presupposition in Natural Language. In: Studies of Linguistic Semantics, ed. by Ch.Fillmore and D.T.Langendoen. — New York: Holt et al., 1971.

Kempson R.M. Semantic Theory. — Cambridge, London et al

Cambridge University Press, 1977.

Kruisinga E. A Handbook of Present Day English. Part 2. V. 2. — Groningen, 1932.

Lakoff G., Peters S. Phrasal Conjunction and Symmetric Predicates // Reibel D.A. & Shane S.A. Modern Studies in English. Englewood Cliffs, N.Y.,: Prentice-Hall, 1969.

Li Ch.N., Thompson S.A. Subject and topic: a new typology of language // Subject and topic.— New York, 1976.

Marchand A. The Categories and Types of Present Day English Word-Formation. 2nd ed. — Wiesbaden, 1969.

McCawley J. On Identifying the Remnants of Deceased Clauses // Börnstein D.D. (ed.) Readings in the Theory of Grammar from the 17th to the 20th century. Cambridge, Mass.: Winthrop Publishers, 1976.

Palmer F.R. A Linguistic Study of the English Verb. London: Longman, 1965.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A grammar of Contemporary English. — N.Y. & London: Seminar Press, 1972.

Reichenbach H. Elements of symbolic logic.— New York: Macmillan, 1947/1951.

Roberts P. English Syntax, Teacher's Edition, Harcourt, Brace & World, N.Y., Chicago, 1964.

Russel B. On the experience of time // The Monist.— 1915.— Vol.25, № 2.

Vendler Z. Linguistics in Philosophy. — Ithaka, N.Y.: Cornell University Press, 1967.

Vendler Z. Adjectives and Nominalizations. The Hague: Mouton, 1968.

Weirich H. Tense and time // Archivum Linguisticum.— 1970.— Vol. 1.

Whorf B.L. Language, thought, and reality.— The Technology Press of MIT, etc., 1958.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ СЛОВАРЕЙ

- ACD** — The American College Dictionary, ed. in chief C.L. Barnhart.— N.Y.: Random House, 1962.
- AHD** — The American Heritage Dictionary. Based on the new second college edition,— N.Y.: A Laurel Book, 1989.
- AID** — Spears R.A. American Idioms Dictionary.— Lincolnwood, Ill.: NTC, 1991.
- BVI** — Бенсон М., Бенсон Э., Илсон Р. Комбинаторный словарь английского языка.— М.: Рус. яз., 1990.
- BMC** — Blackie's Modern Cyclopaedia of Universal Information. A Handy Book of Reference on All Subjects and for All Readers with Numerous Pictorial Illustrations and a Series of Maps, ed. by Charles Annandale, vol. 1.— London, 1889.
- CCED** — Collins Cobuild English Dictionary.— Harper Collins Publishers Ltd., 1995
- CIDE** — Cambridge International Dictionary of English.— Cambridge University Press, 1995
- COD** — The Concise Oxford English Dictionary of Current English. Ed. by J.B. Sykes, 7th ed.— Oxford: Oxford University Press, 1958.
- EDSL** — Encyclopedic Dictionary of the Sciences of Language, by O. Duciot, T. Todorov.— Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987.
- Hornby** — Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English.— Oxford: Oxford University Press, 1958.
- Kenkyusha 1969** — The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms.— Tokyo, 1969.
- LDCE** — Longman Dictionary of Contemporary English.— Harlow: Longman Group UK Limited, 1986.
- LDE** — Хитон Дж.Б., Тэртон Н.Д. Словарь типичных ошибок английского языка.— М.: Рус. яз., 1991.

- LDEL**C — Longman Dictionary of English Language and Culture.— Longman group UK Limited, 1992
- LG** — Longman Guardian New Words. Ed. by Simon Mort.— Harlow: Longman Group UK Limited, 1986.
- LRNW** — Это Дж. Словарь новых слов английского языка.— М.: Рус. яз., 1990.
- OED** — The Oxford English Dictionary, vol. 1—12.— Oxford: The Clarendon Press, 1933.
- OSD** — The Oxford School Dictionary. Compiled by D.C.Mackenzie. 2nd ed.— Oxford: Oxford University Press, 1986.
- POD** — The Pocket Oxford Dictionary of Current English. Compiled by F.G.Fowler, ed. by J.B.Sykes, 6th ed.— Oxford: Oxford University Press, 1978.
- RCT** — The New American Roget's College Thesaurus in Dictionary Form. Revised Edition Prepared by Philip D. Morehead.— N.Y.: A Signet Book, 1985.
- Webster** — Webster's Desk Dictionary of the English Language.— N.Y.: Portland House, 1990.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тема I. ВВЕДЕНИЕ В КУРС «СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (СЛОВО И ПРЕДЛОЖЕНИЕ)»	5
§ 1. Об отраслевой структуре курса современного английского языка	6
§ 2. Динамический характер языковой системы	11
§ 3. Асимметричный дуализм языкового знака как внутрilingвистическая причина и условие языкового изменения	16
§ 4. О мотивированности языкового знака	19
§ 5. Теория и практика языка и задачи курса «Современный английский язык (слово и предложение)»	22
Задания к теме I	24
Вопросы для контроля	26
Тема II. ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	27
§ 1. Номинативная функция языка. Акт номинации. Единицы номинации. Типы номинации	27
§ 2. Слово как единица номинации	33
1. Морфологическая структура английского слова. Аналитическая форма слова. Морфемный и словообразовательный анализ	33
2. Словообразование	36
а) Аффикация	37
б) Конверсия	39
в) Словосложение	43
г) Сокращение	49
д) Постпозитивация	54
е) Реверсия	55
ж) Другие способы словообразования	55

§ 3. Предложение и словосочетание как единицы номинации	56
Задания к теме II	57
Вопросы для контроля	61
Тема III. КЛАССИФИКАЦИЯ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ. ЧАСТИ РЕЧИ И ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	63
§ 1. Проблема частей речи в современном английском языке	63
§ 2. Знаменательные и служебные части речи	67
1. Имя существительное	69
2. Имя прилагательное	70
3. Глагол	71
4. Служебные части речи: предлоги, союзы, частицы	71
5. Местоимения и система частей речи	72
6. Артикль и система частей речи	76
§ 3. Члены предложения в современном английском языке	80
1. Подлежащее	82
2. Сказуемое	83
3. Дополнение	84
4. обстоятельство	86
5. Определение	86
6. Расширители и другие второстепенные части речи	87
§ 4. Перенос классификаций по частям речи и членам предложения на классификации предложений и словосочетаний	87
§ 5. Синтактико-дистрибутивная классификация словарного состава Ч.Фриза	89
§ 6. Отношение современных лингвистов к частям речи и членам предложения	91
Задания к теме III	93

Вопросы для контроля	95
Тема IV. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ В СВЕТЕ СИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА	97
§ 1. Единицы языка и единицы речи	97
§ 2. Парадигматические отношения и синтагматические связи в системе языка	100
§ 3. Парадигматические отношения в морфологии	102
1. Опозиционный анализ грамматических форм	102
2. Грамматическая категория как система однородных грамматических форм языка	109
3. Категория падежа существительного	111
4. Категория времени английского глагола	115
5. Категория вида английского глагола	120
6. Когнитивная теория времени и вида (дополни- тельный материал для размышления)	124
Физическое (объективное) и грамматическое (субъективное) время	125
Грамматические категории времени и вида	129
7. Категория наклонения английского глагола	139
§ 4. Парадигматические отношения в синтаксисе	147
§ 5. Парадигматические отношения в лексике	150
1. Значение лексических единиц	150
а) Различные подходы к определению значения слова	150
б) Типы значений	154
в) Компонентный анализ как лингвистический метод исследования лексического значения слова	157
2. Полисемия и омонимия	162
а) Семантическая неоднозначность и ее типы	162
б) Причины, природа и результаты семантических изменений в слове	166

в) Семантическая структура многозначного слова (внутрисловные парадигматические отношения).....	174
г) Место омонимии в системе языка и классификация омонимов	182
3. Парадигматические ряды слов в лексической системе современного английского языка	187
а) Семантические поля, тематические и идеографические группы.....	187
б) Лексико-семантические группировки слов	190
в) Синонимические ряды слов.....	192
г) Антонимы	197
Задания к теме IV	201
Вопросы для контроля	208

Тема V. СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ В СВЕТЕ СИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА	211
§ 1. Грамматическая синтагматика	212
1. Синтагматические связи единиц в предложении и анализ по НС	212
2. Синтаксические связи слов: сочинительная, подчинительная и предикативная.....	213
3. Синтагматические связи между предложениями в тексте	221
§ 2. Лексическая синтагматика	226
1. Семантические связи лексем. Свободные словосочетания	227
2. Собственно лексические связи лексем. Фразеологические словосочетания	228
3. Лексико-семантические связи лексем. Устойчивые нефразеологические сочетания	230
4. Проблема создания новых значений с точки зрения синтагматики	231
Задания к теме V	234

Вопросы для контроля	236
Тема VI. СЛОВО В ПРЕДЛОЖЕНИИ (РОЛЬ СЛОВА В СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ВЛИЯНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА СЕМАНТИКУ СЛОВА)	237
§ 1. Вербоцентрическая концепция предложения.....	239
1. Предложение и высказывание	239
2. Номинативно-пропозитивный и модально- предикативный конститuentы предложения.....	242
3. Вербоцентрическая концепция предложения и теория валентности. Актанты	244
4. Семантическое согласование глагола и его актантов. Виды предикатов	250
5. Общие проблемы построения парадигмы предложений, организуемых одним глаголом (предикатом)	254
§ 2. Парадигма английского предложения с реализованными семантическими валентностями глагола	260
1. Парадигма предложения с глаголами восприятия	260
2. Парадигма предложения с глаголами желания, намерения, памяти, оценки, обвинения, благодарения и др.	264
3. Парадигма предложений с глаголами мыслительной деятельности	268
4. Парадигма предложений с глаголами речи	270
5. Парадигма предложений с глаголами физического действия. Каузативная и субъектно-объективная концепции английского предложения.....	
6. Семанτικο-синтаксические категории модально- предикативного конститuenta предложения а) Семанτικο-синтаксическая категория темпоральности	

б) Семантико-синтаксическая категория модальности	288
§ 3. Корпус базисных структур английского предложения	295
1. Простое предложение как базисная структура для глаголов физического действия	296
2. Осложненное предложение (предложение с вторично-предикативным оборотом) как базисная структура для глаголов восприятия, желания, намерения и др.	299
3. Сложноподчиненное предложение как базисная структура для глаголов мыслительной деятельности	300
4. Сложносочиненное предложение и предложения с однородными членами	303
§ 4. Парадигма английского предложения с неполностью реализованными семантическими валентностями	310
1. Парадигматика предложения с предикатами физического действия	311
а) Оппозиция предложений по признакам Субъекта	311
б) Оппозиция предложений по признакам Объекта	317
в) Семантика модели NV	319
г) Семантика взаимной конструкции	320
д) Семантика возвратной конструкции	322
2. Парадигма предложений с глаголами других семантических групп	325
3. Связь между значениями слова и его синтаксической функцией в предложении	329
Задания к теме VI	333
Вопросы для контроля	338

Тема VII. ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ

ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ПРИЗНАКАМ, СВЯЗАННЫМ С ИХ КОММУНИКАТИВНОЙ ЦЕЛЕУСТАНОВКОЙ	341
§ 1. Актуальное членение предложения	341
1. Понятие актуального членения	342
2. Тема и рема как базовые понятия актуального членения.....	344
3. Актуальное членение предложения и грамматическое членение предложения	346
4. Понятие двойной и осложненной темы	348
5. Понятие двойной и осложненной ремы	349
6. Средства выражения актуального членения	352
а) Интонационно-просодические средства выражения ремы	352
б) Грамматические средства выражения ремы	353
в) Лексические средства выражения ремы	356
7. Актуальное членение и порядок слов в предложении	356
8. Актуальное членение и структура текста	357
§ 2. Коммуникативные типы предложения	361
Задания к теме VII	369
Вопросы для контроля	371
Тема VIII. ОСНОВНЫЕ СЛОВАРИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	372
§ 1. Понятие лексикографии. Типы словарей английского языка	372
§ 2. Структура словаря	378
§ 3. Структура словарной статьи	380
Задания к теме VIII	387
Вопросы для контроля	389
Библиографический указатель	390
Сокращения, принятые для обозначения словарей	401

**СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
(СЛОВО И ПРЕДЛОЖЕНИЕ)**

2-е издание, исправленное и дополненное

Редактор: С.Г.Тарасова

Дизайн и компьютерная верстка: С.А.Ловчагин

ЛР № 040323 от 17.02.92. Подписано в печать 31.01.97. Формат 60•90¹/₁₆. Гарнит. Антикwa. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 977. Цена договорная.

Иркутск, типография Вост.-Сиб. АГП